

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Серия «Филология. Востоковедение»

№ 4(44)
2015

ISSN 2307-1834

Гуманитарный вектор

Серия
«Филология. Востоковедение»

Humanitarian Vector
Series Philology, Oriental Studies

Gumanitarnyi Vektor
Seriya Filologiya, Vostokovedenie

Издаётся с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Founded in 1997
Quarterly

Учредитель:
ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание учёных степеней доктора
и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов,
содержащихся в статьях;
высказываемые взгляды
могут не отражать
точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию,
не возвращаются

Перепечатка материалов
журнала допускается
только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции
672007, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35–24–79
факс: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете
<http://www.zabvektor.com>

Подписной индекс журнала в каталоге
«Пресса России» **42407**

Электронная версия журнала
размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки
www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2015

Founder:
FSBEI HPE «Transbaikal State University»

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field
of Communication, Information Technologies
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

The journal is in the List
of the leading refereed
scientific journals and editions which
publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible
for the selection and presentation
of the facts contained
in their articles;
the views expressed
by them do not necessarily reflect
the views of the editorial board

Reproduction of any materials
from the journal is allowed
only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:
672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35–24–79
Fax: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site
<http://www.zabvektor.com>

Subscription index of the journal in the Catalog
in “Press of Russia” **42407**

The electronic version of the journal
is placed on the platform of the Russian Universal
Scientific Electronic Library
www.elibrary.ru

© Transbaikal State University, 2015

Гуманитарный вектор

Серия
«Филология. Востоковедение»

Humanitarian Vector
Series Philology, Oriental Studies

Gumanitarnyi Vektor
Seriya Filologiya, Vostokovedenie

Редакционный совет:

Борис Ванданович Базаров, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Андре Буржо, доктор социологических наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);

Дэн Цзюнь, профессор, Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР);

Кейдзи Идэ, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония);

Чжен Шупу, доктор филологических наук, профессор (Харбин, КНР);

Михаил Иванович Элов, доктор технических наук, профессор, академик РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия:

Выпускающий редактор:

Г. Д. Ахметова, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия)

Члены редколлегии:

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);

Сонг Чжон Су, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Э. А. Арутюнян

Editors:

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, corresponding member RAS, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Andre Bourget, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);

Den Tszun, professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China);

Keidzy Ide, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan);

Zhen Chupu, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China);

Mikhail Ivanovich Epov, Doctor of Engineering Science, Professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

Main Handing Editors:

G. D. Akhmetova, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

Editorial board members:

T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);

T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);

V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);

Zhao Xiabing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China);

Song Chon Su, Professor (Seoul, Korea)

Editor-in-chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

E. A. Arutyunyan

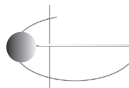
Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языкознанию, языковой картине мира, медиалингвистике и профессиональному образованию.

Также в журнале представлены материалы российских и зарубежных авторов по востоковедению, освещающие проблемы истории, религии, этнографии, материальной и духовной культуры стран Востока.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

The journal is a collection of original and review scientific papers on the Russian and world philology, linguistic picture of the world, media-linguistics, oriental studies, professional education, stylistics, linguistics, literary studies, theory of translation, and related problems connected with cultural studies, journalism.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

ГУМАНИТАРНЫЙ вектор

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение Г. Д. Ахметовой 6

ОТОЗВАНО

Актуальные проблемы русской филологии

Ахметова Г. Д. Автобиографическое повествование – с точки зрения вещей 7
Баранова О. Ю. «Авван и Гайро» Ф. И. Бальдауфа – первая романтическая поэма Забайкалья:
к вопросу о современной интерпретации 11
Даренский В. Ю. Поэтика русского традиционализма XX века и её концептуализация в наследии В. В. Кожина 15
Петроченко Е. В., Блинова М. А. Интонационный признак завершенности в вокальной форме языка
(на примере анализа русских и немецких детских песен) 23
Пименова М. В., Балашова Н. П. Соматические метафоры луны в современных поэтических произведениях 32

Актуальные проблемы зарубежной филологии

Богоявленская Ю. В., Нелюбина М. С. Корпусное исследование французских абсолютных
причастных конструкций 39
Гукосьянц О. Ю. Параметры самопрезентации в англоязычном научном интернет-опосредованном дискурсе 49
Терзиева М. Т. Сказки Андерсена и болгарская литературная критика 58
Шихалиева С. Х. Паронимическая аттракция в пространстве аспектуальности:
агглютинативный этюд художественного перевода 63

Языковая картина мира

Ахметова М. Н. Метатекст в филологии: погружение обучающегося в текст, установление межтекстовых
связей в ситуациях духовного общения, вхождения личности в Мир 69
Васильева А. П. Концепт «сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов: ассоциативно-вербальная сеть 76
Краснобаева-Чёрная Ж. В. Аксиологическое пространство фразеологических единиц с положительной оценкой. . . 83
Пащенко М. А. К вопросу о структуре и классификации лингвокультурных концептов 91

ОТОЗВАНО

Медиалингвистика

Ерофеева И. В. Лингвопсихологическая модель эффективного медиатекста 98
Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Социолингвистические маркёры экстремистского текста 107
Полякова Ю. А. Языковые проблемы мультикультурной журналистики 114
Тепляшина А. Н. Модус критики в структуре языковой личности 119
Шестёркина Л. П., Булаева М. Н. Традиционные и специфические основы формирования системы жанров
универсальной журналистики 129

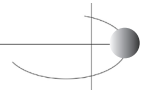
Востоковедение

Ванчикова Ц. П., Аюшеева М. В. Зуун хурээ и современный Дашчойлин хийд 136
Дарибазарон Д. Э. Буддийская концепция Пути 143
Ламожалова И. А. Фонологическая типология исконных личных имён в монгольских языках 149
Лощенков А. В. Введение в философско-религиоведческий анализ текста «Быстрый путь» (“Myur-lam”) тибетской традиции Ламрим 155
Урбанаева И. С. Особенности формирования буддийского Канона в Тибете и Китае: сравнительный анализ 162

Люди. События. Время

Чита – книжная столица Забайкальского края 174
Памяти учёного и учителя – Виктора Степановича Левашова 177

Книжные новинки 178

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

Dedication to the Memory of G. D. Akhmetova 6

RETRACTION

Urgent Problems of Russian Philology

Akhmetova G. D. Autobiographical Narration from the Viewpoint of Personal Belongings 7

Baranova O. Yu. *Avvan* and *Gayro* by F. I. Baldauf – Transbaikalia First Romantic Poem: Modern Interpretation 11

Darenskiy V. Yu. Poetics of Russian Traditionalism of the XXth Century and its Conceptualization
in V. V. Kozhinov's Heredity 15

Petrochenko E. V., Blinova M. A. Intonation Feature of Terminality in the Vocal Form of a Language
(The Case of Russian and German Children's Songs) 23

Pimenova M. V., Balashova N. P. Somatic Metaphors of the Moon in Poetic Works of Modern Russian Authors 32

Urgent Problems of Foreign Philology

Bogoyavlenskaya Yu. V., Nelyubina M. S. Corpus Research
of French Absolute Participial Constructions 39

Gukos'yants O. Yu. The Parameters of Self-Presentation in the English-Language Scientific Internet-Mediated Discourse 49

Terzieva M. T. Andersen's Tales and Bulgarian Literary Criticism 58

Shikhaliyeva S. Kh. Paronymic Attraction in Space of Aspectuality: Agglutinative Sketch
in Literary Translation 63

Linguistic Worldview

Akhmetova M. N. Metatext in Philology: Immersion of a Student in the Text, Establishment of Some Intertextual Links
in Internal Communication Situations, Entering of a Personality into the World 69

Vasil'eva A. P. The "Sylgy/Horse" Concept in the Yakut Linguistic Consciousness: Verbal Associative Network 76

Krasnobaeva-Chernaya Zh. V. Axiological Space of Phraseological Units with a Positive Valuation 83

Paschenko M. A. The Question of the Conceptual Structure and the Concepts' Classification 91

RETRACTION

Media Linguistics

Erofeeva I. V. Linguistic-Psychological Model of Effective Media Text 98

Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Sociolinguistic Markers of Extremist Text 107

Polyakova Yu. A. Language Problems of Multicultural Journalism 114

Teplyashina A. N. Modus Critics in the Structure of Linguistic Personality 119

Shesterkina L. P., Bulaeva M. N. Traditional and Specific Principles of Genre System Formation
in Universal Journalism 129

Oriental Studies

Vanchikova Ts. P., Ayusheeva M. V. Zuunhuree and Contemporary Dashchoylinhiid 137

Daribazon D. E. Buddhist Concept of the Path 143

Lamozhapova I. A. Phonologic Typology of Primordial Personal Names in the Mongolian Languages 149

Loschenkov A. V. Introduction to Philosophical and Religious Studies
of the Tibetan Lamrim Text "Easy Path (Myur-lam)" 162

Urbanaeva I. S. Features of Formation of the Buddhist Canon in Tibet and China: a Comparative Analysis 162

People. Events. Time

Chita – the Book Capital of Transbaikal Territory 174

In Memory of Viktor Stepanovich Levashov, the Scientist and the Teacher 177

New books 178

ПОСВЯЩЕНИЕ Г. Д. АХМЕТОВОЙ

Сказать «Я тебя люблю» – это значит сказать «Ты никогда не умрёшь».
Габриэль Оноре Марсель

Этот номер журнала мы посвящаем памяти Галии Дуфаровны Ахметовой, выпускающего редактора серии «Филология. Востоковедение», доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка как иностранного Забайкальского государственного университета.

Она была с нами до последнего этапа комплектования сборника, воздушная, светлая, лёгкая на подъём и готовая на радикальные изменения структуры и содержания журнала.

Интеллигентная, знающая цену каждому сказанному и написанному слову, полная планов, надежд и неиссякаемого оптимизма. Истинный воин, к многогранному образу которого мы уже привыкли и не удивлялись. Хотя знали о невероятном потенциале её возможностей: известный в России специалист в сфере стилистики и языка художественной прозы, поэт, писатель, Член Союза писателей России, почётный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Интерпретация текста», а также аспирантуры и магистратуры по специальности «Русский язык», с 2007 года создатель и неизменный председатель оргкомитета ежегодной Международной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты», главный редактор литературно-художественного журнала «Встречи», лауреат Всероссийского конкурса короткого рассказа имени В. М. Шукшина.

Не удивляла ровность трогательной любви к Галие Дуфаровне иностранных студентов, её одиннадцати защитившихся аспирантов, в том числе двух жителей Поднебесной. Она умела СЛЫШАТЬ, с ней было иногда не просто, но всегда интересно. Именно поэтому в её редакционной коллегии трудятся специалисты из России, Китая, Кореи и США, а контент представлен ведущими отечественными и зарубежными учёными.

Целостная личность любит жизнь и своё дело, успевает и умеет жить. Галия Дуфаровна – автор многочисленных научных и науч-

но-популярных изданий по актуальным проблемам стилистики и анализа текста. Прозрачным, ясным и убедительным языком она беседует со своим читателем о тайнах художественного текста, об увлекательных лабиринтах лингвистического анализа, о живой ткани литературного текста, о поэзии жизненного пути Николая Савостина и Александра Рекемчука.

Литературное творчество Галии Дуфаровны вошло в нашу жизнь под именем Нина Ганьшина. Её проза очаровывает

пронзительной искренностью, манит вкусным синтаксисом коротких предложений, зримыми мазками нахлынувших воспоминаний. Её стихи написаны на «пластинах расколотых льдин»¹, её взгляд на мир «светлый и тихий». В парадигме странного измерения «среди звёзд, тополей и рябин», растворённый в бездонной радости существования, он резонирует душевным струнам читателя.

С коллегой, учёным, преподавателем, журналистом... мы прощались пасмурным застывшим осенним днём, таким же оцепеневшим, как наше неверие в случившееся. Прощались под звенящие строчки стихов:

Ах, как тихо, ясно и тревожно,
Позабыв про солнечное лето,
Осень красит листья осторожно
Царской кистью золотого цвета².

Наверное, человек способен оценить жизнь и смерть лишь во взаимодействии, он, как опосредующее существо, гармонизирует своё бытие с помощью конструкций *жизнь* и *смерть*. Парадокс осознания Небытия заставляет нас мобилизоваться, собраться с силами и толкает к вечному движению – нельзя стоять, надо жить и принадлежать полностью этому миру. Мы подхватываем соскользнувшее знамя научной журналистики, очень надеемся на поддержку друзей Галии Дуфаровны, представителей отечественной и зарубежной филологии, и продолжаем выпускать серию с вечной доброй памятью о её основателе...

Ирина Ерофеева,
главный редактор научных журналов ЗабГУ
«Гуманитарный вектор», «Ученые записки ЗабГУ»

¹ Нина Ганьшина. Где-то падают листья рябины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2006/12/28-1601> (дата обращения: 27.09.2015).

² Нина Ганьшина. Ах, как тихо, ясно и тревожно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2009/09/05/2889> (дата обращения: 27.09.2015).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

URGENT PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 801.73
ББК 81.055.1
ББК Ш1.055.1

Галия Дуфаровна Ахметова,

*доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Автобиографическое повествование – с точки зрения вещей

В статье ставится цель – проанализировать автобиографическое повествование романа С. Н. Есина «Опись имущества одинокого человека». Композиционной особенностью романа является совмещение точек зрения – взрослого рассказчика-писателя, ребёнка, а также окружающих рассказчика вещей. Основной задачей исследования является анализ характерных для автобиографического повествования композиционно-языковых признаков, организующих текст. Автобиографическому повествованию присущи философские сентенции. Во многом автобиографическое пространство основано на сравнениях и метафорических живых определениях. Причём речь идёт не о количестве сравнений, а, скорее, их внутренней образности, отражающей живую жизнь ушедшей эпохи. Среди вещей, представленных в романе, встречаются документы, письма, предметы обихода, мебель, игрушки и другое, то есть всё то, что окружает любого человека. Каждая из вещей сохраняет следы и мифы прошедшей жизни, увидеть которые может только хозяин. Таким образом, автобиографическое повествование выходит в какой-то мере за рамки жанра романа. Образы вещей вводятся по-разному. При этом всегда происходит объединение жизни и литературы, что создаёт литературность повествования, основанную на документализме. Объединяющим моментом является духовное пространство, основанное на обращении к библейской теме. В результате создаётся сложное оригинальное автобиографическое повествование, отражающее жизнь эпохи, человека и окружающих вещей. В композиционно-языковом плане роман продолжает традиции индивидуального стиля писателя и русской литературы. Но это обновлённые традиции, связанные с дальнейшим развитием теории сюжета и жанра.

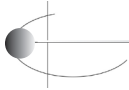
Ключевые слова: автобиографическое повествование, языковое пространство, духовное пространство, живая жизнь окружающих вещей, сюжет, жанр.

Galiya Dufarovna Akhmetova,

*Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

Autobiographical Narration from the Viewpoint of Personal Belongings

The goal of this article consists in analyzing the autobiographical narration of the novel *The estate inventory of a lonely man* by S. Esin. One of the compositional peculiarities of the novel is the adjustment of several viewpoints; these are the point of view of an adult narrator, who is the writer at the same time, the point of view of a child, and the viewpoint of some things, which surround the writer. The main task of our research consists in analyzing some compositional and linguistic attributes, which are typical for the autobiographical narration and which compose the text. Therefore, the philosophical maxims are typical for the autobiographical narration. The autobiographical narration is based in many ways on comparisons and metaphorical living definitions. This does not refer to their amount at that, but to their internal imagery, which reflects the living life of the past and gone days. Among the belongings, which are presented in the novel, there are documents, letters, household articles, furniture, toys, etc., i. e. the things that surround everyone. Each of these things keeps traces and myths of the spent life, which could be observed only by their owner. Thus, the autobiographical narration exceeds in some way the limits of the genre

of the novel. The characterizations of the belongings are introduced in different ways. However, the author joins life and literature together, and thus he achieves the literariness of his narration, which is based on documentalism. Mental space, which is based on the appealing to the scriptural subjects serves here as an integrating factor. As a result, we have an original complicated autobiographical narration, which reflects the life of the epoch of a man and surrounded things. From the compositional and linguistic point of view, this novel follows the traditions of the writer's personal style and the Russian literature. But these traditions are renewed, and they concern the further development of the theory of plot and genre.

Keywords: autobiographical narration, linguistic space, mental space, living life of the surrounded things, plot, genre.

Новый роман С. Н. Есина «Опись имущества одинокого человека» (2014) написан вполне традиционно – от лица автора-рассказчика, однако истинными повествователями являются вещи, окружающие человека. Именно они формируют автобиографическое языковое пространство. Композиционно роман представлен многочисленными короткими зарисовками, среди которых документы ушедшего времени, украшения, мебель, игрушки, обычные домашние вещи («Папка отца», «Японские вазы», «Тумба в прихожей», «Калейдоскоп», «Графин» и др.). Такое построение обусловило сложность определения жанра. Мы традиционно назвали жанр романом. Может быть, и нет большой необходимости подробно говорить о жанровой принадлежности, но сам автор постоянно обращается к этой проблеме, так что остановимся на этом вопросе.

Писатель в самом начале повествования называет свои записи воспоминаниями, состоящими из фрагментов, в результате чего является частый для писателя метафорический образ киноленты – в данном случае «счастливой киноленты». Иногда жанр обозначен именно как автобиография, со свойственной писателю скрытой усмешкой: «Автобиография – это всегда лучший способ по-другому изложить правду о себе» [Есин, 2014, с. 32]. Автор словно заранее исключает некоторые возможные жанровые признаки, отдавая предпочтение вещам-рассказчикам: «Но я ведь не пишу ни историю собственной семьи, ни жизнь замечательного человека. Вещи и предметы иногда рассказывают об эпохе значительно ярче, чем очевидцы» [Там же, с. 33]. Писатель называет своё повествование реестром некоторых вещей, с которыми связана его жизнь. Вводится даже слово «мозаика», указывающее на тщетность полного описания окружающих вещей, хоть они и говорят многое сами за себя.

С. Н. Есин в своих произведениях часто обращается к размышлениям о жанре. Так и в этом романе: «А что я, собственно, пишу, свою

жизнь? Но тогда почему стараюсь как можно меньше вставлять личных и конкретных деталей? Роман? А где взлёт фантазии и придуманные продолжения личных сюжетов? Но ведь это не просто опись вещей из семейного склада. Ах, время, время, ах, эта слабая попытка остановить ушедшее! Бедный, бедный будущий археолог, восстанавливающий по клочкам былого реку жизни!» [Там же, с. 232]. Писатель сам себе задаёт вопрос: а не пишет ли он пособие по литературной археологии.

Вещи вводятся в текст по-разному. Например, автор пишет, что для описания японского сервиза он специально достал его, промыл тёплой водой, чтобы еще раз внимательно рассмотреть, увидеть ведомые лишь ему приметы времени, запомнить, передать читателю: «Все навсегда ушли, на фарфоровых стенках остались лишь прикосновения их пальцев» [Там же, с. 20]. Вещи вводятся в текст профессионально, что отличает стиль писателя: «В середине комнаты-зала стоял большой квадратный раздвижной обеденный стол. Напомню, что каждое определение в предыдущей фразе необходимо и поставлено не для красоты или стилистического полногласия» [Есин, 2014, с. 58]. Иногда писатель-рассказчик описывает, как он ходит по своей квартире, среди своих вещей, размещая их в романе: «Трюмо с двумя тумбами – оно уже поместилось в наше повествование – стояло в простенке между окном и балконной дверью» [Там же, с. 60].

Отметим характерные особенности автобиографического повествования, свойственного писателю и нашедшего отражение в романе. Прежде всего это сентенции, ассоциативно возникающие при описании вещей. Подобные сентенции являются и признаком индивидуального стиля писателя. Во многом именно они придают языковому пространству глубину философского духовного смысла: «Не свой хлеб, хотя и у родных дочерей и сына, всегда если не горек, то и не сладок» [Там же, с. 26]; «Делай, что должно, и не ищи ни славы, ни признания» [Там же, с. 233].

В языковом плане для стиля писателя характерны неожиданные сравнения. Являясь компонентом текста, сравнения во многом создают неповторимый внутренний мир вещей, окружающий писателя. В сравнениях отражена точка зрения вещей автобиографического повествования. Сравнения дают возможность увидеть вещи с иной стороны, недоступной стороннему наблюдателю, даже если бы такой наблюдатель находился в квартире вместе с владельцем вещей: «Тяжёлая, как надгробие, папка эта уже лет двадцать стоит у меня на одной из книжных полок» [Есин, 2014, с. 28]; «Стол был дубовый, прочный, как мост» [Там же, с. 59]; «Стол был широк, как морская отмель» [Там же, с. 90]; «На письменном столе, широко, как школьный двор, стояло или лежало ещё несколько предметов» [Есин, 2014, с. 96]; «...две "горки" карельской светлой, как солнце, берёзы» [Там же, с. 181].

Со сравнениями, как нам кажется, во многом связаны семейные мифы и предания. Их метафоричность даёт возможность кое-что скрыть, оставить только своим личным воспоминанием, дать лишь намёк: «Иногда лучше оставаться в неведении. Мифы учат, что лучше не развязывать узлов и не отмыкать шкатулок» [Там же, с. 32].

Сравнения связаны не только с вещами, но они всегда остаются неожиданными и неповторимыми: «...угрюмый, мелкий, как охотничья дробь, дождь» [Там же, с. 50]; «Золотистые и широкие, как море, штаны...» [Там же, с. 196].

Наряду со сравнениями в романе встречаются метафорические определения, которые можно назвать живыми: «уставшее перо», «суровые бакенбарды»; «молодая командировка». Они так же составляют жизнь окружающих вещей, как и традиционная языковая игра с фразеологизмами, изредка встречающаяся в повествовании: «...скрепя жадное сердце...»

Вещи часто живут дольше хозяина, словоно продолжая его жизнь, продолжая рассказывать о былом. В романе это находит отражение. Говоря о старом буфете, писатель говорит, что отдал его племяннику: «...к старости собственности вообще не имеет цены в глазах завершающего свой путь человека, а вещи приобретают цену только как носители памяти» [Там же, с. 39]. В этом смысле роман тоже в какой-то мере претендует на завершенность, о чём писатель часто упоминает: «Мне тоже недолго осталось. В музей, в музей, в музей...» [Там же, с. 53]; «Получилось

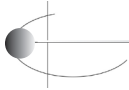
это описание у меня нескладно, но как получилось, спишем всё на преклонный возраст» [Там же, с. 77]. Печальные, грустные нотки пронизывают повествование, как, например, описание чугунного слона: «Слон бежит, а было ли счастье?» [Там же, с. 102].

Автобиографичность органически связана с документализмом. Автор так и говорит о своём романе, что он документальный, потому что опись вещей связана с историей. Писатель часто пишет, что художественность часто переплетена с вымыслом, а современный читатель устал от вымыслов.

Романный сюжет в данном повествовании вряд ли можно назвать классическим. Особенность его – в повторах жизненных ситуаций. Это связано, конечно, с вещами. Они возвращают память на пройденные дороги и тропинки: «Жизнь, правда, не помещается в литературную схему, и всё время приходится возвращаться к прежним сюжетам» [Там же, с. 42]. Писатель называет повторение основой литературы. Очевидно, это можно назвать и основой жизни: «И жизнь, и литература – всё движется по кругу и возвращается к местам исхода» [Там же, с. 183].

Литературность повествования проявляется в этом романе наиболее ярко. Автор словно бы соотносит друг с другом жизнь и литературу: «Но будет, возвращаюсь в повествование» [Там же, с. 57].

Композиционной особенностью является переход точки зрения взрослого рассказчика к точке зрения ребёнка – ведь многие вещи окружают писателя всю жизнь: «Кому нужны и были ли кому-нибудь нужны эти супницы, похожие на галеры греков из учебника по истории для четвёртого класса?» [Там же, с. 71]. В этом случае писатель называет свою книгу книгой воспоминаний о забытых вещах: «Может быть, хочу заслониться от времени или опускаюсь в свои детские воспоминания и неосуществившиеся надежды? А может быть, во мне просто сидит дух каталогизатора?» [Есин, 2014, с. 93]. Детская точка зрения возникает в тексте ассоциативно, например, при описании калейдоскопа, подаренного писателю датским мальчиком. И, конечно, это не просто воспоминания детства, это переход к сентенциям: «Не нарушайте иллюзий, не разбирайте игрушек – внутри стекло или опилки» [Там же, с. 123]; «В старости, как и в юности, особенно когда не очень идёт работа, захватывающе интересно разглядывать, как складываются узоры. И разве не так же причудливо сложены эпизоды нашей жизни?» [Там же, с. 123].

В целом повествование писателя можно назвать реалистическим. Для него не характерна постоянная лиричность, не характерна и божественная тема. Но тяжёлое испытание, выпавшее на долю писателя – страшный пожар, поджог квартиры. Эту тему высвечивает при описании купленной в Египте картинки, где женщина с ребенком сидят на зелёном ослике, а впереди них идёт мужчина: «К сожалению, во время пожара в квартире картинка несколько потемнела, чуть покособилась, но сохранилась. Для меня это и какой-то знак надежды. Господи, пошли веру, самое большое благо Твоё!» [Там же, с. 132]. Автор называет эту картинку иконкой. И далее пишет о том, что иконы в его квартире «преградили путь пламени, взяли огонь на себя, защитили» [Там же, с. 158].

Вещи в романе, как и в жизни, становясь свидетелями эпохи, приходят к нам сами, и либо остаются навсегда, либо незаметно исчезают, исполнив своё предназначение: «Не надо ничего собирать, всё, подчиняясь тайному импульсу души, соберётся само собой» [Там же, с. 167]. Некоторые из вещей, окружающих нас, становятся дарами для других людей, сохранив о себе лишь воспоминания: «Хотя, одаривая в свою очередь знакомых и друзей, стараюсь не мелочиться, помня библейское: рука дающего не оскудевает» [Там же, с. 219].

Несколько десятков глав представлено в романе, и каждая глава – это небольшой, но ёмкий автобиографический рассказ, автором которого являются живые вещи. Перед читателем проходит детство писателя, его родные и близкие, вся его жизнь – литература, книги, поездки. Это нельзя назвать сентиментальным повествованием. Утончённость, искренность, любовь проявляются неявно, но откровенно: «Две женщины, которых я люблю больше, чем себя, ожидают меня по ту сторону этой рукописи, книги жизни: мать и жена. Но рядом с ними вглядывается вдаль моя собака» [Там же, с. 234].

Автобиографическое пространство романа органически связано с духовным пространством, что и придаёт повествованию композиционную, сюжетную и жанровую сложность, связанную с необычной точкой зрения – окружающих нас вещей.

Подводя некоторые итоги, отметим оригинальность и сложность построения текста.

Это проявилось в композиционном совмещении точек зрения – взрослого рассказчика-писателя и ребёнка, а также в сложном отражении живой точки зрения вещей – при этом при полном отсутствии вещиизма. Таким образом, живой литературный текст предстаёт во всём многообразии. Это касается сюжета. С одной стороны, сюжет вроде бы замкнут в пространстве квартиры, но с другой – он постоянно выходит за её рамки, соединяясь с путешествиями по стране, по миру, по воспоминаниям. Сюжетная сложность привела к сложности жанровой, что можно назвать как особенностью стиля С. Н. Есина, так и особенностью современной русской литературы, тяготеющей к документализму. Называя данный жанр романом, мы отдаём дань традиции. Но на самом деле проблемы жанра ещё ждут специального исследования, и данный роман даёт новый материал для этого.

Мы отметили некоторые из признаков автобиографического повествования, усложнённого композиционным совмещением точек зрения, важнейшая из которых связана не с человеком, а с вещами. Каждый из признаков в какой-то мере известен, конечно, в литературе, но в романе приобретает новое качество. Это, прежде всего, сентенции. Они характерны для произведений писателя. Их не так много в романе, но философскую основу повествования создают именно они.

Внутренняя жизнь вещей, с их мифами, воспоминаниями, основана на неожиданных сравнениях. Сравнения позволяют выявить внутренний мир человека, а в данном случае они объединяют друг с другом жизнь и литературу. Параллельно со сравнениями вводятся метафорические живые определения.

Важным элементом автобиографического повествования является в романе духовная линия, связанная с библейским пространством. Это вечная тема русской литературы. И хотя писатель говорит о скором завершении Пути, о последнем своём романе, и хотя обращается к прошлому как к итогу жизни, вечная тема остаётся.

Окружающие нас вещи, если их внимательно рассмотреть, если вдохнуть в них жизнь, становятся живыми рассказчиками, живыми свидетелями истории, живым отражением внутреннего мира их хозяина.

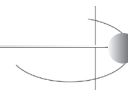
Список литературы

Есин С. Н. Опись имущества одинокого человека. М.: Эксмо, 2014. 384 с.

References

Esin S. N. Opis' imushchestva odinokogo cheloveka. M.: Eksmo, 2014. 384 s.

Статья поступила в редакцию 20.08.2015

УДК 882
ББК 84 (2=рус)5+84

Олеся Юрьевна Баранова,
кандидат филологических наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: olesja2774@rambler.ru

«Авван и Гайро» Ф. И. Бальдауфа – первая романтическая поэма Забайкалья: к вопросу о современной интерпретации

Статья посвящена главному памятнику литературной деятельности Ф. И. Бальдауфа – поэме «Авван и Гайро». Забайкальский поэт первой половины XIX века первым вводит в русский литературный текст незнакомый прежде тоpos – Забайкалье, с его национальным колоритом, обычаями, традициями, природой. Поэма не только отражает романтические традиции времени, использует романтическую символику и эмблематику, но и поднимает вневременные вопросы любви, чести, верности, веры, дружбы. Автор статьи, опираясь на уже сложившуюся в отечественной исследовательской литературе интерпретацию поэмы, впервые акцентирует внимание на именах главных героев, местных легендах, включённых в текст поэмы, их роли в раскрытии основного конфликта, предлагает новое прочтение поэмы с учётом значения имён главных героев, некоторой национальной лексики, обращает внимание на роль второстепенных сюжетных линий поэмы. Данная статья не исчерпывает возможности толкования первой забайкальской романтической поэмы. Метод её интерпретационного анализа позволяет рассматривать произведение Ф. Бальдауфа в разных контекстах: романтической, региональной, общенациональной литературных традициях. Все эти изыскания направлены на подтверждение не раз высказанной в отечественной критике мысли о незаурядности таланта первого забайкальского поэта.

Ключевые слова: романтическая поэма, инонациональные заимствования, смыслопорождение, интерпретация, транспозиция, конфликт.

Olesya Yurievna Baranova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: olesja2774@rambler.ru

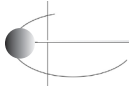
Avvan and Gayro by F. I. Baldauf – Transbaikalia First Romantic Poem: Modern Interpretation

The article is devoted to the poem *Avvan and Gayro*, the main monument of F. I. Baldauf's literary activity. The Transbaikalia poet of the first half of the XIXth century was the first to introduce topos Transbaikalia, unfamiliar before, with its local color, customs, traditions, nature into the Russian literary text. His poem not only reflects romantic traditions of that time, uses romantic symbols and emblems, but also brings up timeless questions of love, honor, fidelity, belief, and friendship. The author of this article, based on the poem interpretations, which have already been developed in the domestic research literature, for the first time focuses attention on names of the main characters, local legends included in the text of the poem, their role in the main conflict disclosure. The author offers a new reading of the poem taking into account the significance of the main characters' names, some national vocabulary, pays attention to the poem's by-plot role. This article doesn't exhaust potentialities of the first Transbaikalia romantic poem interpretation. The method of interpretative analysis allows the author to consider F. Baldauf's work in different contexts: romantic, regional, national literary traditions. All the research is directed to reinforce the idea, more than once expressed in domestic criticism, that the first Transbaikalia poet's talent is outstanding.

Keywords: romantic poem, foreign borrowings, generating, interpretation, transposition, conflict.

С именем Фёдора Ивановича Бальдауфа (1800–1839), забайкальского поэта, часто и справедливо сочетается эпитет «первый». Он первый сибирский поэт; первый, кто вводит в литературу особый, незнакомый для читате-

ля XIX века тоpos – *Байкал, Даурию* (стихотворение «Вечер на берегу Байкала», 1821 г.); первый из поэтов, кто воспел удивительную красоту бурятской девушки («Самуйе», «К бурятке», 1828 г.); первый, кто включает в рус-

ский поэтический текст национальную забайкальскую лексику, рассказывает о местных традициях и обычаях; первый из поэтов, кто соединил забайкальский текст с общероссийской литературной романтической традицией; уже первым своим произведением – романтической поэмой «Кавиту и Тунгильби» (1819 г.) – он обратил на себя внимание критиков «глубиной раскрытия сибирской темы», которой хоть и касались поэты-романтики, но весьма условно и поверхностно.

О лучшем и самом известном произведении Ф. И. Бальдауфа – романтической поэме «Авван и Гайро» (1834) [1] – писали много¹. Чаще всего оценке критиков подвергался романтический сюжет, необычность любовного конфликта, инонациональные вкрапления в текст поэмы, образы главных героев. Поэма рассказывает о печальной истории взаимной любви русского юноши Ивана и тунгусской девушки Гайро; влюблённым не суждено быть вместе, потому что героиня не желает принимать веру возлюбленного – так чаще всего в исследовательской литературе передаётся краткое содержание поэмы.

В основу поэмы был положен рассказ горного кадета, позже шихтмейстера, сослуживца Бальдауфа Ивана Петровича Корнилова «об интриге с тунгуской молодого человека», которым, скорее всего, он и являлся [4]. Вместе с ним Бальдауф летом 1834 года был командирован на Дабасу-Нор – Борзинское соляное озеро. И хотя здесь нужно было вести наблюдения за погодой, садкой соли, производить шурфовку, посылать отчёты, всё же это было место покоя, необыкновенной красоты и вдохновения. Здесь Бальдауф уже был в 1828 году (и ещё раз будет за год до смерти). Первые за много лет он почувствовал себя тогда свободным. Он знакомится с кочевавшими по степи бурятами и тунгусами, посещает их селения, ночует в их жилищах, изучает их быт, нравы, традиции. Тогда он пишет самое известное своё стихотворение «К бурятке». Не удивительно, что и вторая поездка к озеру была плодотворной. В посвящении к поэме «Авван и Гайро» автор благодарен рассказчи-

ку, Ивану Корнилову, за то, что «воспламенил его потухший гений, восторг души, крылатое веселье»:

Тебе, мой труд! Пускай же мой «Авван»
В далёком будущем тебе напоминает
Дабасу-Нор и тихий Горохан,
Тебе, певец его, в знак дружбы посвящает!

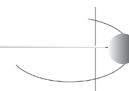
Возможно, имя «Авван», специально искажённое «Иван», – ключ к источнику сюжета, намёк на «информатора», который для сотоварищей Бальдауфа был весьма прозрачным. Писали ещё, что так называет своего возлюбленного тунгуска Гайро. В лексическом поле поэмы и правда много слов национальной семантики, характеризующихся фонетической неточностью (например, Адун-Челон (хребет на юго-востоке Забайкальского края) и Адуун Шолуун, курым (свадьба) и нурум, Намдзила и Намжила, Шагдур и Шагдар, Шамун и шамуун и т. д.). С «акцентом» своего героя называет и автор, ни разу в тексте поэмы не употребив привычное ему «Иван». Неизвестно, знал ли Ф. И. Бальдауф местные наречия. Если нет, – то такое искажение орфографического облика слова для передачи русского произношения вполне объяснимо. Но можно предположить, что рождённый в Забайкалье, с детства общавшийся с местным населением, он если и не владел их языком, то понимал его. Есть сведения, что многие среди русскоязычного населения той эпохи говорили по-бурятски, а в их говорах встречаются бурятские заимствования [3, с. 133]. Однако это может объяснить авторскую речь, но не речь героини. О Гайро сказано, что она «по-русски чисто, ясно, как Ломоносов, говорит», значит, произнести имя возлюбленного по-русски для неё не должно было быть сложным.

Поэма начинается с того, что молодая тунгуска спасает от верной гибели скачущего во весь опор русского всадника. Авван покорён красотой девушки, видит в ней воплощение идеала любви, но встреча с «красой степей» почему-то пугает его. Тревожит его и пророческий сон, который он видит в первую ночь, беспокойно засыпая в юрте Гайро: крест, пылающий в воде, предвещает разлуку влюблённым.

Следующее событие в тексте лишь усиливает чувство страха, рождённого первой встречей с Гайро: Авван, видя, как Гайро ведёт в степи табун, сравнивает это зрелище с восставшим «злым Шамуном». Слово «шамун» в комментариях к поэме переводится как «злой дух». Известно, что Бальдауф любил слушать бурятские улигеры, знал их, что-то записывал. Возможно, речь идёт о Муушу-

¹ Азадовский М. К. Бурятия в русской лирике, 1925; Белоусов А. А. Литература и время. – Улан-Удэ, 1964; Мальцева М. П. Старая тетрадь // Чита литературная, 1999. – № 8; Мясников А. В. Правда и вымысел о первом поэте края // Читинское обозрение. – 2009. – № 13 (25 марта). – С. 30; Новиков-Даурский Г. Автор поэмы «Авван и Гайро», 1909; Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. – Чита, 1954. – 260 с.; Полетаева Л. Г. Поэт старого Забайкалья Федор Бальдауф // Забайкалье. – 2002; Чужак Н. Сибирский мотив в поэзии (от Бальдауфа до наших дней). – Чита, 1922.

буун – духе-оборотне, обычно являющемся в образе красивой девушки с *птичьим клювом*, который она прикрывает ладонями, этот дух заманивает человека и затем съедает его. Муушубуун – наиболее распространённый демонологический персонаж в низшей шаманской мифологии (букв. «плохая *птица*»). По легендам и преданиям бурят, «муушубууном<...> делается умершая девушка, если перед смертью дочери отец отдаст ей *огниво*, т. е. положит в могилу; муушубуун имеет обыкновенно человеческий вид, вид женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются наподобие клюва, муушубуун может обращаться в животных, но губы при этом не изменяются. <...>Муушубуун под правой мышкой держит *огниво*, она кричит: «Смотри в руке», – но смотреть не должно – если посмотреть, то *огниво* превратится в червей, а не посмотреть, то можно сделаться богатым». Этот дух часто связан с огнем, красным светом, блеском. Героиня Бальдауфа также связана с огнём, и многие признаки этого мифологического персонажа ей свойственны: автор называет её «девой, с *пламенным* челом», под нею конь «горячий, как *огонь*», на котором она мчится «быстрее *птицы*», она разводит *огонь* в юрте, её губы сравниваются с «*огненным* ургум», её румянец, «как *зарница* яркая сверкает», герой «*пламенеет*» перед «*блеском* её очей», в одну из встреч она дарит Аввану *огниво*. Всё будто предупреждает об опасности новой любви.

Крест во сне предвещает Аввану разлуку «на радость». Складывается ощущение, что разность вероисповеданий становится для героя спасением от любви к тунгуске, поэтому его разговор с ней о христианской вере отнюдь не деликатен, даже жесток, он свою веру навязывает, будто испытывая героиню:

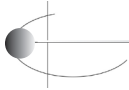
Крестись, Гайро! С твоей пустыней
Я никогда не разлучусь,
Не то – навек с тобой прошусь,
Прошусь навеки безнадёжный.

Авван общается с Гайро не столько как влюбленный, сколько как проповедник («Как проповедник новый, он / В улус поехал...»). Слову «проповедник» в церковном языке соответствует «авва» («отец», «настоятель», «духовный наставник»). В этом смысле имя главного героя соответствует его цели, «миссии» – обратить Гайро в православную веру. Тунгуска выдерживает испытания, оказывается натурой более сильной и цельной, в отличие от Аввана, который за веру лишь прячется. О силе характера «красы степей» говорит и её имя. Учитывая, что националь-

ная лексика в поэме употребляется неточно, можно предположить, что и в имени Гайро есть фонетические искажения. Хотя в работе А. Мясникова, много лет занимающегося биографией Ф. И. Бальдауфа, работающего с архивными документами, и говорится о том, что «в некоторых списках жителей тунгусских селений упоминается имя Гайро», нельзя не учесть особенность передачи бурятских слов русскими буквами: из-за сложности произношения бурятской буквы «h» её на письме заменяли русской «г». Наиболее допустима версия происхождения имени героини Бальдауфа транспозицией монгольского Хорло, что значит «круг, колесо», или цельность, полнота. Встречается также значение «верность отцу». Гайро осознаёт свою наивность в восприятии чувств Аввана в тот момент, когда речь заходит об её отце: «Дай поруку, / Что не отдашь другому руку, / Хотя б отец твой...». Именно отец спасает Гайро от опасной любви к русскому господину, тайно согласившись выдать дочь за давно в неё влюблённого Шагдура, – это бурятская форма тюркского имени Чагдар, означающего «хранитель алмаза», символа твёрдости, храбрости и невинности.

В последнем диалоге главных героев Гайро дважды называет Аввана «неверным». И этот эпитет в речи героини используется не только и не столько в житейском смысле. Вера, ставшая причиной расставания героев, сделала Аввана суеверным: «он *верить* стал коварным снам», «пристрастился к колдунам», «искал их чар и предсказаний...». Кстати, после прочтения поэмы на одном из литературных вечеров в Нерчинском Заводе и распространения её среди местной интеллигенции местное священничество поэму не приняло, увидев в ней насмешку над религией. Авван, требуя от Гайро полюбить «русского Бога», сам его по-настоящему не любил.

Интересно ещё и такое наблюдение: имя героя в тексте поэмы рифмуется либо со словами местной семантики (Горохан, бурхан, бутан, таган, шаман), что говорит о вписанности его в забайкальскую культуру, либо с русским «туман», «обман». Даже слово «ной-он» (т. е. «господин»), которым обращаются к герою, рифмуется со словом «сон». В поэтических текстах рифма может служить не только раскодировкой героя, но и авторского отношения к нему. Авван действительно пребывает в состоянии неопределённости, он не только сам заблуждается относительно своего чувства к Гайро, но и вводит в заблуждение героиню, внушая ей, что именно разность веры становится причиной их несчастья.

Годы спустя герой возвращается на Горохан. Места, по которым едет Авван к шаману, полны тайн и легенд. Одна из них о том, как юная царица, жена богатого и сильного князя, влюбилась в молодого бурята. Они задумали побег, но грозный муж вот-вот должен был настигнуть беглецов. Чтобы не разлучаться, молодые возлюбленные умирают вместе. В память об этом место называется «Седлом царицы». В истории, рассказанной Аввану проводником-тунгусом, «намешано былей и небылиц». В её основе – легенда о Бальжин-хатан, широко известная среди местного населения, в которой нет любовной интриги. Княгиня хори-бурят является олицетворением народной памяти: Бальжин-хатан, жертвуя собой, спасла одиннадцать бурятских родов от рабства, объединив их под единое начало. Этот образ в контексте романтической поэмы несёт мощную энергетику бурятской женщины, символизирующей решительность, силу воли, стойкость характера. Поэтическая версия Бальдауфа, который, скорее всего, слышал эту легенду из улигеров, лишь усиливает

мысль автора о том, что в основе любви – жертвенность, в ней не должно быть никаких условностей, мешающих счастью быть вместе. В противном случае – ты обречён на одиночество, на «тоску в сердце». Об этом предупреждает Аввана шаман, сравнивая его жизнь с рекой. Он же рассказывает Аввану историю своей преступной любви, обрётшей его на вечное скитание, страдание и одиночество.

Идеалист по духу, романтизирующий забайкальскую природу, жизнь, традиции бурят, тунгусов, Ф. И. Бальдауф, скорее всего, не задумывался о выборе имён для своих героев, их смыслах. На Дабасу-Нор он просто был счастлив, вдохновлён к творчеству. Но художественный текст обладает удивительной способностью: порождённый сознанием и творческой волей автора, своим бессмертием он обязан читателю. Повесть «Авван и Гайро» была написана Фёдором Ивановичем Бальдауфом чуть менее 200 лет назад. Даже неоконченная, она интересна современному читателю, что говорит о незаурядном таланте первого забайкальского поэта.

Список литературы

1. Балханов И. Г. Об основных этапах развития русско-бурятского двуязычия: межвуз. сб. Улан-Удэ, 1983. 133 с.
2. Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре // Ученые зап. ЗабГУ. 2014. № 4 (57). С. 139–145.
3. Мясников А. В. Златой самородок // Огни Сибири. 2014. № 2.
4. Пурбуева М. В. Демонологические персонажи в несказочной прозе бурят // Вестн. БГУ. Сер. Филология. 2010. № 10. С. 288–293.

Источники

5. Бальдауф Ф. И. Литературные сочинения. Чита: Поиск, 2008. 160 с.

References

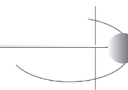
1. Balkhanov I. G. Ob osnovnykh etapakh razvitiya rusско-buryatskogo dvuyazych'ya: mezhvuz. sb. Ulan-Ude, 1983. 133 s.
2. Kamedina L. V. Zabaikal'skii tekst v russkoi kul'ture // Uchenye zap. ZabGU. 2014. № 4 (57). S. 139–145.
3. Myasnikov A. V. Zlatoi samorodok // Ogn'i Sibiri. 2014. № 2.
4. Purbueva M. V. Demonologicheskie personazhi v neskazochnoi proze buryat // Vestn. BGU. Ser. Filologiya. 2010. № 10. S. 288–293.

Istochniki

5. Bal'dauf F. I. Literaturnye sochineniya. Chita: Poisk, 2008. 160 s.

Статья поступила в редакцию 30.08.2015

УДК 82–1
ББК 83.3(2=411.2)5–022.30–1
ББК Ш33(2=411.2)5–022.30–1

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Луганский государственный университет им. Т. Шевченко
(91011, Украина, ЛНР, ул. Оборонная, 2а),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Поэтика русского традиционализма XX века и её концептуализация в наследии В. В. Кожина

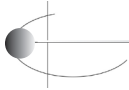
В статье рассматривается проблема сущностной специфики русского художественного традиционализма XX столетия. В качестве «ключа» к решению этой проблемы рассматривается предложенный В. В. Кожинным концепт «поэтического бытия», в рамках которого феномен поэтики традиционализма рассматривается как доминирование общего над индивидуальным в художественном опыте. Рассматриваются два уровня поэтической формы: уровень индивидуального эксперимента и уровень классической художественной модели. Поэтический авангард в концепции В. В. Кожина в этом контексте видится как переходная стадия к возрождению классической поэтики и как эстетическая модель хаоса. Рассматриваются экзистенциальные и антропологические основания кожиновских исследований поэтики. Авторская интерпретация его идей основана на анализе как его литературно-критических статей, так и академических работ. Анализируются такие концепции В. В. Кожина, как 1) сущность и историческая типология поэтики традиционализма; 2) движущие силы поэтического творчества; 3) культурный смысл возрождения классической поэтики; 4) специфика поэзии как типа творчества; 5) диагноз и прогноз поэтических и культурных процессов XX столетия. Анализируется также тематическая и методологическая связь между этими концепциями. Автор предлагает свою интерпретацию исследований В. В. Кожина как особое переосмысление русского поэтического опыта, тесно связанного со спецификой русской культуры и ментальности. В частности, поэтическое сознание понимается В. В. Кожинным как проблематичная сущность, определяемая различными типами «пути». Особое внимание в статье уделено индивидуальной специфике творчества в интерпретации В. В. Кожина таких авторов, как Ф. И. Тютчев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Казанцев, Н. Тряпкин, Ст. Куняев. Концепт «конца Нового времени» Р. Гвардини рассматривается как ключ к пониманию мировоззренческого стиля русской традиционалистской поэзии, который определен В. В. Кожинным как «конец индивидуализма».

Ключевые слова: русская поэтика, традиционализм, В. В. Кожин, стиль, творчество, мировоззрение, бытие, авангард, опыт.

Vitaliy Yurievich Darenskiy,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Luhansk Taras Shevchenko National University
(2A Oboronnaya St., Luhansk, LPR, Ukraine, 91011),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Poetics of Russian Traditionalism of the XXth Century and its Conceptualization in V. V. Kozhinov's Heredity

The author considers the problem of essential specifics of Russian art traditionalism in the XXth century. V. V. Kozhinov's concept of "poetical being" is considered as a "key" to this problem, therefore the phenomenon of traditionalistic poetic is interpreting here as a dominance of common over individual in art experience. Two levels in structure of poetical form is considered here: the level of individual experiment and the level of classical artistic model. Poetical avant-garde in V. V. Kozhinov's conception was considered in a certain sense as a transitional stage towards renaissance of classical poetics, as an aesthetic imitation of chaos. The author considers the problem of existential and anthropologic ideas of V. V. Kozhinov's poetical studies. Author's interpretation of these ideas is based on the analysis of such sources as his critical sketches and scientific researches. The paper discusses various V. V. Kozhinov's conceptions such as 1) essence of traditionalistic poetic and its historical types; 2) moving forces of poetical creativity; 3) cultural meaning of renaissance of classical poetics; 4) specificity of poetry as a type of creativity; 5) diagnosis and prognosis of poetical and cultural processes in the XXth century. The article also examines

thematic and methodological links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of V. V. Kozhinov's poetical studies, emphasizing that his ideas are based on rethinking of Russian poetical experience, which is necessarily linked with specificity of Russian culture and mentality. For instance, poetical consciousness is interpreted by V. V. Kozhinov as a problematical essence, which is determined by different types of individual "ways". The article focuses attention on analysis of individual specifics of creativity and V. V. Kozhinov's interpretation of such poets as F. Tyutchev, N. Rubtsov, Yu. Kuznetsov, V. Kazantsev, N. Tryapkin, St. Kunyaev. The R. Guardini's concept of "the End of the New Time" in its metaphysical sense has been considered here as a key to understanding of Russian traditionalistic poetry worldview style, which was defined by V. V. Kozhinov as "the end of individualism".

Keywords: poetics, Russian, traditionalism, V. V. Kozhinov, style, creativity, worldview, being, the avant-garde, experience.

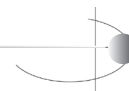
В эпоху всеобщего стремления к нетрадиционности особую ценность (как в собственно художественном, так и в общекультурном смысле) приобретают те явления в поэзии, которые сохраняют не почтительно-антикварную, но живую, личностную преемственность с классической поэзией, по-новому воспроизводя её поэтику в качестве *личностного творческого образца*, не заменимого никаким другим. Актуальны и теоретические концептуализации такого опыта.

В этом контексте представляется актуальным наследие Вадима Валериановича Кожина (05.07.1930–25.01.2001) – автора, весьма известного ныне в первую очередь своими историософскими работами, такими как «История Руси и русского Слова», «Россия. Век XX», «Победы и беды России». Вместе с тем, однако, его наследие как теоретика и историка литературы до настоящего времени ещё не стало предметом специального исследования.

В. В. Кожин всегда особо выделялся на фоне критики второй половины XX века своей *мыслительной* глубиной. В своих оценках явлений текущей литературной жизни он исходил не из желания доказать правильность личных вкусов, а из напряжённого вдумывания в самую *сущность* художественного слова, которая едина и не зависит от дальнейших вкусовых дифференциаций, которые сами по себе интересны и законны, но неизбежно вторичны. Именно таково самое главное мастерство критика, встречающееся весьма редко даже и в самые яркие литературные эпохи. Другим столь же редким качеством его наследия является особая способность видеть в текущей литературе не просто набор интересных «текстов», но живую преемственность тысячелетнего русского Слова, всегда новое его бытие, раскрывающееся из его сокровенных духовных основ, хранимых живой традицией.

Теоретической основой работ В. В. Кожина стало исследование самой природы поэтического слова; при этом отдельные явления в истории и современной русской поэзии становились тем конкретным материалом, на котором испытывалось и углублялось авторское понимание этой природы. Идея сущности поэтического слова у В. В. Кожина может быть определена в её специфике как *событийная*, поскольку в ней сущность поэзии определяется как реальное осуществление (сам автор предпочитал употреблять термин «свершение») *особого рода бытия*. Он пишет: «Содержание поэзии – это не просто высказывание о чём-то, например, о гармонии, но сама эта гармония, осуществлённая в стихе» [16, с. 37]. Тем самым можно сказать, что поэт – это тот, кто спонтанно, но вместе с тем и глубоко осмысленно, выявляет *внутренний логос самого бытия*, его сокровенную смысловую «ткань».

Более того, жизнь не только достигает посредством поэтического слова своего «самосознания», т. е. выявляет свою смысловую основу, насущную для самопознания человека, но и достигает в этом слове своего *преображения*, обретая свой высший смысл в новом, поэтическом бытии: «Живая частица человеческого и народного бытия обрела новое, поэтическое бытие в стихе и раскрылась перед нами так, как будто она *сама* себя осознала. А в этом и состоит непосредственная цель поэзии» [2, с. 94]. Эта сущностная цель поэзии обуславливает и природу поэтического мастерства. Как пишет сам В. В. Кожин, «чудо искусности обнаруживается в том, что при всей стихотворной упорядоченности и организации речь поэта совершенно *естественна*... Думать и *говорить* как бы прямо и непосредственно стихами – это и есть высшая искусность поэта» [16, с. 19]. Действительно, «естественность» поэтической речи как высшее проявление мастерства – это отнюдь не парадокс, но глубокая закономер-

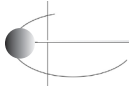
ность, если поэзия есть особый род *реально-го бытия*, естественно включённый в структуру подлинной, то есть освещённой высшими смыслами, человеческой жизни.

Именно в этом недостатке творческой воли, направленной на созидание особого, *преображённого бытия* и самосознания самой жизни в поэтическом слове, по мнению В. В. Кожина, коренится любой упадок поэзии, любой уход от высоты её подлинной сущности, данной нам в классике. Поэтому глубоко ошибочным оказывается обращение к «спонтанности» и «игре», пытающееся компенсировать отсутствие творческой воли, направленной к преобразению жизни в её поэтическом бытии: «Случайность», ставшая основой стиля, неизбежно оборачивается жёсткой схемой. Истинный путь поэзии не в том, чтобы отбросить все каноны, а в том, чтобы основать на них личностную творческую волю. Эта воля не имеет ничего общего с сознательным стремлением создать «индивидуальный стиль», при котором в стихах является лишь искусственно сконструированная индивидуальность, а вовсе не то естественное «лица необщее выражение», которое имел в виду Боратынский» [16, с. 253]. Тем самым именно «канон», заданный классикой, как *конкретный опыт поэтического бытия* и является основой развития и реализации личностной творческой воли современного поэта. К так понимаемому «канону» можно приобщиться только в результате особого *духовного усилия*: «Традиция, в самом деле, способна возрождаться только лишь на пути таких глубочайших и целостных потрясений духа. Никакие стилевые «сплавы» здесь не помогут» [8, с. 272]. Но если «целостное потрясение духа» удаётся, то современный поэт становится *живым преемником* классики, т. е. сохраняет с нею *реальную связь живого опыта*. В таких случаях В. В. Кожин считал необходимым спокойно и уверенно писать: «За 1980–1987 годы появилось немало стихотворений самого высокого уровня, достойно продолжающих дело Пушкина и Тютчева, Блока и Есенина, Заболоцкого и Твардовского. Такие стихотворения есть в книгах и журнальных публикациях поэтов разных поколений – Николая Тряпкина и Виктора Кочеткова, Станислава Куняева и Василия Казанцева, Юрия Кузнецова и Виктора Лапшина» [10, с. 426]. Такая реальная связь живого поэтического опыта между «классикой» и «современностью» удостоверяется на основе очень чёткого содержательного критерия: «наиболее значительные образцы поэзии XIX и XX века

говорят не “о чём-то”, но “что-то”, не повторяют жизнь, но сами предстают как явление жизни – духовной жизни народа» [10, с. 427]. В этом, по мысли В. В. Кожина, коренится и неизменная востребованность критики, главной задачей которой становится рефлексия именно этой преемственности живого опыта и удостоверение успеха творческой воли поэта – создания своего «художественного мира».

Согласно его концепции, именно круг поэтов, в свое время названных «тихими лириками», в наибольшей степени смог возродить дух и опыт классической традиции и саму природу поэтического слова, – поскольку они «стремились не просто “высказаться” о тех или иных проблемах, а пристально, ответственно и углублённо взглянуть в духовную жизнь личности и народа и воплотить её внутренний смысл и ценность в поэтическом слове» [17, с. 12]. Поэтому «ими всецело владела идея русской Поэзии, притом вовсе не в эстетически замкнутом, книжном смысле, но Поэзии, воплощающей жизнь человека и народа во всей её глубинной сути» [18, с. 441]. Тем самым поэзия понимается не только как особая сфера эстетического опыта и его художественного воплощения, но как некий *канон целостно-осмысленного бытия личности в его единстве с бытием народом и всем смыслом общечеловеческого бытия*. Таков общий принцип «традиционализма» в поэзии. Соответственно, «сверхцелью» критики и изучения современного поэтического творчества для В. В. Кожина является *удостоверение живого опыта поэтического бытия в его преемственности с традицией (классикой)*, чем и удостоверяется ценность тех или иных явлений современной литературы.

Этим принципом определялось и отношение поэтов, вышедших из «тихой лирики», к русской классике – отношение живой и всё углубляющейся преемственности: «Творения Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Некрасова, Фета и Полонского, Блока и Есенина были для Николая Рубцова и его братьев не “литературными фактами”, но именно глубочайшими воплощениями духовной жизни русского народа и русского человека, а значит, прообразами их собственной духовной жизни. Они никак не отделяли поэзию от жизни в её сущностной основе и потому были свободны от какой-либо литературщины» [Там же]. Вместе с тем В. В. Кожин всегда умел очень точно и ёмко сформулировать суть индивидуальной специфики поэтического «образа мира» каждого из этих новых

поэтов. Так, например, «истинное существо поэзии Николая Рубцова» критик усматривал «в воплощении слияния человека и мира, слияния, которое осуществляется прежде всего в проникающих в творчество поэта стихиях света и ветра, образующих своего рода внутреннюю музыку. Истоки этой музыки – в тысячелетнем народном мироощущении и в то же время в неповторимом личностном мироощущении поэта... Николай Рубцов... был, по слову Есенина, поэт “от чего-то”, а не “для чего-то”. Он стремился внести в литературу не самого себя, а то высшее и глубинное, что ему открывалось» [5, с. 83–84]. Для В. В. Кожина во второй половине XX века именно Н. Рубцов – это поэт-«символ», то есть поэт как «глас народа», являющий в слове его соборную невысказанную душу.

В свою очередь в характеристике творчества Н. Тряпкина В. В. Кожин отмечает, что его поэзия неизменно предстаёт «не как упорное сотворение новой красоты, но как откровение, как познание “тайны”... стихи Николая Тряпкина воспринимаются не сразу, требуют серьёзного вчувствования и освоения»; эта особенность «обусловлена именно творческим своеобразием поэта – его “лирической дерзостью”. Его непосредственность и образная свобода могут с первого взгляда произвести впечатление небрежности и поверхностности» [4, с. 71]. Итак, по В. В. Кожину, Н. Тряпкин – это поэт *самочинного народного слова*, хранящий его внутренний особый строй, его особое мировидение.

Характеризуя творчество другого яркого поэта этого круга, В. В. Кожин пишет, что «лучшие стихотворения Василия Казанцева рождаются и живут как раз на самой *границе*, на самом рубеже сдержанности и порыва... Лучшие его стихи нередко основываются на своеобразной поэтике *мгновения*» [9, с. 188–189]. Итак, В. Казанцев – это поэт прозрения, поэт яркого и «взрывного» видения неповторимых ликов бытия. И в этом можно убедиться, если вспомнить хотя бы такие его строки:

Ты – выше чувства и ума!
Перед тобой душа – нема,
Как перед смертной бездной...
И – отстраняется сама
От муки бесполезной.

О поэзии Ст. Куняева критик делает такой обобщающий вывод: «Широко и свободно вошла проза повседневности в “хроники” поэта. Своеобразие этих произведений можно бы определить следующим образом: “проза” входит здесь в стих так естественно и *вольнo*, что оборачивается поэзией. Но нельзя не

заметить, что именно в этих “хрониках” поэт разрешает себе самые высокие и всеобщие слова о Жизни и Смерти; они надёжно уравновешены предельно трезвыми образами будней» [13, с. 241]. Для В. В. Кожина поэзия Ст. Куняева – это своего рода поэтическая «метафизика гражданственности», умеющая видеть в истории Родины её универсальный трагический и поэтический смысл.

Особую значимость для русской поэзии уже конца XX века В. В. Кожин находил в творчестве Юрия Кузнецова, в котором он усматривал подлинное возрождение особого «космического» мироощущения, во многом подобного тютчевскому. Лирический герой Ю. Кузнецова, писал автор, «с его отпущенной на волю душой пребывает не в какой-либо “квартире”, но там же, где пребывает герой эпический, – в том “широком поле”, в том пространстве тысячелетнего бытия, где творится История» [6, с. 224]. Именно поэтому, как писал В. В. Кожин, в лучших стихах Ю. Кузнецова создан «образ подлинно героической личности, чьё бытие совершается в мире тысячелетней истории... и в безграничности космоса... Поэзия Юрия Кузнецова могла осуществиться только лишь при условии, что История сокровенно и всем существом пережита в творческом сознании поэта как его собственная, личная предыстория, как прямое пред-бытие его собственной, личной судьбы» [6, с. 226–227]. После гибели Н. Рубцова – поэта-символа для целой эпохи – для В. В. Кожина его «вакансию» заняла поэзия Юрия Кузнецова.

В. В. Кожин предложил также и свою концепцию эволюции русской поэзии XX века. Так, в соответствии с ней, в 1920-х годах «доминантой поэтического стиля является стихия ораторской или разговорной речи... К концу 30-х годов положение коренным образом меняется: на первом плане – принципиально песенная поэзия» [16, с. 252]. Затем на этом пути эволюции стиля, в частности, в творчестве Н. Рубцова «поэзия как бы достигла предела органической простоты: идти дальше по этому пути уже невозможно. Поэзия, если угодно, вновь возвращается к сложности, но на совсем иной почве и в иной плоскости... Сложность поэзии рубежа 50–60-х годов – это либо сложность *взгляда* на мир, так сказать гносеологическая сложность (например, у Мартынова), либо даже сложность внешней *манеры*, за которой, в сущности, нет ничего особенно сложного – как в разгаданном ребусе (у Вознесенского)... Теперь же речь идёт об освоении сложности самого *бытия*, об он-

тологической сложности, которая не требует ни усложнённости взгляда, ни тем более усложнённого (с внешней точки зрения) стиля. Здесь нужна не сложность, а глубина проникновения... Эти черты ярче всего выявились в творчестве Юрия Кузнецова» [16, с. 260].

По отношению к истории русской поэзии XIX века В. В. Кожин ретроспективно сделал работу, не выполненную тогдашними критиками – он выделил и осмыслил особый «круг» поэтов, который он удачно обозначил как поэтов «тютчевской плеяды». «Это направление, – писал он, – самым решительным образом отличалось от “школы гармонической точности”. Вместо равномерного (то есть, в конечном счёте, гармонического) воплощения всех сторон бытия, новая школа была прежде всего поэзией *мысли*. Это уже противоречило принципу гармонии» [7, с. 10]. Поэтому «в тютчевской поэзии, – проясняет свою идею В. В. Кожин, – суть дела вовсе не в философии, не в системе мыслей, но в самом *образе мыслителя*... идеи – это не внутренняя суть тютчевской поэзии, но необходимая и даже основная *форма* воплощения определённого человеческого образа» [7, с. 13].

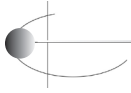
Подобно тому, как М. Хайдеггер в своё время рассматривал феномен Ф. Гельдерлина как поэта, сделавшего своим предметом саму суть, призвание и мощь поэзии как таковой, – по-видимому, в этой же роли В. В. Кожин рассматривал Ф. И. Тютчева: «Искреннее восхищение поэзией Тютчева должно пробудить в каждом из нас убеждённость в том, что *моё* личное бытие имеет самое прямое, непосредственное отношение к вселенскому, космическому бытию, что я не имею права забывать об этом и призван мерить *мою* жизнь именно такой мерой» [11, с. 487]. Поэтому, «если выразиться кратко и просто, в основе тютчевского творчества лежало стремление соединить, слить своё глубоко личное переживание бытия с переживаниями каждого, любого человека и всех людей вообще – то есть, если угодно, с мировым целым» [15]. В. В. Кожин усматривает в этой особенности поэтики Ф. И. Тютчева, с одной стороны, выражение всей эпохи зрелости европейской культуры, параллельно выразившейся и в немецкой классической философии, и в великом русском романе, но одновременно – и самое утончённое выражение русской национальной души, её особого мироощущения.

Фундаментальной теоретической проблемой в работах В. В. Кожина всегда оставалось осмысление закономерности и значения «ломки классических традиций» для по-

следующей судьбы русской поэзии. В своих высказываниях на эту тему он неоднократно упоминает признания стихотворцев авангардных направлений в том, что в рамках традиционного стиха им невозможно или очень трудно сказать что-то «новое». Именно в этих свидетельствах В. В. Кожин усматривает и самое яркое *саморазоблачение* всякого отказа от классической традиции – их авторы, тем самым, сами признают, что у них нет способности наполнить традиционную форму своим *современным* содержанием: именно эту собственно творческую *неспособность* они и маскируют «ломкой форм» и прочими внешними «оригинальностями». Тем самым, попытка «держать традицию» в смысле верности классической *форме* стиха во времена «ломки» уже сама по себе свидетельствует о большой творческой воле такого автора и его содержательном потенциале.

Приведём значительный фрагмент его рассуждений на эту тему: «Ломка сложившихся классических традиций в поэзии была исторически неизбежным явлением. Более того, несмотря на все отрицательные последствия, она имела огромное положительное – в первую очередь *обновляющее* – значение. В частности, именно эта ломка заставила по-новому и, в конечном счёте, более глубоко и серьёзно оценить классическую культуру стиха» [3]. В частности, «наиболее замечательен и выразителен тот факт, что почти все представители “левой” поэзии, жизненный и творческий путь которых не окончился слишком рано – в 20-е или 30-е годы – сумели возвратиться, так или иначе, в лоно классической поэтической культуры. Заболоцкий, Пастернак, Асеев, Луговской, Сельвинский – все они в последние десятилетия жизни вернулись в это лоно... Поэты пережили, без сомнения, процесс внутреннего, органического, необходимого развития, которое вело их к возрождению классических традиций» [3].

Тем самым, временная «ломка» не только классической формы стиха, классической образности, лексики и т. д., но в первую очередь самого типа *мироощущения*, свойственного классической поэзии, оказались полезны для их дальнейшего возрождения. И поэтому в какой-то момент почувствовав, что ими было утрачено, поэты открывали это для себя снова так, как будто бы самой классики ещё никогда не было, до неё нужно дорасти, в живом личном опыте переоткрывая заново и её мироощущение, и значимость традиционных форм.

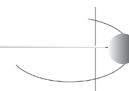
Говоря о современной поэзии, В. В. Кожин утверждает: «Нет сомнения, что всё значительное в ней стремится идти путём, завещанным классикой, и в частности, исходить из жизненного “поведения”, а не конструировать стих в духе “левых” поэтов. Для сегодняшнего дня характерен парадоксальный призыв, ставший заглавием одной из статей критика Ст. Рассадина, много и хорошо пишущего о поэзии: “Вперёд, к Пушкину!”. Это вовсе не значит, конечно, что поэзия должна в прямом смысле слова возродить классику. Речь идёт только о развитии тех творческих принципов, основание которых было заложено в классической поэзии. Но эти принципы осуществляются на совсем иной почве и материале. Поэзия не может не быть всецело *современной*» [3]. Тем самым сам принцип традиционности отнюдь не является неким «анахронизмом» – суть его лишь в том, что поэтическое высказывание может и должно вернуться к своей бытийной укоренённости в жизни – и тогда у поэтов, естественно, возникнет и особая устремлённость к мироощущению классики, и традиционная форма стиха.

В. В. Кожин также предлагает ряд весьма удачных формулировок этого внутреннего «закона»: «Подлинная суть традиции заключается не в том, чтобы идти путём предшественников, но в том, чтобы проложить свой собственный путь так, как они прокладывали свои пути» [18, с. 448]. Поэтому та современная поэзия, которой это удалось, «исходила из тех самых духовных родников народного бытия, которые как раз и явились основой и почвой отечественной классики» [18, с. 449]. И, наконец, формула наиболее субъективная, но именно поэтому и легче всего применимая и проверяемая: «Самый... неоспоримый признак истинной поэзии – её способность вызывать ощущение самородности, нерукотворности, безначальности стиха; мнится, что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлёк их из вечной жизни родного слова, где они всегда – хотя и скрыто, тайно – пребывали» [18, с. 449]. Но и от читателя требуется *культура* такого ощущения. В силу такой укоренённости в соборном бытии народа истоки поэзии тесно связаны с интенсивностью исторического бытия, и поэтому, как пишет В. В. Кожин, «для подлинного становления поэта (именно поэта – с прозой дело обстоит по-иному) необходим, по всей вероятности, своего рода социально-исторический “взрыв”. Это становится ясным, если внимательно проследить историю отечественной поэзии» [10, с. 426]. Вместе с тем В. В. Кожин

не считал поэзию простым «отражением жизни». Он спорил с распространённым мнением, согласно которому «русская литература, – как и культура в целом, – есть прямое “отражение” или “воспроизведение” русской жизни... Гораздо более верно понятие о творениях культуры (и, конечно, литературы) как о *плодах* – своего рода “последних”, высших достижениях – исторического творчества... представляя собой *порождения* истории, творения культуры, сами становятся феноменами истории... толстовская “Война и мир” или лирика Есенина – это, без сомнения, реальные факты, *события* русской истории, прямо и непосредственно *участвующие* в ней» [12, с. 610]. Такое понимание поэтических произведений не как тривиальных «отражений эпохи», но именно, как её плодов, которые, естественно, могут быть не отражением, а наоборот, сопротивлением своей эпохе, спором и борьбой с ней – весьма плодотворно, поскольку позволяет понять природу многих произведений именно такого характера. В свою очередь и понимание поэтических произведений как фактов эпохи, стоящих в одном ряду с фактами и факторами иных порядков (например, политическими событиями), позволяет понять природу поэтического творчества не как замкнутую сферу, но как важную часть исторического процесса в целом.

Очень характерной особенностью общего стиля критического мышления В. В. Кожина всегда был особый *принцип углубления* – в частности, из истории литературы в область историософии. Примером принципа углубления может служить следующее рассуждение: «Каждый, кто смог открыть душу поэзии Николая Рубцова, так или иначе чувствует ту чудодейственную силу *преодоления*, которая в ней воплотилась... Николай Рубцов неопровержимо доказал, что даже в самых тяжких обстоятельствах не умирает всё то, что выразила отечественная поэзия... И, вглядываясь в судьбу Рубцова и его поэзии, есть основания верить, что Россия преодолеет свои нынешние беды» [18, с. 455]. Казалось бы, какая может быть непосредственная связь между особой поэтикой одного, пусть и очень яркого, автора и *будущей* судьбой огромной страны? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к уже упомянутому выше особенностям природы самой поэзии в понимании В. В. Кожина. Во-первых, поэзия есть *свершение*, а не простое «отражение» чего-то – а это значит, что способность свершать эту «чудодейственную силу преодоления» в стихе указывает

и на такую же способность в самом народе, из гущи которого вышел поэт. А во-вторых, если поэзия сама по себе есть историческое событие – то ведь это фактически означает, что в самом появлении именно такой поэзии преодоление «тяжких обстоятельств» уже началось. И поэт, повинувшись своему прозрению, лишь явственно и ярко высказывает ту силу и ту устремлённость, которая в самом народе ещё только-только начала созревать и осознаться.

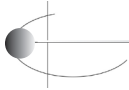
Наконец, эта историософская устремлённость работ «позднего» В. В. Кожина в наиболее яркой форме проявилась в его статье «Русская поэзия середины XX века как откровение о “конце нового времени”». Импульсом для её написания стала работа Р. Гвардини «Конец Нового времени» (1945), в которой философ пишет о саморазрушении образа человека как «индивида» и переходе к новому образу «человека массы» – именно как о *положительном* явлении истории XX века. Суть его в том, что, отстраняясь от «идола» своей «индивидуальности», человек становится свободнее и приобретает трагическое «совершеннолетие». Отталкиваясь от этой мысли, В. В. Кожин утверждает, что такой переход к новому образу человека наиболее ярко был выражен именно в самобытной русской поэзии XX века, выделяя при этом в качестве «знаковых» имена Твардовского и Заболоцкого. По его мнению, «если Твардовский с полемической резкостью объявлял обыкновенное высшей эстетической ценностью, Заболоцкий более мягко внушает, что обыкновенное (обыденное), любая “единица” общества на самом-то деле необыкновенны и исполнены тайны, но люди не умеют и даже вроде бы не хотят это увидеть. И потому одно из ключевых ценностных слов в поэзии Заболоцкого – “неприметный”» [14, с. 145]. Это

новое видение сути творчества основано на *новом образе человека*. И с явной иронией В. В. Кожин замечает по этому поводу: «До сих пор господствует мнение, согласно которому именно “оригинальность” каждого абзаца – первейшая задача писателя (и тем более поэта) и главнейшая трудность... Но конструируемые и теперь по такой модели проза и поэзия в сущности *архаичны*, это явления своего рода стиля “ретро”, который не способен породить высшие художественные ценности» [14, с. 144]. Именно новый образ человека, повергнувшего свои прежние гордые и обманчивые идолы и заново «окликнутого Богом» (Р. Гвардини) – и есть то самое ценное, что рождалось в муках истории XX века. «Но, – рассуждает автор, – как же всё-таки быть с тем насильственным, даже убийственным тоталитаризмом, в условиях которого обрели себя Заболоцкий и Твардовский?.. При взгляде из наступившего времени тоталитаризм предстаёт как предельное испытание человека, которое он выдержал, – что наглядно явлено, “доказано” в поэзии Заболоцкого и Твардовского» [14, с. 150]. Саморазоблачение индивидуализма Нового времени в тоталитаризме XX века здесь, в новой русской поэзии, вернувшейся к глубине традиции, завершилось опытом экзистенциального *преображения* человека и открытием ценности обыкновенного, «неприметного».

Критическое и теоретическое наследие В. В. Кожина, при всех его индивидуальных особенностях, в целом весьма ярко является нам то особое видение сущности поэтического слова и его особого призвания, которое можно определить как поэтику современного русского традиционализма. И в XXI веке оно остаётся ценным и насущным для всех, кто стремится сохранить живую традицию русской классической поэзии.

Список литературы

1. Закон сохранения художественности. Беседа с критиком В. Кожинным // Лит. учёба. 1991. Кн. 6. С. 54–61.
2. Кожин В. В. Заметки о поэзии // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 89–94.
3. Кожин В. В. Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., 1970. 254 с.
4. Кожин В. В. Лирическая дерзость // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 68–74.
5. Кожин В. В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. М.: Сов. Россия, 1976. 88 с.
6. Кожин В. В. О поэтическом мире Юрия Кузнецова // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 219–233.
7. Кожин В. В. О тютчевской плеяде поэтов // Поэты тютчевской плеяды / сост. В. В. Кожин. М., 1982. С. 5–34.
8. Кожин В. В. Понятие о поэтической ценности и современная критика // Статьи о современной литературе. М., 1990.
9. Кожин В. В. Поэзия Василия Казанцева // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 186–196.
10. Кожин В. В. Поэзия сегодня // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 425–427.
11. Кожин В. В. Пророк в своём отечестве Фёдор Тютчев. М., 2002. 512 с.

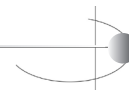

12. Кожин В. В. Пути русского исторического самосознания // В. В. Кожин. Размышления об искусстве, литературе и истории. М., 2001. С. 602–640.
13. Кожин В. В. Путь поэта // Статьи о современной литературе. М., 1990. С. 234–242.
14. Кожин В. В. Русская поэзия середины XX века как откровение о «конце нового времени» // Волшебная гора. Философско-культурологический альманах. М., 1994. Вып. 1. С. 142–150.
15. Кожин В. В. Соборность лирики Ф. И. Тютчева // Победы и беды России. М., 2002. С. 155.
16. Кожин В. В. Стихи и поэзия. М., 1980. 304 с.
17. Кожин В. В. Стихи и поэзия // Страницы современной лирики: сб. произведений современных поэтов / сост. В. В. Кожин. М., 1983. С. 5–14.
18. Кожин В. В. Чем сердце успокоится? Судьба Николая Рубцова и его поэзии // Победы и беды России. М., 2002. С. 432–455.

References

1. Zakon sokhraneniya khudozhestvennosti. Beseda s kritikom V. Kozhinovym // Lit. ucheba. 1991. Kn. 6. S. 54–61.
2. Kozhinov V. V. Zametki o poezii // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 89–94.
3. Kozhinov V. V. Kak pishut stikhi. O zakonakh poeticheskogo tvorchestva. M., 1970. 254 s.
4. Kozhinov V. V. Liricheskaya derzost' // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 68–74.
5. Kozhinov V. V. Nikolai Rubtsov. Zametki o zhizni i tvorchestve poeta. M.: Sov. Rossiya, 1976. 88 s.
6. Kozhinov V. V. O poeticheskom mire Yuriya Kuznetsova // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 219–233.
7. Kozhinov V. V. O tyutchevskoi pleyade poetov // Poety tyutchevskoi pleyady / sost. V. V. Kozhinov. M., 1982. S. 5–34.
8. Kozhinov V. V. Ponyatie o poeticheskoi tsennosti i sovremennaya kritika // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990.
9. Kozhinov V. V. Poeziya Vasiliya Kazantseva // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 186–196.
10. Kozhinov V. V. Poeziya segodnya // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 425–427.
11. Kozhinov V. V. Prorok v svoem otechestve Fedor Tyutchev. M., 2002. 512 s.
12. Kozhinov V. V. Puti russkogo istoricheskogo samosoznaniya // V. V. Kozhinov. Razmyshleniya ob iskusstve, literature i istorii. M., 2001. S. 602–640.
13. Kozhinov V. V. Put' poeta // Stat'i o sovremennoi literature. M., 1990. S. 234–242.
14. Kozhinov V. V. Russkaya poeziya serediny KhKh veka kak otkrovenie o «kontse novogo vremeni» // Volshebnaya gora. Filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh. M., 1994. Vyp. 1. S. 142–150.
15. Kozhinov V. V. Sobornost' liriki F. I. Tyutcheva // Pobedy i bedy Rossii. M., 2002. S. 155.
16. Kozhinov V. V. Stikhi i poeziya. M., 1980. 304 s.
17. Kozhinov V. V. Stikhi i poeziya // Stranitsy sovremennoi liriki: sb. proizvedenii sovremennykh poetov / sost. V. V. Kozhinov. M., 1983. S. 5–14.
18. Kozhinov V. V. Chem serdtse uspokoitsya? Sud'ba Nikolaya Rubtsova i ego poezii // Pobedy i bedy Rossii. M., 2002. S. 432–455.

Статья поступила в редакцию 30.08.2015

УДК 811.112.2'34
ББК 81.432.4–1

Елена Викторовна Петроченко¹,
кандидат филологических наук, доцент,
Воронежский государственный университет
(394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл.1),
e-mail: petrocenko@mail.ru

Мария Андреевна Блинова,
магистрант,
Воронежский государственный университет
(394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл.1),
e-mail: blinovamari@gmail.com

Интонационный признак завершенности в вокальной форме языка (на примере анализа русских и немецких детских песен)

Данная статья посвящена проблеме изучения интонационных параметров вокальной музыки. Вопрос о соотносённости структуры музыкальной мелодии с системой интонации языка до сих пор остаётся мало исследованным в лингвистике. Данный объект стоит на стыке дисциплин: теории языка, интонологии и теории музыки. В статье даётся обоснование термину «вокальная форма» и описывается опыт анализа признака интонационной завершенности на материале детской песни (в паре языков русский/немецкий). Работа выполнена с позиции фонологического подхода к исследованию интонации, который заключается в выделении релевантных, дифференциальных и интегральных признаков интонологических единиц – интоном в системе языка и тактем в системе музыкального лада. Экспериментальное исследование показало, что выражение признака завершенности в вокальной форме двух языков имеет фонологически неравнозначный вариант реализации интономы. Анализ выявил различие в локализации дифференциального признака интонационной завершенности: в русском языке мелодический максимум реализуется в финальной каденции с ладовым признаком IV или III ступени. В немецком языке был зафиксирован «усечённый вариант» реализации признака завершенности в срединных кадансах вокальной формы; уровень ударного слога на V или III ступени входит в зону относительной ладовой устойчивости, и тем самым частично берёт на себя реализацию признака интонационной завершенности. Описанный опыт структурного анализа вокальной музыки доказывает наличие интонологического плана в данной форме языка.

Ключевые слова: интонология, вокальная форма языка, интонационные единицы языка, дифференциальный признак, фонологический подход к исследованию интонации, фонетический анализ.

Elena Viktorovna Petrochenko²,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Voronezh State University
(1Universitetskaya Ploshchad, Voronezh, Russia, 394006),
e-mail: petrocenko@mail.ru

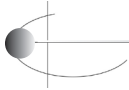
Maria Andreevna Blinova,
Graduate Student,
Voronezh State University
(1Universitetskaya Ploshchad, Voronezh, Russia, 394006),
e-mail: blinovamari@gmail.com

Intonation Feature of Terminality in the Vocal Form of a Language (The Case of Russian and German Children's Songs)

The article considers the issue of studying vocal music intonation features. There is still little linguistic research into correlation between melodic structure in music and intonation system of a language. This is an interdisciplinary issue, involving the theory of language, intonation studies and the theory of music. The article provides argumentation for the term “vocal form of a language” and presents analysis of intonation feature of terminality in children's songs (in Russian and Ger-

¹ Е. В. Петроченко – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² E. V. Petrochenko is the main author who has organized the study, formulated the conclusions and findings in realization of the group project.

man). The paper follows phonological approach to intonation studies, which means defining distinctive and integral relevant features of tone units. These units are referred to as intonemes, in the language system and measure patterns in the system of musical modes. The case study proved that the terminality features expressed in the vocal forms of the two languages do not fully correlate phonologically. The difference concerns localization of the intonation terminality feature: in case of the Russian language, the maximal pitch occurs in the final cadence with the IVth or IIIrd modal degree. In German, "elliptic" variation of terminality feature has been found in the middle vocal cadences; the accented syllable pitch is involved in the zone of approximate modal stability on the Vth or IIIrd degree and thus takes part in intonation terminality feature realization. The structural analysis of vocal music presented in this article provides evidence for intonological level in the vocal form of language.

Keywords: intonology, vocal form of a language, intonation units, distinctive feature, phonological approach to intonation studies, phonetic analysis.

Вокальная музыка данной языковой культуры представляет чрезвычайно интересный объект для лингвиста, прежде всего в плане исследования её интонационного выражения. По сути, вокально-музыкальное произведение (текст) является одним из *видов звучащей речи*, и, следовательно, она должна рассматриваться как форма существования языка. О тесной, глубинной тоновой связи между речевой интонацией и музыкой, особенно вокальной, высказывались В. А. Богородицкий, Б. В. Асафьев, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, А. А. Леонтьев и др. Учёных объединяла мысль, что вокальная мелодия имеет непосредственное отношение к интонационным параметрам родного языка автора [13, с. 160]. Осуществлялись отдельные попытки выявления этой взаимосвязи [17; 19]. Однако и сегодня следует признать, что вокальная музыка чрезвычайно мало исследована в лингвистике. Очевидно, что этот объект требует специального изучения на стыке двух дисциплин (интонологии, теории интонации) и музыковедения, теории *ладовых* парадигм [10; 16]. Сам процесс происхождения музыки сводится, по мнению М. Г. Харлапа, к процессу происхождения лада из ритма: когда из речевого потока (из первичной ритмизованной интонации) постепенно выделялись тоны, соотносимые между собой [14, с. 227]. Его рассуждения о том, что «соотношения тонов заложены в природе звука» и «развитие ладов представляет собой постепенное открытие этих соотношений» [14, с. 243], находят научное обоснование в психоакустической теории Г. Гельмгольца [8].

Детская песня имеет непосредственное отношение к древнейшим (устным) формам вокального творчества и в целом к народной вокальной музыке. Последняя, как подчёркивал В. А. Богородицкий, особенно должна интересовать лингвиста [3, с. 136], поскольку значительную долю её интонаций составляют, по выражению Б. Асафьева, «собственно ре-

алистические интонации», свойственные речи [1, с. 281]. Размышления известных учёных о родстве интонации языка и музыки народа, оставшиеся лишь гипотезами, дают, тем не менее, достаточное основание для теоретической и экспериментальной разработки данного вопроса: исследование вокальной музыки в аспекте теории интонации и интонологии. Выявление *фонологически и интонологически релевантных* (не музыкально-стилистических!) интонационных признаков в мелодии вокальной музыки составляет суть лингвистического изучения данной формы языка.

К понятию «вокальная форма»

Вокальная музыка представляет собой явление двойственной природы. Музыкальное повествование есть *специфическая* форма высказывания, объединяющая в себе язык и музыку. Не случайно эта форма существования языка привлекала и привлекает внимание учёных в различных областях знания: философов, психологов, культурологов, музыковедов, физиологов, филологов, лингвистов. Как отмечают языковеды, фонетисты и речеведы, пение в противоположность говорению является другим, особым видом фонации, отличным от говорения [22]. В пении такие величины, как интервалы изменения высоты тона, его длительность и интенсивность, определены музыкальной структурой и зафиксированы в нотной записи текста. В фонетическом аспекте пение (в противоположность говорению) рассматривается как особое качество звучания – *кантилена*, обусловленное специфическим образованием звуков (тонов), вызывающее определённые изменения в произнесении фонем данного языка. Для обозначения пения как *вида произнесения* используется понятие «вокальная речь» [6], заимствованное из работ по акустике и физиологии голосообразования в речи и пении и вокальной методике [7]. В зарубеж-

ной литературе этому понятию соответствуют: *Singen, Gesang, Gesangsart* – в противоположность *Sprechen* [22]. Предложенный проф. Л. В. Величковой термин «вокальная форма», с точки зрения описания реализации в вокальной музыке фонетических вариантов *фонем* – единиц языка, представляется лингвистически наиболее точным [9; 20]. Установление орфоэпической нормы для пения (для определённого стиля вокала) является, в сущности, описанием *вокальной* формы реализации фонем данного языка.

Во втором значении термином «вокальная форма» обозначается *sort* *звучащего текста* (*Textsorte*), созданного средствами музыки, и вокального голоса, материальное выражение которого представляет некую форму, организованную и существующую в ритмико-интонационных параметрах. Фактически вокальной формой следует называть любой *жанр* вокально-музыкального искусства, а также конкретное его воплощение – вокальное произведение. Описание вокальных форм произнесения гласных и согласных звуков составляет раздел *фоностилистики*. Вокальная форма (далее – ВФ) представляет собой наряду с другими текстами – произнесёнными, исполненными на сцене или прочитанными – тип звучащего текста, который имеет свои фоностилистические характеристики и является, таким образом, объектом фоностилистики. Внутри вокальной музыки следует также различать отдельные вокально-фонетические стили: академическое пение (ария, романс, хорал и др.), народное пение (народная городская песня, детская песня, бардовская песня, шансон и др.), рок-вокал и пр. Эти фонетические стили характеризуются, с одной стороны, различиями в произнесении звуков (фонем) языка, с другой – способами ритмико-интонационного выражения текста. Рассматривая фоностилистический план ВФ, важно понять, идёт ли речь о стилистике сегментного или супrasegmentного уровня ВФ. Термин «вокальная форма» созвучен с понятием «музыкальная форма» в трудах известного отечественного музыковеда Б. В. Асафьева. Учёный объясняет, что «*музыкальная форма* как явление социально детерминированное прежде всего познаётся как *форма* (вид, структура, способ и средство)», организованная в процессе *интонирования* [1, с. 21].

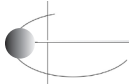
В данной работе вокальная форма, вокально-песенный звучащий текст, рассматривается с точки зрения его интонационных параметров. Существенным для лингвисти-

ческого анализа вокальной музыки является установление соотносённости мелодии текста с интонационными единицами языка, другими словами, выявление *интонологической* составляющей в структуре *чистой* мелодии – музыкального компонента ВФ.

Интонологическое исследование ВФ «детская песня»

В качестве **объекта** данного исследования были выбраны детские песни, входящие в традиционный репертуар так называемых «Популярных детских песен (для дошкольного возраста)». Условия функционирования детских песен в разных языковых культурах предельно близки. Весьма схожими (при первом приближении) оказываются и содержательная сторона, и выразительные средства данного типа ВФ. С другой стороны, логично предположить, что в процессе происхождения жанров вокальной музыки у каждого народа параметры его языка (интонационные, ритмические) оказывали влияние на формирование мелодической структуры ВФ. Подтверждают сказанное данные о *характере* песенной *мелодии* в двух языках, о различной степени её *подвижности*: контурная линия мотива немецкой песни менее подвижна, чем русской. Так, в структуре немецкой детской песни из 12 слогов тон голоса меняет направление 2–3 раза, а в русской на такое же количество слогов приходится 5 – 6 изменений направления тона. Наличие в немецкой ВФ большего количества ровных участков (ряда тонов одной высоты) также свидетельствует о родстве мелодии с интонацией, более *монотонной* в немецкой речи, согласно данным контрастивных исследований [23].

Корпус исследования составили 30 звучащих текстов: 15 русских и 15 немецких песен (аудиозапись), исполняемых детьми – носителями языка (пение преимущественно сольное, фактура аккомпанемента максимально облёгченная). С **целью** выявления в ВФ параметров интонологического плана, была предпринята попытка фонетического анализа мелодии на участке *каданса*, отвечающего, согласно законам музыкального синтаксиса, за реализацию признака интонационной заведённости высказывания. Исследование проводилось на материале двух не близко родственных языках (русского и немецкого). Обращение к сопоставительному методу, как представляется, позволяет наметить план изучения данного вопроса через *системное* сравнение реализации признака/признаков в двух языках, а также определить

проблемные пункты сравнительного анализа. В работе использовались **методы** структурного *фонологического* анализа интонации с выделением единиц (*интоном*) в их дифференциальных признаках, а также метод аудитивного, перцептивного фонетического, анализа звучащего материала. Процедура эксперимента выполнялась с применением специальной методики анализа вокальной формы, разрабатываемой в Научно-методическом центре фонетики Воронежского государственного университета (под рук. проф. Л. В. Величковой) и апробированной в ряде наших работ [10; 21]. Теоретической базой исследования послужили: 1) фонологический подход к описанию супrasegmentного уровня языка [4; 23] и 2) интонологическая концепция описания единиц языка Ю. В. Щеки [16].

Вокальная форма «Детская песня» представляет исключительно подходящий **материал** для фонетического исследования ВФ в силу ясности её содержательного, формального и психологического аспектов. Первобытная сущность детской вокальной формы с опорой на фольклор говорит о надёжности, аутентичности данного материала для лингвистических исследований. Опора мелодики детской песни на речевые интонации здесь очевидна. Ведь *детская музыка* – музыка, предназначенная для слушания или исполнения детьми, соответствуют их вокальным возможностям: принимаются во внимание диапазон голоса, особенности звукообразования и дикции, тембровые характеристики, а также трудности технического характера.

При **структурном** подходе единицы музыкального мотива ВФ (песни) рассматривались с точки зрения интонационных параметров языка, отраженных в нём согласно принятой гипотезе. Анализ проводился с учётом специфики двух интонационных систем – языковой и музыкальной. Одной из важнейших задач стала задача выделения единицы анализа – ритмомелодической структуры, **тактемы** (термин Ю. В. Щеки), в которой реализуется *дифференциальный признак* интонации (признак интонационной завершенности высказывания). Дифференциальный признак на уровне интонации соотносится с определённым языковым значением и служит средством дифференциации коммуникативных типов высказывания. Дифференциальные признаки (далее – ДП) постоянно присущи интонационной единице (*интоном*), и в этом смысле она обладает их постоянным набором, в котором, однако, один признак может быть ведущим. Так, в качестве ведущего при-

знака в русском языке выступает высотный уровень *мелодического максимума*, а в немецком – *достижение тона голоса нижней границы речевого диапазона* (*Lösungstiefe*), наличие или отсутствие этого признака [4; 18]. В русском языке именно передвижение мелодического максимума по вертикали ведёт к изменению коммуникативного типа высказывания (выделяется 4 уровня, и, соответственно ИЕ), а не мелодика конечной части, как традиционно описывалось в классических грамматиках [23]. По классификации интоном немецкого языка нас интересовала терминальная интонома 1, имеющая значение *интонационной завершенности*. Мелодический максимум совпадает с главноударным слогом фразы, осуществление падения тона до уровня *Lösungstiefe* от этого сегмента к концу фразы выражает искомый ДП в единице ВФ – тактеме.

Наименьшую смысловую единицу вокальной формы мы называем *тактемой*, занимая этот термин у Ю. В. Щеки [16]. В нашей работе тактема выступает как единица супrasegmentного уровня ВФ языка, её инвариант представляет собой *ритмомелодическую структуру*, в которой одна сильная доля объединяет вокруг себя одну и более слабых долей такта. На фонетическом уровне (в речи/пении) тактеме может соответствовать слог, фонетическое слово или иначе *вокально-фонетическое звено*, *ритмическая группа* [21]. Музыкальная *фраза* детского фольклора представляет собой интонационно целостное *высказывание*, которое совпадает с синтагматическим членением текста строфы и, как правило, содержит от 2 до 4 тактем:

[[НОpp, hopp, |hOpp] [[PfErdchen, lauf Ga |Opp];
[[ЖИли у ба |бУси] [[двА весёлых |гУся];
[[Alle meine |Entchen] [[schwImmen auf dem SEe];
[[в ле |сУ родилась] [[Ёлочка] [в ле |сУ она] [рос |лА].

Тактема (выделена в примерах квадратными скобками) относится к такту (выделен вертикальной чертой) в том смысле, что ударные слоги, как правило, совпадают с сильными долями такта. В 4-дольном метре с двумя сильными позициями потенциально может реализоваться как одна, так и две тактемы, что выявляется непосредственно при восприятии звучащего текста ВФ, экспериментально – на основе метода аудитивного анализа.

В структуре ВФ дифференциальный признак интонации «заложен» в завершающей мотивной синтагме (тактеме), называемой в музыкальной терминологии *каденцией*, или *кадансом*. В мажоро-минорной западноевропейской тональной системе в каденции

обычно сочетаются метроритмичность (опорные акценты имеют 4-й или 8-й такт простого периода) и остановка на одной из наиболее важных ступеней лада: на I, V, реже – на IV ступени и др. По местоположению различают заключительные (в конце мотива), срединные (внутри целостного мотива, предложения, периода, текста), а также дополнительные (зарамочные) каденции. В теории музыки принято считать, что именно кадансы мелодий несут коммуникативное интонационное значение, и прежде всего в них скрыт «национальный склад речи» [5, с. 90, 95]. В каждом тексте корпуса были отмечены каденционные участки.

Данные интонационно-фонетического анализа ВФ

Выше описанный интонологический подход был применён к исследованию ВФ «Детская песня» с целью выявления в её мелодической структуре признаков реализации интонационных параметров языка, в частности, признака интонационной завершенности. Перед проведением экспериментально-фонетического исследования была выдвинута следующая рабочая гипотеза: 1) интонационные структуры ВФ «детская песня» определённо соотносятся с параметрами и единицами интонационной системы языка; 2) локализация интонационного признака завершенности в ВФ и характер его реализации различны в русской и немецкой детской песне. Музыкально-фонетический перцептивный анализ вокально-песенного материала ВФ включал несколько этапов: создание музыкально-фонетической нотации, соответствующей звучащему тексту; анализ ритмомелодической структуры ВФ; анализ тонально-мелодических и интервальных характеристик ВФ во всём тексте и на участках каданса; выделение тактемы с ДП «завершённости» фразы и интерпретация её интонологического плана. Подчеркнём, что звучащий текст был для нас первичен, нотная партитура – вторична.

В экспериментальный корпус вошли немецкие детские песни из популярных сборников “Kindermusik” (2006–2009, интернет-ресурс “YouTube”) и русские детские песни, подобранные по критериям схожести образной тематики с немецкими песнями, набору формальных средств и наличию подходящих звучащих вариантов:

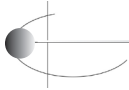
– Корпус I. **Немецкие песни:** “Alle meine Entchen”, “Fuchs, du hast die Gans gestohlen”, “Hänschen klein ging allein”, “Pferdchen, lauf Galopp”, “Kommt ein Vogel geflogen”, “Es reg-

net”, “Summ, summ, summ”, “Es tanzt ein Bi-Ba-Butzemann”, “Hoppe, hoppe, Reiter”, “A-A-A, der Winter ist da”, “Ein Männlein steht im Walde”, “Brüderchen, komm, tanz mit mir”, “Suse, liebe Suse, was raschelt im Stroh?”, “Backe, backe Kuchen”, “Es war eine Mutter”.

– Корпус II. **Русские песни:** «Весёлые гуси», «Антошка», «Белые снежинки», «Мы запели песенку», «В траве сидел кузнечик», «Ёлочка», «В лесу родилась ёлочка», «Серенький козлик», «Мишка с куклой», «Дует ветер озорной», «По малину в сад пойдём», «Мамочка, милая», «Неваляшки», «Что нам осень принесёт», «Каравай».

Как мы предполагали, вокально-музыкальный материал обнаружил во многом близкий набор формальных средств выражения. Так, ритмические параметры мелодии русских и немецких песен характеризует постоянный метр, довольно однородный ритмический рисунок такта и стабильная повторяемость одного и более мотивных сегментов/фраз. Постоянный, двудольный, метр (предпочтительный размер такта 2/4 или 4/4) в данном типе ВФ мы связываем, скорее, с ритмичными, повторяющимися движениями в игре, танце и пр., нежели с ритмическими параметрами языка. Каждая доля такта соответствует одному слогу. В отличие, например, от вокальных форм традиционного русского песенного фольклора, в которых обнаруживается явная тенденция к распеванию слога на протяжении двух и более тонов такта [21], в вокальной форме «детская песня» – это лишь единичные случаи.

Анализ грамматического заполнения мотива/фразы показал, что синтаксис песенных текстов в обоих языках представлен набором одних и тех же коммуникативных типов предложений. Грамматическая секвенция ВФ включает повествовательное, побудительное и реже вопросительное (с вопросительным словом) предложения, со значительным перевесом повествовательного типа в обоих языках (в 2,5–3 раза). Главный же вопрос заключался в том, как реализуются грамматические единицы в интонационном плане, в соответствии с классификацией ИЕ языка в рамках фонологического подхода, выделяющего для немецкого языка всего две основные оппозиции, а для русского языка – четыре [4; 23]. Важно уточнить, что если для немецкого языка названные три грамматических типа предложения представлены одной и той же ИЕ (Intonem 1), то для русского языка это три ИЕ. Данный факт служит одним из проблемных пунктов сопоставительного анализа.

В интонационной структуре ВФ фиксировались данные: тактометрические (размер такта, количество слогов) и синтагматическое членение (тактемы), сегментный состав (количество тонов, слогов, а также изменений направления тона в мелодии). Этап мелодического анализа был подготовлен данными о тонально-высотной структуре ВФ: тональность/лад, общий диапазон, уровень верхнего и нижнего тона в их музыкальных ладовых значениях. Отдельному анализу были подвергнуты каденционные участки мелодии. Тактема, в которой реализуются ДП интонации, включает интонационный центр с главноударным словом (в составе рематической синтагмы) и располагается, следуя закону музыкального синтаксиса, на участках каденций: каденции мотива, фразы, предложения, завершающей каденции ВФ (периода). Вероятно, в первую очередь именно эти участки структуры могут отражать фонологически интонационные признаки, являясь при этом интонологическими (лингвистическими) единицами.

Проведённое исследование позволило выявить ряд общих и отличительных тенденций в интонологической составляющей вокальной формы «детская песня» в двух языках. Так, относительно тональности мелодии обнаружилась общая тенденция к **мажорному ладу**: все немецкие песни звучат в мажоре, из 15 русских лишь 2 имеют минорный модус (в отличие, кстати, от старинного русского народно-городского фольклора [11]). Универсальность этой тенденции к мажору в детской песне, возможно, кроется в психологии детского восприятия музыкальных форм как эмоционально позитивных компонентов коммуникативно-познавательной деятельности ребёнка.

Во всех детских песнях используется не широкий диапазон мелодии, преимущественно от 8 до 12 полутонов (далее – пт) в обеих группах текстов (русских и немецких). Можно было бы ожидать несовпадение в этом параметре ВФ, если опираться на некоторые, в частности, акустические, данные о ширине *речевого* диапазона повествования: 7 пт в немецком относительно 9–11 пт в русском языке [2; 12]. Мы полагаем, что такая характеристика ВФ, как общий диапазон мелодии, является в данном подходе (фонологическом) мало информативной. Зато показатели релевантных участков структуры ВФ, не совпадающих в интонационных системах двух языков, обнаруживают отличие. Так, структурный ладомелодический анализ русской ВФ выявил

следующее: **диапазон мелодии** заключительной фразы (часто это второе предложение музыкального периода), включающей в каденции тактему с ДП, составляет в большинстве текстов от 7 до 9 пт (в 11 текстах), что соответствует данным о терминальном интервале русского повествовательного высказывания [12; 15]. Искомый интонационный признак завершенности реализуется в финальной тактеме заключительной каденции и располагается в тоне *локального максимума* (Mmax) в позиции перед слогом, несущим главное фразовое ударение. Последующее нисходящее (чаще) движение к устою – тонике – характерно для завершения музыкальной формы (периода). Внимание обращает на себя тенденция расположения Mmax на IV или III ступени лада (см. рис. 1).

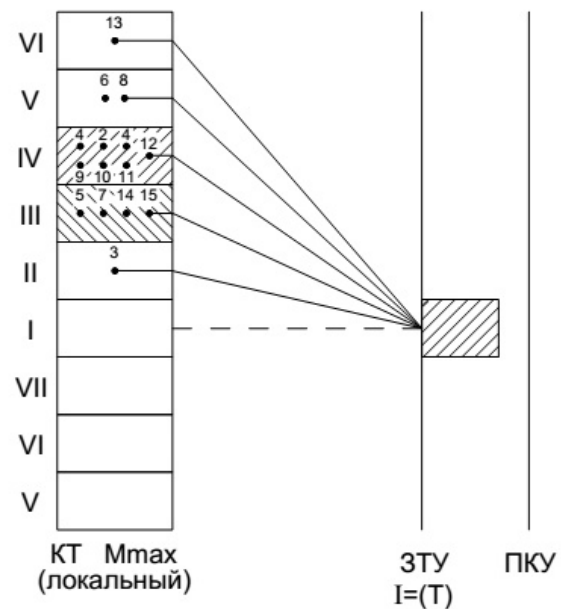
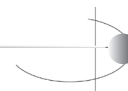

Рис. 1. Интонационная модель признака завершенности ВФ русского языка:

КТ – каденционная тактема; Mmax – мелодический максимум; ЗТУ – завершающий тональный уровень каданса = I ступень (Тоника); ПКУ – уровень посткаденции (отсутствует)

Анализ песенного материала немецкого языка, с учётом данных о формальной реализации ИЕ в речи, был осложнён наличием универсальных законов музыкального синтаксиса в системе западноевропейской ладовой парадигмы мышления. Заключительному кадансу предписана почти константная привязанность последней тактемы с ямбическим ритмом фразового ударения (x(x)|X) к сильной доле такта с обязательным финальным завершением на первой ступени лада – то-

нике. При этом условии дифференциальный признак интономы – падение тона в ударном слове к нижней границе диапазона – не может реализоваться. Тем не менее, заключительная каденция немецкой ВФ обнаружила отличие от каденции ВФ русской песни. Её мелодический диапазон не выходит за пределы 7 полутонов (от 4 до 7 пт), т. е. на 3 пт уже, чем в русском языке. Интервал в 7 пт, согласно ранее полученным данным, оказывается релевантным для восприятия повествовательной фразы немецкой речи [10].

Вопрос **локализации ДП** в структуре ВФ требует отдельного рассмотрения и пояснения. Грамматическая привязанность ДП к главному фразовому ударению в рематической синтагме определяет его позицию на значимом слове в конечной такте. В ней реализуется интонационный признак коммуникативного типа высказывания, для немецкого языка признак падения тона до нижней границы голосового диапазона сигнализирует завершённость фразы, на грамматическом

уровне ей соответствуют: повествование, побудительное высказывание или вопрос с вопросительным словом. Согласно правилам грамматики, или логике музыкального синтаксиса, завершающий тон ВФ и есть позиция главного фразового ударения. Однако в ходе аудитивного анализа было замечено, что **динамическая** вершина каденции реализует мелодический максимум с более сильной экспираторной атакой звука. И наоборот, перцептивная характеристика финального ударного слога может проявлять некоторую **депрессию фонации**, угасание звука, что приближает восприятие немецкой фразы к высказыванию с контрастной акцентуацией (Kontrastakzentuierung). Такие моменты «ложного перемещения фразового акцента» были отмечены в ряде текстов, иногда единичных вариантах реализации ВФ, или в одном из куплетов: динамический акцент фразы реализовался на сильной доле в предпоследнем такте, с которого начиналось терминальное падение мелодики (см. рис. 2).

Рис. 2. Пример фонационно-перцептивного перемещения фразового акцента

Задача определения тактемы с ДП, таким образом, была сопряжена с трудностью, связанной с установлением фразовых акцентов ВФ, имеющих неоднозначную перцептивную оценку на уровне восприятия, что, несомненно, может быть перепроверено в опыте с группами экспертов – носителями немецкого языка (фонетистами и музыкантами). Более существенную интонационную информацию, как оказалось, содержат **серединные** каденсы, они в значительно меньшей степени зависят от законов музыкального синтаксиса.

Тактемы серединной каденции рассматривались по тем же параметрам. Интонационный анализ структуры этого сегмента ВФ выявил наличие в нём **музыкального инварианта** интонационной единицы завершённости, формальная структура которой имеет отклонения от реализации основного варианта терминальной интономы немецкого языка. Тем не менее, мы склонны рассматривать её как интонологическую единицу. Тональный уровень ударного слога/тона тактемы представлен чаще всего V, III, реже – IV ступенью лада (см. рис. 3).

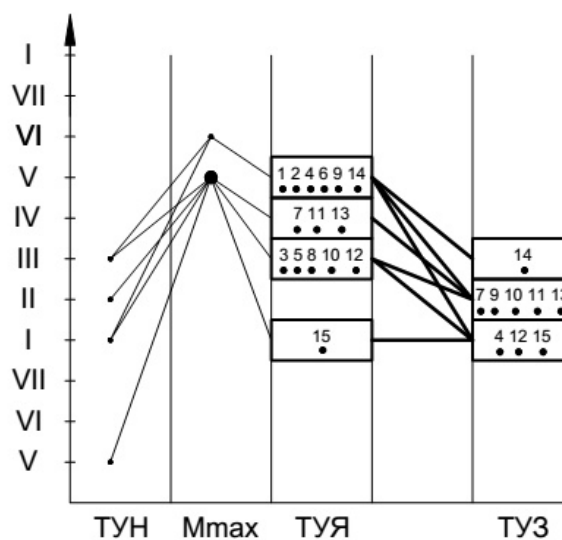
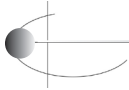

Рис. 3. Интонационная модель признака завершённости ВФ немецкого языка:

ТУН – тональный уровень начала; Mmax – мелодический максимум; TUY – тональный уровень ядерного тона; ТУЗ – уровень завершающего тона каденции

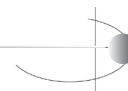
Высотный уровень ударного слога, располагаясь над I ступенью, входит при этом в зону относительной ладовой устойчивости, и тем самым частично берёт на себя реализацию признака интонационной завершенности. И только в половине текстов (в 8 текстах из 15) за ним осуществляется падение тона, которое можно соотнести с ДП (Lösungstiefe) и трактовать этот нисходящий интервал (всего в 3 полутона) как некий «**усечённый вариант**» реализации ДП. Такая «**недодифференциация**» интонационного признака может быть обусловлена несколькими факторами: 1) законами музыкального синтаксиса в эстетике западноевропейской ладовой системы, 2) субъективным характером перцептивной базы двух языков и 3) физиологией вокального (в данном случае детского) голоса, не использующего нижние тоны низкого регистра. В нашем корпусе встретились только 3 случая, когда захватывается *низкий* тон под нижней тоникой (тексты 8, 12 и 15). Эти случаи могут быть объяснены высоким положением тоники данных песен (тональности Соль/Фа мажор): V ступень в них приходится на ступени *do* или *re* первой октавы – удобные нижние тоны в певческом диапазоне детского голоса.

Подводя итог, можно утверждать, что *музыкальный* план ВФ определенно соотносится с параметрами и единицами интонационной системы языка. Полученные данные позволяют говорить о наличии интонологического плана в данной форме языка. Выражение ДП завершенности в ВФ двух языков имеет неравнозначную формальную реализацию инварианта ИЕ. Русская ВФ в сравнении с немецкой выявляет довольно высокую степень отражения интонационной системы языка, чем ВФ немецкого языка. Отметим, что *интонационная* реализация языка в музыкальной форме обусловлена четко заданными параметрами музыки (такторитмическими, ладотональными и мелодическими). В вокальной форме *интонационная система* языка вступает во взаимодействие с *музыкально-тактовой* системой. Характер этого взаимодействия еще мало исследован. Описанный в настоящей работе эксперимент представляет опыт структурного интонологического (лингвистического) анализа мелодии вокально-музыкальной формы языка, который, как нам видится, имеет перспективу дальнейшей разработки на широком музыкальном материале.

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музгиз, 1963. Кн. 1, 2. 379 с.
2. Блохина Л. П. Интонационный аспект билингвизма (на материале немецкого и русского языков) // Актуальные вопросы интонации: сб. науч. тр. М.: Ун-т дружбы народов, 1984. С. 1–96.
3. Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. М.: Изд-во НАРКОМПРОСА РСФСР, 1939. 224 с.
4. Величкова Л. В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. 198 с.
5. Друскин М. С. Вопросы музыкальной драматургии оперы (на материале классического наследия). М.: Музгиз, 1952. 344 с.
6. Ильинов Ю. М. Фонетические характеристики вокальной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2007. 22 с.
7. Морозов В. П. Тайны вокальной речи. Л.: Наука, 1967. 204 с.
8. Музыкальная акустика / Н. А. Гарбузов [и др.]. М.: Музгиз, 1954. 236 с.
9. Петроченко Е. В. Вокальная форма в обучении неродному языку // Изв. Воронеж. пед. ун-та. Воронеж, 1999. Т. 249. С. 76–80.
10. Петроченко Е. В. Характеристика интонационных единиц языка по их соотносённости с музыкально-ладовой структурой (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2001. 231 с.
11. Петроченко Е. В. Интонационные параметры вокальной формы языка: исследование на материале русской и немецкой и немецкой народной песни // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2015. № 1. С. 115–120.
12. Петрянкина В. И. Функционально-семантический аспект интонации. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. 192 с.
13. Сайтанова Н. И. Некоторые ритмические соотношения нотной записи вокальной речи и её исполнения // Исследования по структурной и прикладной лингвистике: сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 159–168.
14. Харлап М. Г. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. 274 с.
15. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Рус. яз., 1989. 240 с.
16. Щека Ю. В. Гармонема и тактема как интонологические единицы и их особенности в турецкой разговорной речи // Вопр. языкознания. 1989. № 5. С. 57–69.

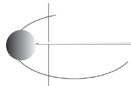

17. Fónagy J., Magnics K. Emotional patterns in intonation and music // Zeitschrift für phonetic, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. 16. Berlin, 1963. S. 337–370.
18. Meinhold G., Stock E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprachen. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut. 1982. 256 S.
19. Patel A. D., Iversen J. R., Rosenberg J. C. Comparing the rhythm and melody of speech and music // The case of British English and French: Journal of the Acoustical Society of America, 2006. S. 119, 3034–3047.
20. Petročenko E. Vokalstück als eine Textsorte phonostilistisch geprägt // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis: сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2007. Вып. 4. С. 64–75.
21. Petročenko E. Intonatorische Grundeinheiten in der Gesangsform (eine Untersuchung am Material des russischen Volksliedes) // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis: сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2011. Вып. 6. С. 54–66.
22. Seidner W., Wendler J. Die Sängerstimme. Phoniatische Grundlagen des Gesangs. Berlin: Henschelverlag, 1978. 215 S.
23. Stock E., Veličkova L. Sprechrhythmus im Deutschen und Russischen. Frankfurt am Main [et al.]: Peter Lang Verlag, 2002. 260 S.

References

1. Asaf'ev B. V. Muzykal'naya forma kak protsess. L.: Muzgiz, 1963. Kn. 1, 2. 379 s.
2. Blokhina L. P. Intonatsionnyi aspekt bilingvizma (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) // Aktual'nye voprosy intonatsii: sb. nauch. tr. M.: Un-t družby narodov, 1984. S. 1–96.
3. Bogoroditskii V. A. Ocherki po yazykovedeniyu i russkomu yazyku. M.: Izd-vo NARKOMPROMA RSFSR, 1939. 224 s.
4. Velichkova L. V. Kontrastivno-fonologicheskii analiz i obuchenie inoyazychnomu proiznosheniyu. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1989. 198 s.
5. Druskin M. S. Voprosy muzykal'noi dramaturgii opery (na materiale klassicheskogo naslediya). M.: Muzgiz, 1952. 344 s.
6. Il'inov Yu. M. Foneticheskie kharakteristiki vokal'noi rechi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Volgograd, 2007. 22 s.
7. Morozov V. P. Tainy vokal'noi rechi. L.: Nauka, 1967. 204 s.
8. Muzykal'naya akustika / N. A. Garbuzov [i dr.]. M.: Muzgiz, 1954. 236 s.
9. Petrochenko E. V. Vokal'naya forma v obuchenii nerodnomu yazyku // Izv. Voronezh. ped. un-ta. Voronezh, 1999. T. 249. S. 76–80.
10. Petrochenko E. V. Kharakteristika intonatsionnykh edinits yazyka po ikh sootnesenosti s muzykal'no-ladovoi strukturoi (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh, 2001. 231 s.
11. Petrochenko E. V. Intonatsionnye parametry vokal'noi formy yazyka: issledovanie na materiale russkoi i nemetskoi i nemetskoi narodnoi pesni // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Voronezh, 2015. № 1. S. 115–120.
12. Petryankina V. I. Funktsional'no-semanticheskii aspekt intonatsii. M.: Izd-vo Un-ta družby narodov, 1988. 192 s.
13. Saitanova N. I. Nekotorye ritmicheskie sootnosheniya notnoi zapisi vokal'noi rechi i ee ispolneniya // Issledovaniya po strukturnoi i prikladnoi lingvistike: sb. nauch. tr. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1975. S. 159–168.
14. Kharlap M. G. Narodno-russkaya muzykal'naya sistema i problema proiskhozhdeniya muzyki // Rannie formy iskusstva. M.: Iskustvo, 1972. 274 s.
15. Cheremisina N. V. Russkaya intonatsiya: poeziya, proza, razgovornaya rech'. M.: Rus. yaz., 1989. 240 s.
16. Shcheka Yu. V. Garmonema i taktema kak intonologicheskie edinitsy i ikh osobennosti v turetskoi razgovornoj rechi // Vopr. yazykoznaniiya. 1989. № 5. S. 57–69.
17. Fónagy J., Magnics K. Emotional patterns in intonation and music // Zeitschrift für phonetic, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. 16. Berlin, 1963. S. 337–370.
18. Meinhold G., Stock E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprachen. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut. 1982. 256 S.
19. Patel A. D., Iversen J. R., Rosenberg J. C. Comparing the rhythm and melody of speech and music // The case of British English and French: Journal of the Acoustical Society of America, 2006. S. 119, 3034–3047.
20. Petročenko E. Vokalstück als eine Textsorte phonostilistisch geprägt // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis: сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2007. Вып. 4. С. 64–75.
21. Petročenko E. Intonatorische Grundeinheiten in der Gesangsform (eine Untersuchung am Material des russischen Volksliedes) // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis: сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2011. Вып. 6. С. 54–66.
22. Seidner W., Wendler J. Die Sängerstimme. Phoniatische Grundlagen des Gesangs. Berlin: Henschelverlag, 1978. 215 S.
23. Stock E., Veličkova L. Sprechrhythmus im Deutschen und Russischen. Frankfurt am Main [et al.]: Peter Lang Verlag, 2002. 260 S.

УДК 8
ББК 81.003
ББК Ш10.03

Марина Владимировна Пименова¹,
доктор филологических наук, профессор,
Военный институт (ЖДВ и ВОСО)
(194508, Россия, г. Санкт-Петербург, в. Петергоф, ул. Суворовская, 1),
e-mail: mvpimenova@yandex.ru

Наталья Павловна Балашова²,
кандидат филологических наук,
Кемеровский государственный университет
(654000, Россия, г. Новокузнецк, ул. Кутузова, 12),
e-mail: balashova.nata84@yandex.ru

Соматические метафоры луны в современных поэтических произведениях

Витальные, перцептивные и телесные метафоры образуют соматический код лингвокультуры. Признаки, положенные в основу создания таких метафор, объясняются с позиций мифологии и символизма. В качестве иллюстративного материала используются произведения современных авторов. Одним из источников языкового материала послужил Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

В качестве объекта исследования в статье выступает концепт луна. В современной научной литературе это явление небесной сферы относительно редко удостоивалось внимания лингвистов.

Современные поэты, создавая индивидуально-авторские метафоры, используют существующие ресурсы языка. Витальный код лингвокультуры позволяет поэтам представлять луну в качестве живого существа, у которой есть все признаки жизни: рождение, сон, разнообразные способы движения, питание, голос и его отсутствие, болезни и т. д.

Перцептивный код лингвокультуры даёт возможность авторам описывать луну через признаки разных способов восприятия: зрения, слуха, осязания. Перцептивные метафоры служат инструментом для выражения форм взаимодействия луны с земным миром.

Телесные метафоры образуются авторами поэтических произведений посредством признаков частей тела: лица, рук и ног, корпуса, спины. Все эти признаки позволяют воссоздать облик луны в современной русской языковой картине мира.

Ключевые слова: лингвокультура, метафора, концепт, символ, языковая картина мира.

Marina Vladimirovna Pimenova³,
Doctor of Philology, Professor,
Military Institute
(1 Suvorovskay St., Peterhof, St. Petersburg, Russia, 194508),
e-mail: mvpimenova@yandex.ru

Natalia Pavlovna Balashova⁴,
Candidate of Philology,
Kemerovo State University
(12 Kutuzov St., Novokuznetsk, Russia, 654000),
e-mail: balashova.nata84@yandex.ru

Somatic Metaphors of the Moon in Poetic Works of Modern Russian Authors

This article deals with the description of the vital, perceptual and bodily metaphors included into the somatic code of Russian linguistic culture. Signs underlying the creation of such metaphors are explained from the mythology and symbolism perspective. Modern poetic works are used as an illustrative material. One of the sources for language material is the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru).

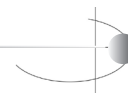
The object of research is the concept of moon. This celestial phenomenon has been rarely analyzed in modern linguistic literature.

¹ М. В. Пименова является основным автором, которым разработаны основные положения исследования.

² Н. П. Балашовой собран языковой материал, апробирован вариант исследовательской деятельности по проблемам описания авторских метафор в Новокузнецком филиале Кемеровского государственного университета на гуманитарном факультете.

³ M. V. Pimenova is the principal author, she has developed the main provisions of the study.

⁴ N. P. Balashova has collected the factual materials and tested a version of the research activity which deals with the individual poetic metaphors at Philology Faculty of Kemerovo State University, Novokuznetsk Branch.

Modern poets creating individual metaphors use existing resources of the language. Vital code of linguoculture lets the poets represent the moon as a living being that has all signs of life: birth, sleep, various ways of movement, food, voice, illness, etc.

The authors describe the moon through the perceptive code of linguoculture based on features of different ways of perceiving: vision, hearing, touch. Perceptual metaphors serve as a tool for the expression of the interaction of the moon with the earthly world.

Bodily metaphors are formed by the poets by means of different body parts: a face, hands and feet, a back. All these features allow us to reconstruct the appearance of the moon in the modern Russian language picture of the world.

Keywords: linguistic culture, metaphor, concept, symbol, language picture of the world.

Современная когнитивная лингвистика обращается к изучению языка с позиций его соотнесённости с категориями этно- и лингвокультуры. Одним из основных направлений становится описание фрагментов языковой картины мира и культурных концептов, в число которых входят природные (в частности, небесные) концепты. Теоретические работы по лингвокультурологии и концептологии (О. А. Алимуратов, А. П. Бабушкин, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьёв, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. И. Красавский, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, В. Н. Телия, А. П. Чудинов и др.) показывают векторы основных интересов, которые распространяются на изучение языка как энциклопедии культуры и ментальности (духовности) того или иного языкового сообщества.

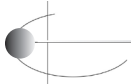
К описанию небесной сферы обращались немногие концептологи: существует относительно редкий, но постоянно пополняющийся ряд работ, посвящённых исследованию соответствующих концептов. Так, сферу «небо» изучали лингвисты под научным руководством проф. А. Т. Хроленко (Курск, 2003); Н. И. Пирманова рассматривала фразеологизмы с компонентами *небо – свет – земля* (2008); С. М. Подвигина (2007) – концепты *небо* и *небесные тела*. Концепты *звезда* и *радуга* анализировали М. В. Пименова (2006; 2007); А. А. Рольгайзер (2013–2015) и Е. М. Умнова (2011); концепты *небо*, *Himmel* и *heaven* – Е. Е. Пименова (Демидова) (2005–2011). К концепту *дождь* обращалась М. В. Домбровская (2006); к концепту *погода* в русском и английском языках – Н. Ю. Перфильева (2008); к концепту *свет* – ряд исследователей (Григорьева, 2004; Гуревич, 2005; Садыкова, 2007); к концепту *природа* – Н. В. Богданова (2007); к концептам *луна* и *moon* – Н. П. Сидорова (2010); к космологическим концептам *луна* и *солнце* на материале произведений Ф. С. Фицджеральда – А. О. Шубина (2010); к концептам *луна* и *Mond* – Т. В. Захарова (2015).

Цель статьи: описать метафоры луны сквозь призму соматического кода в русской лингвокультуре. В качестве материала анализа используются произведения современной русской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

Соматический код – один из самых универсальных, который встречается в знаках языка. Метафоры, в основу которых положены соматические признаки, практически уже не осознаются таковыми и являются, по своей сути, стёртыми.

Символизм дневного и ночного небесных светил – луны и солнца – является чрезвычайно важным. Символика луны – одна из самых древних и богатых на ассоциации: с культом луны связана мифология и эмблематика. Самыми известными символами луны выступают полная (круглая) луна и полумесяц. Полумесяц был священным символом вавилонской и халдейской Астарты, египетской Исиды и греческой Дианы. В римской мифологии серп луны – орудие смерти Сатурна. В русской мифологии серп – орудие богини смерти, представлявшейся в виде жницы – женщины в возрасте (ср. стёртую метафору: *старуха с косой*).

В Азии широко известен знак под именем «турецкий полумесяц» (убывающая луна – рогами вправо). Он в сочетании со звездой ранее был знаком богини Иштар (в римской мифологии Венеры). Сейчас полумесяц с одной или несколькими звёздами есть на государственных флагах Ливии, Малайзии, Туниса и Турции. В Византии, задолго до ислама, ещё в 341 году до н. э. чеканили монеты с изображением полумесяца и звезды в честь богини ночи и Луны Гекаты. По легенде, Геката помогла Византии во время македонской осады: захватчики остановились, потому что в небе неожиданно показался полумесяц. Древнегреческая Геката Трёхликая (Триодитис) прямо связана с основными фазами Луны (молодой месяц, полная Луна, Новолуние) и тремя периодами жизни женщины (девушка, мать, старуха). Отсюда – поэти-

ческие метафоры возраста луны (*Пробивая туман, молодая луна / В небо бросила серп золотой.* Е. Г. Полонская. Карельский пейзаж); жизни и смерти (*Ты взираешь / На дикий голубой костяк Тянь-Шаня, / На голубую мёртвую луну.* В. А. Луговской. Город снов). К лунарным символам относится сдвоенный топор – топор с двумя лезвиями, изогнутыми в форме месяца и направленными в разные стороны. Это было оружие амазонок, как и серповидный лук. У славян луна иначе именуется *серп*, а серп – орудие богини смерти (*смерть скосила*).

В религиях мира луна не почиталась как могущественное божество и редко соотносилась с верховным богом. С позиций соматического кода во многих культурах Луна символизировала ночной глаз бога, солнце – дневной. Поэтому символика глаза частотна в описаниях луны: луна сравнивается с глазом или глаза сравниваются с луной (*Жёлтый глаз, как маленькая луна.* И. В. Чиннов. Ветер воспоминаний тревожит увядшие письма...; *Синие глаза – луна, / Вальса белое молчанье, / Ежедневная стена / Неизбежно прощанья.* К. М. Симонов. Серые глаза – рассвет...).

Слова со значением «луна» в различных языках редко бывают мужского рода, как, например, в немецком языке (*der Mond*) и в русском языке (*месяц*). Народы с кочевым и охотничьим укладом жизни олицетворяли луну в виде бога-мужчины: это шумеро-семитский бог луны Син (он изображался в виде полумесяца с острями, направленными вверх), он был повелителем календаря и человеческой судьбы; мужской облик у луны был в Японии, Океании, у некоторых африканских и североамериканских племён.

Обычно луна символизирует женское начало, что можно проследить по словам, актуализирующим это значение, имеющим грамматический показатель женского рода (лат. *luna* ж. р.; исп. *luna* ж. р.; португ. *luna* ж. р.; фр. *lune* ж. р.; греч. Селена, или Артемида, и т. д.). Женственность Луны проявляется в её мифологической символике. Луна предстаёт в облике наяды или просто женщины (*Выплывает луна деблою белой наядой.* И. В. Чиннов. Голые ветки деревьев, как лёгочные...; *Двести грамм забытья. / Хотите вина, мадам Луна?* И. В. Чиннов. Ну и ну, ну и дела, как сажа бела, трала-лала...).

Чрезвычайно насыщенной выступает образная составляющая соматического кода в описаниях луны. В первую очередь образность связана с формой луны, напоминающей ноготь (*Помню воздуха ласковый / Ви-*

ноградный настой / И луны молодой / Ноготок золотой. С. И. Липкин. Вечер в Лыхнах); рога коровы и других животных (*А луна-то криворога, / А лунатик – молодой, пьян.* И. В. Чиннов. А луна-то криворога...; *Почему изогнут рог маралий / И рогата круглая луна?* Л. Н. Мартынов. Турбулентность) и др.

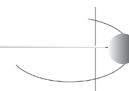
Полумесяц напоминает два соединённых вместе рога – символ удвоения (рог – эмблема изобилия). В Древнем Египте использовался сложный знак: полумесяца и круга – это был символ божественного единства. Полумесяц концами вверх сочетает в себе символизм Луны и быка (или коровы), их считают знаками плодородия. *Луна двурога* – обычный эпитет в русском языке (*Как юности луна двурога, / Как золотой закат Подстепья, / Мне Бунина сияет строгое / Словесное великолепье.* С. И. Липкин. Заметки о прозе). Рог Луны символично связан с изобилием как в русской, так и в кавказской культуре (*Вверху луна, / Как рог на свадьбе кахетинца.* Д. Самойлов. Колыбельная вполголоса). Такой рог называется *рогом изобилия* (*Луна и та согнулась в рог крутой, / Рог, что я поднял, в небе повторяя.* К. М. Симонов. Семья справляет рождение сына).

В русской лингвокультуре встречается необычный символ Луны – лебедь. Лебедь – тотемное животное, точнее, тотемная птица. Луна, как птица, описывается метафорами полёта (*И вдруг взлетает полная Луна: / В пустыне всё и холодно и ясно, / Передвиженья лунного луча послушно ритму, / Но своеобразно.* Н. Н. Ушаков. Соло на бубне; *А луна прилетела из Южной Мечтании / И стоит, как лунатик, на куполе здания, / Где живёт, где лежит полудева Феврония / (Не совсем-то живёт: во блаженном успении).* И. В. Чиннов. Голубая Офелия, Дама-камелья...).

Луна олицетворяет женскую силу: Богиню Неба – Царицу Небесную. В поэтических произведениях этот символ преломляется своеобразно. Это не просто Богиня – это, прежде всего, мать, в одиночестве воспитывающая своего ребёнка (*А на небе сыночка / В колыбели качает луна, / Слово мать-одиночка, / Ожиданья полна.* С. И. Липкин. Рождество).

У Луны актуальны разные части тела: лицо, ноги, руки, голова, волосы, грудь, плечи, глаза (*Меж тем луна, блеснув в болоте Арыки, переходит вброд / И запахом истлевшей плоти / Нас провожает до ворот.* С. В. Шервинский. Дом молитвы; *А луна холодок нипочём. / Так и прёт с оголённым плечом.* И. В. Елагин. Занавеска над ванной,

как парус...; *Где-то кружат спутники, / И луна могуче / В рыцарском нагруднике / Прошибает тучи.* И. В. Елагин. Новогоднее; *Моя перелётная птица, душа, / Распростившись со мной, / Ко мне не спешит воротиться / По скатерти, сшитой луной.* В. И. Теркулов. Луна; *Луна, которую можно гладить просто рукой, / Привинченные звёзды – они излучают покой.* Б. А. Слуцкий. Как проехать к воздушному замку; *Стала лысой луною седая моя голова.* В. Блаженный. О, святыня-земля, забудь обо мне, человеку...; *А поезд снова просекой еловой / Погнался за луной большеголовой, / Где по бокам большие тени леса / Толкаются и под колёса лезут.* И. В. Елагин. Встал у платформы дымный и шипящий...; *Задумчивость клонит ли голову, / Луна ль загляделась в лицо?* Вс. А. Рождественский. Тряхнула б ты, Память, кошелёком...; *Когда луна / Встаёт над морем, / Покачивая головой, / Вселенная, о чём мы спорим?* Л. Н. Мартынов. Над философским словарем; *За окнами коттеджей богов Эллады вылепит луна.* С. Я. Красовицкий. Гобелен; *Одну – Сжирающую солнце на закате, / Другую – хмуро взявшую в объятия / С востока выглянувшую луну.* Л. Н. Мартынов. Две тучи).

Не только признаки внешности, но и признаки телесных проявлений востребованы для создания метафор Луны. Среди них признаки питания, голоса (*Мяукает и лает телефон: / «Доклад хорька: луну кормить корицей», / «Все голоса курятника лисице», / «А носорог стал богом на лугу».* И. Г. Эренбург. Зверинец; *Весной вода беседует с лунной и заликает губы человеку.* А. С. Присманова. Вода) и др.

Движения этого небесного светила метафорически представляются движениями её тела (*Луна сегодня нанята / Сопутствовать стиху.* И. В. Елагин. Цирк; *За солнцем и луна садится / В моих лесах, в моих горах, / И только Сатана гнездится / В своём аду, в иных мирах.* Л. Н. Мартынов. Мне чудилось, Что все дороги...; *И вышла луна – это значит, что ты не один.* В. И. Теркулов. Блюз ночной машины; *Встала луна над Парижем, осеребрив черепицы.* Вс. А. Рождественский. Шопен; *Ни звезды. / Зашла луна. От Ростова / До Любима – в небе / Свечечка одна.* Н. Н. Ушаков. Старинная мелодия). Движения луны – разные: плавные, медлительные и стремительные (*А луна мимо меня несётся / Попросту на уровне балкона.* Б. А. Слуцкий. На двадцатом этаже живу...; *Цветы шептали, как живые, / Луна скользила меж*

ветвей, / И вот в истории впервые / Не спел, а молвил соловей. М. А. Светлов. Цветы шептали, как живые...). Шаги, сопутствие, вставание и сидение – стёртые метафоры движения луны.

Не только движение, но и состояние покоя луны может передаваться соматическими метафорами (*Она покоилась на трудовой ладони удобно, как покоится луна в космической и облачной ледыни.* Б. А. Слуцкий. Заболотский спит в итальянской гостинице). *Покоиться* означает «лежать».

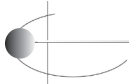
Морбиальные метафоры – это тоже проявление соматического кода лингвокультуры. Метафоры болезни луны описываются через признаки язвы (*Что там было, в язвах Луны? / Варианты чумы и проказы?* И. В. Чиннов. Мёртвый пейзаж на Луне...). Вероятно, в основе создания таких метафор находятся видимые с земли пятна на Луне.

Соматический код включает в себя перцептивные метафоры. Луна описывается метафорами зрения (*Особенно когда луна сквозит ветки / Смотрит во мраке.* Д. Самойлов. В деревне), слуха, вкуса, обоняния, осязания (*Встает луна, дрожа и тая / В струистой синеве костра, / Скользнула рыба, прорезая / Гладь омута концом пера.* Вс. А. Рождественский. На берегу). Угар – удушливый газ; метафорой угара описываются облака, среди которых находится луна (*Вы видите, луна красна, / Вся в облачном угаре, / Как будто бы всю жизнь она / Гуляла на пожаре.* И. В. Елагин. Я вывеску приколотил...).

Телесность луны прочитывается и в метафорах чувств, состояний, ощущений (*Отходящие ко сну, / Любители томления, / Хотите, доведу луну / До белого каления?* И. В. Елагин. Я вывеску приколотил...). Истома – это чувство приятной расслабленности (*Даже не от рассвета / Под истомлённой луной, / А ожидаю ответа / Лишь от тебя от одной.* Л. Н. Мартынов. Ответ).

Соматический код может подчёркивать антропоморфный облик Луны. На это указывают метафоры одежды (*Шла луна в одной сорочке / Тонких, дымных облаков.* И. В. Елагин. В голове крутились строчки...; *Луна в туманном пеньюаре, / Готовясь отойти ко сну / В своём небесном будуаре, / Достала звёздочку одну / Из заколдованной шкатулки, / И уронила с вышины / Сокровище со звоном гулким / На чёрный бархат тишины.* М. Быстрова-Докс. Луна в туманном пеньюаре...; *Она такая милая, луна, / И лёгкая, вся в золотистом ситце / И туфельках из белого сиянья.* В. А. Луговской. Юность).

В основе таких метафор находится текст Библии. В христианстве символ луны относится к символике Девы Марии. В мистике образ Девы Марии с серпом луны означает женский принцип, несущий свет во тьму ночи, а в иконографии она часто отождествляется с луной или изображается стоящей или восседающей на серпе Луны. Этот символ восходит к Апокалипсису Иоанна Богослова (12: 1): «...жена, облечённая в солнце; под ногами её луна». В XX и XXI веках у общества иные ценности. Но символика, пришедшая из Библии, всё же сохраняется (*Луна у неё под ногами / И дюжина звёзд под короной, / И на мотоцикле кругами / По правилам аттракциона*. А. П. Межиров. Аттракцион).

Поэты нередко обращаются в своих произведениях к метафорам лика Луны (*Тень гидроплана. / Огромное лицо луны. / Тревожный холодок дурмана / От губ твоих, / От крутизны*. В. А. Луговской. Тебя давно уж нет на свете...; *Чтоб луна мне казалась гримасы (Занавеска звенит из пластмассы)*. И. В. Елагин. Занавеска над ванной, как парус...). Отражённый цвет Луны также попадает под образование метафор, описывающих её лицо (*Неясный нимб... / Да нет – луна... / И не о чем, и незачем, простите... / «Луна – бледна»*. И. В. Чиннов. Живу, увы, в страдательном залого...). На лице Луны выделяется рот (*Жёлтый мед луна пила*. Д. Самойлов. Ночная прогулка), щёки (*Луна, коль ввысь она всплыла, / И та как будто бы краснеет / За чьи-то грустные дела*. Л. Н. Мартынов. Давным-давно уж ясных дней нет...), губы (*А над конем летит сорока, / Летит дорога под коня, / Хохочет солнце кособоко / И улыбаются луна*. Д. Самойлов. Рисунок).

Продолжением соматического кода выступают символы, связывающие небесные светила родственными отношениями. У разных народов в мифологии используется мотив брачной пары солнца и луны. Нашим современникам истоки всех этих мифологических мотивов малоизвестны и малопонятны.

Однако в поэтических метафорах они широко распространены до сих пор (*Женить луну на счетоводе, / Дракона гладить по спине, / Ловить и дядьку в огороде, / То в Киеве, то в бузине*. И. В. Чиннов. Мне куролесится. С карниза...).

Ранее время измерялось фазами луны. Именно по луне определялось время жизни человека: мы до сих пор измеряем года *месяцами*, а учебный год делим на *четверти* (ср.: *Ложатся тени на дорогу / Под первой четвертью луны*. А. Е. Адалис. Всё ближе горы понемногу...). Лунный календарь иначе называют женским: женщины живут по лунному календарю.

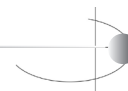
Луна в поэтических авторских текстах – дочь Земли и Марса (*Земля – Жена Марса, Луна – Их дочь*. И. С. Холин. Земля...), принцесса – дочь правителя (*Луна, как принцесса Ту-ран-дот, / А ночь – принцесса Брамбилла*. И. В. Чиннов. Хрустальное сердце прозрачней, чем лёд...), сестра (*Луна, далёкий друг, сестра моя луна...* И. В. Одоевцева. Всё было, было, бы... Лото под лампой...).

Луна – один из наиболее важных небесных символов, соединивших в себе как положительные, так и негативные черты, проявляющихся в том, что это небесное тело одновременно связывается с жизнью и смертью. В культурах многих народов луна – символ красоты и совершенства (ср.: *лунолика*). Этот символ был привнесён в русскую культуру из восточных стран. Луна, чередуя фазы, умирает и воскресает. Луна до сих пор ассоциируется с циклическими процессами растительного мира, символизируя рождение (новолуние), зрелость (полнолуние), смерть (безлуние) и воскрешение (новый цикл).

Коды лингвокультуры – один из самых интересных аспектов изучения основ метафорического переноса. Меняются времена и ценности социума, а признаки, используемые в метафорах небесных объектов, сохраняются, переосмысляются, теряя на этом пути сопричастные признаки ценности.

Список литературы

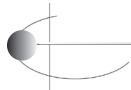
1. Антология концептов: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 348 с.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 1998. 41 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
5. Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: РУДН, 1997. 331 с.
6. Гуревич А. Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Махачкала, 2005. 168 с.

7. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов небо и heaven в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Кемерово, 2011. 229 с.
8. Домбровская М. В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Новосибирск, 2006. 307 с.
9. Захарова Т. В. Сопоставительный анализ витальных признаков концептов луна и Mond // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. науч. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Бишкек; Волгоград; Екатеринбург; СПб., 2015. Вып. 21. С. 174–179.
10. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
11. Колесов В. В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.2. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 30–40.
12. Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 2012. Вып. 16. 248 с.
13. Концептосфера «небо»: опыт кластерного анализа / науч. ред. А. Т. Хроленко. Курск: КГУ, 2003. 74 с.
14. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 376 с.
15. Красавский Н. А. Цветовые эпитеты как изобразительно-выразительное средство экспликации эмоциональных концептов // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. Вып. 11. С. 30–37.
16. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. М., 2001.
17. Перфильева Н. Ю. Специфика вербализации концепта «погода» средствами русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2008. 15 с.
18. Пименова М. В. Образы и символы луны в произведениях А. С. Пушкина // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: сб. ст. / отв. ред. Г. Д. Ахметова. Чита: ЗабГГПУ, 2007. С. 260–264.
19. Пименова М. В. Образные и символические признаки луны в русской концептосфере // Концепт и культура. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 294–303.
20. Пирманова Н. И. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами свет – небо – земля: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2008. 24 с.
21. Подвигина С. М. Национальная специфика лексико-фразеологической вербализации концептов «небо» и небесные тела» (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2007. 21 с.
22. Рольгайзер А. А. Соматические признаки концептов звезда и étoile // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. С. 304–308.
23. Рольгайзер А. А. Объективация архетипических ментальных образований в русском и французском языках (на примере слов «звезда» и «étoile»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2015. 20 с.
24. Садыкова М. А. Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет/light» и «тьма/darkness» в текстах священного писания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ижевск, 2007. 159 с.
25. Сидорова Н. П. Мифологический портрет луны в русской концептосфере // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. Волгоград, 2008. Вып. 2(8). С. 157–162.
26. Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов луна и moon: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Кемерово, 2010. 231 с.
27. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 322 с.
28. Умнова Е. М. Образные артефактные признаки концептов радуга и rainbow (на материале классических и современных произведений русской и английской литературы конца XVIII–XXI вв.) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. Вып. 15. С. 869–876.
29. Чудинов А. П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 85–93.
30. Штайгер Э. А. К вопросу об мотивирующих признаках концептов солнце и sonne // Знак-сознание-знание: сб. ст. / отв. ред. В. И. Теркулов. Горловка: ГГПИИЯ, 2011. Вып. 1. С. 194–202.
31. Шубина А. О. Космологические концепты художественной картины мира: на материале произведений Ф. С. Фицджеральда: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2010. 16 с.

References

1. Antologiya kontseptov: sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. Volgograd: Paradigma, 2005. T. 1. 348 s.
2. Babushkin A. P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka. Voronezh, 1996. 104 s.
3. Babushkin A. P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka, ikh lichnostnaya i natsional'naya spetsifika: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Voronezh, 1998. 41 s.
4. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept. Stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.

5. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody). M.: RUDN, 1997. 331 s.
6. Gurevich A. G. Kontsept sveta i t'my v russkoi i angliiskoi yazykovykh kartinakh mira: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Makhachkala, 2005. 168 s.
7. Demidova E. E. Struktury i sposoby aktualizatsii priznakov kontseptov nebo i heaven v russkoi i angliiskoi yazykovykh kartinakh mira: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kemerovo, 2011. 229 s.
8. Dombrovskaya M. V. Kontsept «dozhd'» kak komponent natsional'noi kartiny mira (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Novosibirsk, 2006. 307 s.
9. Zakharova T. V. Sopostavitel'nyi analiz vital'nykh priznakov kontseptov luna i Mond // Novoe v kognitivnoi lingvistike XXI veka: sb. nauch. st. / otv. red. M. V. Pimenova. Bishkek; Volgograd; Ekaterinburg; SPb., 2015. Vyp. 21. S. 174–179.
10. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s.
11. Kolesov V. V. Kontsept kul'tury: obraz-ponyatie-simvol // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser.2. Istorija, yazykoznanie, literaturovedenie. 1992. Vyp. 3. S. 30–40.
12. Kolesov V. V., Pimenova M. V. Kontseptologiya: ucheb. posobie. Kemerovo: KemGU, 2012. Vyp. 16. 248 s.
13. Kontseptosfera «nebo»: opyt klasternogo analiza / nauch. red. A. T. Khrolenko. Kursk: KGU, 2003. 74 s.
14. Krasavskii N. A. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh. M.: Gnozis, 2008. 376 s.
15. Krasavskii N. A. Tsvetovye epitety kak izobrazitel'no-vyrazitel'noe sredstvo eksplikatsii emotsional'nykh kontseptov // Izmenyayushchayasya Rossiya i slavyanskii mir: novoe v kontseptual'nykh issledovaniyakh: sb. st. / otv. red. M. V. Pimenova. Sevastopol': Ribest, 2009. Vyp. 11. S. 30–37.
16. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vuzov. M., 2001.
17. Perfil'eva N. Yu. Spetsifika verbalizatsii kontsepta «pogoda» sredstvami russkogo i angliiskogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2008. 15 s.
18. Pimenova M. V. Obrazy i simvolyy lunny v proizvedeniyakh A. S. Pushkina // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty: sb. st. / otv. red. G. D. Akhmetova. Chita: ZabGGPU, 2007. S. 260–264.
19. Pimenova M. V. Obraznye i simvolicheskie priznaki lunny v russkoj kontseptosfere // Kontsept i kul'tura. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. S. 294–303.
20. Pirmanova N. I. Kul'turnye konnotatsii frazeologizmov s komponentami svet – nebo – zemlya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2008. 24 s.
21. Podvigina S. M. Natsional'naya spetsifika leksiko-frazeologicheskoi verbalizatsii kontseptov «nebo» i nebesnye tela» (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Voronezh, 2007. 21 s.
22. Rol'gaizer A. A. Somaticheskie priznaki kontseptov zvezda i étoile // Novoe v kognitivnoi lingvistike XXI veka: sb. st. / otv. red. M. V. Pimenova. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013. S. 304–308.
23. Rol'gaizer A. A. Ob»ektivatsiya arkhetypicheskikh mental'nykh obrazovaniy v russkom i frantsuzskom yazykakh (na primere slov «zvezda» i «étoile»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Volgograd, 2015. 20 s.
24. Sadykova M. A. Lingvokul'turnyi analiz mifologizirovannykh kontseptov «svet/light» i «t'ma/darkness» v tekstakh svyashchennogo pisaniya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Izhevsk, 2007. 159 s.
25. Sidorova N. P. Mifologicheskii portret lunny v russkoj kontseptosfere // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie. Volgograd, 2008. Vyp. 2(8). S. 157–162.
26. Sidorova N. P. Sopostavitel'nyi analiz struktur i sposobov aktualizatsii russkogo i angliiskogo kontseptov luna i moon: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kemerovo, 2010. 231 s.
27. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2004. 322 s.
28. Umnova E. M. Obraznye artefaktnye priznaki kontseptov raduga i rainbow (na materiale klassicheskikh i sovremennykh proizvedenii russkoi i angliiskoi literatury kontsa XVIII–XXI vv.) // Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy i novye resheniya / otv. red. M. V. Pimenova. M.: IYa RAN, 2011. Vyp. 15. S. 869–876.
29. Chudinov A. P. Postulaty Ural'skoi shkoly politicheskoi metaforologii // Ural. filol. vestn. Ser. Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2012. № 2. S. 85–93.
30. Shtaiger E. A. K voprosu ob motiviruyushchikh priznakakh kontseptov solntse i sonne // Znak-soznanie-znanie: sb. st. / otv. red. V. I. Terkulov. Gorlovka: GGPIIYa, 2011. Vyp. 1. S. 194–202.
31. Shubina A. O. Kosmologicheskie kontsepty khudozhestvennoi kartiny mira: na materiale proizvedenii F. S. Fitsdzheral'da: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2010. 16 s.

Статья поступила в редакцию 25.08.2015

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ

URGENT PROBLEMS OF FOREIGN PHILOLOGY

УДК 811.133.1'367.625.43
ББК 81.471.1–22

Юлия Валерьевна Богоявленская¹,
кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный педагогический университет
(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),
e-mail: uspu@uspu.ru

Марина Сергеевна Нелюбина²,
аспирант,
Уральский государственный педагогический университет
(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),
e-mail: uspu@uspu.ru

Корпусное исследование французских абсолютных причастных конструкций

В статье даётся обзор российской и зарубежной научной литературы по проблеме абсолютных причастных конструкций. Изучаются синтаксические и семантические особенности французской абсолютной причастной конструкции, а также способы графической репрезентации конструкции. Авторы в данном исследовании уточняют понятийно-терминологическую базу, обосновывают использование термина «абсолютная причастная конструкция». Охарактеризованы виды данной конструкции, построенные на причастиях настоящего и прошедшего времён. Авторы отмечают довольно широкое использование конструкций не только с существительным, но и местоимением в качестве подлежащего. Обосновано включение архаического вида конструкции в исследовательский корпус. Проанализирована семантика отношений конструкции и принимающего предложения и семантика отношений, связывающих их подлежащие. Выявлены и описаны варианты графического оформления абсолютной причастной конструкции. Авторы приходят к выводу о том, что применение нетрадиционных пунктуационных знаков при обособлении абсолютной причастной конструкции: тире, точки (парцелляция) и двоеточия – обусловлено коммуникативной установкой говорящего. Описаны и окказиональные случаи использования АПК и входящих в её состав временных маркеров. Для верификации результатов предыдущих исследований и точного статистического описания результатов данного исследования применяется метод корпусного анализа.

Ключевые слова: причастие, абсолютная причастная конструкция, синтаксис, семантика, вторичная предикативность, авторская пунктуация, парцелляция, корпусная лингвистика.

Yuliya Valerievna Bogoyavlenskaya³,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Ural State Pedagogical University
(26 Pr. Kosmonavtov, Yekaterinburg, Russia, 620017),
e-mail: uspu@uspu.ru

Marina Sergeevna Nelyubina⁴,
Postgraduate Student,
Ural State Pedagogical University
(26 Pr. Kosmonavtov, Yekaterinburg, Russia, 620017),
e-mail: uspu@uspu.ru

Corpus Research of French Absolute Participial Constructions

The article reviews Russian and foreign scientific literature concerning the problem of absolute participial constructions. The syntax and semantic features of French absolute participial construction as well as methods of graphic representation of the construction are studied. The

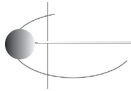
¹ Ю. В. Богоявленская делает большой вклад в данное исследование, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта. М. С. Нелюбина принимает непосредственное участие в реализации исследования, участвует в формулировании выводов, обогащении корпуса исследования актуальными примерами.

² М. С. Нелюбина принимает непосредственное участие в реализации исследования, участвует в формулировании выводов, обогащении корпуса исследования актуальными примерами.

³ Yu. V. Bogoyavlenskaya makes substantial contribution to this research; she draws conclusions and summarizes the results of the multi-authored project implementation.

⁴ M. S. Nelyubina takes direct part in the research implementation, participates in conclusion drawing, and enriches the body of research through contemporary examples.

authors improve the terminology base: they substantiate the use of the term “absolute participial construction” in this study. The types of this construction built on the present and past participle are described. The reason to include an archaic type of the construction in the research corpus is given. The authors note that the constructions are widely used not only with a noun, but they are also used with a pronoun as a subject. Semantics of the relations between the construction and the main clause as well as semantics of the relations, which link their subjects were analyzed. The variants of graphic representation of the absolute participial construction have been found and described. The authors concluded that the use of nonconventional punctuation marks to punctuate the absolute participial construction, such as em dash, ellipsis, periods (parceling), and colon, result from the speaker’s communication attitude. Also, there is a description of some occasional uses of absolute participial constructions and time markers contained therein. To verify the results of the previous research and accurately describe the results of this research in terms of statistics, the method of corpus analysis has been applied.

Keywords: participle, absolute participial construction, syntax, semantics, secondary predication, author’s punctuation, parceling, corpus linguistics.

Абсолютная причастная конструкция (далее – АПК) – обособленная конструкция, строевыми элементами которой являются причастие, выступающее в функции сказуемого, и его собственное подлежащее – имя существительное или местоимение, не совпадающее с подлежащим основной части предложения. АПК представляет собой довольно сложное по своей синтаксической и семантической природе явление, позволяющее разнообразить синтаксический рисунок текста и выступать альтернативой обстоятельственным придаточным предложениям.

В отечественной лингвистике существует лишь несколько специальных работ, объектом которых является французская АПК [2, с. 15–23; 8]. Некоторые аспекты АПК освещены в учебниках и монографиях, посвящённых синтаксису французского языка [5, с. 224; 9, с. 298 и др.] и сопоставительному исследованию грамматик французского и русского языка [4, с. 240; 7, с. 157]. В зарубежной лингвистике АПК активно изучаются на разнообразном материале: известны работы Ф. Муре, Б. Куллана, М. Эрслунда, С. Анон, К. Мюллера, Д. Ж. Эрнандеса, Б. Комбетта и других лингвистов [12; 15; 18, с. 95–106; 19; 20; 21, с. 51–56]. Однако интерпретация материала и результаты этих исследований не всегда однозначны и даже противоречивы. На наш взгляд, это происходит по двум причинам. Во-первых, существует некоторая неупорядоченность в использовании терминов, под которыми скрывается то более широкое, то более узкое понимание изучаемого феномена. Во-вторых, исследования выполняются на различном материале, в ряде случаев крайне ограниченного (на материале одного романа в работе Ф. Муре или нескольких десятков конструкций в статье Д. Ж. Эрнандеса), или только на материале текстов одного стиля (художественного либо газетно-публицистического), что не

может дать полного представления о природе АПК и специфике её реализации в речи. В связи с чем очевидна актуальность исследования, посвящённого синтаксическим и семантическим особенностям АПК. Новизна данного исследования заключается также в изучении графической репрезентации данной конструкции. Этот вопрос прежде не затрагивался в работах по проблеме АПК ни в российской, ни в зарубежной лингвистике. Изучение АПК позволит внести ясность в понимание природы этого явления, уточнить терминологию, используемую в обсуждении данной проблемы, выявить репертуар видов конструкции и специфику их функционирования в современном французском языке.

Для того чтобы снять проблему объёма и стилистической ограниченности материала и исследовать АПК во всех её проявлениях, мы создали полнотекстовый оппортунистический корпус, включающий тексты произведений французских и бельгийских писателей: К. Панколь, А. Гавальда, Д. Пеннака, Б. Вербера, Ф. Варгаса, А. Нотомб, П. Модиаго, – а также тексты статей, представляющих собой репрезентативную выборку из интернет-архивов респектабельных и массовых французских газет *Le Monde*, *Le Figaro*, *La Tribune*, *Humanité*, *Libération*. Данный корпус содержит около 400 абсолютных причастных конструкций. Обращение к корпусной методологии обусловлено необходимостью более точно статистически описать изучаемый лингвистический феномен, выявить типичное и менее типичное, а также редкое или даже окказиональное, подтвердить или опровергнуть существующие в современной лингвистике представления об исследуемой конструкции.

Прежде всего, рассмотрим терминологическую сторону вопроса в связи с необходимостью уточнить понятийно-терминологическую базу нашего исследования.

В научной и учебной литературе используется целый ряд терминов для обозначения данного явления: *construction participe absolue* (абсолютная причастная конструкция) [9, с. 276]; *construction absolue* (абсолютная конструкция) [15; 19; 23]; *construction absolue circonstancielle* (обстоятельственная абсолютная конструкция) [21, с. 2]; *proposition participe absolue* (абсолютное причастное предложение) [10, с. 152; 13, с. 803]; *proposition participe* (предложение с причастием) [6, с. 237]; *proposition participiale* (причастное предложение) [7, с. 160; 22, с. 10] и т. д.

На наш взгляд, наиболее корректным является термин «**абсолютная причастная конструкция**» (*construction participe absolue*), поскольку в нём отражены специфические особенности рассматриваемой структуры. Данное построение не является самостоятельным предложением ввиду отсутствия глагола в личной форме при подлежащем. Разумеется, что наличие у причастия собственного подлежащего способствует установлению субъектно-предикатных отношений между этими элементами. Однако признать их полноценными нельзя, так как причастие не способно выполнять в полной мере функцию сказуемого, выражаемого глаголом в личной форме. Зарубежные исследователи часто указывают на тот факт, что конструкция не обладает предикативным ядром, что причастию, даже в составе абсолютной конструкции, свойственно выражение признака вторичной предикативности («*prédication seconde*») [14; 16–18; 20 и др.]. Также следует заметить, что, несмотря на относительную грамматическую независимость от основной части предложения, конструкция не является предложением, способным самостоятельно функционировать в речи. Её назначение – выполнение обстоятельственных функций. В связи с чем уместнее рассматривать АПК не как «причастное предложение», а как причастную конструкцию, обладающую абсолютным характером.

Необходимо также учитывать, что термин «абсолютная конструкция» имеет широкое значение. По определению Д. Ж. Эрнандеса, абсолютная конструкция – это «*une sorte de manifestation discursive de la prédication seconde*» (способ проявления вторичной предикации в речи) [18, с. 9]. С семантико-прагматической точки зрения, продолжает автор, этот тип предикации может рассматриваться как «*une relation prédictive intégrée dans un prédicat de niveau supérieur*» (предикативное отношение, интегрированное в предикат бо-

лее высокого уровня) [18, с. 9]. К группе таких абсолютных конструкций относят не только причастные, но также субстантивные и адъективные конструкции, обладающие набором своих собственных специфических характеристик и по-разному используемые в речи. Следовательно, анализируя ту или иную абсолютную конструкцию, необходимо акцентировать морфологическую принадлежность её главному строевому элементу.

Структура АПК. Конструкция включает следующие структурные элементы: существительное или местоимение, выполняющее функцию, которую мы условно назовём «подлежащего конструкции», и причастие, обозначающее действие и выступающее в функции (также условно) «сказуемого конструкции», часто с зависимыми словами:

Le lats était en fait arrimé à l'euro depuis 2005, ***l'adhésion étant initialement prévue pour 2008*** (La Tribune, 27.12.2013).

В данном случае предикативная основа конструкции ***l'adhésion étant prévue*** расширена за счёт обстоятельств времени *initialement* и *pour 2008*.

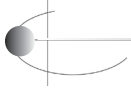
Вопреки распространённому мнению о невозможности или о крайне редком использовании местоимения в качестве «подлежащего конструкции» мы зафиксировали достаточно объёмную группу местоимений, выступающих в этой функции (9 %). В этой группе выделяются различные виды неопределённых и указательных местоимений [2, с. 19–20]:

Dans les secondes ayant suivi l'explosion, le public subitement plongé dans l'obscurité a d'ailleurs cru qu'il s'agissait d'un élément de la performance, ***certains sifflant ou applaudissant avant de prendre la mesure de la tragique réalité au milieu des cris, de la fumée et des corps ensanglantés*** (Le Monde, 12.12.2014);

Les Etats Unis espèrent toujours l'extradition de Kim Schmitz, ***celle-ci étant programmée pour juillet 2014*** (La Tribune, 24.12.2013).

Виды АПК по форме причастия. В современном французском языке причастие, используемое для образования АПК, может иметь три формы: *participe présent*, *participe passé*, *participe passé composé*.

Анализ корпуса показывает, что наиболее частотной формой причастия, входящей в состав АПК, является **причастие прошедшего времени *participe passé***, образованное либо от непереходных, либо от переходных глаголов активного залога. Конструкции данного типа составляют 43 % от общего количества АПК в корпусе:

Il faut se faire oublier, devenir toute petite pour ne pas précipiter la chute. Attendre que l'autre vous oublie, oublie les griefs qu'il a contre vous. Espérer qu'il vous reprenne, **une fois l'orage passé** (Katherine Pancol).

Большинство конструкций построено на причастиях прямопереходных глаголов. В этом случае в контексте предложения легко восстанавливается глагол *être*: *Une fois le contrat (*est) signé*, le travail commence (Le Figaro, 21.03.2013).

В нашем исследовательском корпусе содержатся АПК с *participe passé*, функционирующим в двух разновидностях:

– **без специального обстоятельственного маркера времени** (20 % от общего количества АПК с *participe passé*):

Nuit tombée, le bureau du divisionnaire Cercaire était éclairé a giorno, comme à n'importe quelle heure de la journée... (Daniel Pennac);

– **с временным маркером *une fois*** («как только»), указывающим на предшествование (80 %):

L'ONG a encore plein d'idées en tête: **une fois la Constitution adoptée**, elle entend se porter partie civile pour «casser l'arsenal législatif de la dictature», explique Selim (Libération, 31.01.2013).

С. Анон указывает на то, что последний вид конструкций может вводиться при помощи обстоятельственных маркеров, также указывающих на предшествование *à peine* и *aussitôt* [15, с. 37]. А. Борилло пополняет этот список словами *sitôt*, *dès* [11, с. 4], что находит подтверждение в нашем корпусе только в двух примерах с *à peine* и *sitôt*:

À peine la porte de la chambre d'hôtel refermée, il avait senti ses ongles dans sa nuque et elle l'embrassait encore. Il lui avait tiré les cheveux en arrière pour se déprendre (Katherine Pancol).

Examen du coffre, des banquettes... continua Vandoosler, vous avez dû entendre parler de ce genre de ratissage. Elle vous sera rendue **sitôt les opérations terminées** (Fred Vargas).

Столь немногочисленная представленность в корпусе построенных с *à peine* и *sitôt* относит их к окказиональным случаям французских АПК.

Как мы полагаем, отсутствие структур с подобными маркерами в нашем материале объясняется тем фактом, что работы упомянутых выше исследователей выполнены в основном на базе корпуса FRANTEXT, включающего тексты художественных произведений XX–XXI вв. Наш материал относится к периоду 1990–2015 гг. и даёт, таким образом, кар-

тину современного состояния АПК. Учитывая сказанное, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время репертуар временных маркеров со значением «как только», используемых для построения АПК, фактически сократился до одного – «une fois». Он широко применяется как в художественных, так и газетно-публицистических текстах различных жанров и входит в качестве структурного элемента в 80 % АПК с причастием прошедшего времени *participe passé*.

Существует ещё один вид АПК с причастием прошедшего времени – **архаический**. В научной литературе он получил неоднозначную трактовку. Н. М. Штейнберг исключает его из числа АПК на основании отсутствия вербально выраженного подлежащего [10, с. 138]. Полагаем, что данная структура является разновидностью АПК в связи с тем, что причастие подвергается согласованию с эллиптированным подлежащим в роде и числе. Имплицированный субъект причастия легко восстанавливается из ближайшего контекста:

Mais une fois morte, il pouvait lui faire dire ce qu'il voulait (Fred Vargas).

Указание на субъект действия, выражаемый местоимением – косвенным дополнением *lui*, присутствует в основной части предложения. Местоимение *lui* заменяет существительное женского рода, причастие также принимает форму женского рода единственного числа: **morte**. Подобные примеры отличаются низкой частотностью (1,5 %), используются, как правило, в художественных текстах и встречаются как с временным маркером *une fois*, так и без него:

Obligés d'accomplir un travail ingrat pour subsister, on ne peut pas leur demander, en plus, de sentir bon et de sourire. Même si le savon ne coûte pas cher... (Katherine Pancol).

Une fois sorti de la Méditerranée, ça lui avait donné un coup de fouet... (Fred Vargas).

Une fois rentré chez vous, la «post-visite», comme l'intitule M. Benaïche, peut donc commencer (Le Monde, 22.03.2014).

Частный архаический тип АПК размещается исключительно в препозиции по отношению к основному предложению.

Второй по частотности является форма причастия настоящего времени **participe présent** (33 %), образованная от глаголов как активного, так и пассивного залога, переходных и непереходных, возвратных и невозвратных:

Le raisonnement et l'amour n'y suffisant pas, elle choisit de l'effrayer (Daniel Pennac).

On aurait du mal à décrire précisément les rouages de cette machination, *les ficelles étant tirées en coulisse par la vipère Malkina (Cameron Diaz)* (Libération, 12.11.2013).

Comme le font, plus humblement, *Les Douze Tribus d'Hattie et Les Jeunes Mariés, chacun de ces trois livres s'interrogeant sur les traces, complexes et profondes, qui sont ainsi léguées aux nouveaux mondes* (Le Monde, 13.02.2014).

Третьей группой является группа **АПК со сложным причастием прошедшего времени participe passé composé**, образуемая от глаголов как активного, так и пассивного залога, невозвратных и возвратных: Il ne faut cependant pas être dupe, *la crise ayant atteint une telle profondeur*, il sera quasi impossible à la seule ESS de tout résoudre (La Tribune, 01.12.2012).

Une partie de l'élite du pays y a été formée, *l'un de ses plus fameux élèves ayant été le commandant Ahmed Shah Massoud, assassiné en septembre 2001* (Le Monde, 12.12.2014).

Problème, *le président s'étant engagé sur une baisse des impôts dès cette année*, on voit mal les allocations familiales désormais financées par une hausse de la CSG... ou de la TVA (La Tribune, 03.01.2014).

АПК этого вида являются наименее частотными и составляют 14 % от общего количества АПК в корпусе.

Как и АПК с *participe présent*, эти конструкции включают вербально выраженное подлежащее и никогда не сопровождаются временными маркерами типа *une fois*.

Семантика отношений АПК и «принимающего предложения» («phrase d'accueil», термин А. Борилло [11, с. 3]). Все исследователи единодушны в том, что АПК поддерживает с основным предложением обстоятельственные отношения, имеющие значения **времени и причины**, что подтверждается в нашем материале. В следующем примере АПК указывает на причину популярности Фейсбука:

Les relations sociales par le biais de Facebook sont en effet vécues par ces sujets comme plus faciles d'accès, *Internet supprimant de nombreuses raisons d'être anxieux: regard, ton de la voix...* (Le Figaro, 16.10.2012).

В целом ряде случаев наблюдается одновременная реализация временного и причинного значений:

La flotte russe de la mer Noire ayant quitté sa base de Sébastopol (Crimée) pour organiser le blocus des ports géorgiens, Viktor Youchenko a décrété qu'elle devrait désormais avertir Kiev de ses mouvements soixante-douze heures à l'avance pour recevoir des autorisations (Express, 21.08.2008).

Выделенная АПК может указывать как на предшествование: *После того как русский флот...*, так и на причину происходящего: *Так как русский флот...*

Данный вид конструкций составляет 76 % от общего количества АПК.

Некоторые исследователи добавляют к этим значениям **условие и уступку** [7, с. 156; 21, с. 52], которые, как показывает наш исследовательский материал, встречаются значительно реже (6 %), например:

Les femmes se divisent en deux catégories: les laides et les maquillées, *les mères étant à part* (Katherine Pancol).

Elle resta un long moment, grelottant de peur. Et s'ils n'étaient pas morts, *les pieds plombés au fond de la Tamise ?* (Katherine Pancol).

Лингвистами было отмечено ещё одно значение АПК – **сопутствующего действия**, но оно поддерживается не всеми лингвистами и получает неоднозначную оценку. Ф. Муре, в частности, отмечает, что АПК может иметь подобное значение, но крайне редко [21, с. 52]. М. А. Флерова, Н. М. Бабаян считают, что это значение может быть реализовано только причастием, образованным от глаголов активного залога [1, с. 483]. В. Г. Как также акцентирует внимание на этом значении, полагая, что оно свойственно АПК, занимающим постпозитивную позицию [4, с. 190].

Как показывает анализ корпуса, в современной французской речи АПК с этим значением встречаются довольно часто как в художественных, так и в газетно-публицистических текстах (18 %):

Tout se passa exactement comme il l'avait prévu: «oui», «non», «ah bon?», «c'est pas vrai?», «ben merde...», «pardon...», «putain», «oups...» et «saper-lotte» furent les seuls mots qu'il prononça, *Yvonne assurait les intervalles à la perfection...* (Anna Gavalda).

Les soixante-six femmes, que l'on avait ainsi séparées de leurs compagnes, ont été enfermées dans une grande pièce vide, sans un lit, sans un siège, où elles sont restées isolées pendant trois jours, *les gendarmes se tenant en faction devant la porte* (Patrick Modiano).

Зафиксированные в нашем корпусе АПК с этим значением тяготеют к постпозиционному размещению и встречаются только в варианте АПК с причастием настоящего времени. Однако причастия с этим значением могут быть образованы не только от глаголов активного залога [1, с. 483], но и пассивного, хотя встречаются достаточно редко:

Dans la soirée du dimanche 5 au lundi 6 juillet, à Châteaurouge, Haute-Marne, menacé par

l'enquête menée par le commissaire Adamsberg sur le dossier Padwell, il l'attaqua au lieu-dit le Camp du Tondu, *agression contrecarrée par l'intervention de Soliman Diawara* (Fred Vargas).

Семантика отношений между подлежащими АПК и «принимающего предложения». Анализируя этот вопрос, К. Мюллер отмечает, что подлежащее АПК либо соотносится с подлежащим основной части предложения как «часть-целое», либо обозначает деталь общей ситуации: «Le sujet <...> est de façon très générale du type partie/tout, détaillant parmi les protagonistes d'un ensemble, ou encore ciblant un détail dans une scène globale: *Nous sommes sortis, Paul ayant encore le prospectus en main. Les diplomates ont quitté la réunion, les Américains menaçant de ne plus revenir. L'ennemi la menaçant, la ville fut incendiée par les habitants*» [22, с. 29]. Наблюдения автора частично подтверждаются результатами анализа нашего корпуса данных:

Elles avaient préparé la fête, *Iris ruminant dans son coin, aidant du bout des doigts, hostile et silencieuse* (Katherine Pancol).

Данный пример наглядно иллюстрирует **отношение включения** («часть-целое») между подлежащим АПК и основной частью: *Ирис* вместе с другими девушками готовила праздник и, следовательно, представляет часть от целого «*Elles*».

В части случаев значение АПК оказывается тесно связанным с ситуацией, описываемой в «принимающем» предложении. «Подлежащее» АПК представляет собой ту или иную деталь (детали) этой ситуации:

C'était là deux de ses grands objectifs à son arrivée. *Des objectifs remportés haut la main, les salariés du groupe étant en attente d'un capitaine à la fois performant et accessible* (La Tribune, 07.01.2014).

Однако анализ корпуса позволил выявить и другие отношения, связывающие «подлежащее» АПК с основной частью и не зафиксированные другими исследователями:

1) отношения обобщения:

Le parquet de Paris avait été saisi en juin par les commissaires aux comptes du parti et le triumvirat d'anciens premiers ministres (Alain Juppé, Jean-Pierre Raffarin et François Fillon) alors à sa tête, *tous jugeant illégal cet arrangement financier* (Le Monde, 04.12.2014).

В данном примере местоимение **tous** с обобщающим значением обозначает всех участников ситуации: прокуратуру Парижа и triumvirat бывших премьер-министров;

2) отношения уточнения:

Les dirigeants vont s'adapter en se payant en dividendes, *ces derniers échappant au coupéret des 75 %*, ajoute Gilles Carrez (Le Figaro, 15.10.2012).

Ces derniers указывает на имя существительное *dividendes*, которое получает в АПК разъяснение;

3) отношения перечисления:

Par ailleurs, certains dossiers portent sur des faits remontant à la période antérieure à son accession à l'Élysée, en 2007, d'autres sont liés à son quinquennat, *les dernières affaires étant postérieures à sa défaite, au mois de mai 2012* (Le Monde, 19.09.2014).

Les dernières affaires являются последним звеном в серии «некоторые досье» и «другие досье». Данный вид отношений выявлен в АПК, присоединённых к ряду простых предложений в составе сложного бессоюзного предложения, на наш взгляд, для разнообразия синтаксического рисунка фразы.

Какими бы ни были отношения «подлежащего» АПК с основным предложением, между ними существует тесная связь, которая поддерживает АПК и позволяет ей полноценно функционировать в предложении и тексте.

Виды АПК по расположению относительно «принимающего предложения». По отношению к основной, «принимающей», части предложения АПК может занимать две позиции, свойственные всем разновидностям конструкции:

– **препозиция:** *Les fourrés traversés*, elles continuent vers l'ouest (Bernard Werber);

– **постпозиция:** Charlotte venait de mettre fin à une liaison de deux ans avec un homme marié qui avait rompu au téléphone, sa femme lui soufflant les mots fatals à l'oreille ... (Katherine Pancol).

А. Борилло указывает на возможность размещения конструкции в интерпозиции, между подлежащим и сказуемым «принимающего предложения» [11, с. 44], однако подобные случаи в нашем корпусе не зафиксированы.

Ф. Муре, изучавший синтаксические свойства АПК на материале романа А. Роб-Грийе «Ревность», пишет, что конструкции с причастием настоящего времени *participe présent* используются исключительно в постпозиции [21, с. 53]. Однако наш корпус демонстрирует возможность размещения АПК с этим видом причастия в препозиции к основному предложению:

La guillotine ne marchant pas assez vite, le consul ordonna de fusiller des milliers de prisonniers et adjoint aux pelotons d'exécution un «corps d'enterreurs» (Anna Gavalda).

La chute des prix de l'immobilier ne s'enrayant pas, elles ne parvenaient pas à freiner leurs pertes (Le Monde, 21.12.2012).

Корпус показывает, что существует тенденция размещения АПК с временным и причинным значением в препозиции, а со значением условия и уступки – в постпозиции по отношению к «принимающему предложению». Однако тенденция эта не является ярко выраженной. Как уже отмечалось выше, АПК со значением сопутствующего действия тяготеют к постпозиционному размещению.

Графическая репрезентация АПК. Традиционно, вне зависимости от расположения АПК, в начале или конце предложения, конструкция выделяется запятой, отделяющей её от основного предложения:

Le déjeuner terminé, Philippe rentra chez lui à pied (Katherine Pancol);

Conformément au rite, elles attendirent donc que cinq minutes passent, chacune à sa manière, *l'une dévisageant l'autre qui fuyait son regard* (Amélie Notomb).

Ввиду своего частотного использования запятая является более слабым пунктуационным знаком по силе выделения по сравнению с другими знаками: тире, скобками, многоточием и др.

В большей части случаев (89,5 %) авторы пользуются запятой, обозначая на письме паузу. Оказавшись внутри сложного предложения, АПК обособляется с обеих сторон. Двойная запятая выделяет конструкцию как коммуникативно важный смысловой блок:

Il ne faut cependant pas être dupe, *la crise ayant atteint une telle profondeur*, il sera quasi impossible à la seule ESS de tout résoudre (La Tribune, 01.12.2012).

Однако такое традиционное оформление конструкции не всегда отвечает замыслу автора, и он прибегает к более экспрессивным знакам препинания. Наш корпус показывает возможность применения двойного тире, точки (парцеллирование), комбинации точки и двоеточия, а также опущения обязательного для АПК пунктуационного оформления.

Двойное тире способствует выделению АПК, придаёт ей большую коммуникативную значимость, позволяет автору более полно и глубоко передать оттенки смысла:

Elle passa sous silence l'homme croisé dans le métro – elle n'était pas sûre que ce soit

lui – et les points de fidélité dérobés à Inter-marché – elle ne voulait pas la meurtrir en accusant son père d'être un voleur (Katherine Pancol).

Вычленение в отдельную, графически оформленную как самостоятельную, позицию ещё в большей степени способствует коммуникативному выделению АПК:

Ils dénoncent aussi le recours systématique aux «balourds», qu'ils qualifient d'«octroi d'avantages injustifiés». *La précipitation à payer les intermédiaires s'expliquant manifestement par la proximité de l'échéance électorale française, à savoir l'élection présidentielle de mai 1995* (Le Monde, 11.02.2014).

Chaque plat changeait de couleur selon la saison : le potage de tripes était brun en automne, jaune en été. *Le comble du raffinement étant la sauce italienne «bleu céleste»* (Katherine Pancol).

Такой сигнал не может пройти незамеченным для реципиента. Знак точки в подобной ситуации «позволяет графически выделить значимый для восприятия отрезок информации» [3, с. 7].

Парцеллироваться может не только сама конструкция вместе с подлежащим, но и её часть, представляющая собой часть ряда параллельных причастных «сказуемых»:

Elles avaient préparé la fête, *Iris ruminant dans son coin, aidant du bout des doigts, hostile et silencieuse. Boudant les premiers invités, boudant les suivants. Jusqu'à ce qu'Hervé Lefloc-Pignel apparaisse* (Katherine Pancol).

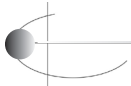
В ряде случаев авторы идут ещё дальше в использовании ситуативного знака точки и встраивают АПК в довольно сложную схему синтаксических отношений:

Si nul ne peut deviner les prochains développements de l'affaire Bettencourt, la mise en examen d'hier pourrait compromettre l'hypothèse du retour. *Le calendrier judiciaire étant loin de coïncider avec le politique*: si un procès avait lieu, on pourrait tabler sur la fin 2014 pour un rendez-vous en première instance (Libération, 22.03.2013).

Парцеллированная АПК в данном случае не закрывает собой предложение, а получает пояснение в виде сложноподчинённого предложения с придаточным условием, расположенным после двоеточия.

Также зафиксированы случаи, когда АПК расположена после двоеточия. В этом случае АПК с «принимающим предложением» сами выполняют поясняющую функцию:

Avec, toutefois, une différence de taille: *son action politique ayant été beaucoup plus radi-*

cale, l'AKP a réussi à se constituer un soutien populaire sans précédent, ce qui lui a permis de modifier complètement les règles du jeu (Le Monde, 29.07.2013).

Par ailleurs, le paiement via mobile est en train de se développer. Et l'avantage du bitcoin, est la possible interopérabilité qu'il réserve : *les codes du réseau bitcoin étant ouverts, cela favorise l'effet réseau* (La Tribune, 11.12.2013).

Крайне редко встречаются необособленные АПК (менее 1 %), что выводит их в группу окказионализмов:

C'est la mienne, pesta Zoé *une fois Iris partie*. À cause d'elle, je dors dans le bureau de maman et maman travaille dans sa chambre! (Katherine Pancol).

Анализ пунктуационных знаков, применяемых для обособления французской АПК, позволяет заключить, что наиболее типичным, традиционным является запятая, чьей выделительной силы оказывается достаточно для выполнения коммуникативной функции. Но, как мы видим, наряду с ней наблюдаются и другие знаки, чье использование обусловлено коммуникативной установкой говорящего: выделить значимую информацию, содержащуюся в АПК, заострить на ней внимание реципиента.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) АПК – это конструкция, строевыми элементами которой являются одна из трёх форм французского причастия, выполняющего функцию «сказуемого», и имя существительное или местоимение, выступающее в роли «подлежащего» абсолютной конструкции. Между этими элементами устанавливаются отношения вторичной предикативности;

2) все причастия, используемые для построения АПК, образуются от переходных и непереходных глаголов. Причастия настоящего времени и сложное причастие прошедшего времени могут также образовываться от глаголов возвратных и невозвратных, активного и пассивного залога. Причастия прошедшего времени – только от глаголов невозвратных и активного залога;

3) причастие прошедшего времени в составе АПК, в отличие от двух других форм, в большинстве случаев содержит обстоятельственный маркер со значением предшествования. АПК с причастием прошедшего времени может иметь архаическую разновидность, в которой «подлежащее» не имеет экспли-

цитного субъекта, но который легко восстанавливается из контекста. Причастие согласуется с этим эллиптическим «подлежащим» в роде и числе;

4) связь АПК с «принимающим» предложением имплицитна. Отношения между ними имеют обстоятельственный характер и ограничены следующими значениями: времени, причины, сопутствующего действия, реже – условия и уступки;

5) подлежащие АПК и «принимающего предложения» связаны отношениями включения (конкретного и ассоциативного), реже – обобщения, уточнения, перечисления;

6) по расположению относительно «принимающего предложения» выделяются препозиционный и постпозиционный виды АПК. Выявлена не очень выраженная тенденция к расположению АПК со значением времени и причины в препозиции, а условных и уступительных АПК – в постпозиции. АПК со значением сопутствующего действия размещаются, как правило, в постпозиции;

7) традиционно для обособления АПК используется запятая. Однако нами были зафиксированы также случаи применения других, более экспрессивных и более точно передающих коммуникативную установку автора, пунктуационных знаков: тире, точка (парцелляция), комбинация точки и двоеточия, а также случаи опущения обособления. Применение нерегламентированных авторских знаков ни в коем случае не усложняет речь, а служит её обогащению, созданию особого ритмомелодического рисунка, позволяет внести разнообразие в синтаксический рисунок текста, сделать речь точной и выразительной;

8) применение корпусной методологии позволило верифицировать результаты предыдущих исследований российских и зарубежных лингвистов, внести коррективы в представления о структуре и семантике АПК. Статистическая обработка материала позволила выявить степень частотности, а также типичность/нетипичность той или иной разновидности АПК. Выявлены редкие и окказиональные случаи использования АПК в речи. К редким относятся АПК архаического типа; АПК, обособленные при помощи тире или комбинацией точки и двоеточия. Окказиональными разновидностями можно считать АПК с временными маркерами *à peine* и *sitôt*, а также необособленную АПК.

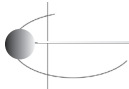
Список литературы

1. Бабаян М. А., Флерова Н. М. Практическая грамматика современного французского языка. М.: Внешторгиздат, 1964. 502 с.
2. Богоявленская Ю. В. Синтаксические особенности абсолютных причастных конструкций (на материале французских газетных текстов) // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. 2014. Вып. 5.
3. Богоявленская Ю. В. Парцелляция газетных заголовков: динамический аспект (на материале газеты «Коммерсантъ») // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 7–13.
4. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высш. шк., 1965. 378 с.
5. Заславская П. И., Алянская Н. В. Грамматика французского языка. М.: Высш. шк., 1978. 323 с.
6. Костецкая Е. О. Практическая грамматика французского языка для неязыковых. М.: Высш. шк., 1979. 279 с.
7. Кузнецова И. Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. М.: Стратегия, 2002. 272 с.
8. Нелюбина М. С. Французская и испанская абсолютные причастные конструкции в ряду конструкций с неличными формами глагола // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь, 2014. № 26. С. 143–146.
9. Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. М.: Просвещение, 1982. 430 с.
10. Штейнберг Н. М. Грамматика французского языка. Ч. 2. Синтаксис простого и сложного предложения. Л.: Просвещение, 1972. 240 с.
11. Borillo A. Quelques structures participiales de valeur temporelle en prédication seconde [Электронный ресурс] // Travaux Linguistiques du Cerlco, 2006. Режим доступа: <http://w3.erss.univ-tlse2.fr:8080/index.jsp?perso=borillo&subURL=> (дата обращения: 15.05.2015).
12. Combettes B. Les constructions détachées en français. Ophrys, 1998. P. 31–44.
13. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Gembloux, 7e édition, 1961. 1666 p.
14. Halmøy O. Les formes verbales en -ant et la prédication seconde // Travaux de linguistique. Boeck Supérieur, 2008/2. № 57. P. 43–62.
15. Hanon S. Les constructions absolues en français moderne // L'Information Grammaticale. 1990. № 47. P. 37–38.
16. Havu E., Pierrard M. Prédication seconde et type de discours : les participes présents adjoints dans les médias écrits et oraux // Prédication seconde et type de discours : les participes présents adjoints dans les médias écrits et oraux. Stockholm: Université de Stockholm, 2005. P. 273–288.
17. Havu E., Pierrard M. L'interprétation des participes présents adjoints: converbalité et portée du rapport entre prédications // Linguistique plurielle, Congreso Internacional de Lingüística Francesa, 2008. P. 865–881.
18. Hernández D. G. La traducción francés-español das construccions absolues dans la presse // Synergies Espagne. 2010. № 3.
19. Herslund M. Le participe présent comme co-verbe // Langue française. 2000. № 127. P. 86–94.
20. Kulland B. Les constructions participiales du français et leurs traductions norvégiennes correspondantes. Masteroppgave: University of Oslo, 2008. P. 93.
21. Mouret F. Deux types de constructions absolues dans La Jalousie de Robbe-Grillet // L'information grammaticale. Peeters Publishers, 2011. C. 51–56.
22. Muller C. Participe présent, conjonction et construction du sujet // Travaux Linguistiques du Cerlco, 19: Les formes non finies du verbe-2. Presses Universitaires de Rennes, 2012. P. 19–36.
23. Ruwet N. Une construction absolue // Grammaire des insultes et autres études. Paris: Seuil, 1982. P. 91–146.

References

1. Babayan M. A., Flerova N. M. Prakticheskaya grammatika sovremennogo frantsuzskogo yazyka. M.: Vneshtorgizdat, 1964. 502 s.
2. Bogoyavlenskaya Yu. V. Sintaksicheskie osobennosti absolyutnykh prichastnykh konstruktssii (na materiale frantsuzskikh gazetnykh tekstov) // Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda. 2014. Vyp. 5.
3. Bogoyavlenskaya Yu. V. Partsell'yatsiya gazetnykh zagolovkov: dinamicheskii aspekt (na materiale gazety «Kommersant») // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2013. № 373. S. 7–13.
4. Gak V. G., Roizenblit E. B. Ocherki po sopostavitel'nomu izucheniuyu frantsuzskogo i russkogo yazykov. M.: Vyssh. shk., 1965. 378 s.
5. Zaslavskaya P. I., Alyamskaya N. V. Grammatika frantsuzskogo yazyka. M.: Vyssh. shk., 1978. 323 s.
6. Kostetskaya E. O. Prakticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka dlya neyazykovykh. M.: Vyssh. shk., 1979. 279 s.
7. Kuznetsova I. N. Sopostavitel'naya grammatika frantsuzskogo i russkogo yazykov. M.: Strategiya, 2002. 272 s.

8. Nelyubina M. S. Frantsuzskaya i ispanskaya absolyutnye prichastnye konstruksii v ryadu konstruksii s nelichnymi formami glagola // Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty. Tver', 2014. № 26. S. 143–146.
9. Referovskaya E. A., Vasil'eva A. K. Teoreticheskaya grammatika sovremennogo frantsuzskogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1982. 430 s.
10. Shteinberg N. M. Grammatika frantsuzskogo yazyka. Ch. 2. Sintaksis prostogo i slozhnogo predlozheniya. L.: Prosveshchenie, 1972. 240 s.
11. Borillo A. Quelques structures participiales de valeur temporelle en prédication seconde [Электронный ресурс] // Travaux Linguistiques du Cerlco, 2006. Режим доступа: <http://w3.erss.univ-tlse2.fr:8080/index.jsp?perso=borillo&subURL=> (дата обращения: 15.05.2015).
12. Combettes B. Les constructions détachées en français. Ophrys, 1998. P. 31–44.
13. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Gembloux, 7e édition, 1961. 1666 p.
14. Halmøy O. Les formes verbales en -ant et la prédication seconde // Travaux de linguistique. Boeck Supérieur, 2008/2. № 57. P. 43–62.
15. Hanon S. Les constructions absolues en français moderne // L'Information Grammaticale. 1990. № 47. P. 37–38.
16. Havu E., Pierrard M. Prédication seconde et type de discours : les participes présents adjoints dans les médias écrits et oraux // Prédication seconde et type de discours : les participes présents adjoints dans les médias écrits et oraux. Stockholm: Université de Stockholm, 2005. P. 273–288.
17. Havu E., Pierrard M. L'interprétation des participes présents adjoints: converbalité et portée du rapport entre prédications // Linguistique plurielle, Congreso Internacional de Lingüística Francesa, 2008. P. 865–881.
18. Hernández D. G. La traduction français-espagnol des constructions absolues dans la presse // Synergies Espagne. 2010. № 3.
19. Herslund M. Le participe présent comme co-verbe // Langue française. 2000. № 127. P. 86–94.
20. Kulland B. Les constructions participiales du français et leurs traductions norvégiennes correspondantes. Masteroppgave: University of Oslo, 2008. P. 93.
21. Mouret F. Deux types de constructions absolues dans La Jalousie de Robbe-Grillet // L'information grammaticale. Peeters Publishers, 2011. C. 51–56.
22. Muller C. Participe présent, conjonction et construction du sujet // Travaux Linguistiques du Cerlco, 19: Les formes non finies du verbe-2. Presses Universitaires de Rennes, 2012. P. 19–36.
23. Ruwet N. Une construction absolue // Grammaire des insultes et autres études. Paris: Seuil, 1982. P. 91–146.

Статья поступила в редакцию 01.06.2015

УДК 811
ББК 81.2Англ

Ольга Юрьевна Гукосьянц,

аспирант,

Пятигорский государственный лингвистический университет

(357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9),

e-mail: gukosjants@mail.ru

Параметры самопрезентации в англоязычном научном интернет-опосредованном дискурсе

Статья посвящена проблеме самопрезентации в англоязычном научном дискурсе как специфическом для науки способе организации речевой деятельности. По мнению автора, данный вид отличается от других видов дискурса целью, участниками, ценностями, жанрами и т. д., включает в себя когнитивные, лингвистические и политические компоненты. Среди современных видов дискурса можно выделить научный сетевой дискурс, представляющий собой неформальную научную коммуникацию. Целями статьи являлся анализ некоторых особенностей научного блога и доказательство выраженной презентации гендерной идентичности в англоязычных научных блогах, существующих в современном интернет-пространстве. Подробно рассмотрены примеры англоязычных научных блогов и прослеживается наличие в них речевых гендерных маркеров. Автор пришёл к выводу о том, что интернет-опосредованному научному дискурсу в целом присуще частое употребление пассивных конструкций, прилагательных в превосходной степени, модальных глаголов. Отмечается, что говорить о полном нивелировании гендерных особенностей речи в рамках научного блога нецелесообразно. В процессе анализа было обнаружено, что авторы-мужчины имеют целью создание солидарных отношений между блоггером и его аудиторией, привлечение новых читателей путём использования определённых лингвистических средств. К особенностям «женских» блогов можно отнести практически абсолютное отсутствие элементов разговорного стиля, более корректное употребление времён, высокий уровень эгоцентричности, употребление вопросительных предложений для диалогизации речи и вовлечения читателей.

Ключевые слова: самопрезентация, научный дискурс, Интернет, гендерный маркер, жанр, блог, блоггер.

Olga Yurievna Gukos'yants,

Postgraduate Student,

Pyatigorsk State Linguistic University

(9 Kalinin Ave, Pyatigorsk, Russia, 357532),

e-mail: gukosjants@mail.ru

The Parameters of Self-Presentation in the English-Language Scientific Internet-Mediated Discourse

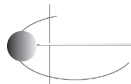
The article is devoted to the problem of self-presentation in the English-language scientific Internet-mediated discourse as a special scientific method of speech activity organization. According to the author, this type of discourse is different from other types of discourse by its aim, participants, values, genres, etc. and consists of cognitive, linguistic and political components.

The scientific network discourse is a modern type of discourse that is an informal scientific communication. The analysis of some peculiarities of scientific blogs and the proof of an expressed presentation of the gender identity in the English-language scientific blogs existing in the modern Internet space have been among the aims of the article. Some examples of the English language scientific blogs were reanalyzed in detail, as well as the presence of gender markers in them. The author has concluded that the Internet-mediated scientific discourse in general is characterized by the frequent use of passive constructions, adjectives in superlative degree, modal verbs. Findings suggest that it is inadvisable to speak about a full levelling of gender peculiarities of speech in the framework of the scientific blog. During the analysis, it has been revealed that male authors aim at creating the solidary relations between a blogger and his audience, attracting new readers by the use of certain linguistic means. Almost absolute absence of the elements of colloquial style, more correct use of tenses, high level of egocentricity, use of interrogative sentences for dialogization of speech and involvement of readers are among the peculiarities of female blogs.

Keywords: self-presentation, scientific discourse, Internet, gender marker, genre, blog, blogger.

Научный дискурс – это специфический для науки способ организации речевой деятельности. Данный вид дискурса включает в себя когнитивные (понятия, схемы, объекты,

методы, программы, парадигмы), лингвистические (тропы и фигуры речи, терминология, речевые акты, синтаксис, семантика и прагматика разноуровневых языковых средств) и

политические (запреты и предписания, формы педагогического воздействия, социального взаимодействия и дисциплины) компоненты; определяется как «процесс целенаправленного, профессионально обозначенного речемышления учёного, в ходе которого рождается, формируется и формулируется новое знание, стимулируемое научным концептом» [7; 8; 15; 25; 29; 30].

Главная цель научного дискурса – «процесс вывода нового знания о предмете, явлениях, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи» [15; 16].

Ценности научного дискурса, по мнению В. И. Карасика, сконцентрированы в его ключевых концептах (истина, знание, исследование), сводятся к принципиальному признанию познаваемости мира, к необходимости умножать теоретические и практические знания и доказывать их объективность, к уважению к фактам, к беспристрастности в поисках истины, к высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления [16; 18].

При этом для адекватного восприятия и понимания научного текста, его основной проблемы и концепции автора, необходимо, чтобы участники научного дискурса – исследователи и их аудитория, автор научного текста и его реципиент – обладали схожим уровнем подготовки и знаниями об обсуждаемом предмете; «необходимо наличие общих пресуппозиций автора научного текста и его реципиента... В научном тексте границы пресуппозиции лежат в знаниях общепринятых дефиниций, в сущности общеизвестных законов, теорий и т. п., в знакомстве с идеями, смыслом опубликованных, а иногда и неопубликованных научных материалов, на которые опирается адресант в обосновании и трактовке нового знания...» [25].

Иными словами, научный дискурс предполагает равенство всех его участников, их одинаковый уровень подготовки в рамках обсуждаемой проблемы. Данный факт, во-первых, позволяет говорить о принципиальном отличии данного вида дискурса от иных дискурсов, причём основным критерием отграничения становится антропоцентрический критерий, уровень подготовки участников научного дискурса. Во-вторых, являясь отдельным видом дискурса, научный дискурс, научная дискуссия порождают научный текст,

характеризующийся применением особых коммуникативных стратегий и тактик, определённой лексики и грамматических структур, а также вербализацией научных концептов [1–5; 19; 22; 23 и др.].

Основными качествами научной речи признаются объективность, абстрактность, логическая строгость, последовательность и точность [11].

К основным жанрам научного дискурса целесообразно, на наш взгляд, отнести очерк, аннотацию, выступление на конференции, методическую разработку, диссертацию, монографию, научно-технический отчёт, научный доклад, рецензию, реферат, тезисы, научную статью. Анализируя жанры научного дискурса, учёные дифференцируют их по признаку функциональности, т. е. с учётом их специфических коммуникативных задач (Е. С. Троянская, Ю. В. Ванников), а также объединяя жанры по нескольким существенным признакам, применяя многофакторный подход (Г. А. Золотова, Н. М. Разинкина) [9; 14; 24; 27].

Вместе с тем появление и стремительное развитие новой коммуникативной среды – интернет-пространства – существенно повлияло и на жанровую систему научного дискурса. Сегодня можно говорить о появлении **научного сетевого дискурса**, представляющего собой неформальную научную коммуникацию и «совмещающего в себе специфические черты, присущие различным видам дискурса» [20, с. 5]. К исконно сетевым жанрам научного общения также относятся научные сетевые конференции, доски объявлений, научные дискуссии в специальных чатах, научные блоги и форумы научной направленности. При этом распространение научных знаний через всемирную сеть, влияние особенностей Интернета как коммуникативной среды (в частности, дистантности, опосредованности, анонимности) способствует появлению в научной речи ряда характеристик, не присущих научному стилю, что позволяет говорить не о собственно научном, а о научно-популярном характере данного дискурса.

Итак, научный сетевой дискурс представляет собой особую разновидность научного текста, обладающую определённой спецификой на всех уровнях языка [20, с. 5].

В частности, рассматривая лексические черты научной речи в сети, Н. Л. Моргун выделяет следующие особенности сетевого научного дискурса: обращение к аббревиатурам не только терминов, но и часто употребляемых в разговорной речи словосочетаний и выражений, сочетание научных терминов и

разговорных слов, нейтральной и грубой лексики. К графическим особенностям текстов научного интернет-дискурса учёный относит использование курсива, разрядки, жирного шрифта, написание текста заглавными буквами, повторение букв в словах, восклицательных и вопросительных знаков, применение смайлов [20, с. 12–14].

В силу ряда перечисленных выше характеристик, присущих Интернету как коммуникативной среде, научный сетевой дискурс, в отличие от дискурса собственно научного, приобретает большую доступность, эмоциональность и, в некоторой степени, простоту. По этой причине и лексико-семантические особенности, появляющиеся под воздействием среды, в которой разворачивается научный сетевой дискурс, могут быть не только чётко разграничены и идентифицированы как лингвистические особенности данного вида дискурса, но и гендерно дифференцированы. Возможность гендерной дифференциации текстов научного интернет-дискурса кардинально отличает его от традиционного «печатного» научного дискурса.

Традиционно считается, что в условиях официальных научных обсуждений роль интенции самопрезентации незначительна, гендерные особенности речи ввиду строгих канонов научного стиля полностью отсутствуют, а сам научный стиль отождествляется с мужским стилем речи, отрицая практически любое гендерное варьирование [10; 13; 17; 21; 26].

Цель статьи – проанализировать то, насколько перечисленные особенности правомерны для научного блога, и возможно ли говорить о выраженной презентации гендерной идентичности в англоязычных научных блогах, существующих в современном интернет-пространстве.

Рассмотрим подробно примеры англоязычных научных блогов и проследим наличие в них речевых гендерных маркеров.

(1) Hungry Polar Bears Could Soon Start Devastating Bird Populations.

A hungry polar bear (*Ursus maritimus*) will eat just about anything. *Oh sure*, they prefer to dine on nice fatty seals, but *when push comes to shove* they'll eat caribou, walruses, nuts, birds, and even stinky, rotten whale carcasses.

Oh yeah, they'll also eat eggs. Eggs are, of course, *yummy* but they come with an ecological cost. According to a paper published this week in *Frontiers in Ecology and Evolution*, polar bears in some areas are eating so many eggs that bird populations soon suffer.

The research – by a team of 16 international scientists – was conducted in east Greenland and the Norwegian island Spitsbergen, part of the Svalbard archipelago, between 2004 and 2014. At each of five sites studied, the sea ice season lasted fewer days each year. As a result, polar bears spent a lot more time on land: 15 percent more time each year of this century.

Unfortunately, the ice season also started earlier each year, by as much as 3 days in some sites. That gave polar bears access to the land at the same time as the key nesting seasons for several sea birds, including barnacle geese (*Branta leucopsis*), common eiders (*Somateria mollissima*) and glaucous gulls (*Larus hyperboreus*).

Yup, and if that backup source of food disappears, *what happens to polar bears then?* [33].

Автор статьи – Джон Платт (*John R. Platt*), один из соавторов блога *Scientific American*, работы которого посвящены климатическим изменениям, исчезающим видам животных, проблемам борьбы с браконьерством.

Представленный пример является сочетанием научного и бытового стилей. Наряду с терминами (*Ursus maritimus*, *Branta leucopsis*, *Somateria mollissima*, *Larus hyperboreus*), описанием исследования, приведением конкретных фактов и цифр, что является характерным именно для языка науки, автор употребляет множество разговорных фраз и выражений (*Oh sure*, *when push comes to shove*, *Oh yeah*, *yummy*, *Yup*), а статью завершает вопросом, который в данном контексте можно рассматривать как риторический. В конструкции, имитирующей разговорную речь, явно прослеживаемая саркастическая интонация интимизирует повествование, выполняют не только функцию сообщения, но и функцию воздействия на читателя.

(2) The Quest for Better Broccoli Starts with More Science.

Everyone knows that broccoli is good for you. What was not known is that frozen broccoli lacked the cancer-fighting nutrients that the fresh vegetable provided.

With a grant from the U. S. Department of Agriculture's Agriculture and Food Research Initiative (AFRI), however, scientists at the University of Illinois discovered in 2013 that a small sprinkling of dried *daikon radish* restored the vegetable's chemistry that the freezing process altered.

Research like this fuels the constant improvements in U. S. food and agriculture production. Americans *are united in our desire* to nourish our families, but the nation's food and

agriculture system does not always *make it easy to get it right*. We need a new age of agricultural innovation *to begin*, so we can produce more nutritious food more affordably and sustainably, and deliver this food more efficiently to grocery bags and dinner tables around the country.

The President's proposed 2016 budget, which Congress started discussing this month, includes a \$125 million increase in AFRI grants. This increase would bring the annual budget to \$450 million, still shy of the \$700 million that Congress envisioned when it authorized the program in the 2008 Farm Bill.

It is in our national interest to invest in research exploring every facet of how plants and animals develop and how food is made and consumed. We need a broader scientific agenda that will increase the number of crop varieties and their hardiness, as well as improve how we raise livestock and keep animals healthy. The AFRI budget increase will help make sure that we *put our best minds* to work and there's good food on everyone's plate today and tomorrow [34].

Автор статьи – Том Грамбли – президент Ассоциации сторонников исследований в области сельского хозяйства. Представленный пример схож с предыдущим. Научная направленность статьи, проявляющаяся в использовании терминов, ссылок на организации, в описании исследования и представлении конкретных цифр, в использовании множества инфинитивных конструкций, основная функция которых – поддержание логической строгости научного текста, соседствует с образительными приёмами, свойственными художественной литературе (среди последних можно выделить гиперболу – *to explore every facet*; метонимический перенос – *put our best minds*, высокопарную фразу – *to unite in our desire*). Данные приёмы позволяют сообщить информацию более образно, полно. Неоднократное употребление личного местоимения *we* в функции обобщения имеет целью привлечь читателей и вовлечь их в сферу интересов автора блога. Анализ выборки научных блогов показывает, что подобные искусственно спроектированные солидарные отношения между блоггером и его читателями свойственны «мужскому» научному блогу.

(3) How Many Digits of Pi Do You Really Need to Know? Find Out with This Bar Bet.

Now *imagine* rotating the paper 90 degrees and trying to wrap its width around the red can. Instead of going around more than once, it actually falls short, *leaving an unmistakable gap*.

Those of *us* who thought the tallest can was a winner must conclude *that our visual perception* cannot be trusted: *we're* just not very good at gauging girth. Reasoning with mathematics can also play a role here, when one realizes what the tallest can contains three tennis balls.

Ignoring the negligible additional space around (and above) the balls when they are in the can, it follows that the can is 3 times as tall as it is wide. *Re-enter our friend pi*: the circumference of any can is pi times its width. *So it all boils down to knowing which is larger, 3 or pi!*

Without knowing a single digit of the decimal expansion of pi, we can conclude that the circumference of the red can exceeds its height. To put it another way, all of the cylinders are larger around than they are from top to bottom [35].

Автор блога – Колм Малкэхи, профессор математики в Колледже Спелмана. Приведённый пример «мужского» блога также перекликается с предыдущими в некоторых моментах. В первую очередь научная статья, посвящённая описанию эксперимента и его результатов, содержит элементы разговорного стиля (*Re-enter our friend pi, it all boils down to knowing*). Взаимодействию адресанта и адресата, созданию солидарных отношений между ними способствуют появляющиеся и в данной статье обобщающие местоимения *we, us, our*. При этом строгость научной статьи проявляется через употребление повелительных конструкций, сложноподчинённых предложений, причастных оборотов.

Рассмотрим примеры блогов, написанных женщинами-учёными.

(4) Words and Images.

As my last post said, *I have been sitting* on a lot of committees *recently* and *consequently* reading a lot of references. *I am pleased to observe that it has been* the men round the table who *have been complaining* about the gendered tone of some of these letters, picking up both when a referee envisages a job in a very masculine way and so complains if some woman operates in a different way, or when different standards for men and women are used. In this latter case, for instance, it was noted that the women were referred to by what *they hadn't done*, whereas for the men it was *consistently what they had achieved*.

And, since there were far more men than women round the table *I was encouraged to find it wasn't the women who had to speak out*.

It is everyone's problem if the best individual is disadvantaged by the application of stereotypes or a subtle marking down in ways the referee themselves were not *necessarily consciously* intending.

I don't know what the answer to this conundrum is. *I know I have become* much more cautious in what adjectives *I use*, trying to be clear that if *I say* someone is a team player *I also stress* their independence, or noting that someone who is good with people is also brilliant and a game changer.

Raising awareness that women can be scientists (and more specifically physicists in the particular cases *I've recently been involved* with) by imagery is another aspect of the march towards a level playing field. Or maybe *I should say* the slow crawl in that direction. Although *I fear* this is a sad reflection on my own progress towards 'old fart dom', *I have been involved* with two unveilings of representations of women in the last couple of weeks [28].

Автор статьи – Афина Дональд – профессор экспериментальной физики Кембриджского университета, автор блога *Athene Donald's Blog*, посвящённого не только вопросам физики, но и событиям, происходящим в университете и в жизни самого автора, её взгляду на некоторые социальные вопросы.

Настоящий пример отличается от вышеприведённых фрагментов «мужских» блогов, прежде всего, чётким «сухим» изложением, отсутствием элементов разговорного стиля и, соответственно, «живости» высказывания. В процитированном отрывке наблюдается более чёткая дифференциация видовременных форм, в том числе – сложных форм английского глагола. Официальный тон статьи подтверждают фразы *I am pleased to observe; I was encouraged to find, it wasn't the women who...* – конструкция, заключающаяся в смещении прямого акцента, желании уйти от возможного конфликта, в снижении категоричности высказывания. Взаимодействие блоггера и читателя, вовлечение аудитории достигается в «женском» блоге *самораскрытием автора* через многочисленное употребление личного местоимения *I*. Отличительной особенностью статьи является также большое количество наречий времени, следствия, образа действия (*recently, consistently, necessarily, consciously*).

Рассмотрим ещё один пример:

(5) American Genes Don't Exist.

Silly me. I thought that naturalized American citizens equal American citizens at birth with the same rights and privileges.

No doubt Keflezighi has genes which enhance his physiological capabilities for endurance and other traits found in winning marathoners. This *obviously* does not mean that Ke-

flezighi is any more or less American than other non-East African runners who have the same genes.

The *Oxford English Dictionary* defines “nationality” in two parts:

nationality noun (pl. **nationalities**)**1)** *the status of belonging to a particular nation; 2)* *an ethnic group forming a part of one or more political nations.*

Even though ethnic groups are mentioned, the U. S. is *clearly* a country of many ethnic groups so genes should not be part of the debate when discussing whether someone is American or not.

Quite frankly, I'm not even sure what makes a person American and *I don't think* anyone else does either. *I hold* an American passport and spent the years between ages 6 and 26 in the U. S. *I've lived* in six different countries in the past 10 years and as a result, my national identity is *slightly* muddled. My son is *even* more confused. He holds an American passport as well but has never lived in the U.S although he's lived in four different countries in his seven years. He was born in Japan so some days he says that he's Japanese and now that he lives in Singapore, he sometimes says he's Singaporean. *I'm sure* some people would say he's not American at all.

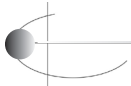
We're global citizens with ties to more than one country. *Truth be told, I'm proud* to say *I'm* Chinese-American with the accent to prove it [31].

Автор статьи – доктор Хсиен-Хсиен Лей (Dr. Hsien-Hsien Lei), генетик, эпидемиолог, самая знаменитая из всех американских блоггеро-генетиков по версии сайта *sciencerooll.com*.

В данном примере, в отличие от предыдущего, присутствуют весьма немногочисленные элементы разговорной речи *Silly me, Quite frankly, Truth be told* и одновременно ссылки на энциклопедии и цитаты. Блог отличается высоким уровнем эгоцентричности, что проявляется в частотном использовании личного местоимения *I* (*I thought, I don't think, I hold, I've lived, I'm sure*), что является, на наш взгляд, особенностью «женского» научного блога. Также в примере следует отметить наречия образа действия и модальные слова (*slightly, even, clearly, obviously*).

(6) Holy influenza, batman!

I've previously about the enormous diversity of microbes that bats possess. This shouldn't be surprising-after all, bats are *incredibly* diverse themselves, encompassing about a fifth of all known mammalian species. Though rabies is *probably* the most famous bat-associated virus,

other viruses that have been isolated from bats include *Nipah and Hendra viruses, SARS coronavirus, many others*. And of course, a bat->pig->human cross-species infection ended up being a plot line in the recent movie. However, bats still remain *chronically* under-studied, despite the fact that they can carry so many potential human pathogens.

This new research expands our knowledge of bat viruses a bit. The authors examined 316 bats from eight locations in Guatemala in 2009–10. However, the third bat was captured in 2010 at a location 50 km away from the other two, suggesting that the virus may be more widespread than in just one colony.

When we discuss the epidemiology of influenza viruses, we talk about two genes: the HA gene and the NA gene. This is where the “H1N1” or “H5N1” nomenclature come from. The NA gene was also *highly* divergent, but they are awaiting further analyses to more *definitively* classify this gene. (*Currently* there are 9 recognized types of NA genes).

Though they weren't able to culture out the flu viruses, the authors did do some molecular work suggesting that these novel bat viruses could combine with human viruses and form a functional recombinant virus. *What implications could this have for human health? Well, hard to say.* We still know very little about all the implications of any distinct type of avian influenza virus, or swine influenza virus, much less something *completely* foreign like bat flu. *Can it cause an intestinal infection as well as an upper respiratory infection? Does it cause any signs of disease in infected bats at all?* If they can get this bat virus to grow, all sorts of interesting lines of research are just waiting.

Who knows what else *we'll* find lurking out there as interest continues to increase in the wildlife microbiome [32].

Автор статьи – Тара Смит – микробиолог, эпидемиолог (Tara C. Smith). В блоге содержится описание эксперимента, конкретные результаты с упоминанием цифр и терминов (*Nipah and Hendra viruses, SAR Scoronavirus*). Вопросительные предложения в тексте не обладают риторической функцией (как в «мужском» блоге), а являются средством диалогизации речи и вовлечения, таким образом,

читателя в сферу интересов автора. Личное местоимение *we* не несёт функции построения солидарных отношений с читателем (как в «мужском» блоге), а акцентирует внимание на личности автора и его команды. В блоге также наблюдается значительное количество наречий образа действия, времени (*chronically, previously, incredibly, probably, completely, currently*).

Проанализировав некоторое количество научных блогов, авторами которых являются и мужчины, и женщины, отметим следующее. Интернет-опосредованному научному дискурсу в целом присуще частое употребление пассивных конструкций, способствующих объективности и обезличенности изложения, прилагательных в превосходной степени, модальных глаголов. Важно отметить, что говорить о полном нивелировании гендерных особенностей речи в рамках научного блога нельзя [12].

В процессе анализа обнаружено, что авторы-мужчины при строгости и объективности научного стиля, достигаемых употреблением повелительных конструкций, сложноподчинённых предложений, причастных оборотов, используют в блогах множество разговорных фраз и выражений, риторические вопросы, изобразительные приёмы, свойственные художественной литературе, личное местоимение *we* в функции обобщения, что имеет целью создание солидарных отношений между блоггером и его аудиторией, привлечение новых читателей.

К особенностям «женских» блогов можно отнести практически абсолютное отсутствие элементов разговорного стиля, более корректное употребление времён, снижение категоричности высказываний, большое количество наречий времени, следствия, образа действия, высокий уровень эгоцентричности, что проявляется в использовании личного местоимения *I* (гораздо реже – *we*), употреблении вопросительных предложений для диалогизации речи и вовлечения читателей. Наряду с упоминанием и перечислением конкретных цифр у женщин чаще чем у мужчин наблюдаются приблизительные нецифровые обозначения количества (*majority, many, several, much*), что также характеризует «женский» научный блог.

Список литературы

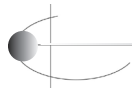
1. Алимуратов О. А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций. Saarbrücken, 2011. 316 с.
2. Алимуратов О. А. Характерные особенности динамики концептосферы индивида // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2004. № 4. С. 123–133.

3. Алимуратов О. А., Бруданина А. В. Опыт моделирования динамики формирования и вербализации концепта: теоретико-методологические подходы и практические приложения (на материале концепта *parting*, вербализуемого средствами английского языка) // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2009. № 3. С. 105–110.
4. Алимуратов О. А., Григорьева Н. В. Интеракциональная природа дискурса и некоторые критерии его осмысленности // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2009. № 2. С. 31–37.
5. Алимуратов О. А., Гусева М. А. Структурная и признаковая модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 12–19.
6. Алимуратов О. А., Реунова О. И. О сущности процесса референции // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2006. № 1. С. 79–89.
7. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте [Электронный ресурс] // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2009. Вып. 5. URL: www.rfp.psu.ru/archive/5.2009/bazhenova.pdf (дата обращения: 27.03.2015).
8. Большакова Е. И., Баева Н. В. Автоматический анализ дискурсивной структуры научного текста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Bolshakova.htm> (дата обращения: 28.03.2015).
9. Ваников Ю. В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности: метод. пособие. М.: Междунар. отношения, 1984. Ч. 1. 331 с.
10. Вязигина С. Ю. Особенности самопрезентации в интернет-блогах // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2015. № 1. С. 107–111.
11. Гальперин И. Р. Речевые стили современного английского литературного языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.prekrasnakraina.com/my_english/galperin/scientific_style.htm (дата обращения: 28.03.2015).
12. Гукосьянц О. Ю., Хачересова Л. М. Диагностика гендерной идентичности участников чат-коммуникации на основе анализа англоязычных никнеймов // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2013. № 4. С. 69–75.
13. Завершинская Н. А. Техники гендерного насилия в СМИ и способы их деконструкции // Справедливость и ненасилие: российский контекст. Великий Новгород, 2005. С. 140–162.
14. Золотова Г. А. К вопросу о конститутивных единицах текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М.: Наука, 1984. С. 167–170.
15. Карасик В. И. О категориях дискурса // Твер. лингв. меридиан: сб. ст. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2007. С. 57–68.
16. Карасик В. И. О типах дискурса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 28.03.2015).
17. Кубрак Т. А. Интенция самопрезентации субъекта в вербальной коммуникации: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2009. 26 с.
18. Лату М. Н. К вопросу об объеме репрезентации когнитивных знаний в структуре семантики лексических единиц в динамике их развития // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 318–321.
19. Лату М. Н. Псевдонаучный дискурс и псевдотермины: постановка проблемы изучения // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2012. № 3. С. 76–79.
20. Моргун Н. Л. Научный сетевой дискурс как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень, 2002. 20 с.
21. Москаленко К. О. Особенности реализации стратегии самопрезентации личности в текстах испаноязычных объявлений о знакомствах // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2012. № 4. С. 98–102.
22. Раздубев А. В. Дискурс сферы нанотехнологий как вид научного дискурса (на материале современного английского языка) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 37 (328). С. 52–55.
23. Раздубев А. В. Современный английский подъязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пятигорск, 2013. 32 с.
24. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. М.: Высш. шк., 1989. 182 с.
25. Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2007. 47 с.
26. Сеченова Е. Г. Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 86–91.
27. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1984. С. 16–27.
28. Athene Donald's Blog. Words and Images [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://occamstypewriter.org/athenedonald/2015/03/20/words-and-images/> (дата обращения: 27.03.2015).
29. Chimombo M., Roseberry R. L. The Power of Discourse: An Introduction to Discourse Analysis. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. 456 p.
30. Cognitive Science: An Introduction / N. A. Stillings [et al.]. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1998. 530 p.
31. Eyeon DNA. How will it change your life? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eyeonDNA.com/> (дата обращения: 27.03.2015).

32. Science Blogs. Aetiology. Holyinfluenza, batman! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scienceblogs.com/aetiology/2012/02/28/holy-influenza-batman/> (дата обращения: 31.03.2015).
33. Scientific American. Extinction Countdown. Platt J. R. Hungry Polar Bears Could Soon Start Devastating Bird Populations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.scientificamerican.com/extinctioncountdown/2015/03/26/polar-bears-bird-eggs/> (дата обращения: 28.03.2015).
34. Scientific American. Guest Blog. Grumbly T. The Quest for Better Broccoli Starts with More Science [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/2015/03/30/the-quest-for-better-broccoli-starts-with-more-science/> (дата обращения: 31.03.2015).
35. Scientific American. Guest Blog. Mulcahy C. How Many Digits of Pi Do You Really Need to Know? Find Out with This Bar Bet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/2015/03/14/how-many-digits-of-pi-do-you-really-need-to-know-find-out-with-this-bar-bet/> (дата обращения: 25.03.2015).

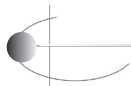
References

1. Alimuradov O. A. Kontsept i lingvističeskaya semantika. Znachenie, smysl, kontsept i intentsional'nost': sistema korrelyatsii. Saarbrücken, 2011. 316 s.
2. Alimuradov O. A. Kharakternye osobennosti dinamiki kontseptosfery individa // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2004. № 4. S. 123–133.
3. Alimuradov O. A., Brudanina A. V. Opyt modelirovaniya dinamiki formirovaniya i verbalizatsii kontsepta: teoretiko-metodologičeskie podkhody i praktičeskie prilozheniya (na materiale kontsepta parting, verbalizuemogo sredstvami angliiskogo yazyka) // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2009. № 3. S. 105–110.
4. Alimuradov O. A., Grigor'eva N. V. Interaksional'naya priroda diskursa i nekotorye kriterii ego osmyslennosti // Filol. nauki. Vopr. teorii i praktiki. 2009. № 2. S. 31–37.
5. Alimuradov O. A., Guseva M. A. Strukturnaya i priznakovaya modeli kontsepta BEAUTY (KRASOTA), ob»ektiviruemogo v sovremennom angloyazychnom zhenskom diskurse // Vopr. kognitivnoi lingvistiki. 2010. № 3. S. 12–19.
6. Alimuradov O. A., Reunova O. I. O sushchnosti protsessa referentsii // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2006. № 1. S. 79–89.
7. Bazhenova E. A. Nauchnyi tekst v diskursivno-stilističeskom aspekte [Elektronnyi resurs] // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2009. Vyp. 5. URL: www.rfp.psu.ru/archive/5.2009/bazhenova.pdf (дата obrashcheniya: 27.03.2015).
8. Bol'shakova E. I., Baeva N. V. Avtomatičeskii analiz diskursivnoi struktury nauchnogo teksta [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Bolshakova.htm> (дата obrashcheniya: 28.03.2015).
9. Vannikov Yu. V. Tipy nauchnykh i tekhnicheskikh tekstov i ikh lingvističeskie osobennosti: metod. posobie. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1984. Ch. 1. 331 s.
10. Vyazigina S. Yu. Osobennosti samoprezentatsii v internet-blogakh // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2015. № 1. S. 107–111.
11. Gal'perin I. R. Rechevye stili sovremennogo angliiskogo literaturnogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.prekrasnakraina.com/my_english/galperin/scientific_style.htm (дата obrashcheniya: 28.03.2015).
12. Gukos'yants O. Yu., Khacheresova L. M. Diagnostika gendernoi identichnosti uchastnikov chat-kommunikatsii na osnove analiza angloyazychnykh nikneimov // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2013. № 4. S. 69–75.
13. Zavershinskaya N. A. Tekhniki gendernogo nasiliya v SMI i sposoby ikh dekonstruktsii // Spravedlivost' i nenasilie: rossiiskii kontekst. Velikii Novgorod, 2005. S. 140–162.
14. Zolotova G. A. K voprosu o konstitutivnykh edinitsakh teksta // Russkii yazyk. Funktsionirovanie grammaticheskikh kategorii. Tekst i kontekst. M.: Nauka, 1984. S. 167–170.
15. Karasik V. I. O kategoriyakh diskursa // Tver. lingv. meridian: sb. st. Tver': Izd-vo Tver. gos. un-ta, 2007. S. 57–68.
16. Karasik V. I. O tipakh diskursa [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата obrashcheniya: 28.03.2015).
17. Kubrak T. A. Intentsiya samoprezentatsii sub»ekta v verbal'noi kommunikatsii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. M., 2009. 26 s.
18. Latu M. N. K voprosu ob ob»eme reprezentatsii kognitivnykh znanii v strukture semantiki leksicheskikh edinits v dinamike ikh razvitiya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2010. № 6. S. 318–321.
19. Latu M. N. Psevdonauchnyi diskurs i psevdoterminy: postanovka problemy izucheniya // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2012. № 3. S. 76–79.
20. Morgun N. L. Nauchnyi setevoi diskurs kak tip teksta: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. Tyumen', 2002. 20 s.
21. Moskalenko K. O. Osobennosti realizatsii strategii samoprezentatsii lichnosti v tekstakh ispanoyazychnykh ob»yavlenii o znakomstvakh // Vestn. Pyatigor. gos. lingv. un-ta. 2012. № 4. S. 98–102.
22. Razduev A. V. Diskurs sfery nanotekhnologii kak vid nauchnogo diskursa (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka) // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2013. № 37 (328). S. 52–55.

23. Razduev A. V. Sovremennyy angliiskii pod»yazyk nanotekhnologii: strukturno-semanticheskaya, kognitivno-freimovaya i leksikograficheskaya modeli: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Pyatigorsk, 2013. 32 s.
24. Razinkina N. M. Funktsional'naya stilistika. M.: Vyssh. shk., 1989. 182 s.
25. Rakitina S. V. Kognitivno-diskursivnoe prostranstvo nauchnogo teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Volgograd, 2007. 47 s.
26. Sechenova E. G. Gendernaya identichnost' v fokuse sovremennogo nauchnogo diskursa // Vestn. Tyumen. gos. un-ta. 2012. № 1. S. 86–91.
27. Troyanskaya E. S. Polevaya struktura nauchnogo stilya i ego zhanovykh raznovidnostei // Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stilei. M.: Nauka, 1984. S. 16–27.
28. Athene Donald's Blog. Words and Images [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://occamstypewriter.org/athenedonald/2015/03/20/words-and-images/> (дата обращения: 27.03.2015).
29. Chimombo M., Roseberry R. L. The Power of Discourse: An Introduction to Discourse Analysis. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. 456 p.
30. Cognitive Science: An Introduction / N. A. Stillings [et al.]. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1998. 530 p.
31. Eyeon DNA. How will it change your life? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eyeonDNA.com/> (дата обращения: 27.03.2015).
32. Science Blogs. Aetiology. Holyinfluenza, batman! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scienceblogs.com/aetiology/2012/02/28/holy-influenza-batman/> (дата обращения: 31.03.2015).
33. Scientific American. Extinction Countdown. Platt J. R. Hungry Polar Bears Could Soon Start Devastating Bird Populations [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.scientificamerican.com/extinctioncountdown/2015/03/26/polar-bears-bird-eggs/> (дата обращения: 28.03.2015).
34. Scientific American. Guest Blog. Grumbly T. The Quest for Better Broccoli Starts with More Science [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/2015/03/30/the-quest-for-better-broccoli-starts-with-more-science/> (дата обращения: 31.03.2015).
35. Scientific American. Guest Blog. Mulcahy C. How Many Digits of Pi Do You Really Need to Know? Find Out with This Bar Bet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blogs.scientificamerican.com/guest-blog/2015/03/14/how-many-digits-of-pi-do-you-really-need-to-know-find-out-with-this-bar-bet/> (дата обращения: 25.03.2015).

Статья поступила в редакцию 20.08.2015

УДК 82-343.4
ББК 83.014.45
ББК Ш3.014.45

Маргарита Тодорова Терзиева,
доктор педагогических наук, профессор,
Университет им. Асена Златарова
(8000, Болгария, г. Бургас, бул. Проф. Яким Якимов, 1),
e-mail: mater@abv.bg

Сказки Андерсена и болгарская литературная критика

В статье с историко-литературной точки зрения рассматривается роль сказок Андерсена как критерий художественности и высокой эстетической значимости посланий в области детско-юношеской литературы в Болгарии. Болгарская литературная критика в XX веке в лице Славчо Паскалева, Кирилла Крыстева, Атанаса Далчева, Здравко Петрова, Ефрема Каранфилова, Василя Александрова, Симеона Хаджихосева, Младена Енчева, Маргариты Славовой и других исследователей соизмеряет все достижения национального и мирового масштаба в литературе для детей и юношества со сказочным творчеством датского писателя. Произведения Андерсена анализировались путём использования разных подходов: литературно-исторического, биографического, поэтологического, психоаналитического.

Датский писатель обладает талантом живописца и создаёт, используя своих сказочных героев, галерею узнаваемых человеческих характеров. Критики исследуют поэтику сказок датского писателя, обращают внимание на сложный душевный мир его героев, проявляют интерес к личности и мировоззрению автора.

Болгарская литературная критика внесла ценный вклад в болгарскую Андерсениаду своими исследовательскими поисками, проникновенным анализом мотивов, тем и идей в сказочном творчестве Андерсена; исследованием его влияния на национальную литературу для детей и юношества.

Ключевые слова: болгарская литературная критика, сказки Андерсена, детская литература, анализ, болгарская Андерсениада.

Margarita Todorova Terzieva,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Asen Zlatarov University
(1 Blv. of Prof. Yakim Yakimov, Burgas, Bulgaria, 8000),
e-mail: mater@abv.bg

Andersen's Tales and Bulgarian Literary Criticism

Taking a history of literature perspective, the paper examines the role of Andersen's fairy tales as a criterion of artistic skills and high aesthetic significance of messages in the field of children's and young adults' literature in Bulgaria. Bulgarian literary criticism of the 20th century represented by Slavcho Paskalev, Kiril Kristev, Atanas Dalchev, Zdravko Petrov, Efrem Karanfilov, Vasil Aleksandrov, Simeon Hadzhikosev, Mladen Enchev, Margarita Slavova, etc. benchmarked all achievements in children's and young adults' literature on a national and international scale against the Danish writer's tales. Andersen's work has been analyzed using a variety of approaches: literary and historical, biographical, poetological and psychoanalytical.

The Danish writer boasted the talent of a painter and, through his fairy tale characters, created a gallery of unforgettable human personalities. Critics have studied the poetics of his tales giving special attention to the complex mentality of his characters or taken interest in the author's personality and worldviews.

Bulgarian literary criticism has made a valuable contribution to the Bulgarian Anderseniad with its research work, profound analysis of the motifs, themes and ideas of Andersen's fairy tales and the study of his influence on the national children's and young adults' literature.

Keywords: Bulgarian literary criticism, Andersen's tales, children's literature, analysis, Bulgarian Anderseniad.

Взгляды болгарских критиков после Освобождения (1878) направлены на мировую классику для детей и юношества, чтобы найти эталон высокого эстетического критерия, который стал бы отправной точкой для болгарских детских писателей, помог бы найти беспорные художественные завоевания.

Все эти требования синтезированы в высшей степени в сказочном творчестве Андерсена. Первая оценка его как автора содержится в биографической справке, опубликованной в первой части «Болгарской хрестоматии...» Ивана Вазова и Константина Величкова (1884) [3, с. 17]. Показательно то, что оба са-

мые известные болгарские писатели в этот хронологический период объединяют свои усилия, чтобы подчеркнуть необходимость издавать больше произведений Андерсена, тем более что его переводная рецепция в Болгарии датируется 1881 годом. Комментарий о его творчестве показывает, что сказки Андерсена известны преимущественно благодаря русским изданиям в переводе с 90-х годов XIX века.

В 1897 году в журнале «Школьное обозрение» – первый научно-методический журнал в Болгарии – опубликована рецензия на сказки Андерсена, переведённая Ив. Ст. Андрейчиным в 1896 году, подписанная инициалами И. П. П. Мы можем предположить, что это Иван Пеев-Плачков (1864–1942). Он окончил Роберт – колледж в Царьграде – и преподавал болгарский язык и литературу. Это будущий министр народного просвещения, действительный член и секретарь Болгарской академии наук..., дед всемирно известного семиотика Цветана Тодорова. В рецензии дан комментарий на сказочное творчество для детей с точки зрения педагогики, психологии, связи с фольклором, сделан вывод о том, что сказки Андерсена являются не только тем, что мы понимаем под этим именем. Некоторые – это стихотворения в прозе, другие – лирические произведения в повествовательной речи, в форме сказок; их философская основа и юмористический характер делает их больше похожими на возвышенные излияния и на сатиру [3, с. 18].

В этой эклектичной рецензии, где соответствующее требованиям педагогической стилистики введение расходится с литературоведческим изложением, находим любопытные моменты:

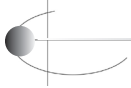
- улавливается жанровая разновидность большей части переведённых произведений Андерсена;
- показано яркое присутствие авторской инвенции, которая трансформирует знакомые волшебные сказки в литературные;
- отмечены философская основа и сатирический подтекст.

Самая значимая публикация в области детской литературы до Первой мировой войны отмечена у Славчо Паскалева (1894–1919). Он учился в Лейпциге, Берне, Софии. Получив филологическое образование, работал учителем и школьным библиотекарем в разных городах Болгарии – Велико Тырново, Пазарджике, Сливене и других. В школьном возрасте начал писать рассказы и сказки, в которых улавливается влияние Андерсена. В

качестве сотрудника журнала «Демократическое обозрение» публиковал оригинальные критические интерпретации о проектировании декаданса в болгарскую культурную ситуацию. Публикация, которая оставила самые яркие следы в истории национальной детско-юношеской литературы, опубликована в журнале «Мысль» в 1906 под заглавием «Наша детская художественная литература». Она появилась в результате наблюдений автора за тревожными симптомами распространяющейся нехудожественности и негативных тенденций в творчестве для детей. Тенденциозности и сковывающим моральным императивам Славчо Паскалев противопоставляет художественные достижения датского писателя, которые для него являются основанием для борьбы за высокие эстетические критерии в области национальной литературы, адресованной самым молодым читателям: сказки Андерсена, будучи, бесспорно, высоко художественными, абсолютно доступны детям, которые читают их с таким же удовольствием, как и взрослые [1, с. 326]. Болгарский критик одинаково взыскателен и к утвердившимся именам в литературе, и к начинающим поэтам и беллетристам. Он говорит о «запусчении языка» и рекомендует в качестве «противоядия» переводы таких авторов, как Л. Тик, А. Шамисо, В. Хауф. Современный исследователь проф. Симеон Янев считает, что «если бы не ошибочная теоретическая основа» (не существует специальной обособленной литературы для детей – *Примеч. авт.*), эта разработка могла бы стать «программой» для национальной детской литературы в Болгарии [2, с. 14].

Болгарский критик, искусствовед и эссеист Кирилл Крыстев (1904–1991) изучал философию в Софийском университете и специализировался в области изобразительного искусства в Париже. В 1935 году на страницах газеты «Литературный голос» в актуальной статье «Детская литература как национальный вопрос» он констатировал тревожное положение литературы для детей как результат пренебрежения к ней за счёт формальных успехов оригинальной и переводной литературы в этой области. Подводя итог, критик подчеркнул, что в качестве болгарского эталона он видит совершенного классика сказок – Андерсена. По мнению К. Крыстева, датский писатель обладает талантом живописца и создаёт, используя своих сказочных героев, галерею узнаваемых человеческих характеров [3, с. 20].

В 1942 году на страницах журнала «Искусство и критика» вели диалог писатели Атанас Далчев и Христо Радевски, эмблематический для сущности литературы для детей и специфики её адресата. Предметом беседы стали сказки Андерсена, которые, по мнению Атанаса Далчева, в большей части, являются «непонятыми для маленьких воспринимателей»: «... Когда писал “Новое платье короля”, “Гадкого утёнка”, “Русалочку”, Андерсену, вероятно, было все равно, поймут ли его дети, вряд ли он о них думал, подчиняясь своему великому вдохновению» [3, с. 21].

Кирилл Крыстев на страницах газеты «Слово» в том же году встал на сторону Атанаса Далчева и доказал неправильность тезиса Христо Радевского, используя сказочное творчество Андерсена, которое также стало объектом дискуссии между двумя творцами: «Сказки Андерсена – это, скорее всего, изящное творчество для взрослых, и поэтому не все дети чувствуют их фабульную и художественную ценность». Таким образом, взгляды на адресата сказочного творчества датского писателя, уже известные в иностранной критике, находят своих болгарских сторонников и оппонентов [3, с. 21].

Во время празднования 150-летия со дня рождения Андерсена в 1955 году трибуной многих болгарских литературных критиков становится периодическая печать, где они исследовали поэтику сказок датского писателя, отметив сложный душевный мир его героев, проявив при этом интерес к личности и мировоззрению автора. С этого момента и до конца века наблюдался перевес у публикаций и самостоятельных изданий. Многообразие поисков их авторов за последние четыре-пять десятилетий позволяет говорить о разных направлениях в их исследовательской работе, представленных в отдельных трудах и самостоятельных, менее масштабных, публикациях.

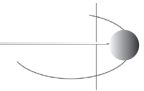
Наиболее широко представлены в Болгарии текстологические и критические разработки с библиографическим характером. Видный болгарский критик и эссеист Здравко Петров (1928–2000) часто возвращался к сказочному творчеству Андерсена, проводил параллель с современными измерениями. Петров отмечал, что его пietet к сказочному творчеству имеет свои автобиографические основания – его отец является одним из переводчиков сказки «Девочка со спичками» в Болгарии. Эссеистика Здравко Петрова позволяет читателю проникнуть в творческие тайны великого датского писателя, которого называют «магом, околдовывающим словом». С

большой любовью написана статья «Короли волшебного мира», в конце которой автор обращается к потерявшим веру и к скептикам, которые должны почувствовать поэтическую прелесть сказочного мира Андерсена своим сердцем [3, с. 22]. Личные разговоры автора статьи с Здравко Петровым, состоявшиеся в период 1997–1999 годов, только подтвердили убеждение о его пристрастии к Андерсену, которое не угасло с годами.

В трилогии «Герои и характеры», где разрабатывалась галерея романтично-героических образов, академик Ефрем Каранфилов (1915–1998) охарактеризовал сказки Андерсена как «фантастические истории о человеческой душе». Он утверждал, что сказочная фантастика датского творца является не такой яркой и преднамеренной, но взамен этого она более сердечная, более мудрая, более непосредственная. Ефрем Каранфилов подчёркивал тонкую наблюдательность и обострённую чувствительность Андерсена в работе над характерами: «Его портретно-эссеистический стиль помогает увидеть яркую творческую личность Андерсена на фоне современных литературных достижений» [3, с. 23].

Васил Александров (1908–1990) отмечал актуальность социальной критики датского писателя. Он был очарован умением великого сказочника находить поэзию, неповторимое в банальном и повседневном. В своей книге «Иностранные писатели – творцы в области литературы для детей и юношества» (1962) Васил Александров пытался классифицировать сказки Андерсена в зависимости от их героев. Он делал акцент на сказки о птицах и насекомых, о растениях, о животных, волшебные сказки; сказки, в которых раскрываются взаимоотношения между детьми и взрослыми.

В сборнике литературно-критических исследований «Возвращение в детство» (1980) Симеон Хаджикосев (1941) подчеркнул nordическую загадочность и балладичность творчества великого датского писателя. Он пытался объяснить особенности в мироощущении Андерсена, причину присутствия ноток мистицизма и мелодраматизма в некоторых его сказках. Отметив богатство жанровых модификаций в сказочном творчестве Андерсена, Симеон Хаджикосев выделил наряду с литературными сказками сатирические сказки, сказки-притчи, сказочные новеллы, сказочные повести, рассказы и рассказы-баллады. Этой классификацией он приблизил болгарскую Андерсениаду к западноевропейскому стандарту.

Труды в поэтологическом плане созданы, как правило, на основе структуралистической методологии и её модификаций, при этом взят материал из 1–2 ключевых произведений. Критики исследуют особенности поэтики и образной системы произведений Андерсена. Младен Енчев в публикации «„Соловей“ по Г. К. Андерсену в одном из возможных её контекстов» («Икар», 1991 [1, с. 8–12]) рассматривает романтическую интерпретацию карнавальную структурной схемы в знаменитом произведении Андерсена, подчёркивая, что едва ли можно было бы найти более универсальную и более воздействующую форму автору против окружающей его действительности, чем построенное по законам карнавала общество – «общество хаоса, общество, в котором никто не занимает действительно полагающегося ему места, общество, в верхах которого, в силу ритуальной традиции, оказались самые недостойные». На границе между фольклором и литературой находится анализ Томислава Дякова о масках в творчестве Андерсена.

Самые серьёзные достижения в этом направлении у Маргариты Славовой (1947–2011), чья книга «Метаморфозы сказочного» (Пловдив, 1997) делает достоянием читателя самые современные идеи. М. Славова анализирует сказочный жанр, одновременно предлагает собственную словесно-логическую дешифровку ключевых произведений. Автор подчёркивает, что «Сказки Андерсена многослойны и синтетичны; они используют традиционные сказки в качестве конструктивного материала, но они построены на принципах литературной конвенциональности, с подчёркнуто субъективной творческой манерой». Маргарита Славова рассматривает влияние сказочной модели Андерсена на творчество ряда писателей, исследуя рассказывание как мотив и рассказ как катализатор в нарративной структуре «Снежной королевы» и «Гадкого утенка», как классический пример “beast tale” (сказка о животных), имея в виду трактовку зооперсонажа.

Психоаналитическая критика углубляет свои поиски в особенности проблематики произведений Андерсена. К ней можем причислить публикацию Ивана Крыстева «Голый король», изданную журналом «Дети. Искусство. Книжки» в 1989 г. [3, с. 28–32], где треугольник родитель-ребёнок-сказка показан через призму авторского прозрения о власти – «или сказка изымает власть родителей, или родители маскируют свою власть, представляя её ребёнку как власть сказки».

Среди современных исследователей, ищущих связь со знаменитым сказочным творчеством, мы можем назвать и Диану Райкову. В своей статье «Есть ли философичность в детском творчестве» (журн. «Философия», 1995) автор, не раз анализирувавший творчество разных скандинавских писателей, подчёркивает связь между литературными сказками Андерсена и немецкой романтической традицией: «Влияние... Хофмана и Шамисо осязательно в отдельных персонажах “Цветы для маленькой Иды”, “Тень” и др. Внимание Андерсена направлено на то у детей и в детском сознании, что будет потеряно у взрослого с его сформировавшейся, устойчивой индивидуальностью» [3, с. 26].

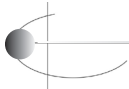
Научный интерес к сказочной стилистике Андерсена, творчеству автора и значению его в Болгарии лежит в основе диссертационного труда Маргариты Терзиевой «Сказочник Андерсен в Болгарии» (235 с.), защищённого в 1991 г. В третьей главе – «Сказки Андерсена и их распространение в Болгарии» – автор говорит о месте, которое занимают сказки Андерсена в болгарской художественной культуре, комментирует процесс болгаризования переводов и подбора произведений; анализирует переводы, рассуждает о болгарском вкладе в мировую Андерсениаду. Интерес для специалистов представляют три приложения к диссертационному труду: «Систематический каталог сказочных произведений Андерсена» (164 с.), «Сюжетно-тематический указатель сказочных произведений Андерсена» (24 с.) и «Переводчики Андерсена в Болгарии» (31 с.) [2, с. 14–16; 4, с. 233].

Проведённый анализ литературоведческих работ – монографий, публикаций, статей, диссертаций – позволяет сделать следующие выводы:

1. В XX веке сказочное творчество Андерсена является объектом особого интереса со стороны болгарской литературной критики, которая его исследует и анализирует в разных аспектах: историко-литературном, библиографическом, поэтологическом, психоаналитическом.

2. Среди исследователей этого богатого идеями творчества известные болгарские критики, эссеисты, философы, педагоги.

3. Болгарская литературная критика внесла ценный вклад в болгарскую Андерсениаду своими исследовательскими поисками, проникновенным анализом мотивов, тем и идей в сказочном творчестве Андерсена; исследованием его влияния на национальную литературу для детей и юношества.

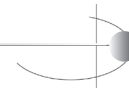
Список литературы

1. Паскалев Сл. Наша детская художественная литература // Русская мысль. 1906. Кн.5.
2. Терзиева М. Сказочник Андерсен в Болгарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Благоевград, 1990. 18 с.
3. Терзиева М. Сказки Андерсена и их эстетический потенциал в дошкольном возрасте. Бургас, 2010. 112 с.
4. Терзиева М. Переводчики и переводы сказок Андерсена в Болгарии (1881–1918) – проблемы переводческой рецепции // Современные теории обучения иностранным языкам и культурам и критерии их валидности: XV Лемпертовские чтения. Пятигорск, 2013. С. 232–236.

References

1. Paskalev Sl. Nasha detskaya khudozhestvennaya literatura // Russkaya mys'/. 1906. Kn.5.
2. Terzieva M. Skazochnik Andersen v Bolgarii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Blagoevgrad, 1990. 18 s.
3. Terzieva M. Skazki Andersena i ikh esteticheskii potentsial v doshkol'nom vozraste. Burgas, 2010. 112 s.
4. Terzieva M. Perevodchiki i perevody skazok Andersena v Bolgarii (1881–1918) – problemy perevodcheskoi retseptsii // Sovremennye teorii obucheniya inostrannym yazykam i kul'turam i kriterii ikh validnosti: XV Lempertovskie chteniya. Pyatigorsk, 2013. S. 232–236.

Статья поступила в редакцию 26.08.2015

УДК 811.35
ББК 81.2

Сабрина Ханалиевна Шихалиева,

доктор филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН
(367015, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45),
e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

Паронимическая аттракция в пространстве аспектуальности: агглютинативный этюд художественного перевода

Социальная природа коммуникации всё больше привлекает внимание исследователей художественного перевода. В современном информационном пространстве, совмещающем культуру художественного перевода, оказывается конституент книг Библии. Именно единосложный конституент книг Библии анализируется в данной статье. Общий обзор проведённых исследований позволяет зафиксировать необходимый фон паронимической аттракции, без которого не может быть осмыслен художественный перевод терминов Нового Завета. В таком случае приходится отходить от привычных решений теории перевода. На первый план выдвигается стандартизация орфоэпических, грамматических и лексических норм с учётом современных направлений теории перевода. Одним словом, если адаптировать идею формального членения предиката в типологической перспективе коммуникативных решений, то кавказские языки обнаруживают структурные типы интонационных значений. В частности, анализ интонационных значений демонстрирует, что пропозициональные формы «Нового Завета» маркируют модель паронимической аттракции в каспийском регионе. Следовательно, в пропозициональных слоях повествовательного дискурса обнаруживаются аппозитивные значения «субъект говорящий ↑ субъект воспринимающий».

Ключевые слова: текст Библии, глагол, конституент паронимии, концепт паронимической аттракции.

Sabrina Hanalievna Shikhalieva,

Doctor of Philology,
Institute of Language, Literature and
Art, Daghestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
(45 M. Gadzhiev St., Makhachkala, Russia, 367015),
e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

Paronymic Attraction in Space of Aspectuality: Agglutinative Sketch in Literary Translation

Social nature of communication has been increasingly attracting translation theory researchers' attention. In modern information environment, the main constituents of translation theory combine nature paronymic attraction in verbal categories. Its constituents recognize the signs of a verb in paronymic attraction analyzed in this article. In translation theory foundations, the study of paronymic attraction sign expands the constituent of the Bible. In the space of artistic constituent, the Bible is the process of establishing a national origin, it expands the boundaries of a paronym and temporal language in the Caucasian languages. In this case, it is necessary to depart from the usual translation solutions and rethink many processes of translation in the text of the New Testament. An overview of the research provides the necessary background transfers, without which the aspect of terminology research can be understood. They are fixing and identifying the terms of a literary text, the Bible. A study on the formation and standardization of orthoepy, grammatical and lexical norms formed successively with the modern trends of the theory of translation. In short, if you adapt the idea of a formal division of the predicate in the typological term communication solutions, the Caucasian languages exhibit structural types of the intonation funds. An analysis of the term "patronym" shows that the derivatives with non-finite verb forms appositive model names label in the Turkish-Dagestani segment. Consequently, the nature of the paronyms defines the forms of the verb used in various functional-stylistic layers of the language.

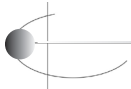
Keywords: text of the Bible, verb, constituent of paronyms, concept of paronymic attraction.

Ибо всякий дом устроится кем-либо;
а устроивший всё есть Бог.
Апостол Павел

В современном информационном пространстве, расширяющем границы художественного перевода, наблюдается активация научного поиска. В таком случае приходится

отходить от привычных художественно-переводческих решений и переосмысливать типологические параллели. Границы типологических параллелей определяются функ-

циональным своеобразием динамического эквивалента Библии и переводятся на язык оригинала парафразой исторической дистанции. И если расширить границы исторической дистанции Нового Завета, то можно обнаружить значение динамического эквивалента «пространство времени» ± «время пространства». Необычайно «оригинальные» конструкции вводят типологию обратного перевода, представленного терминами пространственно-временной номинации. Соответственно, термин пространственно-временной номинации маркирует фразеологический компонент и размещает в поле метафоры эквивалент обратного перевода «глагол = именная форма глагола» [23]. Иначе говоря, приём сопоставления стилистически маркированных единиц признаёт продукт метаязыковых элементов в тюркско-дагестанском сегменте (ср. приведённые примеры):

- 1) масдар *лугьу-н* «говорить, сказать»
- 2) пермиссив *лугьу-рай*
- 3) императив *лагь*
- 4) прич. СВ *лагьа-й* > формы временного подчинения и наклонений
  - ↑
  - ↑
  - прош. СВ (аорист в прошедшем) > *лагьа-на-й*
- 5) аорист *лагьа-на* перфект плюс квамперфект > *лагьа-н-ва* > *лагьа-н-ва-й* настоящее прошедшее НСВ
- 6) дееприч. НСВ > *лугьу-з-ва* > *лугьу-з-ва-й* *лугьу-з* наст. продолж. прош. НСВ продолж. > *лугьу-з-ма* > *лугьу-з-ма-й*
- 7) будущее *лугьу-да*
- 8) побуд. 1 л. *лугьу-н*
- 9) будущ. предполож. *лугьу-ди*
- 10) прохобитив *лугьу-мир*
- 11) импоссибилитив *лугьу-ч*
- 12) потенциалис *лугьу-р*

Стилистически маркированный продукт Нового Завета выбирает развёрнутый перевод текста и реализует парадигму пространственно-временной номинации [7]: *лагьа-й-ла* (СВ) «когда сказал», *лагьа-н-ва-й-ла* (СВ с перфектным значением) «когда / если сказано было» – *лугьу-з-ва-й-ла* (НСВ) «в тот момент, когда говорил»; *лагьа-й-т1а* (СВ) «если скажет», *лагьа-н-ва-т1а* (СВ с перфектным значением) «если сказал (сказано)» – *лугьу-з-ва-т1а* (НСВ) «если говорит» [12]. Про-

странственно-временная номинация исходного текста комбинирует фактор обратного перевода со стилистически маркированными единицами в табасаранском языке: *убз* «налей» – *убзуз* «налить», *хьюгь* «начни» – *хьюгьюз* «начать», *гьядябгь* «выбирай» – *мягь-ядябгьян* «не выбирай». Фактор обратного перевода предопределяет развитие метода сопоставления на уровне отдельного текста: а) разговорного и грубопросторечного; б) нейтрального; в) книжного и поэтического [8]. Содержание перевода опирается на форму паронимической аттракции художественных текстов. Прежде всего необходимо отметить, что шкала паронимической аттракции варьирует между формами в «исторической дистанции» [24; 25] (см. табл. 1):

Таблица 1

Табасаранский	Цахурский	Агульский	Лезгинский
*Ил-ит1уз «посадить во что-нибудь»	*Ил-хъеч1ес «взбираться на»	*Ал-ишкъвас «сесть во что-нибудь»	Акь-*ал-тун «оказаться наверху»
Ал-т1акьюз «открыть со- суд»	Ил-гъч1ес «перейти через»	Ал-аттахъас «снять шкуру с животного»	Ал-атун «упасть сверху»
Ал-дахъуз «отсыпать сверху»	ал-иш «брать в»	Ал-ахъас «посыпать сверху»	Гь-ал-тун «навалиться наверху»
К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»	К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»	К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»	К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»

Для фонологического ряда корневая группа *к° различает вариант морфем *кь-л/к-л-х [19; 21]. При сравнении с материалами других языков определяется исходная основа (см. табл. 2):

Таблица 2

Мегрельский	Абазинский	Даргинский	Лакский
Ал-ала «идти вниз»	Ал-баара «спускаться»	Итаб-ил «находящийся там»	К°-ала «выкидыш ослицы и кобылы»

Продуктивные словообразовательные элементы кавказских языков *ал/*ил, по мнению С. А. Старостина, возводят к синокавказской общности: ПСТ *la ‘дух’, ПЕ *?ir ‘дух, дыхание’, ПВК *hVl?/V/B; шумерское *Ал «небо» [9; 20]. Поскольку многие синокавказские общности конструируют фактор художественного перевода, продемонстрируем эквивалент семантической общности в лезгинской подгруппе языков (см. табл. 3):

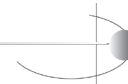

Таблица 3

*Ал «1) злой дух; бес»	*Ал 2) формант локализации SUPER-эссива	*Ал 3) ярко-красный цвет; ср. алый, розовый
*Ил «1) воздух»	*Ил 2) формант SUPER-латива	*Ил 3) детерминант совершенного вида

Инвариант словообразовательного элемента комбинирует морфологическое строение глагол=имя, восходящее к эпохе распада спрягаемых форм общелезгинского языка-основы [13]. С общелезгинским элементом *Ал фиксируется топоним в Хивском районе Дагестана *Ал-ардикуше* «букв. местечко под *Аларди/Alardy*». Теперь вполне очевидно словообразовательный элемент появляется в названиях основ – *Alaverdy* «Храм бога эпидемий» в Восточной Грузии и *Альди-Ерды* в *Ассинском ущелье Ингушетии [1; 27]. Словообразовательные элементы *Ал/*Ил/*Ас становятся значимыми символами теонимической лексики (см. табл. 4):

Таблица 4

Ингушский	Ногайский	Лезгинский	Рутульский
*Ал-а «Господь»	*Ал-ла «Господь»	*Ал-а «дорогой; высший»	*Ил-аг'и «Бог»

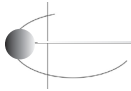
Вместе с тем само понятие терминатонимической лексики зыбко по содержанию прежде всего потому, что словообразовательный элемент *Ал/*Ил/*Ас выявляется в антропонимике и этнонимике – *Ал-ан, Ал-адин, Аль-бина, Ал-ла, Ал-уса, Ас-ият, Ас-я, Ас-ли, Ас-оль, Ил-ья, Ил-ьдар, Ил-ьхан, ал-аны, ал-баны, ал-тайцы* и др. С вышеуказанными окаменелыми морфемами фиксируется авторская индивидуальность – *Ил-гьам «дуновение»; *Ил-чи «гонец»; *Ил-ан «змея: изворотливый человек»; *Ас «языческий бог-покровитель племён»; *Ас-и «1) богохульствовать; 2) ослабеть»; *Ас-ул «1) корни благородного происхождения; 2) достоинство» [18; 22].

Удивительная устойчивость окаменелых факторов даёт возможность признать, что у этносов, отдалённых друг от друга во времени и пространстве, модель внеконтекстного перевода маркирует сопоставление лексических единиц исходного текста. Метод сопоставления лексических единиц разграничивает фактор окаменелых элементов в эпиграфическом памятнике: *Ал-тарь, *Ил-ия – пророк Израиля, *Ас – имя царя

«Южного Иудейского царства», *Ас-ур – древний город *Ас-сирии* в «Северном царстве Израиля» [3; 6].

Среди разнообразных лексических единиц *Библии, определяющих парадигму пространственно-временной номинации, отчетливо фиксируется приём морфологической типологии. Приём морфологической типологии согласовывает продуктивный элемент агглютинации в Кавказско-Каспийском регионе: во время исполнения национального танца лезгинка мужчина падает на колени перед женщиной и восклицает «*Ас-са!». Невозможно точно определить период, когда *танец* стал частью культуры *Каспийского региона*, однако, несомненно, то, что ещё до появления древнейших цивилизаций этническая культура *Каспия распространила принадлежность *Библии. Теперь вполне очевидно, что паронимическая аттракция культуры *Каспия «одушевлённым» стандартом Кавказа фиксирует грамматический род. Правильнее было бы сказать текстом В. Гумбольдта, что «весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком».

Многие семиотические субстанции, вышедшие из кавказских языков, комбинируют понимание грамматического рода: о жадном, ненасытном человеке уагульцев говорят *Вецунанфункее=ф* – букв. «быка живот имеющий»; у табасаранцев девушке, которая выходит замуж, говорят: *Гагайин хал – майдан, жилицин хал – зиндан* [Отцовский дом – приюлье, мужа дом – тюрьма]. При морфемном членении семиотической субстанции абстрагируется парадигма: у чеченцев о смелом, храбром человеке, не обращающем ни на что внимание, говорят: *Б1аьога нег1ар цатоха* [Глазное веко не ударит]; кабардинцы и черкесы абстрагируют символ «волос» с грамматическим свойством социальной системы и обобщают: *чачьяманныбетиаман* «у кого плохие волосы, у того плохой вид»; в представлениях адыгов «волосы» символизируют сущность женского рода. Грамматические оппозиции уточняют стиль перевода и обобщают модель социальной системы [14; 17]: в лезгинском языке → *кьугьвадай=ди* «игрок», *кьекьведай=ди* «искатель», *кик1идай=ди* «задира»; в карачаево-балкарском языке *алысын* «молодой», *ас-сы* «грешник»; в бацбийском, чеченском, ингушском *са «душа человека», в табасаранском языке *ал-агюзлы* «кареглазая»; в хиналугском языке *Ас-та-р «колдунья».

Перевода как вид языкового посредничества символизирует литературную оппозицию. Таким образом, мысли В. Гумбольдта о «синонимике языков» получают определённую номинацию. Для нахождения точек мотивации синонимичная группа верификатива регистрирует различные пропозиции: *Ага_пи́за* «а ну-ка, скажу я (чтобы проверить, что произойдёт)». *Ага_к1урза* «а ну-ка, сообщу я (чтобы проверить, что произойдёт)»; *у́ру* «красный», *у́рушин* «красноватый», *у́руб-сиб* «красненький», *у́руди* «красно», *у́рудиси* «краснее». Между тем, разновидность пропозициональных групп выявляет аспектуальную характеристику: 1) действие (количество) – *ап1ура = дап1на* «делается = сделается»; 2) состояние (качество) – *илип1у'-ру/ил'ил1у-р* «покроет/покрывшая»; 3) процесс (отношения) – *убхуз/убхуб* «кипеть/закипеть»; 4) происшествие (способ) – *хътам1у = б/хътам1у = р/хътут1у = д* «отрезало/отрезала/отрезал» [26; 28]. Аспектуальная характеристика при использовании обратного перевода выводит систему узколингвистического факта. При анализе суммируются фрагменты из текстов Нового Завета [Ев. от Луки 19:10] – [чтобы найти и спасти *потерянное*] (см. табл. 5):

Таблица 5

Агульский	Лезгинский	Рутульский
ИнсандинКирк-мич *адинаф э,	Абуркьутарми-шунпатал *атанвай-ди я	Йиркьыр ад йиьисугур *ад-бий=дыгьахъ-агур
Цахурский	Табасаранский	Удинский
Ары ворна *йа1ххъы=лекъа-гьирхъуна т1абалъяс	Пучшулайидар агузваккадагъуз *дуфнайи=реу	Ого qəvəşiçarka-ros; estapos; eynakaros; e hare

Как показывает анализ, фрагмент паронимической аттракции кодирует метафору отглагольных образований: «причастие совершенного вида = имя агента с семантикой совершенного вида» ± «пришедший = пришелец». Однако паронимическая аттракция отглагольных образований зависит от оценочного потенциала имён. В частности, в нахско-дагестанских языках «человек как одушевлённая аттракция» маркируется использованием обратного перевода – *к-ас†ин-са-н†ад-ам* [5; 16]. Интересны в этом плане принадлежности одушевлённой аттракции в восточнолезгинских языках: *таняшда* – *акьулбашда* «рост в теле – ум в голове»; *ве-цунасуман кар аркьай* (букв. «как бык работает») [15; 29].

До сих пор, говоря о паронимической аттракции глагол-имя, мы имели в виду категориальные значения оценочного потенциала с аффиксами =ф, =р, =д, =с в восточнолезгинских языках [4; 11]. Если же учесть свойства грамматических категорий в полном объёме, то соотношение паронимической аттракции окажется значением экспрессивного случая. Сравним пропозиции в лезгинском языке: *Къизилкушрахаз фена* «Жар-птица пошла поговорить» / *Къизилкушрахаз-рахаз фена* «Жар-птица пошла, разговаривая». Предложения маркируют характеристику окказионального случая (см. табл. 6):

Таблица 6

Метафора «къиз-ил-куш»	Метонимия «къиз-ил-куш»
«Букв. золотые волосы»	«Жар-птица»
[Смысл: красивая девушка]	[Смысл: знатная девушка]

В характеристику окказионального случая входит не только система разных стилей, но и совокупность речи. Сюда относятся не только типичные для языка формы, но и окказиональные стандарты монологического и диалогического дискурса. Окказиональный стандарт активизирует случай паронимической аттракции: Я – физическое, Я – социальное, Я – интеллектуальное, Я – эмоциональное, Я – речемыслительное [10]. Паронимическая аттракция окказионального стандарта различает закономерную формулу семантической общности лексических единиц: *ширин, джан, баж, бика, ханум, азиз, шекер*. Формула межъязыковой семантической общности типизирует функциональный уровень окказионального стандарта и подтверждает эпиграфическое множество: *Я_баж* «Сударыня», *Я_бика* «Госпожа», *Я_ханум* «Барыня». Регулярные деривационные уровни, спроецированные на компрессию речевого этикета *Каспия, прежде всего типизируют факткоммуникативное множество. Наука художественного перевода, которая усматривает в коммуникативном множестве факт историзмов, использует приём дескриптивного морфосинтаксиса и рассматривает особую форму обращения *«к женщине – маме, дочери, жене, сестре». Интересно обозначить, что именно историзмы, спроецированные на формулу стилистических штудий, продолжают модифицировать случай художественного перевода. В этом и заключается эмпирический принцип «человеческого» рода, представляющий потенциал пространствен-

но-временной номинации [пропозиции действий ↔ субъект = пропозиции состояния ↔ объект]. В дальнейшем семантическая общность пространственно-временных единиц

будет различать термины художественного перевода в концепции паронимической аттракции «историческое сознание = историческое познание».

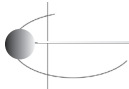
Список литературы

1. Абаев В. И. Как апостол Пётр стал Нептуном // *Этимология*. М., 1970. С. 322.
2. Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. М., 1997. С. 112.
3. Алексеев М. Е. Перевод Библии и проблема сохранения языков: социолингвистические аспекты. М., 2011. С. 11.
4. Алексеев М. Е., Шихалиева С. Х. Табасаранский язык. М., 2003. С. 101.
5. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 137.
6. Беерле-Моор М. Живая Библия – живой язык. Почему мы переводим Библию на языки малочисленных народов? // *Новости библейского перевода*. М., 2011. № 3 (10). С. 21.
7. Гайдаров Р. И. Основы словообразования в лезгинском языке. Махачкала, 1991. С. 23.
8. Гюльмагомедов А. Г. Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала, 1982. С. 112.
9. Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии // *Вопр. языкознания*. М., 1954. № 5. С. 43.
10. Евсюкова Т. В., Бутенко Е. Ю. *Лингвокультурология*. М., 2014. С. 16.
11. Ибрагимов Г. Х. Христианский мир Кавказской Албании // *Альфа и Омега*. М., 2010. № 1(57). С. 109.
12. Керимов К. Р. Деепричастие, инфинитив или целевая форма? (К трактовке так называемых основных форм лезгинского глагола) // *Языкознание в Дагестане: лингв. ежегодник*. Махачкала, 1999. № 3. С. 32.
13. Климов Г. А., Хаилов М. Ш. *Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики*. М., 2003. С. 506.
14. Леонтович О. А. *Методы коммуникативных исследований*. М., 2011. С. 71.
15. Медведева Л. М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова // *Вопр. языкознания*. М., 1989. № 1. С. 79.
16. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. Г. Г. Гамзатова. М., 2010. С. 480.
17. Селимов А. А. *Словарь ориентализмов лезгинского языка*. Махачкала, 2001. С. 44.
18. Сефербеков Р. И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. С. 14.
19. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 294.
20. Старостин С. А. *Труды по языкознанию*. М., 2007. С. 279.
21. Сулейманов Н. Д. *Словообразование и структура слова в восточнолезгинских языках*. Махачкала, 2000. С. 9.
22. Тарланов Е. З. *Общевосточный лексический фонд*. Петрозаводск, 2005. С. 28.
23. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988. С. 112.
24. Телия В. Н. Деятельностные аспекты языка. М., 1988. С. 43.
25. Улукханов И. С. Грамматический род и словообразование // *Вопр. языкознания*. М., 1988. № 5. С. 107.
26. Ханмагомедов Б. Г.-К. *Очерки по синтаксису табасаранского языка*. Махачкала, 1970. С. 12.
27. Шавхелишвили А. И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения. (С древнейших времён до конца XVIII века). Тбилиси, 1992. С. 16.
28. Шихалиева С. Х. *Грамматические категории глагола табасаранского языка*. Махачкала, 2004. С. 44.
29. Шихалиева С. Х. *Словосочетание в табасаранском языке*. Махачкала, 2010. С. 141.

References

1. Abaev V. I. *How apostle Petr became Neptunom* // *Etimologiya*. M., 1970. S. 322.
2. Alekseev M. E., Sheikhov E. M. *Lezginskii yazyk*. M., 1997. S. 112.
3. Alekseev M. E. *Perevod Biblii i problema sokhraneniya yazykov: sotsiolingvisticheskie aspekty*. M., 2011. S. 11.
4. Alekseev M. E., Shikhalieva S. Kh. *Tabasaranskii yazyk*. M., 2003. S. 101.
5. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. M., 1974. S. 137.
6. Beerle-Moor M. *Zhivaya Bibliya – zhivoi yazyk. Pochemu my perevodim Bibliyu na yazyki malochislennykh narodov?* // *Novosti bibleiskogo perevoda*. M., 2011. № 3 (10). S. 21.
7. Gaidarov R. I. *Osnovy slovoobrazovaniya v lezginском yazyke*. Makhachkala, 1991. S. 23.
8. Gul'magomedov A. G. *Kratkii slovar' sinonimov lezginского yazyka*. Makhachkala, 1982. S. 112.
9. D'yakonov I. M. *O yazykakh drevnei Perednei Azii* // *Vopr. yazykoznaniiya*. M., 1954. № 5. S. 43.
10. Evsyukova T. V., Butenko E. Yu. *Lingvokul'turologiya*. M., 2014. S. 16.
11. Ibragimov G. Kh. *Khristianskii mir Kavkazskoi Albanii* // *Al'fa i Omega*. M., 2010. № 1(57). S. 109.
12. Kerimov K. R. *Deeprichastie, infinitiv ili tselevaya forma? (K traktovke tak nazyvaemykh osnovnykh form lezginского glagola)* // *Yazykoznanie v Dagestane: lingv. ezhegodnik*. Makhachkala, 1999. № 3. S. 32.

13. Klimov G. A., Khailov M. Sh. Slovar' kavkazskikh yazykov. Sopostavlenie osnovnoi leksiki. M., 2003. S. 506.
14. Leontovich O. A. Metody kommunikativnykh issledovaniy. M., 2011. S. 71.
15. Medvedeva L. M. Tipy slovoobrazovatel'noi motivatsii i semantika proizvodnogo slova // Vopr. yazykoznaniiya. M., 1989. № 1. S. 79.
16. Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. / pod red. G. G. Gamzatova. M., 2010. S. 480.
17. Selimov A. A. Slovar' orientalizmov lezginskogo yazyka. Makhachkala, 2001. S. 44.
18. Seferbekov R. I. Traditsionnye religioznye predstavleniya tabasarantsev (bogi i demony; verovaniya, svyazannye s zhyvotnymi). Makhachkala, 2000. S. 14.
19. Sravnitel'no-istoricheskaya leksika dagestanskikh yazykov. M., 1971. S. 294.
20. Starostin S. A. Trudy po yazykoznaniiyu. M., 2007. S. 279.
21. Suleimanov N. D. Slovoobrazovanie i struktura slova v vostochnolezginskikh yazykakh. Makhachkala, 2000. S. 9.
22. Tarlanov E. Z. Obshchevostochnyi leksicheskii fond. Petrozavodsk, 2005. S. 28.
23. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira / otv. red. B. A. Serebrennikov. M., 1988. S. 112.
24. Teliya V. N. Deyatel'nostnye aspekty yazyka. M., 1988. S. 43.
25. Ulukhanov I. S. Grammaticheskii rod i slovoobrazovanie // Vopr. yazykoznaniiya. M., 1988. № 5. S. 107.
26. Khanmagomedov B. G. -K. Ocherki po sintaksisu tabasaranskogo yazyka. Makhachkala, 1970. S. 12.
27. Shavkhelishvili A. I. Gruzino-checheno-ingushskie vzaimootnosheniya. (S drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka). Tbilisi, 1992. S. 16.
28. Shikhalieva S. Kh. Grammaticheskie kategorii glagola tabasaranskogo yazyka. Makhachkala, 2004. S. 44.
29. Shikhalieva S. Kh. Slovosochetanie v tabasaranskom yazyke. Makhachkala, 2010. S. 141.

Статья поступила в редакцию 07.07.2015

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

LINGUISTIC WORLDVIEW

УДК 80
ББК 80.9
ББК Ш0.9

Мария Николаевна Ахметова,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Метатекст в филологии: погружение обучающегося в текст, установление межтекстовых связей в ситуациях духовного общения, вхождения личности в Мир

Проблема работы состоит в поиске составляющих духовного пространства метатекста, технологических решений, определении функций метатекста современной дневниковой прозы. Метатекст, как показывает наше исследование, – это элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, имеющие отношение к живому процессу жизни. Это отношения субъектов в диалоге, погружение в текст, установление межтекстовых связей. В исследовании представлена метатекстуальная интерпретация как нелинейная, виртуальная. Метатекст не является продолжением текста. Это вставные конструкции, мировоззренческий аспект действий и образов.

Духовное пространство метатекста составляют ситуации «сплетения позиций», сомыслие, установление контакта с другим и Миром. Метатекст выполняет определённые функции. Извлекаются собственные личностные значения, строятся оценочные суждения. Современная дневниковая проза через метатекстовые вставки получает возможность обращения к читателю, его чувствам и мыслям. В статье раскрываются функции метатекста. Первая функция – создание единого метапоэтического пространства. Вторая – осознание читателем своей роли в жизни, природе, Мире. Третья – выражение точки зрения автора, его отношения к ситуации, осознание единого мира. Четвёртая – созвучие метатекста авторскому повествованию, понимание единения «Я» и «Другого». Дистанционность метатекста, соотношение точек зрения – пятая функция.

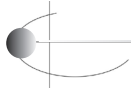
Автору рассматриваемой дневниковой прозы удалось не просто вести рассказ о прожитом дне. Автор живёт в прошлом, настоящем и будущем своей страны. В дневниковых записях читающий видит человека как личность, «самость», осознающего свою роль в жизни.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовые связи, современная дневниковая проза, духовное пространство метатекста.

Mariya Nikolaevna Akhmetova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Metatext in Philology: Immersion of a Student in the Text, Establishment of Some Intertextual Links in Internal Communication Situations, Entering of a Personality into the World

The subject of the article consists in searching the components of the metatext internal space, technological solutions, as well as in defining the functions of the modern diary prose metatext. According to our research, the metatext is some elements of the text, which are relevant to the communicative situation and related to the real life. It includes the relations between the parties of a dialogue, immersion in the text, establishment of some intertextual links. In our research, metatextual interpretation is presented as a nonlinear, virtual one. The metatext is not a continuance of the text, but it is some cut-in constructions, worldview aspect of its actions and images.

The internal space of the metatext consists of situations of “contexture of views”, co-thinking, establishment of contact with someone another and the world. The metatext has certain functions. Thanks to the metatext, some own personal definitions are derived, some evaluations are built up. The modern diary prose talks to its reader, appeals to his/her feelings and thoughts through the metatextual insertions. The article presents the functions of the metatext. The first function consists in creating of a united metapoetical space. The second one is intended to help a reader to realize his/her role in life, nature, and the world. The third function is the expression of the author’s point of view, his/her attitude to the situation, consciousness of the united world. The fourth function lies in the assonance of the metatext to the speech from the author, consciousness of the unity of “Ego” and “the other”. The fifth function of the metatext is its remotability, correlation of several viewpoints.

The author of the diary prose, which we examine in our article, could not only tell about his spent days, he lived also in the past, present and future of his state. Thus, a reader sees the author as a personality, “selfhood”, someone, who is conscious of his role in the life.

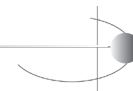
Keywords: metatext, metatext links, modern diary prose, mental space of the metatext.

«Мир, Человек, Текст» – все три явления объединяет одухотворённость, – читаем мы в книге Г. Д. Ахметовой. Художественная культура сегодня включается всё чаще в широкий мировоззренческий контекст. Художественность определяется как категория духовного (В. Г. Мехтиев), имеющая отношение к живому процессу жизни. Чтобы быть творчески продуктивным, эстетическое должно обладать положительной ценностью, – таково утверждение М. М. Бахтина.

Метатекст в таком понимании – это элементы текста, соотносимые с ситуацией общения, описывающие и структурирующие речь, частью которой они являются. Это текстовые элементы второго порядка (метаданные), выполняющие служебные функции по отношению к некоему первичному тексту. Такое определение даёт Википедия. Приставка «мета» – первая половина сложных слов (от греч. *meta* – «между, после, через», т. е. «о» чём-то: текст в тексте) – это процесс соотношения основного текста с «собственными претекстами» (С. А. Байкова). Для метатекста характерна «замкнутость» произведения на себе, саморефлексия автора. Понятие метатекста возникло во второй половине XX века в качестве конкретных знаковых систем. Названы лингвисты, изучавшие знаковые системы: А. А. Потебня, Р. О. Якобсон, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман. Вводятся понятия «текст в тексте», «авторское повествование», «высказывания о текущей речи в этой же речевой ситуации» и др. Метатекстовой пласт рассматривается как способ «погружения адресата в тему», установления межтекстовых связей (Г. Д. Ахметова, А. В. Курганская). В результате происходит воздействие на читателя через метаобраз. Метатекстовой словесный ряд становится погружением адресата в текст. Исследователями отмечаются межтекстовые включения: непосредственная реакция

адресата; уровни адресованности (потенциальный и идеальный читатель); смещение канала коммуникации «Я – Я» в сторону линии «Я – Он» (Н. Б. Анциферова). Метатекстовые элементы, безусловно, в определённом смысле «являются инородным телом», поскольку «нарушают однородность текста, который становится не только сообщением о своей референтивной ситуации, но и сообщением о самом себе» (А. Вежбицкая). Однако «метатекстовые нити» могут выполнять самые различные функции, они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда – нет» (А. Вежбицкая). Исследуя метатекстовые элементы в тексте, учёные анализируют разные подходы к проблеме: 1) метатекстовые элементы устанавливают связь между фрагментами высказывания; 2) служат для переключения внимания на наиболее существенные фрагменты текста; 3) показывают информационную ценность различных фрагментов текста; 4) выполняют метаязыковую функцию связности и др. Таким образом, человек получает возможность «постижения единства существования вещи и её смысла, вместе составляющих её ценность» (В. А. Бачини).

Современная дневниковая проза характеризуется свободными метатекстовыми связями, способствующими «погружению в текст». При этом метатекстуальная интерпретация нелинейная, виртуальная. Не являясь продолжением текста, она часто становится поистине поэтическим явлением. Роль метатекста при этом эксплицирующая, способствующая погружению в художественность как живому процессу жизни. Проблему метатекста в филологии мы рассматриваем на примере возрождения жанра, как называют книги о путешествиях по экзотическим

странам, – современной дневниковой прозы. Автор – Нина Ганьшина: «Чудесное. Ангел мой. Я из провинции: две повести и пьеса» (Казань: Бук, 2015).

Автор пишет: «Каждый прожитый и записанный день – это часть единого повествования». И в то же время каждый день может стать вполне законченным, независимым «текстом», «самостоятельным произведением». На наш взгляд, книга Нины Ганьшиной – это «мир как осуществление красоты» (Н. О. Лосский).

Педагогика и методика самореализации возможна сегодня лишь на основе метапредметного подхода: в современной образовательной практике необходим мировоззренческий аспект действий. Пространство художественного текста – это духовное пространство. Оно включает в себя языковое пространство, а также духовную энергию (озарение, вдохновение), которая, как считает Г. Д. Ахметова, проявляется в следующем: спонтанность языковых традиций; взаимодействие языковых традиций с индивидуальным стилем писателя, формирующееся на основе языковых традиций; взаимодействие языковых традиций с индивидуальным стилем писателя, приобретающее всеобщность распространения.

Проблема нашей работы состоит в поиске составляющих духовного пространства метатекста, технологических решений, определения функций метатекста современной дневниковой прозы. Гипотетически мы представляем метатекстовое пространство как духовное.

Духовное пространство метатекста включает метапоэтическое пространство, духовную энергию (озарение, вдохновение); позицию автора, его «Я – самость», осознание своей роли в жизни, природе, Мире; выражение самого себя; возвышение идеи в ситуации «сплетения позиций», сомислие; установление контакта с Другим, Миром; преобразование мира (миротворение); постижение единства метаобраза и метадействия как путь к себе, своему «Я», возвышение (понятие эксплицировано).

У Льва Толстого есть интересное высказывание: человек *течёт*, и в нём есть все возможности. Надо полагать, что речь идёт о постижении единства метаобраза и метадействия («человек течёт», то есть движется к постижению собственного «Я», держит путь к себе). Н. В. Иванов считает, что метатекст «насквозь теоретичен» и что он не должен «подменяться метафорой». Однако метатекст в духовном пространстве филологии

представляется метапоэтическим образованием. Человек, по мысли В. А. Бачини, получает возможность «прикасаются своим духом к своим вещам, постигая единство существования вещи и её смысла, вместе составляющих её ценность».

Метатекст в метапредметной деятельности выполняет определённые *функции*, являясь назначением и процессом в осуществлении заданного на уровне мировоззренческих постижений себя, Другого и Мира в целом. Функция (от лат. *function*) и есть исполнение, осуществление. Это круг деятельности, назначение, роль. Происходит процесс извлечения собственного личностного значения, построение оценочного суждения, живого диалога с самим собой, с Другим, с Миром, с прошлым своей страны и народа, которое надо беречь.

Читаем страницы дневниковой прозы, где Нина Ганьшина приводит стихи Ларисы Миллер:

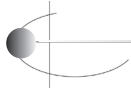
«Что там в дыму и печали? / – Прошлые, мне отвечали. – / Там драгоценные тени. / Ангелы там пролетели. / Что же мне делать с тенями, / С теми далёкими днями, / Что отпылала как в домне? / – Помни, – сказали мне, – помни!»

И в этом контексте – лета, жары, светлого дня, грустных строчек – пронзила меня фотография из простенького журналистского материала Андрея Затирко об улице Ангарской, на которой я живу почти всю жизнь. Оказывается, в начале этой улицы, на перекрёстке Ангарская-Баргузинская, располагалась арка. Из статьи: «7 июня 1891 года цесаревич Николай под звон колоколов въехал сквозь триумфальную арку в Читу. Специально изготовленная к его приезду из дерева и украшенная ветками сосны, лиственницы и кусками матерчатой драпировки, она возвышалась в начале улицы Ангарская и открывала именитому гостю дорогу в город».

«И вот я думаю с печалью, почему же не уберегли? “Что там в дыму и печали?” Теперь наша улица – простая тихая улочка в центре города. Её даже и не знают многие. А могла бы быть знаменитой. Могла бы сохранить память» [8, с. 66–67].

«Человек течёт...» – строчки эти о прошлом, настоящем и будущем. I. *Функция метатекста – представление единого целого метатекста и метаобраза дневниковой прозы. Дневниковые записи и стихи поэта образуют единое метапоэтическое пространство.* Таково отношение автора к прошлому страны и народа.

II. *Метатекст представлен автором как «надситуативное движение»: Я и Мир; Я погружаюсь в жизнь.*

Функция метатекста – помочь читателю осознать свою роль в жизни, природе, Мире. Возвыситься, несмотря ни на что. Автор пишет: «С моими мыслями перекликаются стихи Александра Винокура: «*Душа одна и та же / Мне не даёт покоя, / И угнетает даже. / Что же это такое? / ...Только не жду успеха / В стройке великих буден. / Жду, что разбудит эхо, / Эхо того, что будет.*»

На улице чуточку потеплело – ну хотя бы не тридцать градусов, а слегка поменьше! Шла на работу, чтобы с китайскими аспирантами обсудить ваковские статьи, – шла и думала, что Сталин всё-таки был прав, когда отправлял людей осваивать эти жуткие ледяные просторы. И всё-таки надо думать не только о себе, но и о людях, о стране. Жили тяжело, но у людей была жизненная цель. Теперь народ покидает эти забытые Богом места <...> а Душа-то где? Где смысл? Где цель?.. Под занавес дня – стихи Ларисы Миллер: «*А жизнь – она божественна. Она / Способна, позабыв про все угрозы, / Нам улыбаться солнечно сквозь слёзы <...> / И дёргаются губы от обиды. / Но счастье вновь на нас имеет виды. / И горю нас слабо прибрать к рукам*» [8, с. 24–25, 41].

На странице 43 автор словно продолжает свои мысли о смысле жизни. Особенность метатекста в том, что он, если можно так выразиться, *не кончается*, он пронизывает дневниковую прозу мировоззренческими раздумьями о смысле жизни.

Как можно заметить, особенность метатекстовых вставок в том, что они словно рассыпаны по тексту дневниковой прозы. Их функция – соединить метапредметные ситуации, тем самым усилить главную мысль: «*Родина – это живое сердце. И совсем не обязательно быть ему огромным, выше всего на земле*» [8, с. 287]. Тема «родины» как метафраз проходит через всё повествование. Метатекст словно «рассыпан» по страницам дневника. И это создаёт особое настроение: читатель погружается в жизнь, думает о своём, видит связующие нити своей жизни и жизни страны, людей. Такова ещё **одна особенность функции метатекстовых вставок.**

III. *Функция метатекста – выражение точки зрения автора, его отношения к ситуации, в которую автор и читатель погружаются, «живут» в ином мире, ином времени.*

Архангельск. «Я в красивом северном городе. Получилось так, как мечталось – я в Архангельске. Ангел ли мой привёл меня сюда в этот чистый северный город?.. В некоторые строения можно заходить <...> Внутри двухэтажного дома женщина в национальной каргопольской одежде – в сарафане и головном уборе. <...> Женщина открыла нам *повесть* (“Вы знаете, что такое повесть?”) Повесть... Это история русской культуры, это история русского литературного языка и русской культуры. Это Сергей Есенин. Так, скажем мы, становится необходимым метапоэтический текст:

Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зелёная из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.

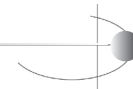
На Русском Севере (Архангельская область) повесть – это нежилая пристройка к деревянному дому. Повесть находится высоко над землёй. И хранят здесь разные хозяйственные принадлежности. Тут же находится клеть. Летом в повете тепло, можно спать здесь, а не в избе» [8, с. 279].

Согласимся: без прекрасных стихотворных строчек Сергея Есенина читателю новое слово «повесть» не показалось бы интересным. А стихи действительно «погрузили» в ситуацию, представив далёкий полузабытый или вовсе незнакомый мир иного времени, «Я – Другой» – ситуация метапоэтического текста, сиюминутного настроения автора повести и поэта.

IV. *Одной из функций метатекста является его созвучие авторскому повествованию. Метатекст как метаобраз включения в ситуацию сиюминутного настроения.* Стихи поэта воспринимаются как единение «Я» и «Другого».

Америка. «Я радостно дышу морским влажным воздухом, смотрю на огромные пальмы, на красные клёны и опавшие берёзы. Никакого гололёда, никакого мороза. Радость... Как хорошо, что хотя бы часть зимы я проведу в средиземноморском климате, среди магнолий. Как хорошо. Просто, как в простой песенке Александра Морозова из семидесятых годов моей юности:

Не зная горя, горя, горя.
В краю магнолий плещет море,
Сидят мальчишки на заборе
И на меня наводят грусть.
Танцуют пары, пары, пары.
Мотив знакомый, даже старый.
И сладкий голос бас-гитары
Тревожит память,
Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть [8, с. 48].

Ещё один из многих примеров соотношения авторского повествования с художественным текстом – поэтическим метатекстом.

«Самое начало октября. Летнее время. Вечером темнеет теперь рано. Листья почти опали. И даже снег уже падал <...> в вечернее, тёмное время граница между нашим и тонким миром становится совсем незаметной <...> и какими уютными кажутся освещённые окна <...> и как хочется скорее домой, в тёплую светлую комнату.

Стихи Андрея Попова прочла сегодня. Очень понравились.

Осень. Вечер. Холодно и влажно.
Потемнел от мысли небосвод –
От напоминанья, что однажды
Жизнь пройдёт – и солнце не взойдёт.
День истёк. И пролетело лето.
И проходит мимолётно жизнь...
Поднимись, моя молитва, к свету –
Над холодной ночью поднимись [8, с. 100–101].

V. *Чаще всего функцией метатекста являются размышления автора дневниковых записей о жизни, о смысле существования человека.* Через всё повествование проходят авторские философские мысли о жизни как выборе: «Жить так, как живут люди, похожие на птиц. Они легко перелетают с места на место, они не слишком задумываются над тем, что воруют крошки у своих ближних. Они мало думают о завтрашнем дне. Они и о сегодняшнем не так уж много размышляют. Птичка божия не знает ни заботы, ни труда. <...> Смысл жизни заключается в том, чтобы заглянуть в глаза своему внуку, заглянуть и, восхитившись, забыть обо всём на свете. В этом и заключается наша жизнь» [8, с. 43].

VI. *Одной из ведущих функций метатекста в современной дневниковой прозе является соотношение точек зрения – дискуссионность метатекста.*

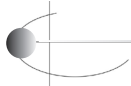
Иногда это спор с самим собой, спор-размышление. «Утром нравится мне идти по родному городу. Идти и видеть, как встаёт солнце. <...> И в этой трудной жизни бывают радостные моменты. Оказывается, китайские друзья из университета приготовили для меня поздравление – грамоту и подарок. Но я даже не подозревала! Даже и подумать не могла! Я настолько привыкла к безразличию... Я давно взяла себе за правило – работать и не думать о благодарности.

Подарок – золотая роза. Золотая роза для меня – это и К. Паустовский, и Андерсен... И она просто женственная. Изысканная. Я ахнула, когда увидела её. Чудесная золотая роза. И текст грамоты – строгий, интеллигентный, уважительный. Вот почему мы не умеем так,

как умеют это восточные люди?» Метатекст в современной дневниковой прозе – это не просто ситуация сиюминутного настроения. Это метаобраз, раздумья автора о пройденном жизненном пути. Ситуация сиюминутного настроения рождает мировоззренческие выводы о жизни. «И вот я подумала – мне ведь жизнь подкидывала возможности карьерного роста – и заместителем декана предлагали быть, и заведующим кафедрой русского языка. Я молодая была очень. Но и тогда почувствовала – не моё это дело. Отказалась. А теперь страдаю – не заметили, не оценили...»

Как можно определить, дискуссионная страница такой «вставки» в текст дневниковой прозы – свидетельство внутреннего диалога автора с самим собой. Спор и опровержение одновременно: «карьера – это пустое. Это временно. А то, что ты представляешь собой на самом деле, – это всегда с тобой, это твоё навсегда» [8, с. 108–109]. Таким может быть метатекст как «вставной конструкт». Проблема дискуссионного метатекста в современной дневниковой прозе ещё требует своего тщательного анализа, поскольку несёт в себе значимую информацию. Её содержанием может быть дискуссия с писателем. После в Интернете была напечатана статья З. Прилепина «Вышли мы все из народа». В дневниковых записях Нины Ганьшиной читаем: «После “Чёрной обезьяны” мой любимый писатель стал меня разочаровывать. А публицистика его и вовсе странного качества. Жаль. Особенно жаль его мнение о провинции. Ну, нельзя о провинции так огульно! Вот так, как он пишет, нельзя: “В России 60 процентов населения (вдумайтесь!) живёт в деревнях, посёлках городского типа и моногородах. Там не читают книг, не особенно пользуются фэйсбуком... вообще, в тех местах какая-то форма жизни, нам не очень ведомая. Так как я периодически и подолгу живу в деревне, я её наблюдаю со стороны: примерно так, как наблюдали в иные времена своих новых друзей белые люди в не очень белых странах. 60 процентов. Не считая ещё диких толп на окраинах Москвы, Питера, Нижнего и всех остальных миллионников. Наша власть иногда делает вид, что она говорит от имени этих людей, но власть про них знает ещё меньше, чем я”».

Примером дискуссионного метатекста служит следующее повествование автора: «Я из провинции. Из провинции! Но кто услышит мой голос? Потом, через пару месяцев я получила письмо от славного, талантливого Сергея Лагодина, мы с ним говорили о З. При-

лепине и вот об этой статье. Серёжа написал мне: "...Деревня читает, и ещё как! Я с села. Мама у меня библиотекарь. Библиотека в Нер-Заводе большая, двухэтажная, просторная. Фонд 25 тыс. книг – это только взрослая. А ещё есть чудесная детская, в которой я вырос. Так вот, люди читают, ходят и помногу! Одна проблема – книг новых нет/ <...> Всю современную прозу до дыр дочитали. Самое удивительное, что читают даже толстые журналы <...> "Новый мир" и "Звезда". А в детской библиотеке вал детишек. Все 80 с лишним наших ребят из неблагополучных детей ходят в библиотеку. <...> Мама у меня ещё и заведует информационным классом, так перед НГ у них курсы для пожилых "Знакомство с компьютером". Вот теперь к ней ещё и бабушки ходят, разбираются в компьютере. Всё это интересно, вот только бы иногда на глюбинку оглядывались и помогали бы ей".

Пьеса «Я из провинции» не случайно заканчивает дневниковую прозу. Она полна оптимизма, диалог героев вплетается в повествование, продолжает метатекстовые вставки дневниковой прозы. Метаобразы стихотворных строчек Геннадия Головатого, Михаила Вишнякова преобразуются в метадействия:

А у нас в Забайкалье
Сопки малиновые!
Вы, небось, и не знаете,
Что такое багул?..
Вы напрасно стараетесь
Жизнь мне сделать малиною,
Всё равно я однажды
В Забайкалье сбегу (Геннадий Головатый).

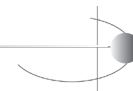
«Слово как защитная броня», – пишет Михаил Вишняков. – «Жизнь и смерть, любовь и удивление / в нём увидят правнуки мои».

Оптимистичен конец пьесы, которая свободно вписывается в дневниковую прозу: «Михаил Васильевич Ломоносов – из провинции. Константин Циолковский – из провинции. Илья Ильич Мечников – из провинции. Юрий Гагарин – из провинции. Лев Толстой – из провинции. Сергей Есенин – из провинции. Михаил Семёнович Щепкин – из провинции. Иван Семёнович Козловский – из провинции. Пётр Ильич Чайковский – из провинции.

– А вы? Поднимайтесь! Гордитесь!» [8, с. 312–313].

Нине Ганьшиной удалось сделать единым повествование прежде всего потому, что духовное пространство метатекста представляется как путь к себе, своему «Я», возвышению личности в ситуации «сплетения позиций», преобразования мира. Автору удалось преодолеть традиционный взгляд на дневниковую прозу:

автор не просто ведёт повседневный рассказ о прожитом дне, он живёт в прошлом, настоящем и будущем своей страны. Повседневные будни дневниковых записей преобразуются: читающий видит человека как личность, «самость», осознающего свою роль в жизни, природе, Миров. Читающий, казалось бы, личные воспоминания о ребёнке или о событиях обыденности начинает осознавать ценность каждой минуты жизни, которые не повторяются. Просто и обыденно звучит текст дневника, так понятный каждому: «Завтрашний день принадлежит моим дорогим детям. Дай Бог!.. И вот сейчас вечер. Ильдар спит в соседней комнате. Маратик спит в другой комнате. Но чтобы так хорошо было всегда – так не бывает! Я знаю то, что сейчас, сию минуту – это счастье, счастье! И я задерживаю дыхание, чтобы время стояло на месте. Но скоро утро...» [8, с. 96]. Легко и просто, с глубокой верой в счастье воспринимаются повторяющиеся рефреном слова: «Господи! Не оставь в пути моих детей! Спаси и помилуй их, Господи Милосердный!» Наверное, стиль этого жанра – современной дневниковой прозы – ещё ждёт своего анализа и описания, своего исследования. Важно проанализировать особенности духовного пространства метатекста, включающего метапоэтическое пространство, духовную энергию, возвышение идеи в ситуации «сплетения позиций». Думается, современная дневниковая проза – это постижение единства метаобраза и метадействия как путь к себе, своему «Я»: «Чудесное свершилось в моей жизни. И я благодарю Бога в своих молитвах и прошу Его о самой малости – о снисхождении. Мне так хочется счастья своему сыну, своему внуку. Мне так хочется, чтобы у всех всё было хорошо! Господи, не оставь нас! Спаси и помилуй!» [8, с. 5]. Такие строчки обращения к Богу – свидетельство откровения автора, которое может быть, не каждому дано, но которое необходимо вписывается в общий стиль повествования. Это, на наш взгляд, тоже стилистическая особенность современной дневниковой прозы. Без такой искренности, открытости в чувствах жанр дневниковой прозы просто не состоятелен: «Душа-то где? Где смысл? Где цель?». На этот вопрос автор чаще всего отвечает стихами, потому что стихи – «причастия к высоте». Поэзия – мир Человека и Бога. Это осуществление красоты. Дневниковая проза, обращённая к метаобразам и метадействиям, позволяет читателю почувствовать себя нужным и значимым, прикоснуться к высочайшему. Думается, это очень сложный жанр повествования, который рождён самым сложным временем и поэтому востребован.

Список литературы

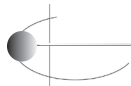
1. Анциферова Н. Б. Образ рассказчика в современной дневниковой прозе: языковой аспект (на материале дневников С. Есина, В. Гусева, Т. Дорониной): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Улан-Удэ, 2010.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Ахметова Г. Д., Лю Гопин, Чжоу Чжунчен. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы. Казань: Бук, 2015. 192 с.
4. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 534 с.
5. Байкова С. А. Метатекст. Энциклопедия гуманитарных наук [Электронный ресурс]. 2010. № 3. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (дата обращения: 17.08.2015).
6. Бачини В. А. Н. О. Ласский о сакральном основании эстетического // Духовные начала русского искусства. Великий Новгород, 2006. 243 с.
7. Вежибицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978.
8. Ганьшина Нина. Чудесное. Ангел мой. Я из провинции. Казань: Бук, 2015. 313 с.
9. Иванов Н. В. Гипертекст – метатекст: культура, дискурс, язык. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
10. Курганская А. В. Межтекстовые связи в языковой композиции (на материале прозы Вячеслава Дегтева): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2011.
11. Мехтиев В. Г. Эстетическое и духовное в классической традиции // Духовные начала русского искусства. Н. Новгород, 2006. 243 с.

References

1. Antsiferova N. B. Obraz rasskazchika v sovremennoi dnevnikovoi proze: yazykovoi aspekt (na materiale dnevnikov S. Esina, V. Guseva, T. Doroninoi): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ulan-Ude, 2010.
2. Akhmetova G. D. Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta (na materiale sovremennoi russkoi prozy). SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Akhmetova G. D., Lyu Gopin, Chzhou Chzhunchen. Yazykovye traditsii i yazykovye protsessy v dukhovnom prostranstve russkoi prozy. Kazan': Buk, 2015. 192 s.
4. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i. M., 1986. 534 s.
5. Baikova S. A. Metatekst. Entsiklopediya gumanitarnykh nauk [Elektronnyi resurs]. 2010. № 3. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/metatekst> (data obrashcheniya: 17.08.2015).
6. Bachini V. A. N. O. Lasskii o sakral'nom osnovanii esteticheskogo // Dukhovnye nachala russkogo iskusstva. Velikii Novgorod, 2006. 243 s.
7. Vezhbitskaya A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8: Lingvistika teksta. M., 1978.
8. Gan'shina Nina. Chudesnoe. Angel moi. Ya iz provintsii. Kazan': Buk, 2015. 313 s.
9. Ivanov N. V. Gipertekst – metatekst: kul'tura, diskurs, yazyk. M.: Kniga i biznes, 2007. S. 43–50.
10. Kurganskaya A. V. Mezhtekstovye svyazi v yazykovoi kompozitsii (na materiale prozy Vyacheslava Degteva): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Arkhangel'sk, 2011.
11. Mekhtiev V. G. Esteticheskoe i dukhovnoe v klassicheskoi traditsii // Dukhovnye nachala russkogo iskusstva. N. Novgorod, 2006. 243 s.

Статья поступила в редакцию 10.08.2015

Алина Петровна Васильева,
аспирант,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова
(677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58),
e-mail: sunny_girl_a@mail.ru

Концепт «сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов: ассоциативно-вербальная сеть

В статье речь идёт об исследованиях языкового сознания на основе анализа ассоциативно-вербальной сети носителей якутского языка. Ассоциативный тезаурус позволяет исследовать системность языкового сознания. Национально-культурную специфику языкового сознания народа позволяют выявить процессы, происходящие в недрах языка. Поскольку языковое сознание обусловлено способом бытия этноса в мире, представляется чрезвычайно интересным изучение языковой репрезентации базовых культурных концептов на материале разных языков в процессе межкультурного общения.

Значительная роль, которую выполняет образ коня/лошади в традиционной культуре якутов, позволяет выявить глубинное значение и особенности традиции коневодства части материальной и духовной культуры народа. В данной работе предпринята попытка выявления и описания концептуальных признаков, формирующих структуру концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании якутов. В ходе анализа выделены девять семантических зон по принципу методики «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова, также ассоциации денотативного и культурного типов. Анализ показал, что ассоциации культурного типа представляются наиболее интересными, так как способствуют выявлению глубинных связей между словом-стимулом и обобщёнными культурными смыслами, хранящимися в сознании носителей языка. Базовым концептуальным слоем, по данным ассоциативного эксперимента, явилось понимание концепта «сылгы/лошадь» как священного животного народа саха.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативный словарь, гештальт, концептуальные признаки, концепт «сылгы/лошадь».

Alina Petrovna Vasil'eva,
Postgraduate Student,
Ammosov North-Eastern Federal University
(58 Belinsky St., Yakutsk, Russia, 677000),
e-mail: sunny_girl_a@mail.ru

The “Sylgy/Horse” Concept in the Yakut Linguistic Consciousness: Verbal Associative Network

The article focuses on the research of linguistic consciousness based on the analysis of associative verbal network of the Yakut language native speakers. Associative thesaurus allows us to explore systemacy of linguistic consciousness. Cultural identity of linguistic consciousness of the people reveals the processes occurring in the depths of the language. Since the linguistic consciousness is based on the way of ethnic group being in the world, it is extremely interesting to study the linguistic representation of basic cultural concepts on a material of different languages in the process of intercultural communication.

The significant role played by the image of a horse in the traditional culture of the Yakuts reveals the deeper meaning of the tradition of horse breeding and characteristics of the material and spiritual culture of the people. In this paper, we attempt to identify and describe the conceptual signs of forming the structure of the concept “sylgy/horse” in the Yakut linguistic consciousness. During the analysis, we defined nine semantic zones based on “semantic gestalt” method by Yu. N. Karaulov, and the associations of denotative and cultural types. The analysis showed that the associations of cultural type are represented to be the most interesting, since they help for identification of the deep ties between the word-stimulus and generalized cultural meanings that are kept in the consciousness of speakers. The underlying conceptual layer according to the association experiment was the understanding of the concept “sylgy / horse” as a sacred animal of the Sakha people.

Keywords: linguistic consciousness, verbal associative network, associative dictionary, gestalt, conceptual features, “sylgy/horse” concept.

Концепты, по мнению Н. Д. Арутюновой, образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром», они образуются в сознании в результате взаимодействия национальной традиции, жизненного опыта, религии, идеологии, фольклора, ощущения и системы ценностей [1, с. 3].

М. В. Пименова определяет концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определённой культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [13, с. 113–114].

«Методика исследования концептов... заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов: в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов» [12, с. 12].

Ментальную модель мира составляют понятия, образы и символы [14, с. 130]. «Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры. <...> Ментальные архетипы складывались исторически, по определённому, генетически важному принципам, которые и следует описать» [8, с. 15].

Методика проведения концептуального анализа В. А. Масловой основывается на структурных особенностях концепта. Структура концепта представлена в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта. Ядро – это словарные значения той или иной лексемы, которые, по мнению учёного, заключают большие возмож-

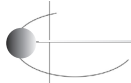
ности в раскрытии содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. За ядром располагаются ближние, дальние и крайние периферии, которые включают в себя всё то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом... Периферия – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексем, коннотации и ассоциации [9, с. 42–45].

Одним из способов изучения языкового сознания является форма его овнешнения посредством ассоциативного эксперимента. Ассоциативные поля, формируемые из реакций респондентов, носителей определённой культуры и языка, представляют нам материал для исследования их образа мира и являются отражением национально-культурных особенностей восприятия действительности через призму образа сознания этноса. Кроме того, исследование языкового сознания, по материалам ассоциативных экспериментов – ассоциативно-вербальных полей, позволяет выявить как системность содержания образа сознания, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывает уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры [6].

Посредством массового ассоциативного эксперимента и построения на основе его результатов ассоциативно-вербальной сети можно выявить не только фрагмент вербальной памяти человека, но системность образа мира носителей той или иной культуры, тем самым систему их культурных стереотипов, которые отражают особенности национального характера [19, с. 158].

Ассоциативный словарь представляет материал для широкого круга лингвистических исследований, таких как семантическая структура словарного состава языка, синтагматические и парадигматические связи [5]. С его помощью язык представляется в его предречевой готовности, раскрывается сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ «держания» языка в памяти его носителя, приоткрывается таинственная завеса над тем, как устроена языковая способность человека, говорящего и понимающего [16, с. 751].

Рассмотрение вербализации структуры концепта «сылгы»/лошадь» обусловливается культом коня в традиционной культуре якутов и связано, прежде всего, с тем, что с древних времён конь имел огромное значение не только в хозяйстве, культуре и в быте, но и играл большую роль в духовной жизни якутского народа. С целью выявления признаков, составляющих ассоциативно-фонное

содержание концепта «сылгы»/«лошадь», проведён анализ ассоциативно-вербальной сети, что позволит выявить системность образа мира носителей якутской культуры. Частотность реакций на слово-стимул «сылгы» свидетельствует об актуальности/неактуальности данного концепта в сознании испытуемых.

Материалы анализа получены из данных Якутского ассоциативного словаря под редакцией Л. С. Заморщиковой и А. А. Романенко, который был создан на основе массовых ассоциативных экспериментов, проведённых среди студентов Якутского государственного университета (ныне Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова), включая филиал университета в г. Мирный, а также в Институте физической культуры и спорта в Чурапчинском районе с 2005–2010 гг. [2].

По результатам ассоциативного эксперимента, у носителей якутского языка слово-стимул «сылгы» (лошадь) вызывает следующие реакции (см. табл.):

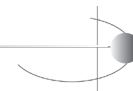
Единичные реакции (0,1 %).

Общее число испытуемых составляет 1220. Число разных реакций – 193. Число отказов испытуемых – 82. Число единичных реакций – 118.

Наиболее частотными реакциями на слово-стимул **СЫЛГЫ** являются следующие: *ат* (конь) **82**; *сүөһү* (скот) **81**; *ынах* (корова) **75**; *эт* (мясо) **63**; *кыыл* (животное) **52**; *сиэл* (грива, конский волос) **39**; *кулунчук* (жеребёнок) **25**; *Дьөһөгөй* (божество Дьөһөгөй) **23**; *убаһа* (жеребёнок в первую зиму) **21**; *биэ* (кобылица) **19**; *үөр* (стадо) **18**; *кымыс, этэ* (кумыс; жеребятина) **12**; *дьиз кыыла, дьөһөгөй оҕото, дэриэбинэ, сиэлэ, сэргэ* (домашнее животное, дитя божества Джэсэгэй, деревня, грива, коновязь) **8**; *ас, сылгыһыт* (пища, конюх) **7**; *алаас, түргэн, үөрэ* (алаас, быстрый, стадо) **6**; *аттар, баай, быар, Дьөһөҕөй, кутурук, от, тымныы, хотон, ыһыыр* (лошади, богатство, печень, Джэсэгэй, хвост, сено, холод, коровник, седло) **5** и т. д.

В ходе анализа мы выделили девять семантических зон по принципу методики «се-

<i>Реакции</i>	<i>Количество</i>	<i>% соотношение</i>
Ат – конь	82	6,7 %
Сүөһү- скот	81	6,6 %
Ынах – корова	75	6,2 %
Эт – мясо	63	5,2 %
Кыыл – животное	52	4,3 %
Сиэл – грива	39	3,2 %
Кулунчук – жеребёнок	25	2,1 %
Дьөһөгөй – Джэсэгэй (божество)	23	1,9 %
Убаһа – жеребёнок до 1 года	21	1,7 %
Биэ – кобыла	19	1,6 %
Үөр – стадо	18	1,5 %
Кымыс – напиток кумыс этэ – мясо	12	1 %
Дьиз кыыла – домашнее животное; дьөһөгөй оҕото – дитя Джэсэгэй; дэриэбинэ – деревня; сиэлэ – конский волос; сэргэ – коновязь	8	0,7 %
Ас – пища; сылгыһыт – конюх	7	0,6 %
Алаас – алаас (поляна, окружённая лесистой горой); түргэн – быстрый; үөрэ – стадо	6	0,5 %
Аттар – лошади; баай – богатый; быар – печень; Дьөһөҕөй – Джэсэгэй; кутурук – хвост; от – трава; тымныы – холод; хотон – хлев, коровник; ыһыыр – седло	5	0,4 %
Айан – дальний путь; баар – есть, имеется; манан – белая; мясо – мясо; саха – саха; таба – олень; туйах – копыта; үрүн – белая	4	0,3 %
Ат сүүрдүүтэ – конные скачки; дэйбиир – махалка; сайын – лето; сүүрүк – скакун; сүүрэр – скачет; сылгы – лошадь; сыспай сиэллээх – эпитет лошадей; убаһа этэ – жеребятина; харта – толстая кишка лошади	3	0,3 %
Айыы оҕото – создание светлого мира; атыыр – жеребец; баттах – волосы; быара – печень; быян – изобилие, богатство, достаток; добор – друг; идэһэ – убойный скот; кистиир – ржёт; көмө – помощь; кумаар – комар; кыһын – зима; минньигэс – вкусный; минньигэс эт – вкусное мясо; оҕото – детёныш; сааба – конский помёт; саха баайа – богатство народа саха; сиэр – саврасая; сыарба – сани, дровни; сылаас – тёплый; тон эт – замороженное мясо; тый – двухгодичный жеребёнок; улахан – большой; үлэ – работа; хаар – снег; хонуу – поле, поляна; эрэл – надежда	2	0,2 %

мантического гештальта» Ю. Н. Караулова, Гештальт позволяет «воплощать тот аспект языкового сознания носителя языка, который связан с отражением окружающей реальности, образов национально-культурного мира, запечатлённых в родном языке», и позволяет выявить этнонациональную специфику в якутском языке [7].

В результате интерпретации ассоциатов как языковых репрезентаций определённых когнитивных признаков, образующих содержание концепта «сылгы/лошадь», мы обобщили их в интегральные когнитивные признаки, которые позволяют выделить определённые семантические зоны в ассоциативных полях:

Ассоциации денотативного типа

Денотативные признаки

1. Живое существо (49,7 %) (когнитивные признаки «животное», «домашнее животное»).

Субстанциональные признаки

2. Признаки (7,1 %) (когнитивные признаки «физическое строение/внешний вид», «масть/окрас», «способность развивать скорость», «потребность в пище», «способность к движению», «физические качества», «типичные звуки»).

3. Оценки (0,3 %) (когнитивные признаки «эстетическая ценность», «интеллектуальные способности»).

Относительные признаки

4. Применение, назначение, сфера (16,4 %) (когнитивные признаки «источник пищи», «средство передвижения, назначение», «спортивные состязания», «рабочая сила»).

5. Место, принадлежность, свойства (5,3 %) (когнитивные признаки «место действия», «конструктивные элементы», «субъект действия», «целебные свойства»).

6. Вызываемые эмоции, чувства, образы (3,9 %) (когнитивный признак «индивидуальное отношение»).

Ассоциации культурного типа

7. Традиционный и мифологический аспект (13,9 %) (когнитивные признаки «божество по верованиям якутов», «символ традиционного праздника»).

8. Традиционное занятие, отрасль (2,07 %) (когнитивный признак «коневодство как основное занятие якутов»).

9. Ценности (1,2 %) (когнитивные признак «символ богатства»).

Таким образом, схематично структуру концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка можно представить в виде следующего круга (см. рисунок):

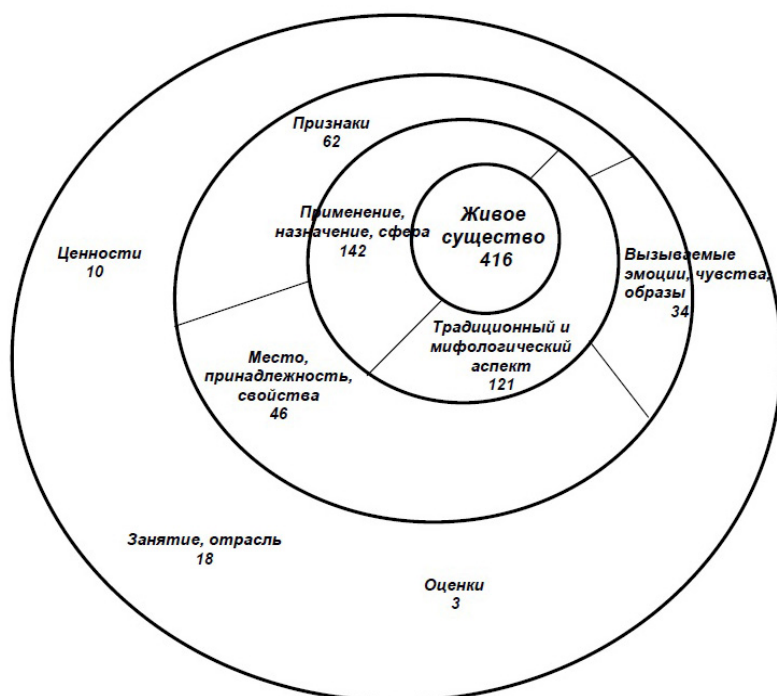
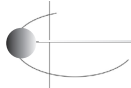

Рис. Структура концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка: ядро: Живое существо (416 реакций); ближняя периферия: Применение, назначение, сфера (142); Традиционный и мифологический аспект (121); дальняя периферия: Признаки (62); Место, принадлежность, свойства (46); Вызываемые эмоции, чувства, образы (34); крайняя периферия: Занятие, отрасль (18); Ценности (10); Оценки (3)

Как отмечает А. А. Павлова, отличительными характеристиками ядра являются «конкретность и образность, а периферии свойственна абстрактность составляющих её признаков. На семантическом уровне ядру концепта соответствуют денотативное значение кодирующего концепт слова, а периферии – первичные, вторичные, обязательные, факультативные, эксплицитные и имплицитные коннотации, психологической основой которых являются ассоциации. Таким образом, в некоторых случаях посредством описания концепта и порождаемых им ассоциаций становится возможным выявление новых признаков концепта и, соответственно, лексических коннотаций» [10, с. 51].

Важной задачей исследования является попытка выявления смысла, который вкладывают в те или иные элементы традиционной культуры представители этноса в своём обыденном сознании, и определения места данных традиционных элементов в культуре народа. Ядром концептуального поля стал концептуальный признак «живое существо». Семантика слова «сылгы/лошадь» содержит компоненты, отражающие функционально ориентированный взгляд человека на животное.

В ближнюю периферию вошли относительные признаки из группы ассоциаций денотативного типа «источник пищи»; «средство передвижения, назначение»; «спортивные состязания»; «рабочая сила» и из группы ассоциаций культурного типа «божество по традиционным верованиям якутов»; «символ традиционного праздника». Относительные признаки репрезентированы ассоциациями, которые соотносятся с различными аспектами взаимодействия животного и человека. Ассоциации культурного типа представляются наиболее интересными, так как способствуют выявлению глубинных связей между словом-стимулом и обобщёнными культурными смыслами, хранящимися в сознании носителей языка. Данные признаки характеризуют лошадь не как субъект природного мира, а как объект, вовлечённый человеком в определённую сферу деятельности. К основным чертам культа коня у якутов можно отнести и различные обряды жертвоприношения или посвящения коней высшим богам [15, с. 164–166]. Следовательно, данный символический образ лошади, актуализированный в сознании якутов, несёт в себе глубинный смысл, связанный со значимостью культа коня в традиционной культуре

народа. Божественность коня наглядно выступает в устном народном творчестве якутов – в олонхо, мифологии и преданиях.

В толковом словаре якутского языка П. А. Слепцова *Дьөлөгөй* обозначает: «*Былыргы саха итэҕэлинэн: сылгы сүөһүнү үөскэтэр, араҥачылыыр Үөһэ дойдуга олохтоох айыы, таһара*» – По представлению древних якутов: божество-небожитель, считающийся создателем и покровителем конного скота (пер. наш – А. В.) [17, с. 432]. Джёсегей выполняет функции бога – покровителя конного скота – и стоит наряду с Юрюнг Айыы тойоном, который является высшим существом в якутской мифологии и оказывает влияние на плодородие земли, размножение скота и благополучие людей.

С древних времён лошадь служила средством передвижения и основным источником пищи. Жеребьячье мясо и внутренности считались одним из полезных и вкусных блюд якутской кухни. Из кобыльего молока готовили традиционный напиток кумыс. Также шкура, грива и хвост использовались как материал для изготовления одежды, различных вещей и предметов быта; из копыт в древности нарезали пластины для доспехов и т. д. [3, с. 142].

Реакции, вошедшие в признак «символ традиционного праздника», объединены и связаны с традиционным праздником якутов – Ысыах, который является обрядовым мероприятием для якутов с древних времён, традиционный праздник плодородия, в честь лошади, в честь божества конного и рогатого скота Уордаах Джёсөгөй. Все ассоциации несут в себе значительный культурно-традиционный смысл. Праздник Ысыах сопровождался обрядом распития напитка из кобыльего молока – священного кумыса, что называется *айах тутар*, или *таһараны алгыыр*, т. е. держание чаш с кумысом и восхваление богов. Кумыс до недавнего времени был главной пищей якутов в летнее время. В старину кумыс делали на основе сухой закваски, которую готовили ещё летом. Якуты придавали исключительное значение празднику Ысыах. Особое внимание уделялось сервировке кумысного празднества. Напиток разливали в специальные деревянные чаши – чороны, которые украшались пучками белого конского волоса. Их хранили в кожаных резервуарах, которые назывались симиры [3, с. 144].

Ассоциации культурного типа, присутствующие в сознании большинства носителей языка, являются последствием проявления именно их общих культурных знаний. Они

связаны со словом-стимулом отношениями более абстрактного характера. Ассоциации культурного типа представляются наиболее интересными, так как способствуют выявлению глубинных связей между словом-стимулом и обобщёнными культурными смыслами, хранящимися в сознании носителей языка.

В дальнюю периферию вошли когнитивные признаки «физическое строение/внешний вид»; «масть/окрас»; «способность развивать скорость»; «потребность в пище»; «способность к движению»; «физические качества»; «типовые звуки»; «место действия»; «конструктивные элементы»; «субъект действия»; «целебные свойства»; «индивидуальное отношение».

Что касается признака «целебные свойства», считается, что жеребятина, конский волос очень полезны для здоровья. Якутские женщины из конского волоса делают чудесные вещи: головные уборы, коврики, стельки, обереги, сувениры, которые, по мнению якутов, обладают лечебными свойствами. Всё, что делалось из конского волоса, считалось священным предметом.

Важно также дать интерпретацию признака «масть/окрас». По мнению исследователей, в обрядах жертвоприношений или посвящений особый ритуальный характер приобретает масть коня. Зафиксированы сведения о том, что обычай принесения в жертву коней определённой масти существовал у алтайцев, монголов и у волжских калмыков. В олонхо Улуу Тойону (великому вождю) принадлежит конь кроваво-красной масти [18, с. 57]. В описаниях якутского эпоса олонхо отражаются представления якутов о ранговом характере масти и её связи с социально-пространственным положением всадника [11].

В крайнюю периферию вошли когнитивные признаки «коневодство, как основное занятие якутов»; «символ богатства»; «эстетическая ценность»; «интеллектуальные способности». По определению И. Н. Винокурова, якутская лошадь – это местная порода, выведенная методом народной селекции,

разводимая для производства мяса, кумыса и кожевенно-мехового сырья, а также используемая на сельскохозяйственных работах под вьюком, в упряжи и для верховой езды. Отличительной чертой данной породы является приспособленность к суровым климатическим условиям, отличная мясная продуктивность [4, с. 3]. С древних времён табуны лошадей были мерилем богатства для народа саха.

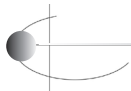
В языковом сознании носителей якутского языка многообразие представлений не исчерпывается вышеперечисленными признаками, связанными с семантикой концепта «сылгы/лошадь». Эти признаки образуют основу для формирования культурно-фоновых знаний в процессе обретения человеком личного и социального опыта. Поэтому они не только тесно связаны с ассоциациями культурного типа, входящими в семантическое поле *сылгы/лошадь*, но и большинство из них могут нести в себе дополнительную семантику и быть характерными для интерпретации именно культурно-фоновых знаний носителей языка.

Из приведённых выше примеров и результатов ассоциативного эксперимента мы можем прийти к следующему выводу, что исследование значимостной составляющей концепта «сылгы/лошадь» в языковом сознании носителей якутского языка позволило выделить основные слои концепта, репрезентируемые понятиями: «домашнее животное», «пища», «средство передвижения», «божество по верованиям якутов». Причём, необходимо отметить, что базовым концептуальным слоем по данным ассоциативного эксперимента явилось понимание концепта как священного животного народа саха.

Проведённое исследование на основе анализа ассоциативно-вербальной сети языкового сознания носителей якутского языка показало, что традиционное мировоззрение и мировосприятие находят отражение внутри традиционного знания, языка и речи, а также мифопоэтического сознания современных якутов.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ текста. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3–6.
2. Борисова И. З., Заморщикова Л. С., Романенко А. А. Ассоциативный словарь якутского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (дата обращения: 20.07.2015).
3. Васильева А. П. Репрезентация образа коня/лошади в традиционной культуре якутов // Вестн. СВФУ им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 5. С. 141–146.
4. Винокуров И. Н. Традиционная культура народов Севера: продуктивное коневодство северо-востока Якутии. Новосибирск: Наука, 2009. 256 с.
5. Заморщикова Л. С. Ассоциативно-вербальная сеть и системность образа мира [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 3. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/03/6130> (дата обращения: 27.04.2015).

6. Заморщикова Л. С. Ассоциативный тезаурус якутского языка [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/02/6027> (дата обращения: 26.04.2015).
7. Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование : тез. докл. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 107–109.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. 240 с.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
10. Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (На материале внутрисемейных родословных). Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
11. Парфенова О. А. Конь и харизма Тыгына в преданиях якутов // Илин. 1999. № 1–2. С. 26–28.
12. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово, 2004. С. 385.
13. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
14. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
15. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 164 – 178.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т.1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов [и др.]. М.: Астрель: АСТ, 2002. 784 с.
17. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыта / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
18. Худяков И. А. Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе // Зап. ВСОИРГО. Иркутск, 1890. 314 с.
19. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских. Изд. 2-е // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 2000. С. 135–170.

References

1. Arutyunova N. D. Vvedenie // Logicheskii analiz teksta. Mental'nye deistviya. M.: Nauka, 1993. S. 3–6.
2. Borisova I. Z., Zamorshchikova L. S., Romanenko A. A. Assotsiativnyi slovar' yakutskogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (data obrashcheniya: 20.07.2015).
3. Vasil'eva A. P. Reprezentatsiya obraza konya/loshadi v traditsionnoi kul'ture yakutov // Vestn. SVFU im. M. K. Ammosova. 2013. T. 10. № 5. S. 141–146.
4. Vinokurov I. N. Traditsionnaya kul'tura narodov Severa: produktivnoe konevodstvo severo-vostoka Yakutii. Novosibirsk: Nauka, 2009. 256 s.
5. Zamorshchikova L. S. Assotsiativno-verbal'naya set' i sistemnost' obraza mira [Elektronnyi resurs] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2014. № 3. Rezhim dostupa: <http://human.snauka.ru/2014/03/6130> (data obrashcheniya: 27.04.2015).
6. Zamorshchikova L. S. Assotsiativnyi tezaurus yakutskogo yazyka [Elektronnyi resurs] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2014. № 2. Rezhim dostupa: <http://human.snauka.ru/2014/02/6027> (data obrashcheniya: 26.04.2015).
7. Karaulov Yu. N., Tarasov E. F. Semanticheskii geshtal't assotsiativnogo polya i obrazy soznaniya // Yazykovoie soznanie: sodержanie i funktsionirovanie : tez. dokl. XIII Mezhdunar. simp. po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. M., 2000. S. 107–109.
8. Kolesov V. V. Yazyk i mental'nost'. SPb.: Peterb. Vostokovedenie, 2004. 240 s.
9. Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobie. 2-e izd. Minsk: TetraSistems, 2005. 256 s.
10. Pavlova A. A. Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera (Na materiale vnutrisemeinykh rodoslovnykh). Belgorod: Izd-vo BelGU, 2004. 162 s.
11. Parfenova O. A. Kon' i kharizma Tygyna v predaniyakh yakutov // Ilin. 1999. № 1–2. S. 26–28.
12. Pimenova M. V. Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii. Kemerovo, 2004. S. 385.
13. Pimenova M. V., Kondrat'eva O. N. Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie: ucheb. posobie. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 176 s.
14. Pimenova M. V. Kontseptual'nye issledovaniya i natsional'naya mental'nost' // Gumanitarnyi vektor. 2011. № 4 (28). S. 126–132.
15. Potapov L. P. Kon' v verovaniyakh i epose narodov Sayano-Altaya // Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami. L., 1977. S. 164 – 178.
16. Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t. T.1: Ot stimula k reaktcii: ok. 7000 stimuloov / Yu. N. Karaulov [i dr.]. M.: Astrel': AST, 2002. 784 s.
17. Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryyalaakh tyld'ya / pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2006. 844 s. (Bukvy G, D, D', I).
18. Khudyakov I. A. Verkhoyanskii sbornik: yakutskie skazki, pesni, zagadki i posloviцы, a takzhe russkie skazki i pesni, zapisannye v Verkhoyanskom okruge // Zap. VSOIRGO. Irkutsk, 1890. 314 s.
19. Ufimtseva N. V. Etnicheskii kharakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh. Izd. 2-e // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie. M., 2000. S. 135–170.

УДК: 81'373.72+81'272
ББК: Ш12=432.4*5*+Ч11

Жанна Владимировна Краснобаева-Чёрная,
кандидат филологических наук, доцент,
Донецкий национальный университет
(21021, Украина, г. Винница, ул. 600-летия, 21),
e-mail: prikladnik1@mail.ru

Аксиологическое пространство фразеологических единиц с положительной оценкой

В статье определена специфика аксиологического пространства фразеологических единиц с положительной оценкой. Оценочные фразеологизмы реализуются в семи семантических диапазонах: «хорошо – плохо», «одобрять – не одобрять», «удовлетворять – не удовлетворять», «ценный – неценный», «интересовать – не интересоваться», «утверждать – отрицать», «соблюдать норму – не соблюдать норму». Таким образом, по характеру оценки фразеологические единицы классифицируются на: фразеологизмы с положительной оценкой («хорошо», «одобрять», «удовлетворять», «ценный», «интересовать», «утверждать», «соблюдать норму»); фразеологизмы с отрицательной оценкой («плохо», «не одобрять», «не удовлетворять», «неценный», «не интересоваться», «отрицать», «не соблюдать норму»); фразеологизмы с диффузной оценкой (характер оценки определяется контекстуально). Объектом исследования является оценка, а предметом – фразеологизмы с положительной оценкой. Новизна данной работы заключается в материале исследования и в подходе к нему. Метод компонентного анализа позволил установить, что положительное оценочное значение фразеологизмов формируется при наличии: а) слов с положительной коннотацией в составе фразеологической единицы; б) эмоциональной ассоциации, связанной с конкретным компонентом фразеологизма или с ситуацией, которая лежит в основе фразеологизма; в) коннотативных маркеров, зафиксированных в лексикографических источниках. Ценность исследования объясняется возможностью использования его результатов в практике преподавания курсов «Общее языкознание», «Лингвистическая аксиология» и спецкурсов «Фразеология в национально-языковых картинах мира», «Семантика и прагматика фразеологических единиц» и др.

Ключевые слова: аксиология, оценка, оценочный фразеологизм, фразеологизм с положительной оценкой, фразеология.

Zhanna Vladimirovna Krasnobaeva-Chernaya,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Donetsk National University
(21 600-letiya St., Vinnitsa, Ukraine, 21021),
e-mail: prikladnik1@mail.ru

Axiological Space of Phraseological Units with a Positive Valuation

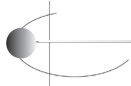
The paper defines the specifics of axiological space of phraseological units with a positive valuation. The evaluative phraseological units are realized in seven semantic ranges “good – bad”, “to approve – to disapprove”, “to satisfy – to dissatisfy”, “valuable – not valuable”, “to interest – not to interest”, “to confirm – to deny”, “to follow the norm – not to follow the norm”. Thus, the valuation types of the phraseological units are classified as: the phrasemes with positive valuation (“good”, “to approve”, “to satisfy”, “valuable”, “to interest”, “to confirm”, “to abide by norms”), the phrasemes with a negative valuation (“bad”, “to disapprove”, “to dissatisfy”, “not valuable”, “not to interest”, “to deny”, “not to follow the norm”), the phraseological units with diffuse valuation (the valuation type is determined contextually). The object of the research is valuation, and the subject is the phraseological units with a positive valuation. The novelty of this work is the research material and the research approach. The method of component analysis made it possible to fix that the positive valuation meaning of the phrasemes is formed in presence of: a) words with a positive connotation as part of the phraseological units; b) emotional associations aligned with a phraseme’s concrete component or a situation that underlies the phraseological unit; c) connotative markers lexicalized in lexicographical sources. The value of the research consists in possibility to use its results in practice of teaching courses “General Linguistics”, “Linguistic axiology” and special courses like “Phraseology in national-language pictures of the world”, “Semantics and Pragmatics of phraseological units” and others.

Keywords: axiology, valuation, evaluative phraseme, phraseme with a positive valuation, phraseology.

Оценка является важным элементом картины мира, поскольку понятия положительно-го и отрицательного присущи любой культуре.

В сознании носителя языка образ мира создаётся совокупностью лингвистических универсалий и специфическим функционирова-

нием языковых знаков, отображающих национальное сознание. В национально-языковой картине мира представлены и объективный мир, и субъективное отношение к нему членов социума. Неотъемлемым компонентом набора семантических универсалий являются оценочные понятия «хорошо»/«плохо». Согласно М. В. Никитину, «по своему методу и уровню (характеру) знания мира наше мышление является по преимуществу оценочным, т. е. мыслительная деятельность в большей своей части совершается на уровне и в форме оценок, способность к оценке определяет меру вписанности организма в среду обитания. Можно сказать, что способность к оценочной деятельности встроена в организм и встраивает его в мир органической частью» [13, с. 6].

В языкознании конца XX – начала XXI века позиционируется подход к оценке как универсальной категории языка [2; 6; 8; 14; 17]. Под оценкой понимают интеллектуально-психический акт, выявляющий положительную или отрицательную характеристику предмета, обусловленную признанием или непризнанием ценности. Так, А. И. Лызлов рассматривает оценку как «компонент прагматического значения слова, выражающий отношение субъекта оценки к объекту внеязыковой действительности посредством сопоставления отдельных его признаков с системой ценностей, принятых в данном языковом коллективе» [11, с. 2]. По мнению А. М. Яхиной, оценочное отношение определяется мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, а система критериев оценки и универсальные оценочные суждения формируются на основе стереотипов и стандартов оценочной шкалы, в основе которых находится представление о норме, об идеальном, суждения о хорошем и плохом [15]. Е. В. Бабаева считает, что результатом оценочного отношения к предмету является оценка – акт человеческого сознания (закрывающийся в сравнении предмета с ему подобными, сопоставлении свойств предметов, определении места и роли в собственной жизнедеятельности) и его результаты, которые закрепляются в сознании и языке в виде позитивного, негативного или нейтрального отношения [3].

Таким образом, квалификационными признаками оценки являются: антропоцентричность, когнитивность, прагматичность, субъективность, ценностный характер, бинарность. Оценка выступает специфической формой познания и играет важную роль в

структуре личности, выполняя стимулирующую, ориентационную, регулирующую и другие функции.

Языковая оценка имеет специфическую структуру. М. В. Ляпон включает в оценочную ситуацию субъект (того, кто оценивает); объект (то, что оценивается); мотивы оценки, основание оценки (точку зрения, на основании которой производится оценка); собственно оценку и характер оценки [12]. Е. Д. Гаврилова отмечает, что языковая оценка предполагает наличие факультативных компонентов, таких как шкала, стереотип, аспект оценки. Факультативность данных компонентов объясняется их имплицитным характером, т. е. присутствия в сознании человека, они не получают непосредственного языкового выражения [7]. Это позволяет классифицировать компоненты структуры оценки на эксплицитные и имплицитные [2; 6; 14]. Главными элементами модальной рамки выступают субъект (социум, часть социума, индивид), объект оценки (лицо, предмет или явление объективной действительности), оценочный предикат (собственно оценка); второстепенными – основа оценки (критерий, эквивалент, мотив оценки), оценочная шкала (градуированное сравнение со стандартом), оценочный стереотип (эталон, образец нормы).

Согласно Г. Д. Гиатовой, оценка как ценностный аспект значения присутствует в разных языковых выражениях, «охватывает широкий диапазон языковых единиц, при этом каждый уровень языковой структуры имеет свои специфические средства выражения аксиологических отношений» [9, с. 5].

И. В. Онищенко рассматривает функционально-семантическое поле оценки как систему разноуровневых средств языка (лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических, синтаксических), объединённых оценочной функцией [18]. Доминантой поля выступают слова «хороший»/«плохой», которые выражают общее инвариантное значение, присущее всем единицам анализируемого поля. Поле оценки имеет статус компактной полицентричной структуры: ядро состоит из собственно ядра, в которое входят оценочно маркированные лексеммы (разговорные и ругательные слова, лексеммы с ироническим, пренебрежительным, фамильярным оттенками) и оценочные фразеологизмы с высокой степенью интенсификации оценочного компонента значения и приядерного пространства, которое образуют слова с рациональной оценкой в лексическом значении; 2) периферия включает ближнюю пери-

ферию, которую заполняют лексемы, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки и специальных префиксов, и далёкую периферию, представленную оценочно маркированными лексемами, употреблёнными в переносном значении, модальными частицами, междометиями, обращениями, вставными и вставленными конструкциями, оценочная функция которых реализуется в определённых контекстуальных условиях.

В лингвистических студиях более детально исследована оценочная проблематика лексем, нежели фразеологизмов, что обуславливает актуальность статьи. Фразеологический фонд языка представляет богатый материал для изучения аксиологического потенциала языковых единиц.

Цель статьи заключается в выявлении специфики аксиологического пространства фразеологических единиц с положительной оценкой. Источниками фактического материала являются лексикографические авторитетные издания русского [23], украинского [24], английского [21] и немецкого [22] языков.

Аксиологическое пространство фразеологических единиц (далее – ФЕ) реализуется в семи диапазонах:

1) семантический диапазон «хорошо – плохо»: *на диво [на удивление] (1); хоть куда (1)* – ‘отличный, очень хороший’; укр. *високої (найкращої, першої і т. ін.) марки (2)* – ‘очень хороший, высококачественный’ и *где это видно!* – ‘восклицание, выражающее отрицательное отношение к чему-либо’; *нехраброго десятичка* – ‘несмелый, боязливый’; *дубина стое-росовая* – ‘очень глупый человек, тупица, дурак, болван’; *через пень колоду (1)* – ‘плохо, небрежно (делать что-либо)’; укр. *пара п’ятак* – ‘похожие между собой какими-то, преимущественно негативными чертами, признаками’; англ. *be a perfect sight* – ‘иметь ужасный, неприличный вид, выглядеть пугалом, страшилищем’;

2) семантический диапазон «одобрять – не одобрять»: укр. *давно б так*; англ. *bully for you!*; нем. *das ist (ja) allerhand (1)* – ‘употребляется в знак одобрения чьих-либо действий’ и *задавать баню; задавать перцу; продирать [протирасть, пробирать] с песком (с песочком); задавать звону [трезвону]; мыть голову* – ‘устраивать нагоняй, ругать, распекать кого-либо’ и *бросать [кидать, швырять, пускать] камнем [грязью]; воротить нос [рыло, морду] (2); втаптывать [затапывать] в грязь; этого ещё не хватало [не доставало]!*; англ. *Aunt Fanny*; нем. *Die Ehre abschneiden (rauben або stehlen)* – ‘обсуждать, обвинять; чернить, порочить кого-либо’;

3) семантический диапазон «удовлетворять – не удовлетворять»: *ног под собой не чуют; не слышать земли под собой*; укр. *очі розгортаються/розгорілися (1)* – ‘быть в приподнятом восторженном настроении от чего-либо’ и *крутить носом; входит в претензию*; укр. *щоб [ї] очі не бачили; чортів пеньок; спасибі вашій тьоті (вашому батькові)*; англ. *(as) sick as a cat (1)* – ‘выражать неудовольствие чем-либо’;

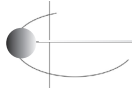
4) семантический диапазон «ценный – неценный»: укр. *на дорозі (на вулиці, на смітці і т. ін.) не валяється; не мати ціни (2)*; англ. *of much account (1) (of smth.)* – ‘очень ценный, важный, высокого качества по своим особенностям, положительные качества’ и *ноль без палочки; плевка не стоит, выеденного яйца не стоит; не выдерживать <никакой> критики*; укр. *гріш (копійка, шаг) ціна [в базарний день]; задля (для) меблів*; англ. *on no account*; нем. *In die Ecke gehören; ist doch keinen Dreier wert* – ‘ничего не стоящий, не имеет никакого значения, ничто’;

5) семантический диапазон «интересовать – не интересоваться»: укр. *прокидається / прокинулося серце* – ‘кто-либо снова чувствует интерес к жизни’; нем. *Anteil nehmen (2); es kommt j-m darauf an* – ‘проявлять интерес’ и *ноль внимания; хоть бы хны (2); до лампочки*; укр. *аби лихо тихо (1); не горіти і не куритися; ні гаряче ні зимно*; англ. *sit loose to smth.* – ‘не проявлять интереса; безразлично что-либо, наплевать на что-либо’;

6) семантический диапазон «утверждать – отрицать»: укр. *класти/покласти голову [на плаху]* – ‘утверждать что-то’ и *никак нет* – ‘почтительный отрицательный ответ на вопрос’; *от ворот поворот* – ‘категорический отказ, отрицательный ответ на просьбу, обращение и т. д.’; укр. *дідька лисого, грубо (1); як у спасівку соловейко заспіває; як виросте трава на помості*; нем. *etw. in Abrede stellen* – ‘ни за что’, ‘никогда’;

7) семантический диапазон «соблюдать норму – не соблюдать норму»: укр. *укладається в рамки* – ‘не выходит за рамки нормы, определённых стандартов’ и укр. *грішне діло; нечисте діло* – ‘что-то связанное с нарушением принятых норм, законов’; укр. *на слизькій дорозі* – ‘незаконные обстоятельства’; укр. *на пташиних правах* – ‘отсутствие законных оснований’; англ. *below standard* – ‘не соответствует принятому стандарту, не на должном уровне’; англ. *live in sin* – ‘жить в грехе, в незаконном браке’.

Таким образом, по характеру оценки ФЕ классифицируются на три типа:

1) фразеологизмы с положительной оценкой («хорошо», «одобрять», «удовлетворять», «ценный», «интересовать», «утверждать», «соблюдать норму»);

2) фразеологизмы с отрицательной оценкой («плохо», «не одобрять», «не удовлетворять», «неценный», «не интересоваться», «отрицать», «не соблюдать норму»);

3) фразеологизмы с диффузной оценкой (оценка «хорошо», «одобрять», «удовлетворять», «ценный», «интересовать», «утверждать», «соблюдать норму» или «плохо», «не одобрять», «не удовлетворять», «неценный», «не интересоваться», «отрицать», «не соблюдать норму» определяется контекстуально).

В рамках проблематики статьи рассмотрим ФЕ с положительной оценкой.

Позитивная оценка «хорошо» реализуется:

а) общеоценочными ФЕ (*что надо* (1) – ‘очень хороший, самый лучший’; *к добру* – ‘к хорошему, к успеху, удаче’; *как нельзя лучше* – ‘очень хорошо, прекрасно, отлично’; укр. *нема* (немає, не було) *рівного*; *на ять* (1); *перший сорт* (1) – ‘лучший своими качествами, прекрасный’; укр. *сілі землі* – ‘лучшие, самые выдающиеся представители народа’; англ. *something to write home about* – ‘замечательный’; англ. *a good sort* – ‘хороший человек’);

б) конкретно-оценочными ФЕ (*семи пядей во лбу* – ‘очень умный, мудрый, выдающийся’; *боек на язык* [на слова]; *владеть словом* [даром слова]; англ. *the gift of the gab* – ‘обладать способностью выразительно, красноречиво говорить, писать’; укр. *тонкого ладу* (5) – ‘высокообразованный, воспитанный, культурный, с хорошими манерами’; укр. *ви-сокої проби* (2) – ‘одаренный, талантливый’; укр. *мати бога в серці* (в душі, в животі і т. ін.) – ‘милосердный, добрый, совестливый, справедливый’; укр. *відкрите серце*; англ. *a straight arrow* – ‘прямой, искренний, честный’; англ. *a ball of fire*; *bounce like a ball* – ‘энергичный’; англ. *(as) smart as paint* – ‘очень ловкий, находчивый, проницательный’ и т. д.).

Интенсификация оценки «хорошо» передается семантикой ‘фантастически’ (англ. *the living end*), ‘великолепно, прекрасно, несравненно’ (англ. *out of sight* (1)).

Процесс оценивания характеризуется следующими признаками, попадающими в зону положительной оценки:

– оценивать должным образом, в полной мере, по заслугам, по достоинству (*платить* [отдавать] дань; укр. *віддавати/віддати данину* (дань) (1); *віддавати/віддати належне*; англ. *weigh in the balance*);

– оценивать трезво, реально, объективно (укр. *дивитися/глянути правді в очі* (в лице); *дивитися тверезими очима* (тверезо));

– оценивать всесторонне, детально об-суждать (укр. *перебирати* (розбирати)/*перебрати* (розібрати) *по кісточках* ([усі] кісточ-ки, [усі] жилочки) (1)).

Положительная оценка «одобрять» представлена фразеологизмами: укр. *та що* (2); англ. *say Amen to smth.; that's the (right) spirit!*; *something like*; нем. *Das Ding ist gut!* Интенсификацию одобрения передает ФЕ *поднимать* (подымать) *на щит* – ‘восхвалять, превозносить’; *возносить* [превозносить] *до небес*; англ. *extol smb. to the skies* – ‘непомерно расхваливать, восхвалять’.

Исследование **положительной оценки «удовлетворять»** актуализируется в концептологии: концепт *удовольствие* [19], концепт *радость* [1; 5; 20]. Особенностью организации концепта *удовольствие* О. Л. Сарбаш считает наличие четырех эмотивных смыслов: удовольствие, радость, счастье и веселье, – каждый из которых формируется синонимическими лексемами (наслаждение, восторг, утеха, приятность и др.), находящимися в отношениях включения и пересечения.

Удовольствие во фразеологии приобретает характеристику ‘колоссальное’ (англ. *tickle to death*; нем. *macht j-m einen diebischen Spaß*), ‘дорогое’ (нем. *das war ein teurer Braten*) и сопровождается семантикой:

– ‘гордость’ (укр. *знай наших!*; *мати честь* (щастя));

– ‘надежда’ (укр. *як* (мов, наче і т. ін.) *медом по губах мазнули*);

– ‘увлечение’ (укр. *чорт* (біс) [ї його (вас, тебе і т. ін.)] *бери* (забирай)/*візьми* (побери, забери і т. ін.) (2); англ. *be all over oneself* (2); *go ape*);

– ‘успокоения’ (укр. *хвалити бога* (1));

– ‘собственные духовные нужды’ (укр. *для душі*).

Удовольствие выражается, как правило, взглядом: укр. *очі засвітили* (заіскрили, засвітилися і т. ін.); *очі розбігаються/розбіглися* (3); *очі розгоряються/розгорілися* (1); *очі* [так і] *світяться*.

В анализированном семантическом диапазоне зафиксированы состояния, когда:

– удовольствие выражается внешне (англ. *be all smiles*; нем. *über beide Backen strahlen*);

– удовольствие не выражается внешне (укр. *в душі тішитися*);

– человек начинает чувствовать удовольствие (*входить во вкус*);

– удовольствие можно испортить (нем. *den Braten versalzen*(1)).

Счастье во фразеологии может приобретать признаки 'нежданное' (укр. *щастя ще десь завалялося*), 'минувшее' (нем. *Auch ich war in Arkadien geboren*) и тесно связано:

– здоровьем: укр. *матися (мати себе) гаразд*;

– богатством: укр. *купатися в золоті (в розкошах, в розкоші)*;

– удачей: укр. *народився в сорочці; народився (родився) під щасливою зіркою (зорюю)*; англ. *be born under a lucky star*;

– силой и могуществом: укр. *пан над (між) панами*.

Интенсификация оценки отображена во ФЕ: *на седьмом небе*; англ. *(as) happy as king* – 'очень счастливый'.

Радость и веселье передают ФЕ: *ног под собой не чують; лететь как на крыльях*; укр. *[аж] душа (серце) радіє (радується)*; англ. *tread (abo walk) on (abo upon) air; cry content with*. Выражением радости и веселья выступает улыбка и смех: укр. *[аж] до вух (1); світити зубами; сушити зуби*; нем. *sich vor Lachen ausschütten wollen; sich (D) den Bauch halten; sich (D) einen Buckel lachen*. Интенсификация действия 'смеяться' передаётся семами 'очень смеяться', 'до изнеможения': *надрывать животики [кишки]*; укр. *вмирати (помирати)/вмерти (померти) зосміху; рачки лазити (2); лоском лягати; рвати/порвати кишки [зо (від) сміху (від реготу)]*; *[аж] реготки беруть; трохи не упасти зі (зо) сміху*; англ. *burst one's sides (with) laughing*.

Положительная оценка ФЕ «ценный» функционирует в пределах характеристик 'достойный', 'полезный', 'значимый': укр. *[і] ціни нема (немає, не було); [і] ціни не скласти (не складеш); тримати/витримати марку (2); на дорозі (на вулиці, на смітці і т. ін.) не валяється; не мати ціни (2)*; англ. *of much account (1) (of smth.)* – 'очень ценный, важный, высокой значимости по своим качествам, особенностям'; *сильна сторона* – 'ценное, полезное качество кого-, чего-либо, которой дорожат, которую ценят'; укр. *приймати/прийняти всерйоз*; англ. *take much account of smth.* – 'придавать значение чему-либо, считать что-то достойным внимания, ценить'; укр. *велика цяця (2)*; англ. *a big pot; a big bug, gun, noise, shot abo wig; a big cheese, dog, fish, number или wheel; cock of the roost (1)* – 'важный, нужный' и др.

В зону **положительной оценки «интересовать»** во фразеологии попадает то, что выходит за рамки личных интересов: укр. *ви-*

лазити (вилізати)/вилізти зі своєї (власної) шкаралупи. Использование в личных интересах передают ФЕ: *класть охулки [похулы] на руку*; англ. *take advantage (1); turn smth. to advantage*, в определённых интересах – *ставити на службу*; соответствие интересам – англ. *be (right) down one's alley (2)*.

Заинтересованность выражается:

– пристальным взглядом (*глаз не сводить*); укр. *їсти (поїдати, жерти, пожирати і т. ін.) очима (оком) (2); обмацувати (мацати)/обмацати (помацати) очима (поглядом, зором і т. ін.)*; нем. *Kein Auge von j-m, etw. (ab) wenden; ein Auge geworfen haben; im Auge halten (2)*;

– внимательным слушанием (укр. *розвішувати/розвішати (розвісити) вуха (уха); розпускати (розставляти)/розпустити (розставити) вуха (уха) (1)*);

– внешним видом (укр. *як (мов, ніби і т. ін.) заморожений (2); аж рота роззявиту; з розкритим ротом*).

Интенсификация заинтересованности передается ФЕ англ. *get under smb's skin (2)* – 'произвести на кого-либо глубокое впечатление, захватить кого-либо; увлечь, вскружить голову'.

Положительная оценка «утверждать» реализует такие качественные характеристики:

– утверждать убедительно (укр. *давати/дати голову (рідше руку) [на відруб (на відсік і т. ін.)]*);

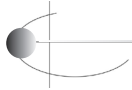
– утверждать в значении 'само собой ясно, конечно' (укр. *де ж (вже) пак (2)*);

– утверждать, заверяя (укр. *класти/покласти голову [на плаху] (1)*);

– утверждать беспрекословно, преимущественно при ненужном или неуместном вопросе (укр. *що за питання!*).

Фразеологические единицы с семантикой утверждения связаны с понятием правды. Согласно законам логики, если говорящий утверждает что-либо, предполагается, что речь идёт о правдивой информации, о принятии им фрагмента действительности, соответственно, о положительной оценке (напр., подтверждение правдивости, правильности, согласия: укр. *нічого не скажеш; нічого сказати (2)* со значением 'правда'). Однако коммуникант может применить тактику придумывания, утверждая что-либо, напр.: укр. *видирати/видерти з-під нігтів; виссати (висмоктати)/виссати (висмоктувати) з пальця (1)* со значением 'утверждать, придумывая, без каких-либо оснований'. В таком случае утверждение приобретает негативную оценку.

Значение 'не отрицать' не означает 'утверждать', напр.: укр. *дерти мовчачка* – 'не протестовать, не отрицать', но и не утверждать.

Синонимичным значению 'не отрицать' может выступать значение 'соглашаться' (укр. *не мати нічого проти*). При этом актуализируются различные проявления согласия:

– 'пусть будет так': уважительное выражение согласия (укр. *воля ваша (твоя)*); мимолётное согласие (укр. *бери його (її, їх і т. ін.) лиха година (2)*);

– 'хорошо': *нехай (хай) буде гречка, жарт.*;

– 'пожалуйста': учтивый ответ на слова благодарности и др. (укр. *будь ласка (2)*);

– 'с этим можно согласиться': нем. *das läßt sich denken*.

Молчание может рассматриваться как нулевой коммуникативный знак и интерпретироваться как 'согласие': нем. *Keine Antwort ist auch eine Antwort*; англ. *silence gives consent* – 'молчание – знак согласия [этим. лат. *qui tacet – consentire videtur* тот, кто молчит, видимо, соглашается]' [21, с. 690].

В рамках данного семантического диапазона положительная оценка связана также с понятием свободы. Соглашаясь с кем-либо, коммуникант принимает фрагмент действительности и выражает положительную оценку; не давая согласия – не принимает и оценивает негативно. Во фразеологии, как и в случае с понятием правды, наблюдаем ситуацию, когда согласие приобретает негативный окрас, обусловленный ограничением свободы коммуниканта (укр. *грець з ним (з нею, з тобою і т. ін.)* со значением вынужденного согласия 'пусть так будет'; *что поделаешь!* – 'выражение вынужденного примирения с чем-либо'; укр. *скласти лапки (крильця)* – 'отказаться от каких-либо действий, не перечить, не упираться, согласиться, покориться').

Согласие может сопровождаться подтверждением чьих-либо слов, мыслей, убеждений (укр. *це діло*; англ. *that's about the size of it*), готовности сделать что-либо (*есть такое дело!*).

Во фразеологии представлено такие разновидности согласия:

– соглашаться охотно и полностью: укр. *підписуватися (розписуватися)/підписатися (розписатися) обома руками*;

– соглашаться с радостью и удовольствием: укр. *до того (до цього) торгу і пішки*;

– соглашаться, слушая чей-либо совет: укр. *здаватися/здатися на слово*.

Положительная оценка «соблюдать норму» определяется понятием нормы. Базовыми принципами организации нормы как семантической категории считается антонимичность и оценочный характер обозначающих её языковых единиц, одни из которых называют положительно оцениваемую ситуацию соответствия норме, а другие – негативно воспринимаемую аномалию.

Во фразеологии норма интерпретируется как обычное, устоявшееся, принятое. ФЕ со значением 'соблюдать норму', как правило, касаются норм поведения: *держати [видержувати] марку*; укр. *знати міру*; *гнути (вестити) лінію*; *укладатися в рамки*. Норма приобретает признак 'изысканная': *хороший тон*.

Соблюдение норм сопровождается положительной оценкой (*держати себе в рамках приличия*). Отклонения от нормы, нарушение нормы, действия вопреки нормам оцениваются как негативное и неодобрительное (*ни в какие ворота не лезет*; укр. *пливти (плисти, іти і т. ін.)/попливти (поплисти, піти і т. ін.) проти течії (проти води)*; *ступити на хитку кладку*; нем. *das Maß vollmachen*). Причём преувеличение, превышение нормы также попадают в зону отрицательной оценки: укр. *виходити/вийти за рамки (за межі) (2)*; *виходити/вийти з берегів*; *перебратити/перебирати через міру (через край) (1)*.

Непосредственной фиксацией представлений, связанных с категорией социальной нормы и обозначающих ориентир, которым руководствуется человек в своём поведении, являются понятия:

– закона (укр. *з повним правом*; англ. *Be on the right side of the law*; нем. *sich an den (toten) Buchstaben des Gesetzes halten*);

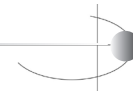
– правды (укр. *знімати/зняти полуду (більма) з очей*; *відкривати (розкривати)/відкрити (розкрити) очі*; *різати правду [в очі (у вічі)]*; *як душа до душі* с актуализацией семы 'искренне');

– истины (укр. *вивести (знайти) кінці*);

– честности (*идти прямою дорогою [путём]*; нем. *Ehre im Leibe haben*);

– справедливости (укр. *судний день*; *судна година (2)*; англ. *a fair deal (1)*; нем. *es ist nicht mehr (или nicht weniger) als billig*).

Фразеологические единицы с диффузной оценкой могут выражать и положительную, и отрицательную оценки. Оценочное значение таких фразеологизмов определяется контекстом: *скатертью дорога* – '1. Устар. Пожелание счастливого пути. – Счастливо оставаться, ваше степенство!.. Путь вам чистый, дорога скатертью! (П. Мельни-

ков-Печерский)'; '2. Прост. Убирайся вон, иди, куда угодно; пусть уходит, убирается, никто не будет удерживать. Пожелание избавиться от кого-либо. *Если вы не согласитесь со мной, я буду вынужден уехать. – Ну и уезжай, скаatteredь дорога! – заорал он* (В. Тевекелян) [23, с. 143–144]; укр. *лягти/лягати на душу* – '1. Тяжело поразить, негативно повлиять на кого-нибудь; ошеломить, подавить кого-то; укр. *Мотря чула, що на її душу лягло щось важке, але ні одна сльоза не виступила на її очах* (И. Нечуй-Левицкий)'; '2. Быть по нраву, понравиться кому-то; укр. *[Квітка до Шевченка] Я його «Кобзар» притулив до серця, бо дуже шаную Вас і ваші думки кріпко лягають на душу* (Г. Квитка-Основьяненко) [24, с. 360].

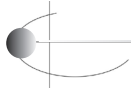
Оценка является обязательным компонентом ФЕ, функционирующих в названных семантических диапазонах. Положительное оценочное значение ФЕ формируется при та-

ких условиях: наличие в составе ФЕ слов с положительной коннотацией; эмоциональная ассоциация, связанная с конкретным компонентом фразеологизма (зоонимом, флоронимом, соматизмом) или с ситуацией, которая лежит в основе ФЕ; коннотативные маркеры, зафиксированные в лексикографических источниках. Во фразеологии зафиксировано наличие интенсификации выражаемого оценочной ФЕ признака со знаком «+». Фразеологизмы с положительной оценкой могут сопровождаться экспрессивностью, которая присуща всей ФЕ, проявляется интонационно и направлена на усиление эмоционального влияния.

Перспективным является исследование системы ценностей и ценностных ориентаций человека во фразеологии как фрагментов картины мира с чётко выраженной положительной оценкой.

Список литературы

1. Аверина М. А., Шишкова К. С. Концепт «радость» в русской фольклорной картине мира // *Инновации в науке*. 2013. № 20. С. 33–39.
2. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 1997. 22 с.
4. Балакина З. Ю. Эмоциональные концепты «радость» и «joy» в словарных статьях русского и английского языков // *Антропологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, лингвистической гендерологии, лингвистики текста, семантики и стилистики*: сб. науч. тр. Волгоград: Колледж, 2004. С. 17–21.
5. Борисовская И. Б. Вербализация концепта «радость» предложениями изменения в немецком языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 5. Ч. 2. С. 37–40.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки // *Лингвистическое наследие XX века*. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
7. Гаврилова Е. Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2005. 172 с.
8. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. М., 1997. № 3. С. 87–93.
9. Гибаева Г. Д. Семантическая категория оценки и средства её выражения в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа, 1996. 25 с.
10. Калкина Е. Н. Структурно-семантическая характеристика средств выражения категории оценки в немецком и алтайском языках: в антропоцентрическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2005. 253 с.
11. Лызлов А. И. Оценка и языковые способы её выражения в поговорках (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2009. 22 с.
12. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // *Язык и личность*. М.: Наука 1989. С. 24–33.
13. Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях // *StudiaLinguistica: когнитивно-прагматические и художественные функции языка*. СПб.: Тригон, 2000. С. 6–22.
14. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*. М.: Языки славянской культуры, 1991. С. 36–66.
15. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале глагольных фразеологических единиц, обозначающих поведение человека): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 226 с.
16. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк: ДонНУ, 2002. 362 с.
17. Космеда Т. А. Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. Львів: ЛНУ ім І. Франка, 2000. 350 с.
18. Онищенко І. В. Категорія оцінки та засоби її вираження в публіцистичних та інформаційних текстах: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Дніпропетровськ, 2004. 19 с.

19. Сарбаш О. Л. Лексична репрезентація концепту задоволення в англійській, українській та новогоречькій мовах // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. Донецьк: ДонНУ, 2012. Вип. 25. С. 158–162.
20. Шамаєва Ю. Ю. Когнітивна структура концепту «радість» (на матеріалі англійської мови): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Харків, 2004. 20 с.

Источники

21. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой язык, 2005. 944 с.
22. Немецко-русский фразеологический словарь / сост. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин; под ред. Малиге-Клаппенбах. Киев: Агрикола; М.: Рус. яз., 1975. 656 с.
23. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. 534 с.
24. Словник фразеологізмів української мови / В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін. Киев: Наукова думка, 2003. 1104 с.

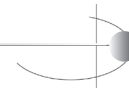
References

1. Averina M. A., Shishkova K. S. Kontsept «radost'» v russkoi fol'klornoj kartine mira // Innovatsii v nauke. 2013. № 20. S. 33–39.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 896 s.
3. Babaeva E. V. Kul'turno-yazykovye kharakteristiki otnosheniya k sobstvennosti (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Volgograd, 1997. 22 s.
4. Balakina Z. Yu. Emotsional'nye kontsepty «radost'» i «joy» v slovarnykh stat'yakh russkogo i angliiskogo yazykov // Antropologicheskaya lingvistika: problemy lingvokontseptologii, lingvisticheskoi genderologii, lingvistiki teksta, semantiki i stilistiki: sb. nauch. tr. Volgograd: Kolledzh, 2004. S. 17–21.
5. Borisovskaya I. B. Verbalizatsiya kontsepta «radost'» predlozheniyami izmeneniya v nemetskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 5. Ch. 2. S. 37–40.
6. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki // Lingvisticheskoe nasledie XX veka. M.: KomKniga, 2006. 280 s.
7. Gavrilova E. D. Otsenochnye kategorii «good» i «bad» v sovremennom angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Tambov, 2005. 172 s.
8. Gak V. G. Emotsii i otsenki v strukture vyskazyvaniya // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9: Filologiya. M., 1997. № 3. S. 87–93.
9. Gibatova G. D. Semanticheskaya kategoriya otsenki i sredstva ee vyrazheniya v yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ufa, 1996. 25 s.
10. Kalkina E. N. Strukturno-semanticheskaya kharakteristika sredstv vyrazheniya kategorii otsenki v nemetskom i altaiskom yazykakh: v antropotsentricheskom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan', 2005. 253 s.
11. Lyzlov A. I. Otsenka i yazykovye sposoby ee vyrazheniya v paremiyakh (na materiale komparativnykh i negativnykh konstruksii angliiskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 2009. 22 s.
12. Lyapon M. V. Otsenochnaya situatsiya i slovesnoe modelirovanie // Yazyk i lichnost'. M.: Nauka 1989. S. 24–33.
13. Nikitin M. V. Zametki ob otsenke i otsenochnykh znacheniyakh // StudiaLinguistica: kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennye funktsii yazyka. SPb.: Trigon, 2000. S. 6–22.
14. Teliya V. N. Mekhanizmy ekspressivnoi okraski yazykovykh edinit' // Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1991. S. 36–66.
15. Yakhina A. M. Otsenochnost' kak komponent znacheniya frazeologicheskikh edinit' v russkom, angliiskom i tatarskom yazykakh (na materiale glagol'nykh frazeologicheskikh edinit', oboznachayushchikh povedenie cheloveka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan', 2008. 226 s.
16. Bessonova O. L. Otsinnii tezaurus angliis'koї movi: kognitivno-genderni aspekti. Donets'k: DonNU, 2002. 362 s.
17. Kosmeda T. A. Aksiologichni aspekti pragmalingvistiki: formuvannya i rozvitok kategorii otsinki. L'viv: LNU im I. Franka, 2000. 350 s.
18. Onishchenko I. V. Kategoriya otsinki ta zasobi її virazhennya v publitsistichnikh ta informatsiynikh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Dnipropetrovs'k, 2004. 19 s.
19. Sarbash O. L. Leksichna reprezentatsiya kontseptu zadovolennya v angliis'kii, ukrain's'kii ta novogrets'kii movakh // Lingvistichni studii: zb. nauk. prats'. Donets'k: DonNU, 2012. Vip. 25. S. 158–162.
20. Shamaeva Yu. Yu. Kognitivna stuktura kontseptu «radist'» (na materialі angliis'koї movi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kharkiv, 2004. 20 s.

Istochniki

21. Kunin A. V. Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Zhivoi yazyk, 2005. 944 s.
22. Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar' / sost. L. E. Binovich, N. N. Grishin; pod red. Malige-Klappenbakh. Kiev: Agridola; M.: Rus. yaz., 1975. 656 s.
23. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. A. I. Molotkova. M.: Sov. entsikl., 1967. 534 s.
24. Slovnik frazeologizmiv ukraїns'koї movi / V. M. Bilonozhenko, I. S. Gnatyuk, V. V. Dyatchuk ta in. Kiev: Naukova dumka, 2003. 1104 s.

Статья поступила в редакцию 25.08.2015

УДК 81.11
ББК 81.0

Марина Анатольевна Пащенко,
кандидат филологических наук,
Читинский медицинский колледж
(672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 71),
e-mail: mar-paschenko@yandex.ru

К вопросу о структуре и классификации лингвокультурных концептов

Данная статья посвящена проблеме выведения структуры концепта и наличия в ней ценностной составляющей как условия существования лингвокультурного концепта. В статье также уделяется внимание проблеме классификации концептов. Автором выдвигается предположение о том, что наличие ценностного компонента зависит от типа номинируемого референта и степени концептуализации понятия. Анализ существующих подходов к изучению концептов и их классификаций позволяет прийти к выводам о существовании данной зависимости. Автор предлагает как один из способов классификацию лингвокультурных концептов с использованием референциального принципа, т. е. соотнесённости денотата с реальией окружающего мира (референтом). Исходя из данного принципа, автор выдвигает предположение о возможности формирования ценностного компонента концептуальной структуры на первоначальной стадии формирования некоторых типов лингвокультурных концептов. По мнению автора, таким свойством обладают концепты, в основе формирования которых лежат номинации религиозных объектов и явлений. Концепты религиозной концептосферы автор также предлагает классифицировать по референциальному принципу. Материалом для исследования концептуальной структуры и разработки классификации религиозных концептов послужили концепты, представленные в евангельских текстах и вошедшие в русскоязычную религиозную концептосферу.

Ключевые слова: концепт, референт, ценностный компонент, оценка, ценности, религиозный, христианский.

Marina Anatolievna Paschenko,
Candidate of Philology,
Chita Medical College
(71 Anokhin St., Chita, Russia, 672000),
e-mail: mar-paschenko@yandex.ru

The Question of the Conceptual Structure and the Concepts' Classification

The article is devoted to the problem of conceptual structure and the axiological component in it. The author also pays attention to the concepts' classification. The author suggests that availability of the axiological component depends on the type of a referent and degree of the concept's development. Analysis of different approaches to the problem permits to reveal this dependence. The author proposes, as one of the ways, the concept's classification based on the referential principle, when the name is connected with the object of the real world (the referent). The referential principle is also proposed for classification of religious concepts. Based on this principle, the author supposes that some types of concepts can form the axiological component on the early stage of their development. In author's opinion, concepts which are developed from names of religious objects and phenomena have this feature.

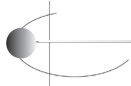
Concepts from the Gospel texts involved in Russian religious concept system are chosen as samples for analysis and classification.

Keywords: concept, referent, axiological component, evaluation, values, religious, Christian.

Проблемы определения понятия «концепт», разработки типологии концептов и выявления их структуры всё ещё остаются актуальными в современном языкознании. Несмотря на разное понимание исследователями феномена концепта, в его определениях есть сходство: концепт трактуется как дис-

кретная, объёмная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа [13, с. 21]. Специфическое осмысление окружающего мира носителями разных культур, социальных слоёв и групп позволило некоторым исследователям признавать концептом не просто «опе-

рациональную единицу мысли», а, по определению С. Г. Воркачева, «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [1, с. 72]. Этнокультурная специфика отмечается и другими учёными. М. В. Пименова пишет: «Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [11, с. 85]. В. В. Красных, определяя сущность концепта, считает его своего рода свёрнутым глубинным «смыслом» «предмета» и одновременно «поименованным «вместилищем» культуросносных смыслов, т. е., по сути, – единицей лингвокультуры» [6, с. 269; 7, с. 127]. В понимании Г. Г. Слышкина, концепт – это ментальная единица, элемент сознания. «Именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. Концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т. к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке». Учёный считает, что культурные концепты также следует рассматривать как ментальные образования с нечёткими границами. Формирование концепта он предлагает определять как процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т. д. [14, с. 10].

Одним из основных компонентов концептуальной структуры многие учёные (С. Г. Воркачев [1, с. 72], В. И. Карасик [3, с. 21], Г. Г. Слышкин [14, с. 11–12]) считают ценностную составляющую. Однако обязательное наличие данного компонента признаётся не всеми учёными. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин считают ценностный элемент факультативным в концептуальной структуре: например, у некоторых групп концептов (пространственных, временных, эмпирических, бытовых) он отсутствует, либо слабо выражен [13, с. 25].

Рассмотрим строение концепта, предлагаемое разными исследователями, с целью проследить, в какой части структуры, по мере развития концепта, наиболее отчётливо проявляется ценностный элемент.

З. Д. Попова и И. А. Стернин, применяя лингвокогнитивный подход, рассматривают сложную полевую структуру концепта:

Образный компонент: индивидуальные представления, образы.

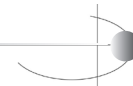
Номинативное поле концепта: информативный (минимум, рациональная составляющая, общие знания).

Интерпретационное поле: интерпретационные признаки (осмысливание или переосмысливание уже имевшихся сведений). Интерпретационное поле также неоднородно, оно состоит из нескольких зон: энциклопедической, утилитарной, регулятивной, общеоценочной, социально-культурной, паремиологической, мифологической, идентификационной [13, с. 76–79]. Однако, по мнению учёных, не все концепты обладают полным набором перечисленных элементов, что отражено в классификации концептов этих учёных.

Оценочный элемент при данном подходе подразумевается на любом уровне формирования концепта. Индивид формирует первичный образ понятия, сопровождая его соответствующей оценкой (вхождение в интерпретационное поле концепта для индивида начинается с общеоценочной зоны). На индивидуальные представления могут влиять ранее усвоенные культурно-ценностные доминанты, существующие в обществе, – считает Г. Г. Слышкин [14, с. 10]. Тогда индивидуальная оценка переходит в ценностный компонент концепта. Наиболее очевидно ценностный компонент присутствует в интерпретационном поле концепта, когда понятие переосмысливается и приобретает дополнительные смыслы, распределённые в различных зонах интерпретационного поля. Таким образом, чем полнее у концепта набор структурных элементов, тем больше вероятность формирования у него ценностного компонента. Модель Поповой – Стернина представляет процесс «освоения» концепта индивидом в онтогенезе до тех пор, пока индивидуальные знания, в большей или меньшей степени, не совпадут с коллективными.

Сторонник лингвокультурного подхода Г. В. Токарев, напротив, представляет картину развития концепта в филогенезе, т. е. концепт видится как данность, которая существует в «коллективном» сознании, и индивидуальные представления зависят от уже существующих в данной лингвокультурной общности. Г. В. Токарев, считая концепт прежде всего единицей культуры, выделяет в его структуре следующие компоненты:

Универсальный компонент: преимущественно, научные и обыденные понятия. Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие общечеловеческие ценности.

Культурный компонент: представления и обыденные понятия.

Культурные установки, идеологемы и стереотипы, отражающие ценности лингвокультурной общности.

Субкультурные компоненты: представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности социумов [17, с. 8].

Как видно, при данном подходе каждый элемент данной концептуальной структуры подразумевает наличие оценки и ориентирован на ценности той или иной этнической или социальной группы.

Г. Г. Слышкин, применяющий интегративный подход к изучению концепта, структурирует его по зональному принципу, выделяя в структуре четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные – квазизону и квазиэкстразону [15, с. 6, 17–18]. Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата, в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений. Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др. [16, с. 59–64]. В данной структуре оценочный компонент также присутствует уже в интразоне концепта, при формировании первичного образа и связанных с ним номинаций. Ценностные ориентиры концепта проявляются в экстразоне, когда понятие переосмысливается, приобретает метафорические характеристики.

В. И. Карасик выделяет в структуре концепта образ, информационную составляющую и ценностный компонент [3, с. 91]. Учёный различает оценку, задающую ценностные ориентиры и ценности – нормы поведения в обществе, закреплённые в языке [3, с. 90–98].

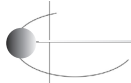
Таким образом, оценочный элемент возникает при формировании первичного образа, связанного с понятием, когда индивид даёт личную общую оценку (хорошо/плохо и т. п.), но включение понятия в систему ценностей происходит тогда, когда концепт выходит за рамки первичного образа, формирующегося в онтогенезе, и приобретает исторические, этнические и социально обусловленные смыслы, включённые в фонды знаний (термин В. В. Красных) индивида.

Точкой совпадения различных подходов к изучению концепта являются заключённые в концепте смыслы: отдельный индивид «осваивает» какой-либо концепт с более или менее сложной структурой, узнавая новые

смыслы какого-либо понятия. Сам же концепт развивается от первичной номинации референта (прототипического ядра концепта) до формирования его периферии на всём историческом периоде своего существования, а добавляющиеся новые смыслы узнаются индивидом в том или ином объёме.

Набор смыслов зависит от природы концепта. В различных типах концептуальных структур, предлагаемых учёными, отражён процесс приобретения новых смыслов, т. е. развитие концепта. Однако развитие концептов происходит из разных «отправных точек» – от первичной номинации предмета бытия, явления природы, социокультурного явления, обозначения ментальных, перцептивных, эмоциональных процессов и состояний и др. Кроме того, все группы концептов имеют различную по степени сложности структуру. В связи с этим учёными разработаны различные классификации по критериям, зависящим от цели исследования: по области исследования – культурный/когнитивный (Токарев) [17, с. 7]; по сложности структуры – представления, схемы, понятия, фрейм, скрипт, сценарий, гештальт (Попова, Стернин, Никитин) [8; 13, с. 81–83]; образы, идеи, символы, культурные (национальные/универсальные с критериями эквивалентность/безэквивалентность) (Пименова) [10, с. 52; 12, с. 95]; по степени абстракции: высшие/простые (Воркачев) [2, с. 9]; по степени выраженности этнокультурного компонента: специализированные этнокультурные и социокультурные концепты (с ярко выраженной культурной спецификой), неспециализированные концепты (культурная специфика выражена в меньшей мере), универсальные, не имеющие культурной специфики (Карасик) [4, с. 96]; параметрические – регулятивы/непараметрические – нерегулятивы (абстрактные/предметные) (Карасик) [4, с. 97] и др.

М. В. Никитин классифицирует различные по структурной сложности концепты по принципу соотнесённости денотата с предметом или явлением окружающего мира (референтом). Учёный различает концепты-предметы (первичные) и концепты-признаки (вторичные), на которых базируется модель мира, создаваемая обыденным сознанием [8, с. 59–60]. Данный принцип позволяет выявить аксиологический компонент у концептов, имеющих денотаты, номинирующие референты различной природы. Некоторые концепты, представляющие номинации предметов материальной (артефактной) культуры, имеют на первоначальной стадии формирования (формирования ядерного смысла) сла-

бо выраженную оценочную составляющую, например, «бытовые» концепты [13, с. 25], а есть такие, которые возникли под влиянием определённой культуры и национальной ментальности. Это могут быть, например, концепты религиозного происхождения. Некоторые концепты представляют собой природные явления и объекты (натурфактные концепты), получившие осмысление в определённой этнической или культурной (религиозной) среде. Мифологические концепты имеют денотат, номинирующий вымышленные существа, наделённые качествами человека или животных. «Социальные» концепты развиваются из номинаций социальных отношений. Концепты бытийного (экзистенциального) типа формируются из абстрактных универсальных понятий, со временем приобретающих интерпретационные признаки, которыми их наделяют различные этносы, культуры, социумы и субкультуры. По мнению С. Г. Воркачева, универсальность таких концептов достаточно условна, т. к. они отличаются от одного языкового сознания к другому своим периферийным семантическим составом и способами его иерархической организации [2, с. 11].

Рассмотрим примеры концептов, вошедших в религиозную христианскую концептосферу русского языка.

Примерами «бытовых» концептов, денотаты которых вербализуют предметы, осмысленные в культурах, сформированных христианской религией, могут быть такие концепты, как *свеча* (первоначально – палочка из воска или жира с фитилем внутри, предназначенная для освещения); *хлеб* (исходное значение – продукт питания, изделие из муки); *крест* (в одном из первых утилитарных назначений в древнеримской культуре являлся орудием казни) [20]. Данные концепты, изначально представлявшие предметы материальной, бытовой культуры, впоследствии приобрели «культуроносные» смыслы, проявляющиеся в метафорической сфере и позволяющие данному феномену выполнять функцию символа» [7, с. 127]. Так, например, *свеча*, помимо метафор бытовой сферы (лекарственная форма, единица освещения, вертикальный взлёт мяча, самолёта, часть устройства автомобиля и др.) [20], становится символом присутствия Бога, атрибутом его почитания [23]. В Евангелии *свеча* символизирует свет истинной веры [19, Мф 5:15–16; Мк 4:21; Лк 8:10].

Хлеб в понимании христиан не просто продукт питания, но «тело Господне», метафора духовной пищи [19, Мф 26:26; Лк 4:4; Ин 6:29–50].

Крест также обрёл символическое значение после того, как на нём был казнён Иисус Христос, и далее концепт приобретал новые ценностные смыслы, так или иначе связанные с христианским учением.

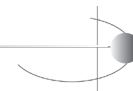
Примерами концептов, возникших с появлением религии, могут служить концепты *церковь*, *икона*. Данные концепты, по сравнению с предыдущим типом, изначально имеют как предметный (артефактный) денотат, так и номинируют абстрагированную от данного предмета сущность, отправляющую к духовным ценностям. Концепты такого типа можно назвать культурными, «артефактно-духовными» (сочетающими артефакт и духовную составляющую).

Церковь – одновременно и архитектурное сооружение для отправления культа, и «дом Божий», и созданное Иисусом Христом единение людей именем Бога, метафора христианского учения – «храм тела Христова» [19, Ин 2:16–21; 20].

Икона – живописное изображение святых (предмет) и одновременно носитель идеального образа, «транслятор» молитвенных обращений к высшим силам [20; 24]. Данные понятия с момента своего появления сопровождались аксиологическим компонентом, так как создавались христианской культурой с целью обслуживания морально-нравственных категорий.

Бог – пример мифологического концепта. *Бог* – с одной стороны антропоморфен, а с другой стороны – это идеальное существо, которое никто никогда не видел. В силу антропоморфности референта, в интерпретации данного концепта метафоры являются довольно неустойчивыми: когда характеризуется действие «Бог видит», «Бог судит», «Бог знает» и т. п., для атеиста – это, безусловно, метафорические выражения, но верующие могут воспринимать данные действия буквально. Бог контролирует все поступки человека, воздавая ему по заслугам, регулирует его жизнь (судит, хранит, наказывает, спасает и т. д.), поэтому данная мифологема с момента создания включает в себе оценочную и ценностную составляющие. Таким же образом номинации других мифических существ символизируют силы добра или зла, обслуживая морально-нравственные категории.

Натурфактные концепты (имеющие референт-природное явление или объект) также особым образом интерпретируются в христианской религиозной среде. В качестве примеров можно привести концепты *вода*, *небо*, *зерно*.

Вода – это не просто природная стихия и вещество. В христианской интерпретации вода отражает духовное начало: она сотворена Богом, это источник жизни и очищение человека от греха. Воду освящают в церкви, освящённой водой освящают всё, что необходимо (обряды крещения, водосвятия) [5, с. 34]. В евангельской метафоре глоток воды – глоток истинного знания [19, Ин 4:6–14].

Небо – в религиозном представлении – место обитания Бога, там расположено Царствие Божие (рай, Царство Небесное), души умерших праведников возносятся на небеса [19, Мф 7:20, 7:34, 13:43, 15:17]. В главной молитве христиан, молитве Господней, первые слова – это «*Отче наш, иже еси на небесех...*» (православная версия) [22, с. 4]. В связи с таким осмыслением небо входит в номинативные поля других концептов (*смерть* – «отправиться на небеса», «Царство ему небесное»; *счастье, радость* – «на седьмом небе», «в раю» и т. п.).

Концепт *зерно/семя*, помимо объекта природного происхождения, символизирует в христианской интерпретации нравственные категории: зерно веры/добра/вражды и др. Образ зерна один из частых в Евангелии (посеянное в землю зерно, отделение зёрен от плевел, горчичное зерно) [19, Мф 13:1–8, 18–32, 36–40; Мк 4:3–8, 14–20, 31, 32; Ин 12:24].

Следующая группа концептов связана с обозначением социальных отношений субъектно-субъектного характера, поэтому назовём их «социальными». Таковым является концепт *семья*. Первоначально *семья* – это общность людей, связанных родственными отношениями, но данное понятие, переосмысленное в религиозном христианском контексте, расширяет границы родства, делая людей «братьями и сёстрами во Христе» [19, Мф 12:46–50; Мк 3:31–35]. Принятое обращение мирян к священнику «отец», «святой отец», церковные иерархи – «отцы церкви». Семейные отношения связывают и объект поклонения христиан – Бога Отца, Бога Сына, Богородицу Деву Марию. Мать Иисуса фигурирует и в других семейных отношениях как член Святого Семейства (Богородица, Иосиф, её Обручник и младенец Иисус Христос). Святое семейство выступает как эталон семейных отношений у христиан.

Концептами бытийного типа, интерпретированными христианским учением, можно считать такие концепты, как *вера, молитва, грех*.

Вера в первом словарном значении – убеждённость в чём-либо [20]. Вера – свой-

ство человека положительно воспринимать сообщаемую ему информацию, даже не опираясь на собственный опыт. Но верить можно во что угодно и кому угодно. Христианская же интерпретация веры подразумевает, прежде всего, веру в Бога Отца (Творца), Бога Сына (Спасителя) и в Святого Духа (второе словарное значение *веры*, синоним *религии*) [20]. *Вера* является одной из главных религиозных христианских добродетелей, наряду с *надеждой* и *любовью* [21].

Молитва происходит от мольбы [18], но молить также можно кого угодно и о чём угодно, а христианину можно молиться только Богу и святым. В данной интерпретации концепт *молитва* входит в номинативные поля концептов *Бог* и *вера* [9, с. 132–135].

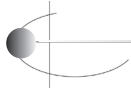
Грех – понятие, рождённое ценностной системой общества. *Грех* – нарушение моральных норм и установленных правил в каком-либо социуме, в христианстве имеет своё толкование и классификацию. Прежде всего, грех – это нарушение десяти Евангельских заповедей, Закона Божьего [18; 19, Мф 5–7; Лк 6:21–49]. *Грех* может быть нетяжким (прегрешение), намеренным и непреднамеренным (прегрешения вольные и невольные), тяжким и смертным. Особый статус имеет первородный грех, смываемый крещением. *Грех* входит в номинативное поле других концептов, например: *грех отчаяния, грешный человек, грешная душа* и т. д.

Таким образом, мы выявили возможность группировки концептов по критерию формирования ценностного компонента. Наличие данного компонента у лингвокультурного концепта не подлежит сомнению. Исходя из этого положения, концепты можно распределить по двум группам:

1) концепты, ядро которых соответствует предметному денотату, с общей оценкой (например, бытовые артефактные концепты, натурфактные концепты). С расширением периферии концепта, усложнением его структуры усиливается и его ценностная составляющая;

2) концепты, формирующиеся на основе явлений материально-духовной культуры, религии, социальных отношений, универсальных абстрактных понятий. Исходные денотаты в этом случае сопровождаются как общей оценкой, так и ценностной (социально-нормативной) составляющей уже при их возникновении, так как выражены в понятиях, обслуживающих систему ценностей того социума и этноса, в которых данное понятие концептуализируется.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Воркачев С. Г. Концепт как зонтичный термин // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 5–12.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
4. Карасик В. И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95–108.
5. Костин А. В. Концепт «вода». Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. 356 с.
6. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или Что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122–130.
8. Никитин М. В. Развёрнутые тезисы о концептах // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 53–64.
9. Огнева Е. А. Структурирование религиозного дискурса: субконцепт «молитва» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. Ч. 1. № 1. С. 131–135.
10. Пименова М. В. Безэквивалентные концепты // Вестн. НГУ. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 51–57. (Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация).
11. Пименова М. В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта *надежда*) // Учёные зап. ЗабГГПУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2. С. 85–93.
12. Пименова М. В. Эквивалентные концепты. // Філологічні трактати. 2012. Т. 4. № 1. С. 93–99.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007. 250 с.
14. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 141 с.
15. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 39 с.
16. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 323 с.
17. Токарев Г. В. Дискурсивные лики концепта. Тула, 2003. 108 с.

Источники

18. Даль В. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dal.sci-lib.com/word015818.html> (дата обращения: 12.08.2015).
19. Евангелие от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zakonbozhij.ru/Biblia/Novyj_Zavet/ (дата обращения: 12.08.2015).
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/16167.shtml> (дата обращения: 08.08.2015).
21. Пимен (Извеков), Патриарх. Вера, Надежда, Любовь [Электронный ресурс] // Встречи с Православием. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/1784.htm> (дата обращения: 14.08.2015).
22. Православный молитвослов и Псалтирь. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 256 с.
23. Словарь символов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovarslov.ru/slovar/sim/s/svecha.html> (дата обращения: 11.06.2015).
24. Словарь церковных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cerkovnye-terminy.slovaronline.com/%D0%98/102-IKONA> (дата обращения: 15.07.2015).

References

1. Vorkachev S. G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.
2. Vorkachev S. G. Kontsept kak zontikovyi termin // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. M., 2003. Vyp. 24. S. 5–12.
3. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd, 2002. 477 s.
4. Karasik V. I. Kontsepty-regulyativy // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st. M.: MAKS Press, 2005. Vyp. 30. S. 95–108.
5. Kostin A. V. Kontsept «voda». Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Stermina. Volgograd: Paradigma, 2005. T. 2. 356 s.
6. Krasnykh V. V. Svoi sredi chuzhikh: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 375 s.
7. Krasnykh V. V. Grammatika lingvokul'tury, ili Chto derzhit yazykovuyu kartinu mira? // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. № 1. S. 122–130.
8. Nikitin M. V. Razvernutyte tezisy o kontseptakh // Vopr. kognitivnoi lingvistiki. 2004. № 1 (001). S. 53–64.
9. Ogneva E. A. Strukturirovanie religioznogo diskursa: subkontsept «molitva» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2008. Ch. 1. № 1. S. 131–135.

10. Pimenova M. V. Bezekvivalentnye kontsepty // Vestn. NGU. 2010. T. 8. Vyp. 2. S. 51–57. (Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya).
11. Pimenova M. V. Metod opisaniya kontseptual'nykh struktur (na primere kontsepta nadezhda) // Uchenye zap. ZabGGPU. Ser.: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. 2011. № 2. S. 85–93.
12. Pimenova M. V. Ekvivalentnye kontsepty. // Filologichni traktati. 2012. T. 4. № 1. S. 93–99.
13. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Voronezh, 2007. 250 s.
14. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse. M., 2000. 141 s.
15. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2004. 39 s.
16. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2004. 323 s.
17. Tokarev G. V. Diskursivnye liki kontsepta. Tula, 2003. 108 s.

Istochniki

18. Dal' V. I. Tolkovy slovar' [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://dal.sci-lib.com/word015818.html> (data obrashcheniya: 12.08.2015).
19. Evangelie ot Matfeya, ot Marka, ot Luki, ot Ioanna [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.zakonbozhny.ru/Biblia/Novyj_Zavet/ (data obrashcheniya: 12.08.2015).
20. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ozhegov.org/words/16167.shtml> (data obrashcheniya: 08.08.2015).
21. Pimen (Izvekov), Patriarkh. Vera, Nadezhda, Lyubov' [Elektronnyi resurs] // Vstrechi s Pravoslaviem. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/put/1784.htm> (data obrashcheniya: 14.08.2015).
22. Pravoslavnyi molitvoslov i Psaltir'. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 1994. 256 s.
23. Slovar' simvolov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://slovarslov.ru/slovar/sim/s/svecha.html> (data obrashcheniya: 11.06.2015).
24. Slovar' tserkovnykh terminov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://cerkovnye-terminy.slovaronline.com/%D0%98/102-IKONA> (data obrashcheniya: 15.07.2015).

Статья поступила в редакцию 28.08.2015

УДК 811 + 002. 703.0

ББК 80 + 76.120.8

Ирина Викторовна Ерофеева,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Лингвopsихологическая модель эффективного медиатекста

В статье представлен анализ социопсихолингвистического инструментария медиатекста. Подчёркивается актуальность изучения эффективного потенциала современного медиатекста, способного обеспечивать массовые эффекты реагирования со стороны аудитории.

На основе обширной теоретической базы исследований в области филологии и психологии указаны основные подходы к измерению эффективности медиатекста. Психологический (коммуникативный) подход определяет структуру и содержание предложенной лингвopsихологической модели измерения эффективности медиатекста.

Выделены ключевые контекстные составляющие эффективности: интерес, внимание, восприятие, индикаторы эффективности медиатекста – воспроизведение информации, уровень повторения и запоминания. Обобщены основные типы эффектов воздействия: когнитивный, эмоциональный, поведенческий.

Обзор факторов эффективности осуществляется с помощью психолингвистического анализа медиатекста как продукта речемыслительной деятельности человека. Характеристика эффектов медиапроизведения обусловлена спецификой процессов текстообразования и текстовосприятия, что позволяет рассмотреть внешние и внутренние факторы эффективности медиатекста, объединяющие имплицитные и эксплицитные условия наращивания или обеднения энергетического потенциала текста. Среди базовых факторов эффективности выделены личностные характеристики автора и потребителя медиатекста, определяющие степень воздействия; текстовые приёмы активного диалога; форматные и жанровые характеристики текста.

Ключевые слова: медиатекст, эффективность, интерес, внимание, факторы эффективности, лингвopsихологическая модель.

Irina Viktorovna Erofeeva,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Linguistic-Psychological Model of Effective Media Text

This paper analyzes socio-psycholinguistic instruments of the media text. Urgency in research of effective potential of the modern media text capable of providing mass effects of the audience response is underlined.

A wide theoretical research basis in the fields of philology and psychology is proposed to provide the main approaches to measuring the media text effectiveness. A psychological (communicative) approach determines the structure and content of the proposed linguistic-psychological model of measuring the media text effectiveness.

Key context components of the effectiveness are marked out including interest, attention, perception, indicators of the media text effectiveness such as information retrieval, repetition and memorization level. Basic types of effects are generalized such as cognitive, emotional and behavioral ones.

Factors of effectiveness are reviewed with the help of psycho-linguistic analysis of the media text as a product of person's verbal and cogitative activity. Characteristic of the media text effects is determined by the specific character of text formation and text perception processes that en-

ables to study external and internal factors of the media text effectiveness uniting implicit and explicit conditions of increasing and decreasing the energy potential of the text. Basic effectiveness factors include personal author's and media text consumer's characteristics determining a level of effects, text techniques of an active dialog, format and genre text characteristics.

Keywords: media text, effectiveness, interest, attention, effectiveness factors, linguistic-psychological model.

Методология вопроса. Журналистика, реклама, связи с общественностью – это искусство приготовления информации, которое возможно лишь при наличии развитого технологического мышления медиаторца, способного текстовым действием ответить на вопрос «почему меня должны читать/смотреть/слушать» или «что побудит аудиторию заинтересоваться предлагаемым материалом».

Эффективность медиатекста измеряется его возможностью влиять на когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты психики человека. Оптимальная реализация информационного продукта ориентирована на создание «второй информационной волны». Информация должна спровоцировать запоминание бренда, индивидуальную рефлексию потребителя, обсуждение в межличностной среде или конкретное действие: регулярный просмотр передачи, газеты, приобретение издания, товара и т. д.

Есть как минимум два подхода к измерению эффективности медиатекста. Первый – экономический – позволяет оценить рыночные последствия опубликования: объём рыночного отклика аудитории, долю рынка, продаж, выбора марки, лояльность потребителя и число повторных покупок и др. [20]. В контексте нашего исследования мы будем опираться на второй подход – психологический, который выявляет преимущественно коммуникативную эффективность и фокусирует внимание исследователя на когнитивном и «чистом аффекте» с дальнейшей провокацией определённых паттернов поведения.

Предлагаемая лингвopsихологическая модель эффективности медиатекста основывается на инструментарии социopsихолингвистики, но сопряжена с рядом проблем нейрофизиологии. В частности, с вопросом измерения эмоций при потреблении медиапродукта. Сегодня предложены проективные техники – системы расшифровки мимики и жестов реципиента, возможно определить электропроводность кожи, расширение зрачков и колебания мозга, считываемые в ходе электроэнцефалографии. Эффективность медиатекста измеряют в контексте телеме-

трических исследований зрителей с помощью приборов, которые определяют, кто, когда и какую телепрограмму смотрит.

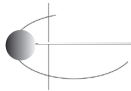
Понятие «эффективный медиатекст» базируется на общеизвестной формуле успеха: A (attention) – внимание; I (interest) – интерес; D (desire) – желание; A (activity) – активность. Задача подобного текста – акцентировать внимание потребителя, пробудить разные типы интереса, запустить определённое желание и поведенческую активность. Краеугольным камнем данной формулы является интерес.

«Интерес аудитории» – ключевое понятие психологии текста. В эпоху рынка продукт творчества создаётся с учётом желаний и потребностей среднестатистического потребителя. Умение фиксировать интересы целевой аудитории, точно интерпретировать, понимать их психологическую сущность – важное качество в характеристике специалиста массовой коммуникации.

В психологии восприятия интерес трактуется как окрашенное положительными эмоциями сосредоточение внимания на определённом предмете. Любая вовлечённость в различные типы диалога с автором медиатекста подразумевает наличие у потребителя позитивного эмоционального фона, который не зависит от типа информации (конструктивной или деструктивной), а обусловлен исключительно системой ценностей человека. Поэтому интерес является своеобразным концептом управления настроением читателя/слушателя/зрителя.

Выстраивая экономическую стратегию поведения, производители массовой информации учитывают следующие закономерности. Во-первых, частичное удовлетворение интереса аудитории не есть его угасание, так как любой интерес возникает и поддерживается той или иной потребностью людей. Во-вторых, у реципиента, как правило, нет открытого знания о своих неудовлетворённых желаниях, поэтому коммуникатор обязан знать и уметь «запаковывать» в медиатексте актуальные потребности аудитории. В-третьих, продукция СМИ должна быть изначально интересной, а потом уже насыщенной психологическим инструментарием воздействия.

Существует два уровня семиотических ресурсов, активизирующих различные типы внимания читателя/слушателя/зрителя. Технические параметры (интенсивность, частота звука, шумы, музыка и другие «физические раздражители») создают внешнее поле для привлечения непроизвольного внимания. Непроизвольное внимание пассивно, слабо регулируется потребителем, как правило, быстро угасает. Оно не запускает глубинные механизмы реагирования на медиаобъект, для дальнейшего удержания этого типа внимания необходимы смена раздражителя, активный поиск со стороны автора всё новых и новых аспектов представляемой информации. Более сложного варианта работы требует организация внутреннего поля, обращённого к произвольному вниманию реципиента и включающего так называемый «человеческий фактор» – мотивы, потребности, установки, цели аудитории. Пространство внутреннего поля аксиологично по сути, оно выстраивается за счёт ценностей и смыслов и требует от аудитории волевого усилия. Произвольное внимание является активным и управляется сознанием потребителя, остро реагирующего на психологическую близость и значимость для него информации. Автор медиатекста в своём творчестве должен задействовать разные типы внимания, при этом экспериментально доказано, что удерживать внимание человека свыше 40–45 минут практически невозможно.

Перечень индикаторов эффективности медиатекста включает:

1) воспроизведение информации при прочих равных условиях. Реципиент обращает внимание на медиараздражитель, проходит один или все этапы восприятия медиатекста: психофизиологическое состояние *восприятия* знака текста (слово, цвет, пространство, форма подачи материала и др.); процесс *узнавания* текста и его содержания (либо соответствующего познаниям человека, его опыту, либо представляющего собой нечто новое); *понимание значения* текста с вычлениением основной идеи и смысла; активное *понимание смысла* текста – вхождение в диалог с автором (внутренний спор или согласие);

2) повторение информации, уровень запоминания текста. Потребитель делится впечатлениями о прочитанном/увиденном/услышанном со знакомыми, пересказывает ключевые для его восприятия отрезки текста – запускается механизм «второй информационной волны». Уровень запоминания

текста, как правило, связан со значимостью информации для потребителя, в данном контексте лучше запоминаются прагматические тексты, в которых есть некий алгоритм решения определённых проблем;

3) конкретное действие потребителя (очередной раз покупается полюбившаяся газета, просматривается следующий выпуск передачи, приобретается рекламируемый товар, воплощается в жизнь предлагаемая в медиатексте идея и др.).

Эффекты (результаты) воздействия на психику конкретного человека зависят от содержания медиатекста и типа используемых в нём технологий. Ранжирование эффектов встраивается в следующие уровни воздействия на психику человека:

1. Когнитивный уровень демонстрирует степень воздействия медиатекста на картину мира, мировоззрение и мирозерцание потребителя. В данном контексте возможен анализ изменения образа реальности и системы ценностей человека.

2. Эмоциональный уровень определяет качество сенсорного воздействия медиатекста на потребителя, выявляет спектр возможных чувств: испуг, беспокойство, злость, отвращение, радость, удовольствие и др. Концепция десенсибилизации раскрывает крайнюю форму сенсорного воздействия – потерю чувствительности, например, в ситуации активного потребления сцен насилия и агрессии. В результате порог чувствительности к страданиям жертвы снижается, возникает потребность в более сильных возбудителях – во всё более откровенных сюжетах. Ненорма с течением времени начинает восприниматься как Норма.

На данном уровне возможна оценка эмоциональной и психологической компенсации с помощью СМИ. Так, отсутствие ярких переживаний в жизни человека толкает его на любовь к фантастике. А в рамках «гипотезы торможения» страх перед собственной агрессивностью (например, появляющийся в процессе просмотра ТВ-передачи) снижает агрессию в реальной жизни.

3. Поведенческий уровень – отражает проекцию человеком усвоенных с помощью СМИ моделей поведения. Идентифицируя себя с медиаобразами, человек одновременно перенимает понравившиеся паттерны поведения. Поклонники отдельных передач, ведущих, медиазвёзд, политиков соизмеряют своё бытие с образом жизни кумира. Также в психологии известен эффект растормаживания, ослабления сдерживающих реакций (де-

зингибиции), например, в ситуации частого просмотра фильмов ужаса, триллеров, текстов криминальной тематики. Накопленная медиаинформация запускает рефлекс, который срабатывает в контексте памяти (преступления-копии, суггестивно-имитативные преступления).

Факторы эффективности медиатекста. Психолингвистический подход к анализу медиатекста позволяет рассматривать текстовое пространство как продукт речемыслительной деятельности человека. Именно язык является познавательным механизмом восприятия и отображения мира, он представляет собой своеобразный когнитивный инструмент, закрепляющий результаты ментальной деятельности конкретного субъекта и основные коды культуры, в которой был рождён и воспитан человек. Мы уже отмечали, что интерес непосредственно связан с чувством удовольствия, некой совокупностью положительных эмоций, драйвом манящих к объекту интереса ощущений. В интересе проявляется энергия человека, состояние его приятного возбуждения и удовольствия.

В эпоху рыночных взаимоотношений и пристального внимания к рейтинговым показателям продукта СМИ актуальными становятся вопросы об эффективных энергетических ресурсах медиатекста. Почему один и тот же текст способен вызывать либо полярные интерпретации и отношения, либо сохранять нечто общее, столь пристально манящее массового человека. Ответ, на наш взгляд, лежит, в том числе, в плоскости лингвopsихологических рассуждений и напрямую связан с мощной – соблазнительной или вялой энергией медиапроизведения, которая и обуславливает степень эффективности.

Текст, сотканный из слов и речи, призван выполнять энергетическую функцию. Переработка и продуцирование информации осуществляется по заданным законам психических процессов у конкретного человека. Вербализация смысловой работы по упорядочиванию знаний в пространстве текста со стороны автора, восприятие чужого текста читателем/ слушателем/ зрителем одновременно «привносит» и «отнимает» энергию языковой личности адресанта и адресата.

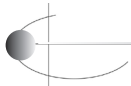
М. М. Бахтин называл текст «плотью общения». «Событие жизни текста всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов», – писал исследователь [2, с. 311]. Медиатекст концентрирует и оживляет энергию в режиме двух процессов: текстообразования и текстовосприятия. Текст, являясь

информативной единицей «в действии», не существует вне сознания: создающего и воспринимающего, он характеризуется двунаправленностью: на автора и на читателя/ слушателя/зрителя. Ю. М. Лотман отмечал: «Автор навязывает аудитории природу её памяти, с другой стороны, текст хранит в себе облик аудитории» [11, с. 166].

Медиатекст – субстанция сотворённая и творимая, его энергетический потенциал расслаивается и надстраивается во времени и пространстве. Автор в процессе творчества обогащает медиатекст совокупностью определённых посылов (эффектов), адресат входит в диалог с автором и в процессе восприятия медиатекста демонстрирует либо поддержку предлагаемых эффектов, либо их усиление, либо их неприятие и отторжение. Текст, как культурный объект, существует по тем же принципам, согласно которым протекают процессы в природе. На основании закона термодинамики энергия сохраняется, она не исчезает, а превращается из одной в другую. Тотальная рецепция – энергообмен в процессе существования медиапроизведения зависит от ряда внешних и внутренних факторов, градирующих источники энергии текста и качество её существования.

Внутренние факторы эффективности. Внутренние факторы обусловлены характеристикой личности творца – автора медиатекста. Автор привносит активную формирующую энергию индивидуального духа и общественного разума. Потенциал культуры даёт энергию «со стороны», но вносится личностью – творцом, что позволяет сохранить долгоиграющий энергетический уровень текста, названный Д. С. Лихачёвым «световым излучением личности творца» [10, с. 82–84]. Личность автора генерирует смыслы, суммирует внешний источник энергии и когнитивные конструкции собственной мыслительной деятельности.

Степень эффективности медиатекста напрямую зависит от интеллекта автора, возможности которого определяют количество вложенных ментальных усилий в творческий процесс создания текста. Определённые модус и способность переживания фактов и явлений даёт чёткий градус резонирования автора на «голоса жизни», в результате рождается либо «вялый текст», воспроизводящий шаблонные представления о реальности, либо «энергетически сильный текст», наполненный самобытным рефлексированием, особым многоуровневым видением фактов, обогащённым образными откликами и яркой

субъективной оценкой. Так, в психологии журналистики выделены необходимые для продуктивной деятельности журналиста качества: высокая культура и речевая компетентность, широкая эрудиция, оригинальность мышления, гибкий ум, способность к саморегуляции, креативность, доброжелательность, честность, смелость, обаяние, харизматичность, эмоциональная заразительность, владение различными видами общения. Также аудитории СМИ интересна незаурядная личность с достаточной самооценкой.

Адекватный уровень самооценки автора позволяет насытить текст объёмным энергетическим накалом, впечатляющей силой высказывания. Напротив, низкая самооценка значительно обедняет потенциал медиапроизведения, так как автор в процессе интерпретации фактуры сдерживает возможность оригинального и самобытного подхода. Адекватная самооценка способствует появлению целостной личности, способной любить и уважать свою аудиторию, поэтому тексты данного автора всегда подразумевают многочисленные достоинства адресата, его сметливость, здравый смысл, проницательность, социальные, духовные потребности и т. д. У такого автора диалог с потребителем разворачивается в гуманитарной плоскости, проходит на равных и исключает дидактику – упрощённое навязывание моделей мысли и поведения. Перечисленные черты текста – факторы эффективности. Убеждающее воздействие наиболее эффективно при некатегоричном выводе.

Энергетические характеристики текста зависят также от типа сознания автора: аналитического или художественного. Наиболее эффективным с точки зрения энергетического восполнения текстового пространства является художественный тип личности автора. Он «заряжает» текст ярким ассоциативно-смысловым наполнением, многочисленными экспрессивно-оценочными коннотациями. Медiateкст начинает резонировать дополнительными мотивами и художественными рядами. Эмотивные доминанты произведения поддерживаются элитарным дарованием автора, позволяющим создавать особый психозстетический фон медiateкста, его стилистическое и синтаксическое многообразие. Языковая личность художественного типа запускает «метод самораскрытия», когда потребитель вовлекается в диалог через энергию автора, последний как бы перекачивает её в собеседника, зрителя, читателя.

К внутренним факторам эффективности медiateкста также относится его техническая поддержка, обеспечивающая резонансы массовых откликов. Технические основания связаны со знаковым наполнением канала коммуникации. Наиболее энергетически интенсивными являются электронные СМИ, работающие с различными уровнями «захвата аудитории» вербального и невербального характера: убеждение как воздействие в рациональных формах через предлагаемую информацию и подразумеваемое сознательное согласие с ней; внушение как эмоционально-волевое неаргументированное воздействие через передачу и принятие не критически воспринимаемой информации; заражение как передача и бессознательное усвоение определённого психического состояния; идентификация как воздействие через демонстрацию конкретных и наглядных образцов мышления и поведения. Указанные методы определяют вектор воздействия, психологические механизмы реагирования аудитории и включают в себя обилие конкретных приёмов.

В аспекте эффективности привлекательным форматом представления техник является диалог, позволяющий самой аудитории проявить активность. В журналистике ставка делается на интерактивное общение: горячие телефоны; прямые линии; диалог в прямом эфире; круглые столы; ток-шоу; рубрики «Вас слушают», «Мой автомобиль», «Мордашка номера»; проекты «Чистый город», «Ямы города», «Бурёнку в каждый дом», «Поможем ветерану», «Выбираем жизнь» и др. В PR и рекламе используют потребность человека в творчестве: например, производители полуфабрикатов предлагают доделать что-то самому потребителю (смеси для выпечки, материалы для приготовления пасхи); в экологическом PR в рамках техники «нога в дверях» просят аудиторию сначала расклеить листовки, а потом принять участие в мероприятиях. Человек легче включается в большое действие, если он согласился предварительно на действие малое.

В качестве универсального основания эффективного медiateкста выступает его эмоциональная насыщенность. Современный потребитель – человек сенсорного типа, ориентированный на «слух и тактильность» [12]. Энергетически ёмкий медiateкст выстроен по принципу «эмоциональные качели», предполагающему обязательное наличие позитивных и негативных эмоций. Присутствие и того, и другого не только конструи-

ирует эффект объективности происходящего, многогранности картинки реального мира, но и позволяет добиться искренности стиля, уйти от штампов (например, в очерковой журналистике, когда портрет главного героя состоит только из положительных качеств и не раскрывает истинной индивидуальности человека; в рекламе, когда перечисление достоинств товара воспринимается потребителем не более как обман).

Столкновение плюса и минуса провоцирует конфликт, сравнение, сопоставление, что, несомненно, поддерживает в тоне интерес потребителя. При использовании принципа «эмоциональные качели» необходимо учесть, что человек стремится к переживанию потенциальной опасности в условиях комфорта и, наоборот, – заинтересован в позитивных эмоциях в нестабильной экономической ситуации, в атмосфере стресса. Последнее замечание полезно учитывать именно в российских массмедиа.

Однако указанный принцип иногда используется и в манипулятивных целях, нахождение отрицательного и положительного фактов в однонаправленном потоке сбивает энергетическую активность реципиента, он перестаёт реагировать на противоречивую информацию (например, в рамках одного сюжета рассказывается о бомбёжке города иностранными военными силами, а потом об их гуманитарной помощи – сбросе продуктов с самолёта).

Приумножение энергии текста за счёт технологического ресурса срабатывает лишь в режиме повтора. Чтобы моментальное стало системным, а текстовый метод – эффективным, он должен необходимое количество времени дублироваться в поле внимания потребителя. Имидж, бренд, идея и аффекты текста, информационная насыщенность – становятся очевидными лишь при условии их повтора. При этом, по мнению исследователей, «90 % рекламных эффектов сходят на нет в течение 3–15 месяцев» [20, с. 9], актуальность новости в СМИ при соответствующей поддержке не угасает в течение 9 дней. Приёмы предоставления определённой информации должны постоянно обновляться; разнообразие поддерживает интерес потребителя и не допускает «износа сообщений», провоцирующего усталость реципиента от однотипных посылов [22]. Если образы повторяются, мозг человека устаёт. Одинаковые картинки, типичные фигуры привлекательных женщин и мужчин, однотипные вкусовые ощущения, звуковые потоки, идентичный тембр голоса ведущих ослабляют интенсивность пережи-

вания и осмысления. Энергетически ёмкая технология немыслима без креативности её обработки со стороны автора медиатекста, асимметричность (неожиданность, оригинальность) подачи фактуры – необходимый атрибут эффективного текста.

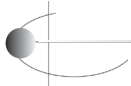
Степень влияния при повторе обусловлена характером вовлечённости реципиента (соответствием информации потребностям и возможностям человека); на потребителя с низкой вовлечённостью повтор оказывает положительное влияние; а интерес человека с высокой вовлечённостью не зависит от повтора.

К показателям энергии текста, как открытой системы, способной воздействовать на субъект, относятся также жанр и формат, глубина интерпретации фактов, уровень сложности и прозрачности текста. Например, информационные жанры, использующие логико-понятийный аппарат, являются менее энергоёмкими, нежели художественно-публицистические жанры, насыщенные сложным, понятийно-образным отражением действительности и ориентированные на эмоциональное воздействие. Чистая аналитика без вовлечения художественно-публицистических средств языка, сопутствующей инфографики и других иконических приёмов также малоперспективна в конструировании эффективной коммуникации с потребителем. В последнее время всё более популярной в массовой аудитории становится тенденция использовать не столько крупные СМИ, сколько новые медийные форматы: блоги, соцсети, мобильные СМИ и др.

Внешние факторы эффективности. Процесс текстовосприятия задействует внешние факторы эффективности. Читатель/слушатель/зритель представляет собой своеобразный одушевлённый преобразователь энергетических ресурсов текста. Вступая в интерпретацию и дешифровку предлагаемого СМИ материала, потребитель заявляет себя как активный участник энергийного пространства медиапроизведения, как субъект круговорота энергии текста.

Текст, будучи смыслопорождающим механизмом, выступает в качестве посредника между коммуникантами, он передаёт информацию от одного сознания к другому. Адресат встраивается во взаимодействие и диалог с автором, в процессе восприятия текста он реагирует на внешние и внутренние сигналы, воспринимаемые его органами чувств, и продолжает создавать, приумножая производительную силу медиатекста. Познавательная

и оценочная деятельность осуществляется с помощью когнитивных и конструктов читателя/слушателя/зрителя – алгоритмов восприятия и обработки информации. Человек как преобразователь информации, согласно имплицитной теории личности Дж. Келли [8], создаёт свою картину мира и представлений. Степень ментально-физиологической активности потребителя либо приумножает энергию текста, либо обедняет её.

Расшифровка медиапродукта обусловлена личностными смыслами и интеллектуальными ресурсами субъекта. Адекватность понимания текста демонстрирует, говоря языком Ю. М. Лотмана, «диалект памяти» человека [11]. Если текст достаточно прозрачен для потребителя, если он равен его картине мира и системе его представлений, срабатывает резонанс – совпадение ритмов автора и читателя. В обратном случае мы сталкиваемся с тем, что названо в психологии «когнитивным диссонансом» (неприятием и отторжением медиапродукта). Когнитивисты включили в сферу изучения психологические барьеры (фильтры) восприятия информации – ограничение воспринимаемого согласно внутренним настройкам и предпочтениям.

Вовлечённость в медиатекст прямо пропорциональна опыту и памяти потребителя, всегда находящегося в поиске близкого ему информационного поля. Людей-новаторов не много (около 2,5 %), человек склонен сопротивляться принципиально новой информации, защитная оболочка сопротивления ослабевает в спектре собственных интересов и связана, в том числе, с возрастом (молодые люди более охотно принимают новшества, в отличие от людей преклонного возраста), с уровнем интеллектуального развития (как правило, раздражает лишь то, что непонятно) и культурными доминантами. Так, Г. Гачев представляет традиционную русскую культуру с помощью образа «Иван Грозный убивает своего сына», и этой укоренённостью в прошлом наша культура противостоит американской, которой ближе античный сюжет о царе Эдипе, убившем своего отца и женившемся на матери [5].

Принципиально асимметричные, новые идеи, подходы, текстовые приёмы шокируют российскую аудиторию, они априори будут отторгнуты. Напротив, ориентация на национальные (культурные) представления аудитории суммирует энергию читателя и автора текста. Единство ментальных моделей адресанта и адресата способствует не только приумножению энергии текста, но и инициирует поддержку в обществе стабильных смыслов

культуры, закреплённых в тексте. Игнорирование ментальности потребителя запускает эффект бумеранга, текст «уходит» к автору нераспечатанным и энергетически нераскрытым. Эффективные, «рейтинговые медиатексты» по энергетическому потенциалу являются одновременно сильными и, с точки зрения когнитивной лингвистики, ядерными, так как задействуют смыслы прототекста (мифологического или первоначального текста культуры, актуального без относительно к социальному статусу потребителя). Тексты, встроенные в традиционную систему ценностей и архетипических предпочтений, способны «отдавать» энергию, увеличивая энергетическую ёмкость первичного текста.

Одновременно познавательный фактор восприятия текста связан с креативностью реагирования конкретного человека, с «разумением по-своему» [14, с. 150]. Нешаблонная рефлексия поддерживает динамичность медиатекста, неокончателность, продолжительность его энергетика, способствует созданию дополнительного контекста. Активная своеобразная интерпретация обнажает энергообмен автора и читателя, работу по генерации смыслов текста.

Приумножение текстовой энергии также связано с преобладающим типом восприятия потребителя (аудиальный, визуальный, кинестетический) и зависимостью от определённого канала коммуникации, видом используемой в тексте семиотики: слово, звук, картинка и др. Однако современный массовый человек предпочитает мультимедийные форматы: Интернет и ТВ. Имеет значение и гендерная характеристика адресата. Психологи обнаружили, что мужчины более внимательны к визуальной динамике (мимике, пластике, жестике), а женщины – к формальным характеристикам (цвет волос, овал лица, форма глаз и рук).

Длина временной перспективы личности потребителя определяет качество эффекта и длительность воздействия. Люди, ориентированные на продолжительную временную перспективу, ценят своё время, задействуют различные модусы бытия: прошлое, настоящее, будущее. Их «временная компетентность» способствует сбалансированному разделению и согласованию различных этапов жизни, нацеленных, как правило, на самореализацию в тех или иных сферах. Они избирательны в выборе предлагаемой информации, предпочитают качественный медиатекст (встроенный в сферу собственных интересов), ищут в пространстве текста широкий континуум отражения мира – ответы на

вопросы: почему, кто виноват, каковы последствия, что можно сделать. В подобной ситуации активного диалога с автором энергия текста умножается и застывает в медленном притоке.

Другая, характерная для личности короткая временная перспектива заставляет человека жить здесь и сейчас, даёт сиюминутную эмоциональную вспышку со стороны адресата. Эффекты долго не задерживаются в памяти человека, замотивированного на сенсорные тексты и лёгкие смыслы. Современный медиатекст сталкивает разные темпомиры, одинаково характерные для дихотомической модели мира носителя российского менталитета. «В этом несоответствии природной реальности русского ментального пространства и духовных глубин христианского вероучения – тяжёлая мифологическая проблема», – замечает С. А. Глузман [6, с. 42]. Поэтому вполне оправдан тот факт, что в тексте актуальных СМИ склонность российского сознания к постоянной духовной рефлексии поддерживается техниками сенсорного воздействия.

Преобладающие ценности потребителя градируют выбор того или иного произведения и степень энергетического отклика. Эффективность текста, его способность влиять на мнение и действия подразумевают устойчивую связь предлагаемых автором посылов с ценностной системой человека. Исследователи политической и коммерческой рекламы П. Зимбардо, М. Лейпп [21] сделали вывод, что у человека может быть стойкое положительное отношение к рекламной продукции, но он не купит её; он может иметь позитивное отношение к кандидату, но не проголосует за него, так как его позиция и реальное поведение связаны с различными компонентами ценностной системы человека. Ударность эффекта медиатекста возможна лишь при совпадении аксиологической значимости идеи, объекта текста и последующего действия потребителя.

Следует подчеркнуть, что иногда личностные качества адресата, объёмная сила его энергии восполняет недостаток энергии текста или, наоборот, скудность энергетического содержания воспринимающего способна «убить» энергетический потенциал медиапроизведения.

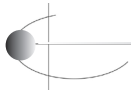
Интерпретация и понимание, по утверждению Н. А. Кузьминой, – функция времени.

Как нельзя войти в одну реку дважды, так и невозможно однолинейно трактовать текст в различные временные отрезки жизни человека [9, с. 67–93]. Существуют внешние (эксплицитные) условия эффективности медиатекста – наращивания или обеднения его энергии: окружение потребителя (родственники, сверстники, процесс социализации индивида, определяющий его медиавыбор); атмосфера восприятия медиатекста (комфортное или аскетичное – сдерживающее пространство; естественные или искусственные условия; кризисная, депрессивная или гармоничная ситуация).

Выводы. Предложенная модель психолингвистической эффективности медиатекста не претендует на окончательность, рассмотрение данного вопроса открыто для дальнейшего научного обсуждения и возможных экспериментальных исследований. Мы попытались структурировать базовые универсальные механизмы создания и восприятия эффективного медиатекста. Рождённый в творчестве текстовой инструментальной не исчезает, его энергия вступает в процесс круговорота от акта сотворения текста до акта его прочтения. Перечисленные внешние и внутренние факторы либо организуют приток эффектов в текстовое пространство, либо уменьшают энергетический потенциал текста, тем самым создавая собственный ритм пульсации энергии автора и читателя/слушателя/зрителя. Идеальным вариантом для медиатекста является слияние эффектов, заложенных в текст, с когнитивными ожиданиями и аффектами самого потребителя, что обеспечивает возможность пульсации энергии текста, её «спонтанное многократное усиление» [9, с. 69] за счёт ресурсов языковых личностей адресанта и адресата. Процесс превращения энергии из одной формы в другую при переходе от автора к интерпретатору медиатекста сопровождается необходимым для эффективной журналистики, пиара и рекламы рассеиванием энергии во времени и пространстве. Эффективный медиатекст разворачивается в континууме через резонансные генерации интерпретатора, принимающего текст, – его идеи, паттерны мысли и поведения.

Список литературы

1. 13 шагов к успеху на малом медиарынке / под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2006. 420 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.

3. Брайант Д. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
4. Винтерхофф-Шпурк П. Медиapsихология. Основные принципы / пер. с нем. Харьков: Гум. центр, 2007. 288 с.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 430 с.
6. Глузман С.А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010. 332 с.
7. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
8. Келли Д. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 256 с.
9. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. 228 с.
10. Лихачёв Д. С. О филологии. М.: Высш. шк., 1989. 208 с.
11. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т.1. Таллин: Александра, 1992. 479 с.
12. Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: КАНОН-Пресс-Ц: Кучково поле, 2003. 464 с.
13. Миртов Ю. Эффективность рекламы: сквозь дебри мифов // Рекламодатель: теория и практика. 2002. № 5. С. 18–19.
14. Потебня А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
15. Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. М.: РИП-холдинг, 2003. 100 с.
16. Психолого-педагогические особенности восприятия информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: oskd.narod.ru (дата обращения: 25.06.2015).
17. Сальникова Е. В. Эстетика рекламы. Культурные корни и лейтмотивы. М.: Алетейя, 2001. 288 с.
18. Соловьёв В. Р. Манипуляции: атакуй и защищайся. М.: Эксмо, 2011. 352 с.
19. Текст: теоретические основания и принципы анализа / под ред. К.А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.
20. Щепилова Г., Щепилов К. Модели эффективности рекламы и её воздействие на потребителя // Медиальманах. 2013. № 3. С. 6–13.
21. Philip Zimbardo, Michael Leippe. The psychology of attitude change and social influence. Mcgraw Hill, 1991.
22. Unnava H., Robert E. Burnkrant. Effects of Repeating Varied Ad Executions on Brand Name Memory // Journal of Marketing Research. 1991. № 11. P. 45–58.

References

1. 13 shagov k uspekhu na malom mediarynke / pod red. V. Yukecheva. Novosibirsk: IRP-Sibir', 2006. 420 s.
2. Bakhtin M. M. Literaturno-kriticheskie stat'i / sost. S. Bocharov i V. Kozhinov. M.: Khudozh. lit., 1986. 543 s.
3. Braiant D. Osnovy vozdeistviya SMI. M.: Vil'yams, 2004. 432 s.
4. Vinterkhoff-Shpurk P. Mediapsikhologiya. Osnovnye printsipy / per. s nem. Khar'kov: Gum. tsentr, 2007. 288 s.
5. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira: kurs lektcii. M.: Akademiya, 1998. 430 s.
6. Gluzman S.A. Mental'noe prostranstvo Rossii. SPb.: Aleteiya, 2010. 332 s.
7. Dzyaloshinskii I. M. Kommunikativnoe vozdeistvie: misheni, strategii, tekhnologii. M.: NIU VShE, 2012. 572 s.
8. Kelli D. Psikhologiya lichnosti. Teoriya lichnykh konstruktov. SPb.: Rech', 2000. 256 s.
9. Kuz'mina N. A. Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noi interpretatsii. Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2009. 228 s.
10. Likhachev D. S. O filologii. M.: Vyssh. shk., 1989. 208 s.
11. Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury // Izbrannye stat'i: v 3 t. T.1. Tallin: Aleksandra, 1992. 479 s.
12. Maklyuen M. Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: KANON-Press-Ts: Kuchkovo pole, 2003. 464 s.
13. Mirtov Yu. Effektivnost' reklamy: skvoz' debri mifov // Reklamodatel': teoriya i praktika. 2002. № 5. S. 18–19.
14. Potebnya A. A. Polnoe sobranie trudov: mysl' i yazyk. M.: Labirint, 1999. 300 s.
15. Pronina E. E. Psikhologicheskaya ekspertiza reklamy. M.: RIP-kholding, 2003. 100 s.
16. Psikhologo-pedagogicheskie osobennosti vospriyatiya informatsii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: oskd.narod.ru (data obrashcheniya: 25.06.2015).
17. Sal'nikova E. V. Estetika reklamy Kul'turnye korni i leitmotivy. M.: Aleteiya, 2001. 288 s.
18. Solov'ev V. R. Manipulyatsii: atakui i zashchishchaisya. M.: Eksmo, 2011. 352 s.
19. Tekst: teoreticheskie osnovaniya i printsipy analiza / pod red. K.A. Rogovoi. SPb.: Zlatoust, 2011. 464 s.
20. Shchepilova G., Shchepilov K. Modeli effektivnosti reklamy i ee vozdeistvie na potrebitelya // Mediaal'manakh. 2013. № 3. S. 6–13.
21. Philip Zimbardo, Michael Leippe. The psychology of attitude change and social influence. Mcgraw Hill, 1991.
22. Unnava H., Robert E. Burnkrant. Effects of Repeating Varied Ad Executions on Brand Name Memory // Journal of Marketing Research. 1991. № 11. P. 45–58.

УДК 070
ББК 143.24–7, Ч612.18.3

Галина Сергеевна Мельник¹,
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, в. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Борис Яковлевич Мисонжников²,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, в. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Социолингвистические маркёры экстремистского текста

Статья посвящена выявлению признаков экстремизма в традиционных и сетевых СМИ. Экстремистский текст всегда использует деструктивные, разрушительные средства для достижения политических целей, ищет оправдания разрушительным идеям, позициям и действиям. Основной признак такого текста – это разоблачение и обличение. Экстремизм рассматривается как совокупность определённых социальных действий, опирающихся на соответствующую идеологию и систему ценностей. В связи с этим представители экстремистских течений пытаются в аксиологическом плане манипулировать аудиторией, добиваясь ценностных смещений и деформаций, корректировки семантических аспектов уже устоявшихся понятий. Это подспудно готовит базу для суггестирования крайних взглядов, девальвации общечеловеческих, в частности христианских, ценностей, становится опасным и ведёт к дегуманизации. Авторы предложили маркёры для выявления признаков экстремизма в текстах массмедиа: 1) метафорические оценочные высказывания, в которых прямо выражена ненависть, нетерпимость к чему-либо чужому, незнакомому; 2) выражения, направленные на унижение достоинства, в том числе с использованием ненормативной лексики; 3) негативные названия этнических групп; 4) сравнения национальностей с неодушевленными предметами или животными; 5) провокативные суждения, подстрекающие аудиторию к действиям, направленным против объекта вражды, или к противоправным действиям.

Основные результаты исследования получены в ходе социолингвистического анализа политических текстов СМИ на базе Центра экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета.

Ключевые слова: информационные технологии, массмедиа, дискурс, медиатекст, социальные сети, интолерантность, экстремизм, экстремистский текст.

Galina Sergeyevna Mel'nik³,
Doctor of Political Science, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Boris Yakovlevich Misonzhnikov⁴,
Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Sociolinguistic Markers of Extremist Text

The article is devoted to the identification of signs of extremism in traditional and online media. Extremist text always uses destructive means to achieve political goals, seeking to justify destructive ideas, positions and actions. The main characteristic of this text is the exposure and reproof. Extremism is viewed as a set of specific social actions based on appropriate ideology and value system. In this regard, representatives of extremist movements in the axiological sphere are trying to manipulate the audience, reaching the values of displacements and deformations, adjusting semantic aspects of already existing concepts. This subconsciously prepares the base for suggestion of extreme views, devaluation of human and Christian values in particular, it becomes

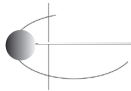
¹ Г. С. Мельник предложила маркёры для выявления признаков экстремизма в изучаемых текстах.

² Б. Я. Мисонжников сформулировал название статьи и разработал её концепцию.

³ G. S. Mel'nik has suggested markers for detection of signs of extremism in the studied texts.

⁴ B. Ya. Misonzhnikov has formulated the title of the article and has developed its concept.

dangerous and leads to dehumanization. The authors have proposed some markers for detection of signs of extremism in the texts: 1) metaphor and evaluative statements, which express hatred, intolerance towards anything alien and unfamiliar; 2) expressions that degrade the dignity, including the use of profanity; 3) negative names of ethnic groups; 4) comparison of nations with inanimate objects or animals; 5) provocative judgments inciting the audience to action against the object of hostility or illegal actions.

The main research results have been obtained during sociolinguistic analysis of political media texts on the basis of the Center of linguistic expertise at Saint Petersburg State University.

Keywords: information technology, mass media, discourse, media text, social networks, intolerance, extremism, extremist text.

Экстремистский дискурс актуализируется вследствие влияния конфликтогенной модели мира, воспроизводимой в современных масс-медиа. По данным Совета безопасности Российской Федерации, в настоящее время в Глобальной сети насчитывается свыше 7,5 тыс. сайтов экстремистской направленности, из которых более 150 – русскоязычные [14].

Экстремизм предполагает использование крайних, деструктивных, выходящих за рамки дозволенного, средств достижения радикальных политических целей. Именно поэтому в Российской Федерации предусмотрено уголовное наказание за экстремистскую деятельность и её пропаганду. Красноречивые цифры свидетельствуют о росте экстремистских материалов в традиционных и сетевых СМИ. Количество приговоров за пропаганду в 2013 г. более чем в три раза превысило количество приговоров за насилие и вандализм вместе взятых, а число людей, осуждённых за пропаганду, больше почти в два раза. В 2013 г. было вынесено более 130 приговоров за ксенофобную пропаганду, по которым виновными были признаны 133 чел. в 57 регионах страны. В 2012 г. был вынесен 91 приговор в отношении 105 чел. в 45 регионах [17].

Экстремизм как совокупность определённых социальных действий предполагает наличие соответствующей идеологической и даже духовной подпочвы: его корневая система обязательно прорастает в глубь общественно-политических структур, проникая в пласты аксиосферы и именно там пытаясь обрести опору. Дело в том, что для адептов крайних взглядов исключительно важным является ценностное оправдание имманентных им идей, позиций и поступков. В связи с этим представители экстремистских течений пытаются не просто объяснить и оправдать алгоритм своих действий, но и в аксиологическом плане манипулировать аудиторией, добываясь ценностных смещений и деформаций, корректировки семантических аспектов уже устоявшихся понятий.

Это подспудно готовит базу для суггестирования крайних взглядов, девальвации общечеловеческих, в частности христианских, ценностей. Делается это продуманно, а именно на дискурсивной, рационально предварительно выверенной основе, либо спонтанно, однако результат всегда оказывается для социума однозначно негативным, даже опасным, и ведёт к дегуманизации, которая является необходимым условием для возникновения экстремистских, по сути, взглядов и позиций. Причём трибуной их выражения порой становятся самые обычные средства массовой информации.

Формулирование идей, в том числе и крайних, возможно исключительно через текстовую систему, т. е. данная акция всегда носит сугубо феноменологический характер, синтаксически, семантически и прагматически отчётливо выражена, репрезентируется при помощи соответствующего кода и может быть с необходимой глубиной идентифицирована. Текст становится при этом отнюдь не пассивным носителем содержания, а довольно активным субъектом действия, реализуя принцип перформативности как важнейшего качества речевого акта.

Так, Л. М. Голиков определяет экстремистский текст как «инвективный креолизованный текст, который организуется в единое пространство знаками-символами, преимущественно языковыми, обладает многоуровневой синтаксической структурой, пропозициональным содержанием, основанным на оппозиции «идеал – враг», имеет коммуникативное намерение принудить адресата выполнить определённые действия и/или сформировать определённое внутреннее убеждение адресата» [3].

Экстремистский текст содержит речевую интенцию обличения, разоблачения, разъяснения предполагаемому коммуникативному адресату определённых характеристик описываемых персонажей. Нередко в подобных текстах используются прямые обращения к аудитории и призывы к солидаризации с по-

зией автора. Даже самый общий лингво-когнитивный анализ того или иного медиатекста, прежде всего политического, позволяет сделать вывод об определённых закономерностях его формирования и возможных тенденциях в отношении подводки к текстовому континууму концептов резко экспрессивного характера – «чужой», «враг», «война», «убийство» и т. д., – а также в отношении их интегрирования непосредственно в текстовой материал.

В лингвистических работах подчёркивается, что «семантический уровень экстремистского текста организуется оппозицией, основанной на негативно окрашенном контрасте. Так называемый язык вражды (от англ. *hatespeech*) в своём логическом плане подчёркивает идею противопоставления, различия, и эта идея характеризуется как непримиримая» [4].

Оппозиция «свой – чужой» в экстремистском тексте включает механизм идентификации на уровне реакции («хороший – плохой»). Оценка пропозиционального содержания экстремистского текста заключается в выявлении актантов (участников оппозиции «свой – чужой») и рядов их предикатов. К типичным актантам относится, например, «националист» (скинхед, патриот, русский и т. п.) и его «идеологический враг» (антифашист, анархист, представитель иной национальности по отношению к русской национальности, представитель иной расы по отношению к белой расе, представитель иной конфессии по отношению к православию, мигранты и т. п.) [2].

Экстремистский текст устанавливает и/или укрепляет границы между группами в социальной реальности. При определённых обстоятельствах противостояние групп может приобретать гипертрофированные черты и выходить за границы нормы. Маркер «чужой» («враг») применяется только к закрытым группам (расовая, половая, возрастная, имущественная, территориальная, психоидеологическая, языковая, профессиональная, по принадлежности к семье, государству и т. д.).

Так, Т. ван Дейк, исследуя дискурсивные стратегии и объяснительные модели, в которых в качестве Мы-группы выступает этническое большинство, а в качестве Они-группы – этнические меньшинства, рассматривает их как бинарную оппозицию с прямо противоположными признаками («Мы чистые – Они грязные») и показывает последовательность выстраивания границ «Мы – Они» в дискурсивной практике: 1. Номинация – наименование группы Других. 2. Наделение данной

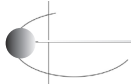
группы определёнными характеристиками или приписывание ей определённых действий [18].

Наиболее общие семантические признаки текстов экстремистского характера выявляются с помощью метода контекстуального анализа, основанного на разграничении явной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) информации, а также благодаря правилам исследования языкового материала, позволяющим в той или иной степени алгоритмизировать процесс лингвистического исследования и получить более объективные результаты [1].

Это даёт возможность анализировать текст в целом, выявлять установки и цели говорящего, смысловую направленность речевого материала, отношение к описываемому объекту, характеристики идентификации автора речевого материала, характеристики мыслительных процессов, отражённых во внутренней согласованности или рассогласованности материала, его структуре и логике, а также это позволяет делать выводы об общем впечатлении, которое материал производит на аудиторию, его целостной интенциональной окрашенности. Кроме того, появляется возможность также прогнозировать реакцию слушающего, читающего в зависимости от его индивидуальных характеристик и отнесённости к определённым социальным группам, включая признаки национальной принадлежности.

Для установления границ авторами текстов используются интолерантные слова и выражения; этнические лексемы-нелепости; метафорические или эпатажные лексемы; лексемы-насмешки; лексемы-обвинения; лексемы-ярлыки; лексемы-стереотипы; лексемы, обозначающие отклонение от норм [8, с. 38].

Текст приобретает экстремистские черты при наличии в нём: 1) оценочных высказываний, носящих характер крайне жёстких, метафорических определений, в которых прямо и непосредственно выражена ксенофобическая ненависть, нетерпимость к чему-либо чужому, незнакомому («Все евреи – сволочи»; «Кровожадная нация»; «Хорошо русским – хорошо всем!»; «Они опасны для нас»; «Узкоглазые скоро перебьют нас всех из-за угла!»); 2) выражений, направленных на унижение достоинства, в том числе с использованием ненормативной лексики; 3) негативных названий этнических групп («не-чисть», «гниды», «синоублюдки», «чернопопы» и т. д.); 4) сравнений национальностей с неодушевлёнными предметами или живот-

ными («чурки», «ишаки», «русские свиньи»; 5) провокативных суждений, подстрекающих аудиторию к действиям, направленным против объекта вражды, или к противоправным действиям («Россия для русских»; «Кто не скачет, тот москаль»).

Использование приёмов контрастирования, инвективы обуславливает направленность на появление чувств ненависти и вражды к политическим противникам и «инородцам» [11]. Проявлением крайнего рода цинизма следует считать расположение нецензурной и особо бранной надписи, которая нанесена поверх изображения полотнища государственного флага Российской Федерации. Первая строка располагается в самом верху полотнища и представляет собой выполненную жирным рубленным шрифтом крупного кегля прописными буквами надпись «А ВЫ ТОЖЕ ХОТИТЕ, ЧТОБ США». Шрифт даётся вывороткой, то есть белым на тёмном фоне, а поскольку первая строка приходится на полосу белого цвета, используется контурный вариант шрифта. Этим обеспечивается чёткое воспроизведение написанного. По нижней полосе, более тёмной, двумя строками того же шрифтового начертания даётся завершающая часть содержащего вопрос текста, представленного в крайне грубой и циничной форме с использованием обсценной лексики. Последние две строки, содержащие особо оскорбительную лексику, нанесены поверх слова «Россия», вследствие чего оно прочитывается с трудом. В связи с этим можно однозначно утверждать, что объектом циничного оскорбления и возможным объектом ядерного ракетного удара, предполагаемого автором текста, предстаёт именно Россия как государство.

Автор текста использует бранную лексику не только вследствие своего низкого культурного и интеллектуального уровня, но, несомненно, прежде всего с явной и осознанной целью добиться особенно сильного политико-психологического резонанса. Он стремится максимально унижить и осквернить объект инвективного вербального поведения. Обсценная лексика позволяет достигать высокой степени экспрессии выражения, а также имеет древние культовые корни. Один из авторитетных филологов Б. А. Успенский указывает: «Разгадка подобного отношения к матерщине объясняется, надо думать, тем, что матерщина имела отчётливо выраженную культовую функцию в славянском язычестве; отношение к фразеологии такого рода сохраняется в языке и при утрате самой функции» [15].

В основе бранной лексики распознаются мифологические культовые интенции: субъект бранных текстов вкладывает максимально разрушительную энергию в свои слова, апеллирует к глубинным архетипическим кодам: культовый и даже магический аспекты обсценной лексики сохраняются и при меняющейся функциональности: «“мат” – особая стилиобразующая лексическая группа, достаточно строго ограниченная по составу (объёму), но обладающая бесконечно иррадиирующими функциями» [10, с. 76].

На однозначно враждебную и негативистскую позицию автора приведённого выше высказывания по отношению к России указывают и опубликованные комментарии. Ниже следует воспроизведение знака с изображением перечёркнутого российского флага: «[Антироссия] Слава Україні!!».

Само собой разумеется, определённые используемые в экстремистских целях лексические единицы отнюдь не табуированы. Более того, без них порой невозможно адекватно передать содержание материала на те или иные темы. Речь идёт о форме подачи лексики, уместности и частоте её использования, построении контекста и социолингвистических акцентах. Некоторые концепты в силу глубоких архетипических свойств могут быть значительно мифологизированы, что усилит их экспрессивность – она всегда сопутствует, к слову сказать, экстремистским актам и является для них практически необходимым условием: эмоциональная напряжённость (а зачастую и сверхнапряжённость) – питательная среда, в которой быстро созревают зёрна экстремизма.

Что касается, например, мифологизированного образа «врага», то он «представляет собой обоюдоострое идеологическое оружие. Это оружие способно поразить своих же создателей. Поэтому манипуляции с данной идеологической категорией являются чрезвычайно опасными» [16, с. 3].

Понятие врага наделяется многоуровневой семантикой: лишь на поверхности лежит значение его как противника и неприятеля. Данное понятие «соотносится со значением “делать”, “производить культовое (магическое) действие, в результате которого может вызываться как зло, так и добро, как проклятие, так и благословение”»; «понятие “враг” может соотноситься с понятием “потусторонний, находящийся на периферии” (в этом плане понятие “враг” совпадает с понятием “волк”, которое также восходит к понятию “чужой”, “находящийся на периферии” – речь идёт о противопоставлении Центра и Периферии, Хаоса» [7, с. 87].

Дополнительная семантика рассматриваемого понятия присутствует имплицитно, тем не менее, она не может не реализоваться хотя бы отчасти. А вот другие качества концептов, отмеченных высокой эмоциональной напряжённостью, эксплицируются, безусловно, в силу объективных причин. Дело в том, что «частотное употребление слова в узкоспециализированных, социально обусловленных контекстах изменяет его семантику, а потому и оценка, заданная “социальной картиной” общественных отношений, приобретает определённую структурно языковую фиксированность» [5, с. 9]. То есть семантика понятия – а это категория сугубо конвенциональная – вследствие воздействия определённых факторов может трансформироваться. Как правило, это происходит не спорадически, а в направлении усиления социально-политической составляющей понятия, его экспрессивного начала. Даже слово с нейтральной семантикой может обрести эмоционально возвышенное значение. Что уж говорить о концептах, явно экспрессивных, само появление которых в текстовом пространстве настораживает и угнетает, включает механизм архетипической идентификации, актуализирует древние подсознательные коды – паттерны, сформированные в совершенно иных условиях, основанные на инстинктах, сложных врождённых реакциях. Одним из самых сильных подобных концептов является концепт «убийство».

По мере развития цивилизации приходило понимание недопустимости насилия, особенно связанного с корыстным покушением на чужую жизнь. Платон об этом действии говорит как о «самом великом зле... когда душа дичает от вожделений», он требует «величайшего наказания за намеренно совершённое убийство» [9, с. 326]. К сожалению, в течение многих столетий человечество не внимало призывам Платона и других мыслителей-гуманистов. Вся политика современных цивилизованных государств строилась на неимоверной жестокости и крови.

Одним из лидеров по самому свирепому изуверству в не столь отдалённые времена была Америка. Жестокое прошлое не проходит бесследно. Американец Джеймс Уортон констатирует: «Наша национальная литература пропитана чудовищной мыслью, что только мёртвый индеец – хороший индеец» [6, с. 75].

Рабство, существовавшее на Американском континенте, принимало особенно зверские формы. В литературе сохранились поразительные свидетельства жестокости:

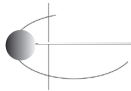
«Пленники страдали от голода, жажды и истощения. В результате многие умирали, не дойдя до африканских невольничьих рынков. На побережье рабов заставляли прыгать, засовывали им пальцы в рот, щупая зубы, врач проверял у них половые органы. Тех, кого торговцы отобрали, клеймили раскалённым железом. Потом рабов загоняли голыми на корабль и сковывали цепями вместе, заставляя ложиться на голые доски межпалубного пространства. Рабов набивали в трюмы столько, что они не могли там даже сидеть. Условия путешествия, продолжавшегося от нескольких недель до трёх месяцев, почти невозможно себе представить. В отравленной испарениями смрадной атмосфере загонов, где содержались рабы, многие умирали от удушья: мужчинам и женщинам приходилось часами лежать в собственных испражнениях на полу, покрытом кровью и слизью, что вызывало неимоверную рвоту. По некоторым оценкам, смертность от голода и болезней достигала 16 %» [6, с. 112].

Европейская цивилизация, особенно в XX столетии, также основывалась на жестоким насилии и массовом истреблении людей. Именно европейцы продемонстрировали способность развязывать чудовищные войны, сопряжённые с многомиллионными человеческими жертвами.

Прошлое человечества, даже совершенно недавнее, было буквально пронизано насилием и ожесточением, причём в значительных масштабах. Не случайно современный человек очень восприимчив к угрозам внешнего мира, включая угрозы и вербальные. Это реализуется, по сути, на уровне генетической памяти. Индивид остро реагирует на соответствующие концепты, связанные с повышенной эмоциональной напряжённостью и провоцирующие её.

Концепт «убийство», ни в малейшей мере не являясь табуированным, всё же предполагает в использовании определённую осмотрительность и осторожность в силу его высокой экспрессивности. Это становится особенно важным при тиражировании концепта через систему массмедиа. При этом алгоритм текстопостроения не может быть однозначно строгим: многое решают сами журналисты, руководствуясь собственными представлениями о морали и чувством меры. Вообще «сложно давать общие рекомендации по словоупотреблению, поскольку со многими разбираемыми нами аспектами журналистской работы всё не так однозначно» [13, с. 45]. Тем не менее, оправданность словоупотребления, особенно

если речь идёт о сильно воздействующих концептах, необходима, так как в противном случае результат окажется негативным.

Обращение к журналистским публикациям позволяет судить о том, что концепт «убийство» или семантически коррелирующие с этим словом лексические единицы, принадлежащие, по сути, к тому же концепту, зачастую используются неправомерно, нивелируются вследствие слишком частого употребления. Особенно наглядно это проявляется в заголовочных комплексах. Так, лишь в одном номере массовой информационной газеты «Metro» за 8 ноября 2012 г. можно найти следующие выражения в собственно заголовках или в подвёрстанных к ним подзаголовках: «Юрист убил своих коллег», «Защитник животных стал хладнокровным убийцей», «Убивать животных нельзя», «Не полюбила убийцу». В этом же газетном номере встречаются другие концепты с особенно высоким уровнем экспрессии, которые эмоционально и семантически близки концепту «убийство»: «Расстрелял коллег из-за любви», «Это необъявленная война?»

В данном случае концепт «убийство» и коррелирующие с ним концепты, с одной сто-

роны, девальвируются, а с другой – в силу девальвации становятся более адаптированными для внедрения в сознание реципиентов, порождая социально опасный эффект. Обыватель, подвергнутый подобной лексической атаке, на подсознательном уровне может сформировать искажённую картину мира, его ценностные приоритеты окажутся деформированными, что, вне всякого сомнения, повлияет на поведенческие стереотипы и мотивы общественных поступков. Неоправданное навязывание концептов с высокой экспрессией может вызвать у индивида внутренний конфликт между «инстинктом жизни» и «инстинктом смерти», что, не исключено, спровоцирует появление деструктивного инстинкта – «разрушительного инстинкта, поскольку понятие инстинкта смерти постулирует желание организма разрушить, уничтожить САМОГО СЕБЯ, а понятие деструктивного инстинкта подразумевает желание убивать ДРУГИХ» [12, с. 58]. Таким образом, и обычные медиапубликации массовых, как правило, изданий могут иметь серьёзные социальные последствия.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 529 с.
2. Голиков Л. М. Каковы признаки текстов и видеоматериалов экстремистского характера, размещаемых в социальной сети [Электронный ресурс] // ВКонтакте. Режим доступа: <http://www.vsedela.ru/index.php?topic=1696.0> (дата обращения: 18.08.2015).
3. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика (конференция 2012 года). Режим доступа: http://konference.siberia-expert.co./publ/konferencija_2012 (дата обращения: 17.08.2015).
4. Голиков Л. М. Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. Практика успешной защиты и обвинения. 2014. № 7. Режим доступа: <http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=342886> (дата обращения: 18.08.2015).
5. Диева Т. М. Социальные диалекты в современной российской прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. СПб., 2001. 24 с.
6. Лайтфут К. Права человека по-американски: от колониальных времён до «нового курса» включительно / пер. с англ. Ю. А. Неподаева. М.: Прогресс, 1981. 286 с.
7. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.
8. Малькова В. «Не допускается разжигание межнациональной розни...»: кн. об этнической журналистике: из опыта анализа российской прессы. М.: Academia, 2005. 114 с.
9. Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 830 с.
10. Подвальная Е. Из проблематики русской обценной лексики // Язылянский сборник / редкол.: С. И. Богданов, П. Е. Бухаркин, Л. Г. Герценберг, И. Рахими. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1996. С. 76–86.
11. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности: учеб.-метод. пособие [Электронный ресурс] / сост. Л. З. Подберезкина, Е. Ю. Федоренко. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. Режим доступа: <http://ipps2.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-> (дата обращения: 18.08.2015).
12. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / пер. с англ. Л. В. Топоровой, С. В. Воронина, И. Н. Гвоздева. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 1995. 288 с.
13. Севортьян А. Р., Шароградская А. А. Освещение этнического многообразия: учеб. пособие. М.: ЦРДиПЧ, 2005. 200 с.

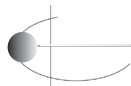

14. Салахутдинов А. А. Социальные сети как информационный канал экстремистского материала [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2014. № 17. С. 561–564. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/76/13119/> (дата обращения: 20.08.2015).
15. Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии: тез. симп. [Электронный ресурс]. М., 1981. С. 49–53. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/uspensky-81.htm> (дата обращения: 15.07.2015).
16. Хоруженко В. А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.
17. Юдина Н., Альперович В. Праворадикал расправил плечи. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2013 году в России [Электронный ресурс] / под ред. А. Верховского // Сова (Sova-center). Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/02/d29004> (дата обращения: 14.08.2015).
18. Teun A. van Dijk. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. Amsterdam: MoutonPublishers, 1983. Vol. 3–4. P. 375–404.

References

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2007. 529 s.
2. Golikov L. M. Kakovy priznaki tekstov i videomaterialov ekstremistskogo kharaktera, razmeshchaemykh v sotsial'noi seti [Elektronnyi resurs] // VKontakte. Rezhim dostupa: <http://www.vsedela.ru/index.php?topic=1696.0> (data obrashcheniya: 18.08.2015).
3. Golikov L. M. Semiotika ekstremistskogo teksta [Elektronnyi resurs] // Yurilingvistika: sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza, lingvokonfliktologiya, yuridiko-lingvisticheskaya germenevtika (konferentsiya 2012 goda). Rezhim dostupa: http://konference.siberia-expert.co./publ/konferencija_2012 (data obrashcheniya: 17.08.2015).
4. Golikov L. M. Semiotika ekstremistskogo teksta [Elektronnyi resurs] // Uголовnyi protsess. Praktika uspekhov zashchity i obvineniya. 2014. № 7. Rezhim dostupa: <http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=342886> (data obrashcheniya: 18.08.2015).
5. Dieva T. M. Sotsial'nye dialekty v sovremennoi rossiiskoi presse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. SPb., 2001. 24 s.
6. Laifut K. Prava cheloveka po-amerikanski: ot kolonial'nykh vremen do «novogo kursa» vklyuchitel'no / per. s angl. Yu. A. Nepodaeva. M.: Progress, 1981. 286 s.
7. Makovskii M. M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov. M.: Vlados, 1996. 416 s.
8. Mal'kova V. «Ne dopuskaetsya razzhiganie mezhnatsional'noi rozni...»: kn. ob etnicheskoi zhurnalistike: iz opyta analiza rossiiskoi pressy. M.: Academia, 2005. 114 s.
9. Platon. Sobr. soch.: v 4 t. T. 4 / per. s drevnegrech. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Takho-Godi. M.: Mysl', 1994. 830 s.
10. Podval'naya E. Iz problematiki russkoi obstsvennoi leksiki // Yazgulyamskii sbornik / redkol.: S. I. Bogdanov, P. E. Bukharkin, L. G. Gertsenberg, I. Rakhimi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1996. S. 76–86.
11. Psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskoi napravlenosti: ucheb.-metod. posobie [Elektronnyi resurs] / sost. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2012. Rezhim dostupa: <http://ipps2.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-> (data obrashcheniya: 18.08.2015).
12. Raikroft Ch. Kriticheskii slovar' psikhoanaliza / per. s angl. L. V. Toporovoi, S. V. Voronina, I. N. Gvozdeva. SPb.: Vostochno-Evropeskii in-t psikhoanaliza, 1995. 288 s.
13. Sevort'yan A. R., Sharogradskaya A. A. Osveshchenie etnicheskogo mnogoobraziya: ucheb. posobie. M.: TsRDIPCh, 2005. 200 s.
14. Salakhutdinov A. A. Sotsial'nye seti kak informatsionnyi kanal ekstremistskogo materiala [Elektronnyi resurs] // Molodoi uchenyi. 2014. № 17. S. 561–564. Rezhim dostupa: <http://www.moluch.ru/archive/76/13119/> (data obrashcheniya: 20.08.2015).
15. Uspenskii B. A. Religiozno-mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii: tez. simp. [Elektronnyi resurs]. M., 1981. S. 49–53. Rezhim dostupa: <http://www.philology.ru/linguistics2/uspensky-81.htm> (data obrashcheniya: 15.07.2015).
16. Khoruzhenko V. A. Kontsepty «Voina» i «Vrag» v sovremennoi russkoyazychnoi publitsistike: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010. 24 s.
17. Yudina N., Al'perovich V. Pravoradikal raspravil plechi. Ksenofobiya i radikal'nyi natsionalizm i protivodeistvie im v 2013 godu v Rossii [Elektronnyi resurs] / pod red. A. Verkhovskogo // Sovo (Sova-center). Rezhim dostupa: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/02/d29004> (data obrashcheniya: 14.08.2015).
18. Teun A. van Dijk. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. Amsterdam: MoutonPublishers, 1983. Vol. 3–4. P. 375–404.

Статья поступила в редакцию 30.08.2015

УДК 070:81:008
ББК 76.00:81.022:71.41
ББК Ч600:Ш10.22:Ч141

Юлия Александровна Полякова,
старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: july-poly@mail.ru

Языковые проблемы мультикультурной журналистики

Мультикультурализм проник во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в журналистику. Более того, пресса является основным механизмом, позволяющим продвигать и развивать идеи и принципы мультикультурализма. В статье объектом исследования выступает мультикультурная журналистика как специфическая особенность отдельных СМИ и прессы в целом. Данные СМИ находят свою аудиторию независимо от политических и национальных границ. Однако в большинстве своём мультикультурные СМИ (или отдельные программы и издания), а также применяемые в них основные тренды заимствованы из информационного поля США и Европы, и помимо трансляции новостей и определённых тенденций распространяют соответствующие мировоззренческие, ценностные установки и языковые форматы. Анализ, представленный в данной статье, позволяет определить, насколько глубоко возможно проникновение англоязычных слов и выражений в лексическое поле современных СМИ и насколько это оправдано в каждом конкретном случае. Основное правило содержательного разнообразия текстов СМИ – адекватность языкового подхода интересам аудитории, что влечёт за собой необходимость адаптации отдельных выражений и в целом текстов зарубежной журналистики к национальным особенностям восприятия, а также использование актуальных форм вербального и невербального общения СМИ и аудитории. Умеренное использование и соразмерное представление иноязычных слов, неологизмов, принятых в интернет-среде выражений в журналистских текстах – основа успешного контакта СМИ и аудитории.

Ключевые слова: мультикультурализм, тексты СМИ, неологизм, языковой подход, Интернет, блог.

Yuliya Aleksandrovna Polyakova,
Senior Lecturer,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: july-poly@mail.ru

Language Problems of Multicultural Journalism

Multiculturalism has penetrated into all spheres of human activity, including journalism. Moreover, the press is the main mechanism, which helps to promote and develop the ideas and principles of multiculturalism. Multicultural journalism as a specific feature of individual media and the press in general is the subject of this study. All these media find their audience regardless of political and national boundaries. However, the majority of multicultural media (or separate programs and publications), and basic journalistic trends used by them come from the US and Europe, and in addition to broadcasting news and trends they disseminate relevant outlook on life, values, language expression. The analysis presented in this paper allows us to determine to what extent the penetration of English words and expressions into the lexical field of modern media may occur and how it is justified in a particular case. The main rule of substantial diversity of media texts is to find the right approach to the language of the audience which entails the need to adapt the individual expressions and whole texts of the foreign journalism to national peculiarities of perception, as well as the use of modern forms of verbal and nonverbal communication between the mass media and the audience. Moderate use and proportional representation of foreign words, neologisms, expressions taken from the online environment in journalistic texts is the foundation of successful contact of the media and the audience.

Keywords: multiculturalism, media texts, neologism, linguistic approach, the Internet, blog.

Мультикультурализм как явление предполагает параллельное существование культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития. Идея мультикультурализма

выдвигается главным образом в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток иммигрантов. Как политика, направленная на сохранение и развитие

культурных различий отдельных народов в условиях массовой культуры, мультикультурализм проник во все сферы человеческой деятельности, в том числе и в журналистику [4]. Пресса является основным механизмом, позволяющим продвигать и развивать идеи и принципы мультикультурализма. В связи с этим имеет смысл говорить о *мультикультурной журналистике* как о специфической особенности отдельных СМИ или прессы в целом. Журналисты, как носители и распространители актуальных идей, создают тексты, направленные на развитие отдельных принципов мультикультурализма, таких как предоставление равных условий для развития различных культур, уважение к культуре национальных меньшинств, свободное овладение не только официальным, но и родным языком.

Сегодня всё более актуальной становится журналистика, направленная на определённые целевые аудитории – различные по этнорасовому, культурному и языковому признакам. Характерный пример – множество появившихся в последние годы во многих странах мира изданий и телевизионных каналов, рассчитанных на мультикультурную аудиторию: они выходят на разных языках и содержат информацию как мирового, так и национального значения. Так, американские издания «New York Times», «Forbs», «Family Circle», «Cosmopolitan», европейский «Burda», каналы «MTV», «CNN» уже много лет выходят в разных странах мира, на национальных языках. Кроме того, на современном российском телевидении появляется большое количество передач, шоу и сериалов, сделанных по западному формату. Эти ремейки и воспроизводимые по франчайзингу программы также можно отнести к контенту мультикультурных СМИ, поскольку инициированы они были в одной культурно-информационной среде, но адаптированы и востребованы во многих других. Ещё одним стабильным источником мультикультурной информации стал Интернет. Бесконечное количество сайтов, порталов и социальных сетей включают разнообразную мультикультурную составляющую. Многие печатные и телевизионные СМИ считают обязательным иметь свою интернет-версию, дополненную разнообразным инструментарием: гипер-ссылками, видео- и фотоматериалами, возможностью читать тексты на разных языках и т. д. Это делает Интернет лидером среди общепринятых каналов коммуникации и основным источником информации как для аудитории, так и для журналистов.

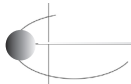
Данные СМИ находят свою аудиторию независимо от политических и национальных границ. Однако в большинстве своём мультикультурные СМИ (или отдельные программы и издания), а также применяемые в них основные тренды заимствованы из информационного поля США и Европы и помимо трансляции новостей и определённых тенденций распространяют соответствующие мировоззренческие, ценностные установки и языковые форматы. Это и составляет суть проблемы, поднимаемой в данной статье: насколько глубоко возможно проникновение англоязычных слов и выражений в лексическое поле современных СМИ и насколько это оправдано в каждом конкретном случае.

Язык современных текстов СМИ очень разнообразен, а их мультикультурность в большинстве своём проявляется в смешении стилей, форматов и языков коммуникации. Тексты могут содержать до половины заимствований и непереводаемых выражений, которые понятны большинству граждан. В то же время тексты современных российских СМИ, особенно ток-шоу и выпуски новостей, похожи на западные аналоги. Им свойственны динамизм, резкая смена обстановки, постоянно поддерживаемый драйв, особая универсальная мультикультурная лексика ведущих.

Главная задача мультикультурных СМИ – глобальное объединение народов. Транснациональные каналы и журналы транслируют образы, товары, тенденции, которые впоследствии становятся общепринятыми в большинстве развитых сообществ. Одновременно с этим людей объединяет и язык, ведь всемирно известные торговые марки, мировые звёзды, бизнес-тренды – всё это воспроизводится, как правило, на английском и проникает в информационное поле другого языка. Так, попадая на русскую почву, иноязычное слово постепенно ассимилируется, приспосабливается к фонетической и грамматической системе русского языка. Иноязычные слова, в случае актуализации их семантики, начинают активно выступать в качестве производящей базы для новых слов и выражений. Среди ставших уже привычными для нас слов: блоггер (пользователь компьютера, ведущий блог), випы (от VIP – особо важные персоны), лавстори (история любви), сэйломания (любовь к распродажам), свэг (крутой, модный). Гастрономические новшества нашего времени нашли отражение на страницах СМИ в форме «митболов» [6].

В то же время у народов (в том числе и в России) сложились совершенно разные

традиции, образ мышления, стандарты жизни, нормы поведения, характер искусства. Восприятие ими мультикультурных СМК не всегда соответствует заложенному информационному посылу. Если пресса стремится к тому, чтобы заполнить собой всё информационное поле, то аудитория «глобальной деревни» связана не общностью информации, которую получает через СМК, а в основном общностью товаров, которые потребляет. И здесь можно выделить две тенденции: 1) коммерциализация массмедиа или активное участие рекламного дискурса в дискурсе средств массовой информации; 2) наличие экономической цензуры вместо идеологической [1]. Таким образом, массовая коммуникация, основанная на позиции сходства, а не различия, постепенно перестаёт быть привычным «клеем» общества. Для того чтобы эффективнее внедряться в языковое пространство современной аудитории, главным принципом работы СМИ должен быть поиск различий, а не сходств, как в содержании информационных материалов, так и в их оформлении. Ключевое правило содержательного разнообразия текстов СМИ – находить адекватный языковой подход к аудитории. Это означает не только адаптировать отдельные выражения и в целом зарубежные медиатексты к национальным особенностям восприятия, но ещё и использовать современные формы вербального и невербального общения СМИ и аудитории. Поскольку каждый человек соотносит себя с той или иной культурой, ему свойственно в первую очередь использовать определённые виды языков, которые являются артефактами, а тем самым – объектами культуры. Это, как правило, разнообразные искусственные языки (включая языки программирования, языки эсперанто и т. п.), системы письма (идеографические, слоговые, алфавитные), системы транскрипции и транслитерации, правила графики и орфографии, орфоэпические правила, литературные языки вместе с их системами функциональных стилей, правила коммуникативного поведения общающихся [6]. Наличие узнаваемых символов и образных языковых выражений делает контакт массмедиа и аудитории успешным.

Каждый из выделяемых специалистами видов аудитории СМК имеет свой культурный «язык», «код» (или набор «кодов»), специфика которых обусловлена особенностями осуществляемой деятельности и мировоззрения [3]. Благодаря этому та или иная аудитория пользователей СМК сразу находит

среди множества программ и изданий то, что подходит именно ей. Массмедиа с помощью языкового «кода» находят эффективные способы взаимодействия и воздействия на конкретную аудиторию.

Язык средств массовой коммуникации занимает среднее положение: он не является естественным, поскольку люди, пишущие для СМИ или выступающие в эфире, употребляют совершенно не те выражения и конструкции, принятые в обыденной жизни. Язык СМИ строится по определённым правилам, «кодируется» в соответствии с выбранной целевой аудиторией. Чем конкретнее функция медиасообщения, тем строже правила его создания, тем более строгим является его язык.

Восприятие текста и эффекты его воздействия во многом зависят от типа аудитории. Если он подготовлен с учётом особенностей характера, мировоззрения людей, их идейных установок и взглядов, то велика вероятность того, что текст будет эффективным и выполнит свою коммуникативную функцию. Так, значимым фактором определения типологии аудитории является возрастная характеристика. Например, люди старшего возраста, как правило, консервативны. К разного рода новациям они относятся с большой долей недоверия, им дороги воспоминания о прошлом. Критику недавней истории они воспринимают как личное оскорбление. Эту психологическую особенность пожилых людей должны учитывать грамотные журналисты – использовать соответствующую лексику, минимально применять иноязычные выражения, не делать резких оценок и беспрецедентных выводов. В то же время этой аудитории свойственна эмоциональность и стремление сопереживать, поэтому СМИ, ориентированные на такую категорию людей, транслируют захватывающие житейские истории, драматичные сюжеты из жизни реальных героев и другие подобные материалы. Всё это, как правило, репрезентируется с помощью стереотипных выражений и стандартных речевых конструкций: «они жили долго и счастливо», «превратности судьбы», «дети наше всё» и др. В результате каждая история воспринимается как знакомая и близкая. Лидерами по наличию подобного контента являются телеканал «Россия 1», журналы «Домашний очаг» и «Караван историй».

При обращении к аудитории пенсионеров СМИ могут рассчитывать на внимание со стороны зрителей и читателей, которые обеспечивают соответствующим программам высокий рейтинг. Покупательская способность у

них невысокая, а значит реклама, размещённая в целевых программах, будет не очень эффективна. Именно поэтому большинство таких программ и изданий часто меняют названия, оформление, оставляя неизменной идеологию и языковое оформление.

В отличие от людей старшего возраста молодёжь – наиболее динамичная по характеру и взглядам часть общества. В общении с ней важен не разумный довод, а эмоциональный призыв. Она легко воспринимает новые, свежие идеи. Её интересуют проблемы сверстников, у неё собственные, нетрадиционные кумиры, свой стиль поведения и своя лексика. Она устала от нравоучений и не воспринимает длинные, пусть даже обстоятельные и логически выверенные, но напоминающие нотацию информационные сообщения. Соответственно текст, обращённый к молодым людям, должен легко восприниматься, не быть перегружен терминами и теорией, но насыщен яркими образами и выражениями.

Особенно привлекают внимание молодёжи иноязычные заимствования и современный сленг (неологизмы), которые создают впечатление приобщения содержания контента СМИ к мировой культуре. «Дресс-код», «офис», «ОК», «коммент», «топ-менеджер» – привычные слова для любого современного человека, на деле являющиеся калькой или переводом с английского языка. Традиционным каналом появления в СМИ неологизмов являются заимствования из Сети. Так, в 2014 году одной из самых модных соцсетей стал Инстаграм, который привнёс в русский язык слова «лук», «лифтолук», «туалетолук», «дакфейс», а также «селфи», которое, однако, вошло в обиход российских журналистов только после того, как стало словом 2013 года по версии Оксфордского словаря [6].

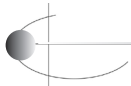
Среди появляющихся сегодня форм и способов общения особенно много созданных молодёжью и для молодёжи. Все они так или иначе связаны с Интернетом, поскольку это современный, быстрый и доступный способ общения. Интернет является самым ярким примером мультикультурного СМК – здесь одновременно представлены практически все виды культур, традиций, трендов и идей, выражаемые как через содержание сайтов, так и через комментарии пользователей. Молодые люди в развитых странах уже давно перестали пользоваться телевидением и газетами для получения информации. Все они являются активными пользователями миллиона сайтов, на каждом из которых можно найти необходимую информацию. У

обычного среднестатистического студента, использующего Интернет, есть в среднем 1000–1500 знакомых и друзей, которые он знает или в перспективе может узнать и выстроить общение. Для такой коммуникации используется свой специфический язык.

Существует два варианта коммуникации в Интернете: 1) форумы, чаты и социальные сети, где происходит общение on-line, 2) тематические сайты и блоги [2]. В первом случае люди просто общаются, причём письменно. Соответственно стиль и язык подобных текстов очень приближен к разговорному, часто это «закодированные» послания, созданные, в том числе, из сокращённых слов (счас, пжлста, првт), смайлов и картинок, несущих смысловую нагрузку, и флуда (не тематические сообщения в интернет-форумах и чатах, зачастую занимающие большие объёмы). Почерпнуть полезную информацию из таких бесед практически невозможно. Это становится понятно, когда поисковая система в ответ на запрос выдаёт ссылки на подобные форумы.

Блоги и тематические сайты – совершенно другой принцип коммуникации. Здесь люди не обращаются к конкретному пользователю, а выставляют на обсуждение собственные мысли, взгляды и мнения. Среди авторов таких сайтов и блогов есть известные писатели, общественные деятели, представители шоу-бизнеса и популярные в молодёжном мире персонажи. Суть коммуникации в данном случае – создать интересное аудитории текстовое или визуальное сообщение и собрать максимальное количество комментариев. Это будет означать, что посыл был востребован и следует продолжать в том же духе. Количество комментариев напрямую влияет на количество просмотров странички в Сети и в перспективе может привести к коммерческому успеху. Важно, чтобы сообщение было ориентировано на максимальную, и в то же время целевую аудиторию. Для этого создатели используют соответствующую лексику, речевые конструкции и обороты.

На авторов блогов ориентируются, к примеру, предприниматели и законодатели мод, поскольку подобные сообщения активно обсуждаются пользователями Интернета, высказываются пожелания, критика и зачастую оригинальные идеи. В среде же современных журналистов давно принято активно изучать блоги. Информацию используют в качестве новостных поводов, а отдельные идеи – как основу для своих материалов и программ. Некоторые исследователи массмедиа отмечают, что ряд интернет-СМИ, позициони-

рующих себя как новостные порталы, сами напоминают информационные блоги, для которых важно не столько информирование аудитории, сколько сбор комментариев под каждой новостью и количество просмотров сайта в целом. Это снижает их значение как средства массовой информации, однако подобные издания пользуются популярностью среди населения. Одна из причин востребованности – языковая доступность материалов и возможность получить информацию не столько из официальной новости или репортажа, сколько из комментариев, публикуемых ниже.

Автором данной статьи был проведён сравнительный анализ публикаций нескольких читинских новостных интернет-порталов. По его результатам было выявлено, что наиболее читаемые новости написаны с использованием разговорных выражений («нархоз», «общественник», «заксобрание», «банда» и др.). Также в них часто употребляются описанные выше иноязычные выражения и неологизмы («омбудсмен», «волонтёры», «гаджеты», «соцсети» и др.). Опрос пользователей сайтов (150 чел.) показал, что аудитории, как правило, не нравятся или ей непонятны неологизмы журналистов. Неоправданным является тот факт, что те, кто отвечает за редакционное оформление информации, не видит

особой беды в обилии ненужных неологизмов, выстроенных на заимствовании из иностранных языков, в первую очередь, английского.

Таким образом, осуществлённый анализ позволяет говорить о том, что неологизмы и созданные на их основе разговорные выражения проникают в тезаурус аудитории через мультикультурные СМИ. С одной стороны, это делает контакт журналиста и аудитории более эффективным. С другой – излишнее использование подобной лексики и подмена уже существующих терминов негативно сказывается на востребованности и популярности таких СМИ у аудитории.

Тем не менее, несмотря на попытки сохранения национальных культур и языков, всё чаще наблюдается тенденция унификации услуг, товаров, средств общения, а значит, и языка, с помощью которого люди взаимодействуют друг с другом. Средства массовой коммуникации активно заменяют людям обычное межличностное общение, вследствие чего подменяют традиционные ценности и языковые привычки на мультикультурные. Умеренное использование и адекватное встраивание иноязычных слов, неологизмов, принятых в интернет-среде выражений в журналистские тексты – основа успешного контакта СМИ и аудитории.

Список литературы

1. Набиева Е. А. Новые слова в медиакультуре современности. Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 48.
2. Научная библиотека Киберленинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/novye-slova-v-mediakulture-sovremennosti#ixzz3mkypolex> (дата обращения: 15.08.2015).
3. Сусов А. А. Теория межкультурной коммуникации. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. С. 5–6.

Источники

4. Кравченко А. И. Культурология: словарь. М.: Академ. Проект, 2000. С. 381.
5. Поликарпова В. А. Специфика философского знания: учебно-методическое пособие по философии для магистрантов. Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008.
6. Публичная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.public.ru/press_slovo_2013/ (дата обращения: 15.08.2015).

References

1. Nabieva E. A. Novye slova v mediakul'ture sovremennosti. Zhurnalistskii ezhegodnik. 2012. № 1. S. 48.
2. Nauchnaya biblioteka Kiberleninka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/novye-slova-v-mediakulture-sovremennosti#ixzz3mkypolex> (data obrashcheniya: 15.08.2015).
3. Susov A. A. Teoriya mezhkul'turnoi kommunikatsii. Tver': Izd-vo TvGU, 2001. S. 5–6.

Istochniki

4. Kravchenko A. I. Kul'turologiya: slovar'. M.: Akadem. Proekt, 2000. S. 381.
5. Polikarpova V. A. Spetsifika filosofskogo znaniya: uchebno-metodicheskoe posobie po filosofii dlya magistrantov. Izd-vo TTI YuFU, 2008.
6. Publichnaya biblioteka [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.public.ru/press_slovo_2013/ (data obrashcheniya: 15.08.2015).

Статья поступила в редакцию 25.08.2015

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(195426, Россия, Санкт-Петербург, Индустриальный пр-т, 13),
e-mail: a-nik@list.ru

Модус критики в структуре языковой личности

Придав художественной литературе и публицистике
неперекаемый авторитет толкователя жизни,
русское сознание ощущает её
национальным идеалом,
а её эстетику – всеобщим образцом.
В. Г. Костомаров

Данная статья посвящена феномену критики как формы публицистического анализа современности. Критика, как показывает исследование, идентична ироническому модусу, лежащему в основе концепции эволюции литературы, разработанной известным канадским ученым Н. Фраем. В исследованиях медийного дискурса актуализируется понимание критики как способа социально-эстетической регуляции развития определённых явлений и процессов и восприятия их обществом. Глубина публицистического анализа зависит от структурных составляющих языковой личности журналиста. Механизмом реализации функций критики выступают интерпретация, объяснение, репрезентация, прогностическая направленность оценок, коммуникативные возможности, редуцирование мыслительных процессов. В контексте иронического модуса конституирующую основу критической деятельности языковой личности следует рассматривать с двух точек зрения. В единичном проявлении она предстаёт как выявление коммуникативно-прагматического (практического) вида мышления, протекающего в условиях эстетического восприятия и эстетического переживания. С другой стороны, философско-социологический подход к феномену критики позволяет сосредоточить внимание на объективном гносеологическом содержании и социальных функциях критической деятельности. В этом смысле критика – один из видов социально-преобразующей деятельности с социально-регулятивной, эвристической и эстетико-аксиологической функциями. Между методами критики и публицистики, выбираемыми автором как языковой личностью, различия несущественны. Соподчинение методообразующих установок в этих видах деятельности выступает как структурно однотипное. Социально-регулятивный момент в обоих случаях доминирует, хотя и зависит от языковой активности автора, отдающего предпочтение ироническому модусу как наиболее отвечающему вкусу эпохи. В контексте иронического модуса находится жанровый инвариант эссе – авторская колонка.

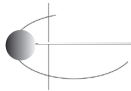
Ключевые слова: публицистический анализ, критика, модус, ирония, социально-преобразующая деятельность, языковая личность, жанровый инвариант.

Alla Nikolaevna Teplyashina,
Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University
(13 Industrial Ave., St. Petersburg, Russia, 195426),
e-mail: a-nik@list.ru

Criticism Modus in the Structure of Linguistic Personality

This article is about phenomenon of criticism. Criticism is seen as a form of journalistic analysis of the present. Criticism is identical to ironic mode. The ironic mode is the concept of evolution of literature. The concept of mode was developed by famous Canadian scientist N. Frye. In studies of media discourse understanding of criticism is updated. Criticism is seen as a way to understand the social and aesthetic development of the regulation of certain phenomena and processes. The depth of journalistic analysis depends on structural components of the language personality of a journalist. Interpretation, explanation, representation, predictive focus assessments, communication capabilities, the reduction of thought processes together are the mechanism for implementing the functions of criticism. Criticism is established as a core language personality. In the context of the ironic mode, the criticism should be considered in two aspects. In a single manifestation, it appears as identifying communicative-pragmatic (practical) kind of thinking. This kind of thinking is produced in the context of aesthetic perception and aesthetic experience. The philo-

sophical-sociological approach to the phenomenon of criticism helps to focus on objective epistemological content and social functions of critical activity. In this sense, criticism is one of the types of socially productive activities with socio-regulative, heuristic, aesthetic and axiological functions. Between the methods of criticism and journalism chosen by the author as a linguistic personality, the differences are minor. In these kinds of activity, subordination of method-forming guidelines acts as structurally similar one. Socio-regulatory point in both cases dominates. Socio-regulatory unit depends on the language activity of the author. An important condition is the degree of preference of the ironic mode by the author as the most satisfying taste of the era. Genre invariant of the essay – the editorial column – identifies itself in the context of the ironic mode.

Keywords: journalistic analysis, criticism, modus, irony, socio-transformative activities, linguistic personality, genre invariant.

В соответствии с концепцией литературных модусов, разработанной известным канадским учёным Н. Фраем, эволюцию литературы следует рассматривать как завершаемую модусом иронии череду сменяющих друг друга форм. Иронический модус мы интерпретируем как форму критики, генерирующую смыслы публицистического анализа реальности, положенного в основу как литературы, так и журналистики. Журналистика не столько создаёт способы понимания мира, сколько воспринимает возникшие в литературе архетипы определённых форм (миф, трагедия, сатира, юмор и т. п.) человеческого отношения к миру, всякий раз наполняя их конкретно-историческим содержанием и новой интерпретацией.

В исследованиях медийного дискурса актуализируется трактование критики как способа социально-эстетической регуляции развития определённых явлений и процессов и восприятия их обществом. Коммуникативные стратегии критики существенно сказываются на специфике эстетической формы контента.

Появившиеся в последние десятилетия коллективные труды, а также ряд монографических работ внесли много нового в разработку теоретических основ и методологических принципов критики. Основное внимание исследователей сосредоточивалось на выявлении общего в критике и литературоведении, в критике и художественной литературе, и в меньшей степени – в критике и публицистике. Многие учёные с большей или меньшей определённостью отмечали, что одностронний подход к изучению природы критической деятельности уже изжил себя. Стало очевидным, что онтологические параметры критики следует искать не столько опосредованно – в сопоставлении с другими видами творческой деятельности, сколько в осознании её как собственно структурного целого. Это даёт возможность избежать и крайностей односторонней трактовки природы критики, и эклектических представлений о ней. Сле-

дует исходить из того, что критика является не просто субъективной деятельностью, а неотъемлемым элементом человеческой культуры. Причём она несёт именно ей присущую функциональную нагрузку, иными словами, на неё возлагается специфическая функция, которая не может быть успешно осуществлена какими-либо иными средствами. В своём историческом развитии критика всегда более или менее тесно соприкасалась с риторикой, публицистикой, а также впитывала в себя достижения философии, эстетики, этики и других общественных наук. Рассмотрение критики в соотношении трёх неотделимых друг от друга параметров – психологического, гносеологического, социологического – позволяет составить представление о ней как о целостном виде мышления и творческой деятельности.

Появление критики как таковой вызывалось известными общественными потребностями. Долгое время до появления массовой прессы критика реализовала себя в эпистолярных жанрах, в художественных произведениях, публичных выступлениях и т. д. С XVII века – времени появления периодических изданий – критика постепенно выделяется в профессию, цель которой состоит не просто в оценке художественного произведения, но и в осуществлении своеобразного контроля за жизнью социума в соответствии с выработанными обществом ценностными ориентациями. Она превращается в интеллектуальное осознание культуры после длительной эволюции, на протяжении которой вырабатываются критические принципы, «когда критика ещё не является собственно критикой, когда она еще не имеет "чистого" критического голоса и выступает, как правило, в сочетании с наукой или литературой как искусством слова» [8, с. 168]. В 70-х годах XX века в отечественном литературоведении довольно активно утверждается представление о критике как о виде публицистического творчества. В большей или меньшей степени

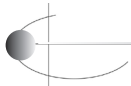

подобную точку зрения разделяют В. И. Баранов, А. Г. Бочаров, Н. С. Гаранина, В. М. Горохов, В. И. Здорова, М. Г. Зельдович, В. Я. Канторович, Е. П. Прохоров, Ю. И. Суровцев и др.

Публицистические установки, характер аргументации, некоторые общие функциональные черты дают основание рассматривать критику как ветвь публицистики. В современных исследованиях всё чаще главный акцент делается не на научных или художественных элементах, а на публицистически злободневной задаче критики, обусловленной социально-эстетическими потребностями реальной действительности. В последние годы весьма активно разрабатывается (в частности, И. В. Кондаковым) концепция критики как своеобразного «комплекса» науки, литературы и публицистики. При этом характерны попытки не просто отделить критику как от науки о литературе, так и от самой литературы, но и, учитывая наличие в ней и научных, и художественных элементов, рассматривать её как функциональную часть журналистики. Однако здесь следует принять во внимание, что критика взаимодействует с журналистикой прежде всего на основе интенсивного использования каналов массовой коммуникации, которые являются наиболее удобными для осуществления ею своих функций. Поскольку целостный феномен и при таком подходе не «вырисовывается», исследователи (Б. М. Бернштейн, М. Голашевская, Р. Т. Громяк, М. С. Каган, В. А. Коваленко, В. Кубилюс, А. С. Курилов, П. А. Николаев, С. Х. Раппопорт, В. К. Скатерщиков, Д. В. Стариков и др.) всё чаще говорят о критике как об особом виде деятельности, в котором сочетаются качества науки, литературы, публицистики. В своей целостности критика предстаёт как вполне определённый социальный институт, продукт которого получает преимущественно активно-действенный характер, а не только характер духовного освоения мира. Статус критики как социального института коренным образом меняется с распространением периодической печати, когда она утверждается и функционирует на стыке журналистики, художественного творчества и научного анализа. Предметное своё выражение критика получает в деятельности общения, вызываемой необходимостью обмена разного рода информацией в общественной жизни. Такое общение не является стихийным, случайным. Ведь субъект при этом осуществляет коммуникативную деятельность, которая преследует известные цели опреде-

лённой общности людей. Критика трансформирует социальный императив в требования, с одной стороны, отвечающие природе эстетической деятельности, с другой – отражающие социально-психологический уровень эстетического сознания общества. Именно подобным образом она осуществляет свои социальные функции. Следует здесь только отличать их от определённых задач, решение которых обеспечивает реализацию функций социального института, но не подменяет её. Механизмом реализации функций критики выступают: интерпретация, объяснение, репрезентация, прогностическая направленность оценок, коммуникативные возможности, редуцирование мыслительных процессов и т. п. Таким образом, конституирующую основу критической деятельности следует рассматривать с двух точек зрения. В единичном проявлении она предстаёт как выявление коммуникативно-прагматического (практического) вида мышления, протекающего в условиях эстетического восприятия и эстетического переживания. С другой стороны, философско-социологический подход к феномену критики позволяет сосредоточить внимание на объективном гносеологическом содержании и социальных функциях критической деятельности. В этом смысле критика – один из видов социально-преобразующей деятельности, которой осуществляются социально-регулятивная, эвристическая и эстетико-аксиологическая функции. Причём выполнение каждой из них предполагает как обязательное условие выполнение и двух других. Между методами критики и публицистики различия несущественны. Соподчинение методообразующих установок в этих видах деятельности выступает как структурно однотипное. Социально-регулятивный момент в обоих случаях доминирует. Существенное же их отличие состоит в том, что оценка в критике всегда носит эстетический, а в публицистике – социально-практический характер.

Дискурс критики – это безграничное поле взаимодействующих систем массовой коммуникации и их текстов. Критика и публицистика имеют корни в фольклоре, народном творчестве. Публицистика связана не только с профессиональным, но и с непрофессиональным творчеством. «Живые» тексты, выражающие неофициальное, народное мнение, противостояли текстам официальным. Смелая, нелицеприятная народная критика существовала всегда. Функции публицистики выполнял фольклор. Известно, что «фоль-

клор генетически восходит к эпохе формирования человеческой речи, то есть возник 10–13 тыс. лет тому назад» [1, с. 108].

Переход к коммуникационным технологиям, начавшийся с появления текста в системе средств массовой коммуникации, был «одним из величайших завоеваний человеческой культуры, которое повлекло за собой и более поздние изобретения – музыкальной нотации, фотографии, а затем воспроизводящих устройств – и обеспечило накопление и обобщение достижений науки и искусства в глобальных масштабах» [1, с. 100]. Но этот процесс сопровождался разрушением «живого контакта между субъектом и объектом информации, расщеплением актов творчества (исполнения) и восприятия, распадом синкретичности и потерей очень важных в эмоциональном и изобразительном отношении вне-текстовых элементов, потерей возможностей “обратной связи” и “эффекта присутствия”, затуханием творческих импульсов на полюсе восприятия» [1, с. 94].

В отечественных исследованиях XX века наблюдается тенденция к смешению особенностей эссе и других художественно-публицистических жанров: очерка, памфлета, фельетона, синтезируемых в авторскую колонку. Такую тенденцию можно считать неправомерной, поскольку сведение жанровой специфики эссе к отличительным свойствам других жанров влечёт за собой пренебрежение самобытностью эссе, которое имеет свою историю, пользуется в настоящее время огромной популярностью, следовательно, заслуживает пристального внимания.

Эссе как произведение публицистики – особый жанр словесности, который требует от автора умения сочетать различные качества: писательский талант, способность к острой полемике на любые темы, бескомпромиссную и определённую эстетическую позицию, отстаиваемую в любом произведении. Однако сама идентификация публицистического текста как художественного представляет определённую сложность. Вопрос о том, какое место в литературно-художественном процессе занимает публицистика, относится к разряду полемических. Например, академик В. Г. Костомаров утверждает, что «некоторые просто негодуют, когда под текстом понимается любое словесное произведение, а не только эстетически ценное художественное. Лишь недавно нехудожественные тексты (из газет и иной периодики, научных статей и книг, деловых документов и, наконец, – с по-

явлением магнитофонов – из записей устных разговоров) стали объектом серьёзного исследования» [10, с. 35].

Истинно художественное высказывание без потерь для его смысла и эстетического эффекта возможно выразить только теми средствами, которые предлагает публицист. Существенным является вопрос о соотношении эстетического и публицистического начала в медиакритике, изучение которого осуществляется с помощью таких категорий, как авторская позиция, языковая личность, образ автора и др. Эстетическая функция, являясь важным приёмом удержания внимания, принципиальна именно в публицистических текстах, где подчинена задаче изобразительности в интересах реализации образа автора. Чем ярче, талантливее автор, тем свободнее в его текстах обретается всё, что есть в языке, тем меньше повторов, тем оригинальнее отражается образ автора, видение им мира, его позиция. В эссе наиболее убедительно проявляется личность автора, темперамент, стиль.

Согласно Л. Г. Кайда, «позиция автора – это социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям» [4, с. 58]. Автор-публицист предстаёт перед аудиторией как личность с определёнными морально-нравственными принципами; его чёткая позиция находит выражение в каждом тексте, обуславливая уникальность и эффективность созданного произведения. Базовая, опорная система, совокупность определённых структурных компонентов лингво-антропологической природы в макросистеме внутренних личностных структур человека, обеспечивающая осознание, функционирование и регулирование процессов, происходящих в таких личностных структурах, как физиологическая, интеллектуальная, психолого-эмоциональная, сексуальная, социальная, в науке определяется как языковая личность. Языковая личность – это не только языковая потенция человека, не только его представления о языке, не только индивидуальный вариант национального языка, но и главным образом сложнейший комплексный механизм познания, номинации и семантизации мира. Языковая личность – это результат процессов сознания, мышления, вообще деятельности, основанной на реализации антропологических функций – креативной и этико-эстетической. Это система, обеспечивающая функционирование всех сфер познания/деятельности – социальной, коммуникативной и прагматической в том числе [4, с. 59].

Словосочетание «языковая личность» в качестве термина впервые употребил академик В. В. Виноградов; в широкий научный оборот данный термин был введён Ю. Н. Карауловым, определившим «языковую личность» как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [7, с. 3].

Процессы мышления, познания, номинации, семантизации, текстообразования и языковой деятельности в целом активируются, реализуются и интенсифицируются за счёт постоянной работы таких антрополингвистических функций языковой личности, как креативная и этико-эстетическая.

Языковая личность проявляется в творчестве. Ю. Н. Караулов утверждает, что языковая личность является видом полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, преломлённые через её язык, её дискурс [7, с. 8]. Глобальная стратегия автора-публициста – убедить читателя в своей точке зрения на описываемую ситуацию или событие. Эта глобальная стратегия реализуется с помощью частных коммуникативных стратегий и тактик, являющихся способом развёртывания текста.

Следует отметить универсальный характер категорий текста, основу которого составляет целостность и связность. Л. Г. Бабенко, автор ряда монографий и учебников по текстоведению, считает, что целостность (или цельность) текста обусловлена концептуальностью текстового смысла; связность обеспечивается наличием категорий информативности, интегративности, завершённости, хронотопичности и др. Также выделяются такие важные признаки, как антропоцентричность, диалогичность, единство внешней и внутренней формы, развёрнутость и последовательность, напряжённость (эстетически обусловленная прагматичность, концептуальность и образность), интерпретируемость.

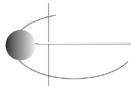
Текст как звено коммуникативного акта всегда содержит информацию, которую условно можно разделить на 1) содержательно-фактуальную; 2) содержательно-концептуальную (авторское понимание описываемых событий в их причинно-следственных связях и значимости в жизни); 3) содержательно-подтекстовую (связанную со способ-

ностью текста порождать ассоциативные и коннотативные значения, «приращивать смыслы» [3, с. 27]. Подтекст – это угадываемая мысль, которая запускает мыслительный процесс в умах читателей. Ироничный подтекст представляет собой наиболее полную, органичную и острую форму диалога автора и читателя. «Предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения. Важно не забывать, что в тексте вообще всё выражено словесно, что реально, в опыте нам дана лишь его “словесная ткань”. В то же время ясно, что состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его “содержанием” и зависит от характера отношения к нему со стороны автора» [2, с. 91].

Эмпирической основой для анализа языковой личности послужили публицистические тексты петербургского критика Татьяны Москвиной. Основным типом изучаемых текстов стали публикации, посвящённые новым произведениям кино, театра, литературы, но не являющиеся по сути рецензиями, поскольку автор в большей степени пишет о социально-политических проблемах современного российского общества, которое живёт в условиях закрепления новых морально-этических отношений, соответствующих новым политико-экономическим и культурным реалиям. Автор интересен своей интерпретацией события или ситуации. Выступление в прессе для Т. Москвиной – всегда возможность поставить важную и актуальную проблему и проанализировать тенденции общественно-политического развития в соответствии с собственной системой взглядов, выражающей определённый способ видения, понимания, трактовки каких-либо явлений, процессов и презентующей ведущую идею или/и конструктивный принцип, реализующие определённый замысел.

На первый взгляд, тексты массмедиа по основным параметрам схожи с текстами разговорными – по безграничности и непредсказуемости тематики, по имитации естественной культурной обстановки, связи со звучанием, привлечению неязыковых выразительных средств и пр. В содержательном плане только разговорность, действительно, столь же не

ограничена, как и массовая коммуникация, в тематике и в привлечении самых различных, в том числе и невербальных, выразительных средств. Тексты Т. Москвиной отвечают традициям классической риторики: автор разумно и доброжелательно строит речь, соблюдает должное в её содержании, построении, не только вызывая эмоции, но и «приводя предмет речи» в соответствие с её нормой («говорить как все», но только чуть лучше), открывать новые стороны в предмете речи, высказываться уместно, подобающе, ново, выразительно, эффективно. Следует отметить, что понимание силы медийного текста в разговорном стиле пришло не сразу, оно рождалось в борьбе с долгой боязнью живого слова в газете.

Любая выразительная единица в произведении приобретает особую окраску, при этом Москвина кардинально отличается от тех авторов, которые в поисках выразительности, необходимой для осуществления художественного замысла, т. е. для построения своего «образа», уходят в крайности, необоснованно занимаются индивидуальным словотворчеством, не считают с логикой словосочетаемости, нарушают грамматические нормы, прибегают к индивидуальной орфографии, отказываются от правил пунктуации.

Среди важных характеристик языковой личности Москвиной выделяется искренность. Именно в искренности академик В. Г. Костомаров видит основу успеха как обычного общения, так и общения автора с читателем [10, с. 37]. Быть искренним, честным и смелым – профессиональный долг публициста.

Вербально искренность достигается через применение естественных, простых, экспрессивных, «человеческих» слов, выражающих чувства. Искренно восхищение: *«Вроде бы женщина, прекрасная женщина ... а вроде как и не совсем человек. То есть человек, но не из грешной плоти. А будто бы из камней драгоценных. "Порода" – так ведь говорят и о людях, и о рудах»* [14]. Искренно возмущение: «Для начала возьмём сочинение Андрея Дмитриева “Крестьянин и тинейджер” – возможно, нелепое название скрывает что-то занимательное? Но первая фраза романа – “Так мучил зуд в ногах, что Панюков почти не спал всю ночь” – скорее, отвращает от дальнейшего чтения. Человек с противной фамилией Панюков снабжён ещё и зудом в ногах. При этом упомянутый зуд ничего особенно не значит, поскольку автор пишет дальше вот что: “В пять утра встал, подоил ко-

рову, выгнал ее пастись на пустошь за дорогой. На утреннем июньском холоде зуд утих, и Панюков вернулся в дом досыпать”. И что мешает нам предположить, что и вся книга похожа на этот бессмысленный зуд?» [15].

Следует согласиться, на наш взгляд, с В. Г. Костомаровым, который признаёт разговорный текст разговорным не потому, что в нём бросается в глаза обилие сниженной лексики, «взволнованный» синтаксис, а потому, что вектор разговорности направляет общающихся на повышенную личностность и экспрессивность, добиться которых естественнее и проще выбором именно таких языковых средств и конструкций» [10, с. 39].

Одним из эффективных способов является воздействие на эмоциональную сторону восприятия, путём придания речи определённой выразительности, эмоциональности, которую можно достичь при помощи афористичности – особой речевой организации, объединяющей в себе, с одной стороны, ёмкость, содержательность и глубину, с другой – неожиданность, парадоксальность и оригинальность способа выражения мысли:

– Завидовать имеет смысл чему-то одному: голосу, карьере, семейному счастью, здоровым детям, богатству. Когда же перед нами всё вместе и сразу – завидовать бессмысленно, это – избранник. На нём благодать. Надо стараться быть к нему поближе [15].

– Разве архитектора, получившего бюджет, что-то может остановить? Проще остановить игрока, у которого пошла карта [16].

– Из всего многообразия форм органической жизни на Земле наиболее пригодны для нашей любви дети, домашние животные и актёры [17].

Одним из языковых средств, способствующих афористичности текста, является использование в речи прецедентных феноменов, отвечающих одной из характеристик публицистического дискурса – интертекстуальности. Интертекстуальность – это «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [11, с. 48].

Т. Москвина создаёт нужный стиливой эффект, используя все формы комического, от безобидного юмора до сарказма, который оскорбляет оппонента, не оскорбляя его слух инвективной или обценной лексикой.

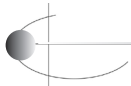
«Что я ненавижу» – программное произведение. Т. Москвина парадоксально утверждает, что ненависть – это универсальный метод познать себя. Прозаические вариации на тему песни Высоцкого «Я не люблю». Только гораздо... жёстче [18].

«Я, оказывается, совершенно ненавижу, когда крупная собака, растопырившись, садится гадить на газон или прямо на тротуар, а хозяин с ласковой нежностью смотрит, как дерьмо вылезает из-под её хвоста. Поскольку все домашние животные – это не животные, а мохнатое подсознание хозяев, трактовка этой сцены недвусмысленна... Определённо я ненавижу массивных подростков мужского пола. Все они похожи на какого-то одного общего предка. Подростка-прародителя, который когда-то, в юном творящемся мире, гоготал, сплёвывал, сморкался, матюгался, шёл вперевалочку – и все последующие подростки пытаются овладеть его великим образом... Ненавижу, когда в телевизионной рекламе используют псевдонаучные слова».

Часто объектом критики становятся очередные реформы. Так, в памфлете «Новые “Старики-разбойники”» по поводу монетизации льгот она пишет: *«Народные зубы щёлкнули – раз, два, три... пока что тихо, смиренно, мол, разрешите, Ваше превосходительство, по нужде на общем транспорте безвозмездно доехать... не имею достатков... воевал, трудился... инвалидность... Чернобыль... Чечня... блокада... да что же ты, Ваше превосходительство, морду-то воротишь! А ну, поговори с народом! И “Ваше превосходительство”, которое... русскую историю двадцатого века с “девятысот пятым” и “девятысот семнадцатым” не успело забыть, как-то смутилось и заметалось...»* – и далее: *«Одно приятно: январские бунты привели к тому, что как-то вздрогнули и скривились чугунные лики “единороссов”».* Москвина проводит социальный эксперимент: месяц пытается жить на 1254 рубля, минимум, установленный правительством. О неутожительных результатах рассказывает в памфлете «Дорогая жизнь»: *«“Килька балтийская, обжаренная, в томате” – 7 р. банка. Килечка балтийская! Спасибо тебе, милая подруга! Как ты скрасила мне тоскливые дни Социального Эксперимента, заполненные овсом и гречкой!»* [19].

По поводу введения в России нового праздничного дня (4 ноября) у Т. Москвиной имеется своё мнение. Она остроумно подмечает, что по сравнению со славной русской

историей история дня сегодняшнего выглядит, мягко говоря, не такой уж славной, и во многом это больше напускное величие и напускной патриотизм: *«Предполагается, что его (праздник – А. Т.) будут праздновать 4 ноября, когда в 1612 году ополчение, собранное усердием купца Минина, под водительством князя Пожарского изгнало поляков из Кремля. “Эк куда метнул!” Понимаем... Поляки, конечно, тут решительно ни при чём. А причём тут царь Борис, из-за которого и завалилось Смутное время. А совсем недавно у нас тоже было – ну, не Смутное, но Смутненькое время, – и там тоже фигурировал правитель по имени Борис и вредные для России граждане с извилистыми фамилиями на “-ский”. Вот какие имеются в виду поляки! (Один такой поляк аккурат в конце октября прошлого года и загремел под фанфары.) И поскольку эти самые “-ские” изгнаны с русской земли, то прошлую и нынешнюю победы вполне можно объединить в единую мистерию тотального торжества сильной русской воли. То, что в 1612 году состоялась полновзвучный народный подвиг, а в наши дни – нечто вроде поджога помойки, никогда сегодня не смутит. Любая подделка всегда норовит прильнуть к оригиналу. Полиэтиленовая “империя”, цена которой – три копейки в базарный день, хочет обзавестись солидными историческими аналогиями, украсить свой нагой тыл павлиньими перьями»* [20]. «Нагой тыл» – результат падения культурного уровня страны. Этой теме посвящён памфлет «Вперёд к тираннозаврам», обличающий новую мораль, которую насаждает телевидение. *«Реалистический лик новой морали планомерно прорастает в эфире, – убеждена Москвина, – и несколько удивляет своими первобытно-весёлыми откровениями. Я думаю, все видели рекламу, в которой стайка демонов, притворяющаяся семейкой людей, пожирает йогурты. Папашка, быстренько стряпкая свою порцию, жизнерадостно говорит сынку: “Смотри, там за окном – тираннозавр!” – после чего, без тени смущения, уплетает йогурт собственного сына. Сынок, однако, горюет недолго, знает, чем уесть папашку. “Папа, смотри, твою машину угоняют!” Тот бросается к окну – а сынок, таким образом, отбирает назад свой йогурт. “Нет, папа, похититель, наверное, тираннозавра испугался, ха-ха-ха”. Тут высовывается мамаша, глазами ласковой змеи глядящая на милых домочадцев, развлекающихся любимой тюремной забавой “отбери хавку на понт”. Хуже этих*

рекламных мамаш, которые кормят своих якобы детёнышей редкостным дерьмом из мёртвой пищи и при этом делают вид, что приятно утомились от семейных хлопот, вообще ничего нет. Твари» [21]. Т. Москвина возмущает, что правительство не предпринимает никаких шагов, чтобы если уж не повысить культурный уровень населения, так хотя бы не замусоривать окончательно мозги молодого поколения. В продолжение этой темы она пишет памфлет «Американская духовка», в котором не скрывает боль за родной Петербург. Т. Москвина говорит о том, что иностранцы, приезжая в Петербург, стремятся побывать в лучших музеях, познакомиться с великими произведениями искусства, прикоснуться к прекрасному, посмотреть поистине лучший в мире русский балет и послушать оперу в Мариинском театре. А правительство не финансирует учреждения культуры, в городе открывается всё больше казино и кафе. «В то время, когда на родине Толстого и Достоевского главные телеканалы встают на четвереньки перед придурками и ласково мычат, пытаюсь увеличить надои рейтинга, когда идёт тотальная дебилизация основных средств массовой информации, когда предел умственных усилий жителей Санкт-Петербурга заключён в чтении журнала «Панорама ТВ», а на местном вещании истребляют любые признаки интеллекта с криком «вон 'духовку'! Мы перекормили народ культурой!» – Америка готова трепетать перед всем, что новая поганая метла готова вымести на свалку истории. ...Там, кажется, интересный процесс намечается – по более массовому, чем было раньше, превращению обезьяны в человека. А у нас, видно, наоборот» [22].

Что же остаётся тогда Петербургу? «Хоронить!» – констатирует Т. Москвина, – уж больно для этого подходит наша дождливая погода и строгая величественная архитектура. В ответ на бурное обсуждение в СМИ намерения захоронить прах матери Николая Второго императрицы Марии Фёдоровны она пишет памфлет «Давайте похороним!», где справедливо замечает, что «наш город оживляется только в одном случае – когда есть надежда кого-то похоронить... Судя по радостному трепетанию СМИ, сведениями обо всех этапах развития этого сюжета нас накормят до отвала, суповой ложкой. А о кульминации и говорить не приходится – несколько дней прямого эфира нам обеспечено, от репортажа с борта корабля, везущего прах императрицы, – до интервью у

могилы с Никитой Михалковым, который опять будет топтаться возле усыпальницы русских царей с видом глубокого родственника» [23]. Т. Москвина предлагает организовать ООО «Санкт-Петербург – Царские похороны» и включить этот вид деятельности в бюджет города основной статьёй дохода.

Т. Москвина не пессимист, её критика власти конструктивна. Она призывает своих читателей жить и бороться за свои права, за будущее своих детей: «И тем не менее, назло всем, я собираюсь жить, причём в России, причём долго. Я буду жить назло и приглашаю всех со мной согласных в мою партию. Назовёмся, скажем так: «ЖИТЕЛИ ПРОТИВ». Вступающий в партию «ЖИТЕЛИ ПРОТИВ» обязуется быть здоровым физически, бодрым умственно, опрятным нравственно, активно бороться против врагов и всемерно способствовать здоровой и бодрой жизни товарищей по партии. Ближайшие задачи: дожидаться окончания периода дожития некоторых лиц, причастных к новым социальным реформам... Ха, мы им покажем дожитие! Пусть у них печёнки лопаются от устриц и паштетов, а мы на гречу наляжем – и будем здоровёхоньки... Оказывается, в документах правительства РФ существует официальный термин для определения того периода жизни социального человека, что расположен между выходом на пенсию и уходом в лучший мир. Это называется – «период дожития»... И Питер как-то держится на плаву благодаря в том числе и «дожителям». У меня мама – такой «дожитель», кандидат технических наук, изобретения имеет, патенты – и когда я ей пытаюсь сунуть деньги, не берёт, говорит: «Зачем? Я не нуждаюсь, у меня пенсия». И подружки у неё такие же – чистые, достойные люди» [24]. Эта подчёркнуто-сдержанная по тональности фраза многое объясняет не только в образе мыслей Т. Москвиной, которая верит в достойных, сильных духом людей, но и в сатирической публицистике как виде творчества, и памфлете как жанровом архетипе сатирической публицистики. В основе памфлета – патетика серьёзной этической, нравственной проблемы, которая восходит к общечеловеческому идеалу. Автор публицистического текста – это аналитик, критик, проповедник, и одновременно собеседник, располагающий к искреннему диалогу. Главная задача – адекватное и наиболее полное восприятие читателем идеи, заложенной автором в текст и подтекст произведения. В заключение отметим, что ещё А. А. Потебня го-

ворил о том, что содержание художественного произведения развивается не в художнике, а в понимающем. Понимание – творческий интеллектуальный процесс, успешность которого зависит не только от воспринимающего текст, но и от автора, который должен запрограммировать возможность той или иной интерпретации. Это происходит на основе осмысления, заданного автором, за счёт выбора и соответствующего распределения слов.

«Для автора-публициста, – пишет Н. И. Клушина, – задача адекватного прочтения и понимания созданного им публицистического текста тесно связана с задачей воздействия на адресата: читатель должен не только понять предложенную ему информацию, но и включить её как составную часть в собственную картину мира, то есть под влиянием публицистического текста индивидуальная картина мира реципиента должна транс-

формироваться в заданном автором-публицистом направлении» [9, с. 33]. Текст – это не только картина мира, но и пространство мировоззрения самого автора. Эссеист не способен быть «объективным», так как «эссе – это продукт давления двух очевидно противоположных авторских намерений: описать реальность такой, какая она есть, и навязать свой взгляд на неё» [13, с. 138]. Интерпретируя актуальные события, публицист моделирует мир собственных чувств и отношений; в этом смысле можно говорить о художественно-эстетическом эффекте публицистического произведения. По мнению английских учёных Роберта Скулза и Карла Клауса, «в любом эссе голос, говорящий с нами, вступает в отношения лишь с нами. Мы сами и эссеист – герои эссе, так как он пытается убедить нас принять его взгляд на рассматриваемый предмет» [12, с. 56].

Список литературы

1. Аникин В. П. Историческая периодизация русского фольклора в свете комплексного анализа его традиций // Вопр. философии. 1972. № 6. С. 92–110.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. 656с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.
4. Кайда Л. Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сб. ст. / под ред. Г. Я. Солганика. М., 2005. С. 58–66.
5. Казарин Ю. В. Основы текстотворчества (мастерская текста). Екатеринбург, 2008. 196 с.
6. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность / под ред. Д. Н. Шмелёва. М., 1989. С. 3–8.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
8. Коваленко В. Что есть критика // Неман. 1977. № 1. С. 168–181.
9. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008. 242 с.
10. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. М., 2005. 287 с.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. 240 с.
12. Scholes Robert and Klaus Carl H. Elements of the essay. New York, 1969. 86 p.
13. Terrasse Jean. Rhétorique de l'essai littéraire. Montreal, 1977. 156 p.

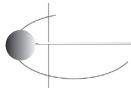
Источники

14. Москвина Т. Исполин Галина // Аргументы недели. 2012. 20 дек.
15. Москвина Т. Первая фраза: Читать ли дальше? // Аргументы недели. 2012. 22 нояб.
16. Москвина Т. Летний сад // Аргументы недели. 2014. 16 июня.
17. Москвина Т. Вы счастливы, дурашка // Пульс. 2015. 11 янв.
18. Москвина Т. Что я ненавижу // Пульс. 2014. 27 февр.
19. Москвина Т. Новые «Старики-разбойники» // Пульс. 2013. 19 нояб.
20. Москвина Т. Полиэтиленовая империя // Пульс. 2012. 5 нояб.
21. Москвина Т. Вперёд к тираннозаврам // Пульс. 2014. 24 сент.
22. Москвина Т. Американская духовка // Пульс. 2015. 16 июля.
23. Москвина Т. Давайте похороним // Пульс. 2015. 28 сент.
24. Москвина Т. Доживем до воскресенья // Пульс. 2015. 29 мая.

References

1. Anikin V. P. Istoricheskaya periodizatsiya russkogo fol'klora v svete kompleksnogo analiza ego traditsii // Voпр. filosofii. 1972. № 6. S. 92–110.
2. Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoi literatury. M., 1959. 656s.
3. Gal'perin I. R. Tekst kak ob»ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M., 1981. 140 s.
4. Kaida L. G. Pozitsiya avtora v publitsistike. Stilisticheskaya kontseptsiya // Yazyk sovremennoi publitsistiki: sb. st. / pod red. G. Ya. Solganika. M., 2005. S. 58–66.
5. Kazarin Yu. V. Osnovy tekstotvorchestva (masterskaya teksta). Ekaterinburg, 2008. 196 s.

6. Karaulov Yu. N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // Yazyk i lichnost' / pod red. D. N. Shmeleva. M., 1989. S. 3–8.
7. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 2010. 264 s.
8. Kovalenko V. Chto est' kritika // Neman. 1977. № 1. S. 168–181.
9. Klushina N. I. Stilistika publitsisticheskogo teksta. M., 2008. 242 s.
10. Kostomarov V. G. Nash yazyk v deistvii. M., 2005. 287 s.
11. P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti. M., 2008. 240 s.
12. Scholes Robert and Klaus Carl H. Elements of the essay. New York, 1969. 86 r.
13. Terrasse Jean. Rhetorique de l'essai litteraire. Montreal, 1977. 156 p.

Istochniki

14. Moskvina T. Ispolin Galina // Argumenty nedeli. 2012. 20 dek.
15. Moskvina T. Pervaya fraza: Chitat' li dal'she? // Argumenty nedeli. 2012. 22 noyab.
16. Moskvina T. Letnii sad // Argumenty nedeli. 2014. 16 iyunya.
17. Moskvina T. Vy schastlivy, durashka // Pul's. 2015. 11 yanv.
18. Moskvina T. Chto ya nenavizhu // Pul's. 2014. 27 fevr.
19. Moskvina T. Novye «Stariki-razboiniki» // Pul's. 2013. 19 noyab.
20. Moskvina T. Polietilenovaya imperiya // Pul's. 2012. 5 noyab.
21. Moskvina T. Vpered k tirannozavram // Pul's. 2014. 24 sent.
22. Moskvina T. Amerikanskaya dukhovka // Pul's. 2015. 16 iyulya.
23. Moskvina T. Davajte pokhoronim // Pul's. 2015. 28 sent.
24. Moskvina T. Dozhivem do voskresen'ya // Pul's. 2015. 29 maya.

Статья поступила в редакцию 27.08.2015

УДК 070
ББК 76.120.4

Людмила Петровна Шестёркина¹,
доктор филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(454080, Россия, г. Челябинск, пр-т им. В. И. Ленина, 76),
e-mail: 250852@mail.ru

Мария Николаевна Булаева,
преподаватель,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(454080, Россия, г. Челябинск, пр-т им. В. И. Ленина, 76),
e-mail: mash13@mail.ru

Традиционные и специфические основы формирования системы жанров универсальной журналистики

Статья посвящена вопросам формирования системы жанров универсальной журналистики. Материалы универсальной журналистики, являющиеся особым видом профессиональной деятельности, создаются в условиях слияния ранее разобщённых СМИ и предназначены для передачи по различным каналам связи (телевидение, радиовещание, печатные, мобильные и интернет-издания), объединённым на интегрированном медиарынке сетевым обслуживанием, программными продуктами и мультимедийными услугами. Это позволяет представить основное содержание информации с помощью различных технологических платформ Интернета (текста, звука, видео, фото, графики, инфографики, анимации) и предоставляет возможность интерактивного взаимодействия потребителя с материалом. В статье рассмотрены специфические жанроформирующие признаки, такие как мультимедийность, гипертекстуальность и интерактивность, и их влияние на трансформацию традиционных жанроформирующих признаков. Таким образом, научная новизна исследования состоит в том, что разработана система жанров универсальной журналистики, которая понимается как совокупность четырёх жанровых групп, основанных на различных технологических платформах Интернета: жанры с текстовой основой, видеожанры, аудиожанры, иллюстративные жанры.

Ключевые слова: универсальная журналистика, жанр, жанроформирующие признаки, медиаплатформа, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, система жанров универсальной журналистики.

Lyudmila Petrovna Shesterkina²,
Doctor of Philology, Associate Professor,
South Ural State University
(National Research University)
(76 Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080),
e-mail: 250852@mail.ru

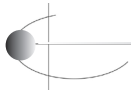
Mariya Nikolaevna Bulaeva,
Lecturer,
South Ural State University
(National Research University)
(76 Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080),
e-mail: mash13@mail.ru

Traditional and Specific Principles of Genre System Formation in Universal Journalism

The article is devoted to the formation of system of genres in universal journalism. Materials of universal journalism, which is a special kind of professional activity, are created on the basis of integration of mass media that have been split before and aimed to be spread by different com-

¹ Л. П. Шестёркина – основной автор, является организатором исследования, разработчиком системы жанров универсальной журналистики.

² L. P. Shesterkina is the main author, head of the research, developer of the system of genres in universal journalism.

municating channels (television, radio, printed and Internet press) united by networking services, software products and multimedia services. It makes possible to present the main content by means of various technological platforms of the Internet (text, audio, video, photo, graphics, info graphics, and animation) and create an interactive information user-material communication. The article deals with the specific genre forming characteristics such as multimedia, hypertextuality and interactivity, their influence upon the traditional genre forming characteristics transformation. Therefore, the scientific novelty of the research is found in creating of the system of genres in universal journalism, which is taken as the whole of four genre groups based on various technological platforms of the Internet (text based, video, audio and illustrative genres).

Keywords: universal journalism, genre, genre forming characteristics, media platform, multimedia, hypertextuality, interactivity, system of genres in universal journalism.

В основе понятия «жанр универсальной журналистики» лежит классическое определение жанра журналистики как продукта журналистского творчества с точки зрения формы и содержания. Под жанром в журналистике понимаются устойчивые типы публикаций, объединённые сходными содержательно-формальными признаками [7]. Однако «сегодняшний день отечественной журналистики отмечен явлением, которое в обиходе называют смешением (взаимопроникновением) жанров. Суть его состоит в том, что жанровые различия журналистских материалов проявляются в информационных потоках всё менее заметно и слабо улавливаются не только аудиторией, но и профессиональной средой» [5, с. 3]. Также мы можем наблюдать появление новых жанров в интернет-пространстве. «Новый канал распространения массовой информации не только изменил характер и ритмику редакционной работы, но и <...> оказал существенное влияние на контент, который СМИ поставляют своим аудиториям» [6, с. 112]. Это влияние выразилось как в изменении специфики взаимодействия СМИ с аудиторией, тематики и лексико-стилистических особенностей контента, так и в трансформации жанров. «Традиционные формы жанров приспосабливаются к новому мультимедийному образу жизни. В интернет-пространстве идёт формирование новой системы медиатекстов, очевиден процесс трансформации уже апробированных видов текста» [1]. Кроме того, именно на основе классических жанров благодаря появившимся новым технологическим платформам в Интернете развиваются мультимедийные формы подачи информации.

А. А. Калмыков отмечает, что «черты традиционных журналистских жанров – репортажа, очерка, фельетона, корреспонденции и других – можно найти в любой сетевой публикации» [4, с. 60]. Однако потребности аудитории в оперативном обновлении контента,

в обсуждении и комментировании, а также стремление журналистов разнообразить содержание своих материалов и расширить методы подачи информации привели к появлению новых образований – мультимедийных жанров универсальной журналистики.

В системе жанров универсальной журналистики, как и в жанровой системе традиционных СМИ, к числу жанроформирующих признаков в первую очередь относятся [7]:

1. Предмет отображения – актуальные события, процессы, ситуации, человеческие личности как субъекты отношений и сознательной деятельности.

2. Целевая авторская установка:

– описание предмета;

– оценка предмета;

– выявление причинно-следственных связей;

– прогноз развития событий и процессов, разрешения ситуаций;

– разработка программы действий.

3. Методы преобразования реальной действительности в информационный продукт (методы изображения). На рационально-познавательном (логическом) уровне используются эмпирические, теоретические, социологические и нетрадиционные методы, на эмоционально-чувственном уровне основой создания документальной образности являются художественно-изобразительные средства.

На первый взгляд, в выборе предметов отображения у традиционных и жанров универсальной журналистики фактических различий нет. При формальном рассмотрении не наблюдается их и в характеристике целевой авторской установки: в традиционном или жанре универсальной журналистики описывая или оценивая предмет отображения; выявляя причинно-следственные связи явлений; прогнозируя развитие событий; разрабатывая программу действий – журналисты в

процессе создания произведения информируют, прогнозируют, анализируют, развлекают, просвещают и т. п.

Очевидные различия в жанрах традиционной и универсальной журналистики начинаются при выборе методов изображения, когда на методы преобразования реальной действительности в информационный продукт оказывает влияние технологический фактор, и представление информации начинает напрямую зависеть от способов её «упаковки» и «доставки» аудитории. Один информационный продукт может сочетать в себе несколько разных знаковых систем для передачи информации, т. е. являться *мультимедийным*. В таком материале передача информации возможна одновременно при помощи различных технологических платформ: текста, фото, видео, звука, графики, инфографики, анимации. И *мультимедийность* по праву является первым признаком жанра универсальной журналистики.

Мультимедийность как многообразие средств выражения смысла напрямую влияет на такой жанроформирующий признак, как предмет отображения – предметные границы жанра универсальной журналистики расширяются: это уже не просто событие, явление, личность, процесс, но и *их совокупность*.

Для мультимедийных материалов характерен особенный способ построения и, как следствие, восприятия содержания: такие произведения нелинейны, а пользователь может сам активно управлять порядком озвучивания с информацией. Создавая мультимедийное произведение, автор должен предусмотреть, каким образом аудитория будет его просматривать, а также использовать инструменты для продвижения и дальнейшего обсуждения материала: социальные сети, форумы, комментирование, опрос и т. п. Таким образом, усложняется выбор целевой авторской установки – не только информировать, объяснять, анализировать, развлекать, но и вовлечь аудиторию в процесс работы с контентом, получить от неё мгновенный отклик. Всё это формирует ещё один из важных признаков жанра универсальной журналистики – *интерактивность*.

Будучи размещёнными в Интернете, интерактивные мультимедийные материалы обладают ещё одной специфической характеристикой – *гипертекстуальностью*, то есть имеют неоднородную структуру. Гипертекстуальный материал предполагает использование множества разнообразных методов на всех стадиях создания произве-

дения, а также расширение возможностей применения методов. Например, традиционный метод наблюдения за реальной действительностью может применяться для фиксации изменений предмета в виртуальной среде (отслеживание комментариев к материалу как наблюдение за реакцией аудитории).

На стадии создания материала возможности гипертекста позволяют отказаться от метода прямого цитирования и апелляции, достаточно лишь дать гиперссылку. Это позволяет не «утяжелять» текст, не перегружать его дополнительной информацией. Гиперссылки на материалы своего СМИ продлевают время нахождения аудитории на сайте. Кроме того, при помощи гиперссылок можно связать в один сюжет несколько журналистских произведений.

Таким образом, жанры универсальной журналистики обладают особыми жанроформирующими признаками, это:

1. Мультимедийность (наличие и количество технологических платформ, их формы и вариации: текст, звук, видео, фото, анимация, графика, инфографика).

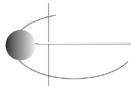
2. Гипертекстуальность (наличие в произведении гиперссылок на материалы по данной теме, на дополнительную информацию, на источники и т. п.).

3. Интерактивность (возможность просмотра материала, оценка, варианты взаимодействия представителей аудитории с автором (отправить письмо, опрос) и между собой (отправить другу, «поделиться» в социальных сетях)).

Мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность оказывают существенное влияние на основные жанроформирующие признаки, каковыми являются предмет отображения, целевая авторская установка и методы преобразования реальной действительности в информационный продукт, – усложняют их, изменяют и создают их новые характеристики.

Условно жанры универсальной журналистики, как и традиционные, по целям воздействия на аудиторию, полноте отражения объективной реальности, лексико-стилистическим и композиционным средствам, уровню анализа можно разделить на информационные, аналитические, художественно-публицистические. Однако уровень оперативности и информативности материалов универсальной журналистики информационной группы будет зависеть не только от актуальности информационного повода, объективности и точности фактов, но и от выбора мультиме-

дийных элементов. Как правило, информационные материалы содержат гиперссылки на дополнительную информацию, это позволяет сократить объём произведения. Когда журналист ставит цель передать информацию, то он использует технологические платформы, позволяющие аудитории быстро ознакомиться с её содержанием. Описание места события, например, лучше представить с помощью фотографий или видеоиллюстраций, а не описывать в тексте. Масштаб события (например, лесного пожара) эффективнее иллюстрировать картой, чем объяснять словами.

Качество аналитических материалов, выполненных в жанре универсальной журналистики, напрямую зависит не только от глубины анализа, убедительности фактов и экспертных оценок, но и от точности использования необходимых технологических платформ, различных мультимедийных элементов. Например, мультимедийное интервью может содержать не только текст, фото и аудио/видео запись беседы журналиста и героя, но инфографику по теме разговора, мультискрипт (если беседа продолжительная).

В жанрах универсальной журналистики художественно-публицистической группы у автора есть широкие возможности создания образов благодаря соединению выразительных средств текста, видео- и аудиозаписи, фотографии, анимации, графики, инфографики. Например, если информационное аудиослайд-шоу дополнить текстом в жанре эссе, серией художественной фотографии, сопроводить содержание музыкально-поэтической композицией, то, скорее всего, оно будет соответствовать художественно-публицистическим требованиям к жанрам универсальной журналистики.

Разнообразие форм подачи материала в журналистике предполагает и наличие множества *гибридных* жанров, – материалов, сочетающих черты нескольких жанров. И если гибридным жанром в традиционной журналистике являются, к примеру, корреспонденция, соединяющая признаки информационных и аналитических жанров, или колонка, содержащая в себе черты комментария и эссе; то в универсальной журналистике в качестве примера гибридного жанра можно привести мультимедийную статью, которая включает в себя признаки репортажа, статьи и очерка, представленных с помощью различных технологических платформ. Кроме этого, жанры универсальной журналистики, сочетаясь, могут образовывать *околожанровые* формы – произведения, обладающие лишь частью

жанроформирующих признаков. Например, околожанровой формой являются комментарии интернет-пользователей к материалу, любительское видео.

Таким образом, под жанром универсальной журналистики понимается жанр, обладающий традиционными жанроформирующими признаками, такими как предмет отображения, целевая авторская установка, методы преобразования реальной действительности в информационный продукт, которые трансформируются под влиянием специфических жанроформирующих признаков в виде интерактивности, гипертекстуальности и мультимедийности. Это позволяет представить основное содержание информации с помощью различных технологических платформ (текста, звука, видео, фото, графики, инфографики, анимации), предоставляет возможность интерактивного взаимодействия потребителя с материалом.

Отнесение материала к тому или иному жанру универсальной журналистики зависит от количества текстовых и аудиовизуальных элементов, вариантов их сочетания, но в первую очередь, от принадлежности материала к основной технологической платформе Интернета.

Процесс жанрообразования в настоящее время активно продолжается, многие жанры не обладают устойчивыми признаками, позволяющими отнести их к какому-либо определённому типу. Однако некоторые группы современных жанров уже имеют достаточно устойчивые позиции, стабильные характеристики, ярко выраженные классические и специфические жанроформирующие признаки, позволяющие рассматривать их как систему жанров универсальной журналистики. Среди них и жанры, отнесённые исследователями М. М. Лукиной и Н. Г. Лосевой к мультимедийным и синтетическим [2, с. 260], которые также являются частью системы жанров универсальной журналистики.

По типу ведущей технологической платформы жанры универсальной журналистики подразделяются на четыре группы: жанры с текстовой основой, видеожанры, аудиожанры и иллюстративные жанры.

К **жанрам с текстовой основой** относятся: мультимедийная заметка, мультимедийный репортаж, мультимедийная статья, мультимедийное интервью. В основе данных жанров лежит журналистский текст, основным средством передачи которого служит текстовая технологическая платформа.

Мультимедийная заметка обычно выполняет информирующую функцию, оперативно сообщая о событии, явлении, заявлении ньюсмейкера.

Мультимедийный репортаж может быть событийным и тематическим, рассказывать о событии, либо исследовать его. Применение мультимедийных фрагментов позволяет создать «эффект присутствия».

Мультимедийная статья (история) – объёмный материал, посвящённый актуальной проблеме, описанию процесса. В отличие от традиционной статьи, мультимедийная не всегда ставит целью анализировать масштабное явление или процесс, она может быть построена по типу истории и содержать репортажные и очерковые фрагменты. Аудиовизуальные и иллюстративные компоненты позволяют сделать мультимедийную статью более содержательной, фактически насыщенной, а благодаря визуализации части сведений процесс чтения становится более интересным и динамичным.

Мультимедийное интервью – это вопросно-ответная форма беседы журналиста с кем-либо, содержащая помимо текста аудиовизуальные и иллюстративные фрагменты. Такое интервью позволяет не только узнать информацию из текста, но и получить наглядное представление о собеседнике, благодаря фото-, видео-, аудиоэлементам.

К **видеожанрам** универсальной журналистики относятся материалы, размещённые с помощью технологической платформы «видео»: видеоиллюстрация, видеосюжет, видеокomentarий, видеоколонка, мультимедийное ток-шоу, мультискрипт, потоковое видео. Видеозапись позволяет показать героев, различные события, процессы, создать «эффект присутствия».

Видеоиллюстрация не имеет завершённого сюжета, обычно используется для передачи цитаты (синхрон), а также для визуализации части мультимедийного материала.

Видеосюжет схож с телевизионным сюжетом, его цель – оперативное информирование аудитории о каком-либо явлении, событии. Может содержать текстовое описание, фото, графику, инфографику, режиссуру – аудиозаписи.

Видеокomentarий и видеоколонка – авторские жанры, предполагающие субъективное мнение по какому-либо актуальному поводу. Материалы могут быть дополнены текстовой версией, фотографиями, иллюстрациями, режиссуру – инфографикой и анимацией.

Мультимедийное ток-шоу – это программа разговорного жанра, посвящённая актуальной теме, с участием ведущего, приглашённых гостей и аудитории. Важными характеристиками жанра является использование технологии мультискрена и наличие интерактива с аудиторией. Помимо видеозаписи самого ток-шоу, в него могут быть включены текст, инфографика, графика, фото, анимация и звук.

Мультискрипт – это видео, позволяющее аудитории ориентироваться в пределах объёмного видеоматериала. Дополнительно содержит текст (стенограмму), панель «содержание». Все видеожанры дают возможность комментирования, оценки, управления просмотром (если это не онлайн-трансляция), могут содержать ссылки на дополнительные источники, материалы по теме.

Потоковое видео является прямым эфиром с места события. Позволяет создать «эффект присутствия». Применяется метод репортажной съёмки. Дополнительно может содержать текст, фото, графику, режиссуру – инфографику, аудиозаписи, анимацию.

Аудиожанры универсальной журналистики представлены на технологической платформе «аудио» и включают в себя аудиоиллюстрацию, аудиосюжет, аудиоверсию, аудиослайдшоу и подкаст. Использование звука в мультимедийном материале позволяет задействовать слух потребителя, вовлечь аудиторию в происходящее.

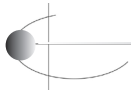
Аудиоиллюстрация не имеет законченного сюжета, обычно используется для передачи цитат и для создания атмосферы (шумы, музыка).

Аудиосюжет – короткое информационное сообщение об актуальном событии, явлении. Может содержать текстовую версию, фотографии, графику, инфографику, режиссуру – видео, анимацию.

Аудиоверсия – звуковая версия текстового материала. Дополнительно используется текст, фото, графика; режиссуру – видео, инфографика, анимация.

Аудиослайдшоу – это изображения, сопровождаемые звуком. Обычно используется в том случае, когда есть эффектный фоторяд. Помимо иллюстраций (фото, графика) и звука может содержать инфографику, видеофрагменты, анимацию.

Подкаст – аудиозапись, которую можно скачать из Интернета. Подкаст посвящён какому-либо событию, явлению, проблеме и обычно доступен для аудитории в любое время.

К **иллюстративным жанрам** относятся материалы, созданные на основе технологических платформ фотографии, графики, инфографики и анимации.

Статичная фотография, фотолента, фотоголлерея используются для визуализации материала, позволяют рассказать о герое, событии, явлении, иллюстрировать процессы.

Фоторепортаж – это серия снимков какого-либо события, представленных с соблюдением хронологии. Обычно фоторепортаж содержит текстовое пояснение.

Скриншот (снимок экрана) используется в универсальной журналистике, в основном для передачи фактической информации. Это эффективное средство визуализации реакции людей в социальных сетях, на форумах, в комментариях к материалу.

Интерактивное фото имеет метки, содержащие дополнительную текстовую и аудиовизуальную информацию о предмете.

Слайд-шоу – подборка фотографий по определённой тематике, которая перелистывается сама. Применяется для визуализации истории.

Панорамное фото позволяет увидеть предмет полностью и в ряде случаев предполагает активное участие аудитории в управлении просмотром, создаёт «эффект присутствия».

К иллюстративным жанрам универсальной журналистики относятся также материалы, основанные на графике: статичная иллюстрация, динамическая графика (видеоролик с графическими элементами), карикатура, комиксы. Эти жанры используются обычно в совокупности с текстом, фотографией, анимацией, реже – с аудио-, видеозаписями, инфографикой.

Статичная иллюстрация – рисунок, схема, фрагмент карты. Основная задача – показ предмета, сути происходящего. Дополнительно применяется текст, звук, реже – фото, видео, анимация.

Карикатуры – рисунок, комическое изображение кого-, чего-либо с целью осмеяния недостатков человека или общества. Карикатура может быть статичной и анимированной. В качестве дополнительных элементов выступают текст, фото, аудио, видео, анимация, инфографика.

Иллюстративные жанры, основанные на инфографике, используются в том случае, когда недостаточно словесного описания и объяснения и необходимо визуализировать данные. Работа над инфографикой предполагает сочетание журналистских (работа с документами, анализ фактов) и дизайнерских методов. Жанры инфографики: статич-

ная, простая динамическая, оперативная 3D-реконструкция (видеоролик, основанный на 3D-технологиях), сложная статичная схема, сложная динамическая схема, флеш-заметка (сборный модуль) [3, с. 143].

К иллюстративным жанрам, созданным на технологической платформе анимации, относятся анимационный ролик и анимированное изображение. Анимация позволяет оживить картинку, фон, сделать материал более эффективным и наглядным. Иногда анимационные ролики используются вместо видео при иллюстрации процесса, который невозможно снять.

Все без исключения иллюстративные жанры, созданные на основе технологических платформ фотографии, графики, инфографики и анимации, могут выступать как самостоятельные материалы, а также быть использованы в качестве иллюстрации в материале другого жанра; могут сопровождаться текстом, видео- и аудиозаписями.

Практически все жанры универсальной журналистики предполагают наличие гиперссылок на источники информации, дополнительные материалы, контекст. У аудитории есть возможность определить количество и порядок просмотра мультимедийных элементов (за исключением случаев онлайн-трансляций), оставить комментарий, оценку, «поделиться» в социальных сетях.

Таким образом, система жанров универсальной журналистики – это совокупность жанров в зависимости от технологической интернет-платформы, ставшей основой для создания медиаматериала: жанры с текстовой основой, видеожанры, аудиожанры, иллюстративные. Все они обладают традиционными жанроформирующими признаками, такими как предмет отображения, целевая авторская установка, методы преобразования реальной действительности в информационный продукт, которые существенно трансформировались под влиянием новых специфических жанроформирующих признаков: интерактивности, гипертекстуальности и мультимедийности. Передача текстовой, аудиовизуальной, иллюстративной информации, выполненной в различных жанрах универсальной журналистики, осуществляется при помощи соответствующих знаковых систем цифрового информационного пространства.

В контексте расширения информационного пространства, повышения эффективности универсальной журналистики, появления новых компьютерных технологий система жанров универсальной журналистики имеет перспективу дальнейшего развития и совершенствования.

Список литературы

1. Выровцева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных медиа [Электронный ресурс] // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5 (360). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya> (дата обращения: 15.08.2015).
2. Интернет-СМИ: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2013. 348 с.
3. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. М.: Аспект Пресс, 2010. 200 с.
4. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М.: ИПК работников телевидения и радио, 2009. 82 с.
5. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2011. 320 с.
6. Лукина М., Лосева Н. Контент интернет-СМИ // Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика: материалы к обучающим семинарам / сост. С. Балмаева. Екатеринбург: Изд-во Гум. ун-та: Кабинетный учёный, 2011. 148 с.
7. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/03.htm> (дата обращения: 12.08.2015).

References

1. Vyrovtsseva E. V. Transformatsiya traditsionnykh publitsisticheskikh zhanrov v sovremennykh massmedia [Elektronnyi resurs] // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2015. № 5 (360). Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya> (data obrashcheniya: 15.08.2015).
2. Internet-SMI: teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya studentov vuzov / pod red. M. M. Lukinoi. M.: Aspekt Press, 2013. 348 s.
3. Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timediinye / pod red. A. G. Kachkaevoi. M.: Aspekt Press, 2010. 200 s.
4. Kalmykov A. A. Interaktivnaya gipertekstovaya zhurnalistika v sisteme otechestvennykh SMI. M.: IPK rabotnikov televideniya i radio, 2009. 82 s.
5. Lazutina G. V., Raspopova S. S. Zhanry zhurnalistskogo tvorchestva: ucheb. posobie. M.: Aspekt Press, 2011. 320 s.
6. Lukina M., Loseva N. Kontent internet-SMI // Mediakonvergentsiya i mul'timediinaya zhurnalistika: materialy k obuchayushchim seminarom / sost. S. Balmaeva. Ekaterinburg: Izd-vo Gum. un-ta: Kabinetnyi uchenyi, 2011. 148 s.
7. Tertychnyi A. A. Zhanry periodicheskoi pechati: ucheb. posobie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://evartist.narod.ru/text2/03.htm> (data obrashcheniya: 12.08.2015).

Статья поступила в редакцию 30.08.2015

УДК 24
ББК 86.35
ББК Э35

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Марина Васильевна Аюшеева²,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: ayagma@yandex.ru

Зуун хурээ и современный Дашчойлин хийд³

В статье дана краткая история монастырского комплекса Зуун хурээ и показано современное состояние его преемника – монастыря Дашчойлин (Улан-Батор), которое даёт возможность судить о современном положении буддизма в Монголии. Работа написана на основе изучения и обобщения широкого круга монгольязычных опубликованных и неопубликованных материалов. В качестве источника для данной статьи был использован устав монастыря Дашчойлин и должностные инструкции лам.

В статье на основе проведённых интервью с ламами, другими источниками информации выявлены инновационные процессы в ежедневной монастырской и ламской деятельности, в организации монастыря, взаимоотношения с государственной властью и обществом, отмечены новые тенденции в развитии буддизма в Монголии, его адаптация к современной общественной жизни. Рассмотрены история восстановления культовой системы во внутренней структуре монастыря, система буддийского монашеского образования, организация учебного процесса в колледже Зуун хурээ.

Отмечено, что большинство буддийских священнослужителей совмещают духовное образование со светским, многие ламы получают дополнительные светские специальности, что является новым явлением для буддийской традиции Монголии. При этом изменения незначительно затронули ритуальную часть монастырской жизни.

В настоящее время идёт активный процесс восстановления утраченных традиций, ведутся архивные изыскания по истории монастырского комплекса. С момента открытия и до настоящего времени не прекращаются работы по реконструкции монастырского комплекса, благоустройству территории.

Современное духовенство следует рассматривать как составную часть общества, также переживающую обновление и преобразования.

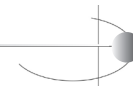
Ключевые слова: история буддизма в Монголии, возрождение буддизма, Дашчойлин, Зуун хурээ, монастырские уставы, монашеская община.

---

¹ Ц. П. Ванчикова является основным автором, ею разработаны проблематика и основные положения исследования, проведена археографическая работа по сбору и анализу полевого материала, интервьюирование.

² М. В. Аюшеевой осуществлён перевод монгольских источников, проведена археографическая работа по сбору полевого материала, дана характеристика современного состояния внутренней структуры монастыря.

³ Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ 14-01-00344 «Реалии монашеской дисциплины в буддизме».

Tsymzhit Purbuevna Vanchikova¹,
Doctor of History, Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Marina Vasilievna Ayusheeva²,
Candidate of History,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: ayagma@yandex.ru

Zuunhuree and Contemporary Dashchoylinhiid³

The article gives a brief history of the monastery complex Zuunhuree and shows the current state of its successor – the monastery Dashchoylin (Ulan Bator), which makes it possible to judge about the present state of Buddhism in Mongolia. The work is written based on a wide range of Mongolian published and unpublished materials. As a source for this article, the Charter of the monastery Dashchoylin and Duty regulations of lamas have been used.

Based on interviews with lamas and other sources of information, innovative processes in daily monastic and lamas' activities, in the administrative and cult organization of the monastery, relationship with the government and society are revealed. New tendencies in the development of Buddhism in Mongolia, its adaptation to modern social life are noted. History of restoration of the cult system in the internal structure of the monastery, the Buddhist monastic system of education, organization of educational process in college Zuunhuree are looked upon.

It is noted that most of Buddhist monks combine Buddhist education with a secular one; many lamas receive additional secular specialties that is the new phenomenon for Buddhist tradition of Mongolia. However, the changes have not greatly affected the ritual part of the monastic life.

Currently there is an active process of restoration of the former lost traditions. The lamas of the monastery together with historians are searching for archival documents and conducting researches on history of the monastery complex. Since opening up to the present time works on reconstruction of a monastic complex, improvement of the territory have not stopped. Modern Buddhist clergy of Mongolia should be considered as an integral component of society, which is also enduring innovations and transformations.

Keywords: history of Buddhism in Mongolia, restoration of Buddhism, Dashchoylin, Zuunhuree, monastic charters, Buddhist sangha.

В Монголии в конце 20-х годов XX века насчитывалось более 800 монастырей, отличавшихся между собой по типу, размерам, количеству монахов. Монастырь Зуун хурээ (Восточный монастырь), о котором будет идти речь в данной статье, был центральной частью дореволюционного Их хурээ, столи-

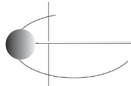
цы Монголии. Зуун хурээ представлял собой большой монастырский квартал, состоявший из комплекса разных монастырей, монастырских построек, ламских жилищ, расположенных вокруг Желтого дворцового храма (Шар ордон), основанного 1-м богдо-гэгэном³

¹ Ts. P. Vanchikova is the main author, she has developed a subject matter and basic propositions of research, archaeography work on collecting and analyzing the field material and interviewing has been carried out.

² M. V. Ayusheeva has translated the Mongolian sources, archaeography work on collecting the field material has been carried out, and current state of internal structure of the monastery has been characterized.

³ This work was supported by the RSHF, grant "Realities of monastic discipline in Buddhism" (No. 14–01–00344).

³ Богдо-гэгэн Дзанабадзар Ешей-Дордже (1635–1723) – религиозный и политический деятель, известный также как Ундур-гэгэн – сын халхаского Тушету-хана Гомбо-Дорджи, был первым иерархом буддийской церкви Монголии, первым Джебдзун-Дамба-хутухтой. После обучения в монастырях Лхасы он был официально провозглашён далай-ламой, перерожденцем тибетского историка и буддийского проповедника Джебдзун Таранаты Гунга-Нинбо (1573–1635). Вскоре после возвращения на родину был объявлен главой монгольского буддизма. Играл большую роль в поддержании политического баланса между маньчжурскими императорами и монгольскими князьями, способствовал объединению и сохранению целостности Монголии. Дзанабадзар был выдающимся мастером литья, скульптором, создателем монгольской школы буддийского искусства, монгольского письма соембо. Известно 9 перерожденцев Богдо-гэгэнов, последний скончался в 2012 г. в Монголии.

в 1739 г.¹, который после неоднократного کوچевания окончательно обосновался на современном месте в 1779 г. Со временем он превратился в крупный религиозный центр, в котором жили просвещённые ламы и хувараки, знатоки буддийской философии, медицины и астрологии, книгопечатники, художники и скульпторы.

В Их Хурээ насчитывалось 30 аймаков, последний тридцатый аймак Эх дагини был основан в 1903 г. [4, с. 24]. Аймаками назывались объединения монахов и хуварак, происходивших из той или иной местности Монголии, которые представляли собой ячейки людей, объединённые помимо региона происхождения и экономическими связями. Первоначально аймаки формировались по признаку почитания того или иного божества (например, аймак Дуйнхор) или по функциям монахов (Дзоогийн аймаг, Сангийн аймак), позднее – по принадлежности к той или иной группе знатных людей или лам (аймак Сэцэн-тойна, Эх дагини).

В 1809 г. от Зуун хурээ отделился философский факультет (цаннит), ламы которого вместе со всем имуществом и хозяйством переселились на территорию, расположенную на горе Далхын Дэнж, построив на месте, где сейчас находится современный монастырь Гандантегченлинг, первый храм под названием Шар сумэ.

К моменту закрытия Зуун хурээ в нём были храм цогчен, храм, в котором размещался 80-локтевой (приблизительно 16 метров) Майдар, дацаны медицинского и тантрийского факультетов, астрологии, уникальный храм Дэчингалаб с золочёной крышей и другие постройки.

После 1939 г. от восточной части Их хурээ сохранились неунничтоженными три храма (аймака) из существовавших ранее 30 аймаков: аймаки Вангай, Эрхэм-тойна, Эх дагини, – которые до 90-х гг. XX в. использовались для помещений цирка.

С началом периода демократизации несколько сохранившихся зданий были возвращены в 1990 г. буддийской общине. После реставрации на базе аймаков Вангай и Эрхэм-тойна благодаря активной деятельности настоятеля хамбо-ламы Ч. Дамбажава, лам и мирян были начаты богослужения. А 26 июля 1990 г. монастырю Бакулой-ринпоче

(1917–2003) было пожаловано имя «Дашчойлин-хийд» (монг. *өлзий хутгийн номын ордон*), тем не менее, его часто называют прежним именем – «Зуун хурээ».

Монастырь поддерживает связи с различными общественными и религиозными организациями, является членом международных организаций, таких как Всемирное братство буддистов, Азиатская буддийская конференция за мир и др. Настоятель хамбо-лама монастыря Ч. Дамбажав является вице-президентом Международной организации Всемирного братства буддистов, также вице-президентом Международного общества буддийской молодёжи (World youth unit), президентом общества монголо-индийской дружбы и т. д.

На сегодняшний день после реконструкции функционируют три дугана: Бурхан багшийн дуган (ранее именовался Ганданчойнхорлин, был построен в 2000 г., в честь 10-летнего юбилея восстановления буддийского служения в Зуун хурээ), Цогчен-дуган, организованный в помещении бывшего Вангай аймака, Сахиусан дуган – располагается в дугане аймака Эрхэм-тойна.

Здания дуганов – круглой формы, повторяют вид традиционного жилья монголов – юрту (монг. *гэр*). Здание Бурхан багшийн дугана имеет несколько входов. В нём организованы помещения не только для проведения богослужений, но и располагается кабинет живописцев-зураачинов, отдельные входы имеют помещения администрации монастыря с кабинетом хамбо-ламы, служба для приёма заказов верующих, а также колледж «Зуун хурээ». На территории монастырского комплекса Дашчойлин имеется библиотека (номын сан, совмещённая с жасын дуган), начато строительство дугана для статуи Майтреи. Сбор средств на строительство дугана и изготовление скульптуры Майдари был инициирован в 2006 г., работы планируется завершить в 2016 г.

Два храма – Вангай аймак и Эрхэм-тойна – включены в список объектов культурного наследия Монголии. В библиотеке монастыря хранятся комплекты буддийских канонов Ганджура и Данджура, многочисленные буддийские сочинения и изображения буддийских божеств.

Сегодня в монастыре Дашчойлин проводятся службы в Цогчен-дугане, Сахиусан-дугане и Бурхан багшийн-дугане. Идёт постепенный процесс восстановления традиций богослужений, в том числе больших хуралов (например, Круговращение Майда-

¹ Дамдинсүрэн Шарнууд Лувсандагвын. Монголын уламжлалт бурханы шашин. – Улаанбаатар, 2010. – С. 65. По некоторым данным, в 1761 г. (О. Дагвадорж. Уламжлалт тогтолцоонд монгол дацангийн гуйцэтгэсэн уу рэг. – Улаанбаатар, 2004. – С. 165).

ри). В 2007 г. в первый раз на базе монастыря Дашчойлин была проведена церемония «Хурээ цам» (или «Жахар цам»). Теперь ежегодно с 6 по 9 число последнего летнего месяца по лунному календарю исполняется цам, последний день церемонии, которой привлекает много верующих.

Хуралы различаются на ежедневные, еженедельные по расписанию, ежемесячные, по благоприятным дням «дуйчэн», а также годовые. Ежедневно в Дашчойлин хийде проводятся религиозные службы: жасаа-хурал по обращениям верующих в Цогчен-дугане, ведётся приём лам астрологов, а также ламы *гурэм засалч* (лама, исполняющий требы верующих). Хуралы начинаются с 9 часов и длятся примерно до обеда. Столовой для лам при монастыре нет, кормят только во время больших хуралов. При монастыре священнослужители не проживают, приезжают из дома к началу хуралов.

Имеется отдельное помещение «зулын гэр» – для подношения лампад. При монастыре организована служба приёма заказов от верующих, следует отметить, что если ранее эту функцию выполняли ламы (бичээч лам, как, например, это происходит в Гандантекченлине), то теперь в данной службе заняты и светские люди – женщины. В этом выражается социальная ответственность монастыря перед государством – предоставление рабочих мест. Также на вспомогательных службах (охрана и уборка территории, помещений администрации) заняты наёмные рабочие.

Следует отметить одну из особенностей монастыря Дашчойлин – это отсутствие фиксированной платы за проведение религиозных обрядов. В то время как в конторе приёма заказов монастыря Гандантэгченлин вывешен прейскурант с перечнем обрядов и молитв с указанием стоимости за их исполнение. Так, за чтение хурала Алтан Ганджур следует заплатить 5000 тугриков. В Дашчойлине верующий сам определяет размер вознаграждений и подношений в зависимости от своих финансовых и прочих возможностей, что многие респонденты из числа светских лиц считали очень правильным.

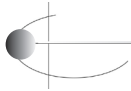
В 1998 г. благодаря усилиям хамбо-ламы монастыря Ч. Дамбажава, учителя Ц. Мунх-Эрдэнэ и других священнослужителей на базе монастыря был основан колледж Зуун хурээ. В колледже проводится обучение по трём ступеням: 1) общая образовательная программа, включающая программу средней школы; 2) базовое буддийское образование; 3) философия буддизма. Есть 1–2-годовые

подготовительные курсы для поступления в колледж. Обучение в учреждении бесплатное. Занятия проводятся 5 дней в неделю, по 4 занятия в день, длительностью 1 ч 30 мин. Во время больших молебнов учащиеся участвуют в проведении богослужений, что является для них дополнительной практикой и знакомством с регламентом богослужений. За период обучения учащиеся проходят более 40 учебных курсов, совмещающих буддийское и современное светское образование (монгольский язык, литература, математика, геометрия, физика, обществознание и др.). Цикл буддийского образования включает изучение 10 больших и малых наук, чтение хуралов, историю религий, историю буддизма, тибетский язык, санскрит и другие предметы. Среди образовательных целей колледжа выделяются следующие: восстановление утраченных традиций монгольского буддизма, изучение буддийской культуры и философии, обучение и подготовка молодого поколения буддийских священнослужителей и т. д. Все выпускники изучают курс астрологии и получают основы составления гороскопов. После четырёх лет обучения проводится экзамен на степень бакалавра.

Цаннит-дацана в Дашчойлине нет, для получения философской степени надо учиться в дацанах, специализирующихся на философии буддизма, например при Гандантэгченлине. Потому по окончании колледжа Зуун хурээ учащиеся не получают духовных степеней, многие для продолжения образования поступают в магистратуру Монгольского госуниверситета (МУИС). Молодые ламы могут продолжить обучение также в крупных монастырях Индии, Тибета и Монголии. В 2002 г. состоялся первый выпуск учащихся. В среднем ежегодно в колледже обучается около 30 студентов.

В колледж Зуун хурээ принимают на обучение детей только после окончания курса неполной средней школы, при Гандане есть начальная школа, где могут обучаться дети младшего школьного возраста. На базе колледжа действует Союз молодых буддистов, который занимается пропагандой буддийского учения и ценностей. При монастыре работает воскресная школа, где бесплатно обучают письменному монгольскому языку. До революции в Зуун хурээ была монастырская школа «Есун зуйлин сургууль», в которой обучали тибетскому языку, санскриту и монгольскому письму. В настоящее время восстанавливаются традиции той школы.

В Дашчойлин-хийде трое священнослужителей имеют учёную степень доктора наук (PhD), они учились в Монголии, Японии и Индии. Сейчас обучается 3 докторанта. Более 10 магистрантов учатся в Корее, Америке, 3 человека – в Индии. Духовную учёную степень гэбши получили 5 человек в Индии, сейчас там обучается ещё 3 человека.

Среди преподавателей колледжа есть приглашённые учителя из светских учебных заведений, например, с кафедры религиоведения Монгольского госуниверситета и других.

Около двадцати лам совместно с тибетцами работают над проектом по переводу Ганджура на современный монгольский язык (издано 50 томов).

Дашчойлин-хийд представлен в Сети, имеет свой сайт, страницы в социальных сетях (Facebook). В 2012 г. вышел в свет первый номер газеты «Улзий хутаг».

Деятельность монастыря осуществляется в соответствии с уставом, разработанным согласно буддийским канонам и на основе рекомендаций, данных далай-ламой в 1992 г., положения Устава соответствуют Трудовому кодексу Монголии.

Согласно уставу монастыря Дашчойлин «“Свет лампы, [освещающий] вступление на путь спасения” (утверждён первенствующим хамбо-ламой 2 февраля 2008 г.)» руководство монастырём осуществляется хамбо-ламой. Управление монастырём исполняет совет должностных лам, в который входят: главный хамбо-лама, цорджи-лама, лобон-лама, старший гэсхуй, младший гэсхуй, старший унзад, младший унзад, а также по служебной надобности могут входить тамгын-лама, старший бухгалтер, даамал-лама.

Структура монастыря состоит из следующих служб: 1) администрация (контор), 2) хуральные ламы (хурал), 3) хозяйственная часть (аж ахуй).

Администрация представлена 7 должностными лицами: 1) управляющий хозяйством (аж ахуйн даамал; нирбо); 2) бухгалтер; 3) помощник бухгалтера; 4) помощник хамбо – секретарь; 5) тамгын лам – отвечает за хуральных лам и всю организацию монастыря; 6) помощник тамгын ламы; 7) хамбо-лама.

Хуральные ламы также имеют свою иерархию, должности: хамбо, цорджи, ловон, два унзада (старший и младший), два гэсхуй (старший и младший), шесть голч, один чомбо, соотносится с тахилчи, которых двое, два дуганчи.

Хозяйством руководит даамал, под его началом находятся охрана монастыря, кухня. В подчинении даамала есть и женщины – уборщица, повар, приёмщицы заказов на проведение служб и обрядов (бичээч).

Ламы Дашчойлин-хийда получают заработную плату, с которой платят налоги и страховые взносы. В среднем она составляет 300 000 тугриков в месяц (например, в Гандане как таковой зарплаты у лам нет – выплачивается минимальный размер заработной платы, они не платят налоги). Налог составляет 21 %, из которых 10 % платит священнослужитель, 11 % – организация. Монастырём также оплачивается медицинская страховка. При необходимости с ламами могут заключаться трудовые договоры (гэрээ), если это требуется, например, для оформления кредита в банке.

В современном Дашчойлин-хийде среди священнослужителей нет определённой принадлежности к тому или иному аймаку.

На сегодняшний день в монастыре насчитывается более 100 лам, из них пятеро имеют обеты гелонга. Самый старший лама Даш-Дорж (родом из Среднегобийского аймака) недавно скончался в возрасте 107 лет. Он был художником, скульптором, портным, шил одежду для цама.

Лам в возрасте от 70 до 80 лет 5–6 человек. В целом средний возраст лам – от 25 до 45 лет, что составляет примерно 80 % от общего числа священнослужителей.

В дацане служат 2 эмчи-ламы, один из которых обучался в монастыре Гумбум (КНР) у специалистов по монголо-тибетской медицине, у 2-го есть светское среднее медицинское образование. Раньше в Хурээ был медицинский факультет – мамба-дацан, который подготавливал эмчи-лам. Лекарственные сборы готовят в Дашчойлине традиционным способом, толкут ингредиенты в ступке, просеивают.

В монастыре никто из лам не проживает, все ездят из дома. Служащие контор работают с 9 до 17 часов. Воскресенье – выходной. Хуральные ламы заняты согласно расписанию богослужений, в обычные дни – с 9 часов утра и до обеда. Все ламы поочередно работают с верующими и исполняют обязанности зурхайч и засалч, подношения, деньги за эту работу оставляют себе, а не передают в казну монастыря.

За посещением ламами хуралов следит гэсхуй, ламы при необходимости отлучиться на срок до 3 дней должны отпрашиваться у него. Для отсутствия на более длительный

срок требуется разрешение хамбо-ламы. За опоздание на хурал могут лишиться части заработной платы. Ламы имеют право на отпуск, длительностью 8 недель.

В Уставе прописан порядок принятия нового члена, а также исключения за провинности из монашеского звания. Согласно уставу ламы становятся не ради выгоды, славы, способа жизни, а лишь из своих внутренних убеждений, осознанно и строго придерживаясь принятых обетов, для обучения, размышления, медитации. В ламы не принимают глухих, немых, глухих, и с прочими увечьями, неспособных придерживаться устава по старости. Претенденты должны быть без вредных привычек, без судимостей, с хорошей репутацией, не совершавшие 5 греховных деяний, не нарушавшие прежде взятых обетов, не изгонявшиеся из других монастырей. Не достигших совершеннолетия принимают с разрешения родителей и опекунов, а также с разрешения местной администрации. Кандидат в ламы должен иметь какое-либо религиозное образование, должен знать хуральские чтения, философию, уметь переводить, он обязан принять обеты и должен быть проверен на характер.

За исключением некоторых нововведений монастырский уклад придерживается традиционных форм. Изменения не затронули сложившиеся внешние атрибуты лам, как например, в одежде, количестве олбоков для сидения, что чётко прописано в уставе монастыря. Так, согласно уставу, цорджи-лама носит обоодой (головной убор) с жёлтой тесьмой, жёлтое шёлковое жанши, сидит на 5 и выше коричневых олбоках на сидении с коричневой спинкой и со столиком. Ему должны оказывать почтение лобон-лама, старший гескуй и другие, он может давать им указания. При очередном отпуске и отпуске на длительный период цорджи-лама не замещается. При обращении к главному хамбо-ламе он должен снимать шапку, спускать орхимджи.

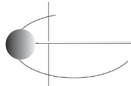
В уставе также регламентирована одежда лам, с требованиями по пошиву и ношению. Она разделяется на каждодневную и церемониальную. Так, монашеское одеяние бывает жёлтого, красного, коричневого цветов, пошито из хлопчатобумажной ткани, тибетского сукна или шёлка. Не носят одежды из парчи и кожи, украшения и прочее. Длина должна быть на 4 пальца ниже от голенища сапог, не должна провисать или быть короткой. Дэли с отороченным воротником носят высшие, должностные ламы, начиная с цорджи.

По словам лам, духовные одеяния за пределами монастыря они могут не надевать, это вопрос для каждого личный.

Монастырь энергично развивается, возводятся новые комплексы, происходит реконструкция территории. С 2014 по 2015 гг. (за год наблюдений) были проведены работы по демонтажу павильона с большим хурдэ – молитвенным барабаном, в то же время были установлены новые культовые объекты: большой колокол мира, подаренный Гуру Тиба-ринпоче 21 июля 2006 г.; ранее установленная статуя Будды огорожена субурганами с новыми молитвенными цилиндрами, на некоторых закреплены таблички с именами жертвователей или указаны причины, побудившие установить цилиндр-хурдэ (как правило, для лучшего перерождения усопших родных).

Частично реконструкция монастырского комплекса, сооружение культовых предметов, изготовление костюмов для ритуальных служб проводится собственными силами, в Дашчойлине также имеются несколько художников, скульпторов, лам, специализирующихся на изготовлении костюмов для ритуальных служб, изготавливающих танки – аппликации. Ламы получают специализацию на факультете религиозного искусства Университета культуры и искусства (СУИС).

Перемены происходят также и внутри монашеской среды. Уровень знаний лам постоянно повышается, большинство молодых лам совмещают духовное образование со светским. Многие ламы ездят на стажировки или обучение за границу. Все монахи имеют базовое светское образование, большинство, помимо религиозного образования, получают дополнительные светские специальности, их деятельность проникает во многие сферы общественной жизни. Они, с одной стороны, строго придерживаются обетов и монашеского устава, с другой – вынуждены принимать и приспосабливаться к современным реалиям. Если ранее монастырская и светская жизнь были строго разделены между собой, то сейчас образ жизни мирянина и ламы, если не учитывать различий в одежде и роде занятий, почти не различаются. Современное духовенство Монголии следует рассматривать как составную часть общества, также переживающую обновление и преобразования [1], исключением не являются и буддийские священнослужители монастыря Дашчойлин. Дальнейшая судьба буддизма в Монголии

всё более зависит не от верующих, а от уровня совершенствования и образования буддийского духовенства.

Перед буддийской конфессией, продолжающей оставаться основной религией монгольского народа и в значительной степени сохраняющей своё влияние на жизнь страны, в начале процесса демократизации ставилась задача более активного участия в общественной жизни, выдвигалось требование об

укреплении её позиций в соперничестве с нетрадиционными религиями, о необходимости реформирования её деятельности и проведения обновленческих мероприятий с целью адаптации к происходящим общественным изменениям, упорядочения административно-управленческой системы и контроля над монастырями¹. Теперь можно с уверенностью сказать, что поставленные задачи успешно решаются.

Список литературы

1. Ванчикова Ц. П., Цэдэндамба С. Современные процессы в монгольском буддизме: 1990–2007 гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 89–96.
2. Дамдинсүрэн Шарнууд Лувсандагвын. Монголын уламжлалт бурханы шашин. Улаанбаатар, 2010.
3. Дагвадорж О. Уламжлалт тогтолцоонд монгол дацангийн гүйцэтгэсэн үүрэг. Улаанбаатар, 2004.
4. Мягмарсүрэн Г. Олзий номын хийд. «Зуун хурээ» Дашчойлин хийдийн туухэн товчоон. Улаанбаатар, 2010.
5. Полевые материалы авторов 2014, 2015 гг.
6. Сокровенное сказание монголов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dashichoiling.mn (дата обращения: 26.06.2015).
7. Сонинбаяр Ш. Лам санваартны дэг жаяг, ес зүй // Төр сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурлын материал. Улаанбаатар, 1998. С. 117–119.
8. Устав монастыря «Зуун хурээ» Дашчойлин // Монголын бурханы шашны орон хийд Зуун хурээ Дашчойлин хийдийн лам хуврага бугдээр даган барих “Гэтэлхийн мөрд орохын зулын гэрэл” хэмээх дотоод журам оршивой.
9. Цэрэнсодном Д. Монгол дахь төр, сүм хийдийн харилцааны түүхэн уламжлал өнөөгийн байдал // Төр сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурлын материал. Улаанбаатар, 1998. С. 12–17.

References

1. Vanchikova Ts. P., Tsedendamba S. Sovremennyye protsessy v mongol'skom buddizme: 1990–2007 gg. // Gumanitarnyi vektor. 2014. № 2 (38). S. 89–96.
2. Damdinsuren Sharnuud Luvsandagvyn. Mongolyn ulamzhalt burkhany shashin. Ulaanbaatar, 2010.
3. Dagvadorzh O. Ulamzhalt togtoltoosond mongol datsangiin gyitsetgesen yureg. Ulaanbaatar, 2004.
4. Myagmarsuren G. Olzii nomyn khiid. «Zuun khuree» Dashchoilin khiidiin tuukhen tovchoon. Ulaanbatar, 2010.
5. Polevye materialy avtorov 2014, 2015 gg.
6. Sokrovennoe skazanie mongolov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.dashichoiling.mn (data obrashcheniya: 26.06.2015).
7. Soninbayar Sh. Lam sanvaartny deg zhayag, es zyi // Ter sym khiidiin kharilttsaa: orchin ye. Onol-praktikiin бага khurlын material. Ulaanbaatar, 1998. S. 117–119.
8. Ustav monasterya «Zuun khuree» Dashchoilin // Mongolyn burkhany shashny oron khiid Zyun khuree Dashchoilin khiidiin lam khuvraga bugdeer dagan barikh “Getelkhiin mөrd orokhyn zulyн gerel” khemeekh dotood zhuram orshivoi.
9. Tserensodnom D. Mongol dakh' ter, sym khiidiin kharilttsaany tyukhen ulamzhalt өнөөгийн baidal // Ter sym khiidiin kharilttsaa: orchin ye. Onol-praktikiin бага khurlын material. Ulaanbaatar, 1998. S. 12–17.

Статья поступила в редакцию 29.08.2015

¹ Цэрэнсодном Д. Монгол дахь төр, сүм хийдийн харилцааны түүхэн уламжлал өнөөгийн байдал // Төр Сүм хийдийн харилцаа: орчин үе. Онол-практикийн бага хурлын материал. – Улаанбаатар, 1998. – С. 12–17; Чойжамц Д. Там же. – С. 26–31; Сонинбаяр Ш. Лам санваартны дэг жаяг, ес зүй. Там же. – С. 117–119.

Дарима Эрдэмовна Дарибазарон,
аспирант,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: darima.daribazaron@gmail.com

Буддийская концепция Пути

В статье рассматривается место и значение в буддизме концепции Пути, под которым следует понимать процесс трансформации личности с помощью духовных практик с целью достижения Нирваны или Пробуждения. Значение, придаваемое буддистами концепции Пути, трудно переоценить, и объясняется это прагматической направленностью этой религии. Принимая во внимание великое множество и разнообразие школ и традиций, возникших на протяжении 2,5-тысячелетнего существования буддизма, очевидно, что единого мнения об идеальном пути не существует. В статье рассмотрены некоторые положения, вызывающие споры: роль так называемых «очистительных» практик, значение критического анализа, нацеленного на развитие мудрости; постепенный прогресс на пути духовного развития и мгновенное осознание истины; соотношение схоластики и веры, условного и безусловного. Показано, что несмотря на существующие разногласия, все школы признают необходимость и значимость сознательной трансформации поведения и мышления, и именно концепция Пути объединяет разнообразные элементы традиции в единое целое и позволяет рассматривать буддизм с холистической точки зрения.

Ключевые слова: путь, буддизм, буддийская практика, теория буддизма.

Darima Erdemovna Daribazaron,
Postgraduate Student,
Buryat State University
(24A Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000),
e-mail: darima.daribazaron@gmail.com

Buddhist Concept of the Path

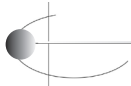
The article discusses the concept of the Path in Buddhism. What we mean by 'path' is a theory according to which certain practices are capable of transforming a person and lead to achieve Nirvana or Enlightenment. The great emphasis Buddhism places on it is primarily explained by the pragmatism of this religion and its call for self-salvation. Considering the number and variety of schools and traditions within Buddhism, it is obvious that there are many disagreeing opinions on various aspects of the Path. Some matters of dispute discussed here include the role of purification practices and critical analysis to develop wisdom discerning the nature of reality; gradual progress on the path and instantaneous insight; scholasticism and faith, conditioning and deconditioning. We conclude by suggesting that despite various views and opinions all Buddhist schools recognize the critical importance of the path. It is the concept of the path that enables us to view and study Buddhism as a whole.

Keywords: path, Buddhism, Buddhist practice, Buddhist theory.

Основополагающим для буддийского учения является представление о том, что для достижения поставленных духовных целей – будь то Нирвана в традиции Хинаяны или Пробуждение Махаяны – необходимо преодолеть некий путь. Концепция Пути предполагает, что следование неким жизненным правилам и выполнение определённых практик способны преобразовать сознание человека и привести его к поставленной цели. В буддизме, как, пожалуй, ни в какой другой религии, эта концепция получила самое тща-

тельное и исчерпывающее объяснение. Разумеется, трансформационная сила любой духовной практики, т. е. ееспособность менять характер, ценности, взгляды и убеждения человека, признаётся всеми религиями, однако именно в буддизме, на наш взгляд, ей придаётся решающее значение. На протяжении своего более чем 2,5-тысячелетнего существования буддизм зарекомендовал себя как путь к самостоятельному спасению, где религиозному адепту в соответствии с последним наставлением Будды – «... будьте светильни-

ками сами для себя... стремитесь неустанно к своему освобождению» [2, с. 88] – рекомендуется полагаться в первую очередь на собственные силы.

Известная метафора, в которой Будда сравнивается с лекарем, учение Будды – с лекарством, а живые существа – с больными, подтверждает прагматическую направленность учения, стремление с его помощью решить насущные проблемы людей и дать ответы на волнующие их вопросы. Таким образом, мы говорим о превосходстве непосредственного опыта перед абстрактным теоретизированием. Религия, опираясь на некую систему ценностей, предлагает адепту определённые образцы поведения, образ жизни. Для большинства последователей абсолютные истины выражаются не в умозрительных доктринах, но в следовании определённым принципам в повседневной жизни, использованию их в качестве руководства к действию при принятии решений. К примеру, некоторые монахи или монахини могут не иметь ни малейшего представления о таких доктринах, как Двенадцать звеньев взаимозависимого происхождения, или *Шуньята* (теория пустотности), однако благодаря неукоснительному соблюдению монашеского устава они могут добиться гораздо больших успехов на пути духовного развития, чем теоретизирующие буддисты интеллектуального толка. В реализации «отсутствия я» и «собственной сущности» гораздо большим подспорьем могут оказаться соблюдение монашеской аскезы и зарабатывание на пропитание подаянием, нежели пылкие философские диспуты на эту тему. Не случайно практики, обуздавшие свой ум с помощью медитации, пользуются большим уважением, чем подкованные в вопросах доктрины интеллектуалы. Не следует также забывать о том, что способных держать обеты Виная больше, чем тех, кто способен овладеть всеми тонкостями отрицательной диалектики Нагарджуны.

Концепция Пути объединяет систему ценностей, различные буддийские практики и ритуалы, теоретические доктрины в единое целое, задаёт направленность движения.

Возьмём, к примеру, так называемые «три практики» (тиб. *bslab bya gsum*) – соблюдение морали (*tshul khrim*), безмятежность (*zhi gnas*), проникновение (*lhag mthong*). Придерживаясь норм морали, т. е. контролируя действия тела, речи и ума, человек не испытывает чувства вины, поскольку не совершает неблагих поступков, и меньше сомневается при выборе какого-либо действия.

Мораль служит фундаментом для развития безмятежности, которая в свою очередь необходима для проникновения в истинную природу реальности. Порождается мудрость (тиб. *shes rab*), с помощью которой человек осознаёт непостоянство явлений, отсутствие у них какой-либо истинной сущности. Благодаря этой реализации разрывается привязанность человека к миру страданий и достигается состояние нирваны. Три практики сводят учение Будды в единое целое – некий образец поведения, который может взять на вооружение религиозный адепт.

Таких примеров множество. Некоторые из них действительно могут быть использованы как руководство к действию, в то время как другие напоминают, скорее, мифические описания, имеющие мало что общего с реальностью. Последние, вероятно, призваны вдохновлять на вступление в путь, демонстрируя примеры мужественности и целеустремлённости искателей истины. Приведём здесь некоторые из них:

Восьмеричный благородный путь:

1. Правильные воззрения.
2. Правильное устремление.
3. Правильная речь.
4. Правильные действия.
5. Правильные средства к жизни.
6. Правильное усилие.
7. Правильная осознанность.
8. Правильное сосредоточение.

Четыре подхода (плода):

1. Вступивший в поток (сротапанна).
2. Единожды возвращающийся (сакридагамин).
3. Более не возвращающийся (анагамин).
4. Достигший освобождения (архат).

Тридцать семь факторов пробуждения:

- 1–4. Четыре вида внимательности (чатвари смртюпастханани).

5–8. Четыре вида правильного усердия (чатвари самьякпраханани).

9–12. Четыре основы или опоры успешной практики (чатвара дипадах).

13–17. Пять способностей (панча индрияни).

18–22. Пять сил (панча балани).

23–30. Семь звеньев просветления (сапта бодхьянгани).

31–37. Восьмеричный благородный путь (арья аштанга марга).

Пять путей:

1. Путь накопления (самбхара марга).
2. Путь освоения (прайога марга).
3. Путь видения (даршана марга).
4. Путь медитации (бхавана марга).

5. Путь «больше неучения» (ашаикша марга).

Шесть или десять этапов бодхисаттвы (в соответствии с Дасабхумика Сутрой; соответствуют десяти совершенствам, см. ниже):

1. Степень блаженства (прамудита).
2. Степень безупречной чистоты (вимала).
3. Степень светоносная (прабхакари).
4. Степень блистательная (арчишмати).
5. Степень труднодостижимая (судурджая).
6. Степень обращения к ясности (абхимукхи).
7. Степень далековедущая (дурангама).
8. Степень непоколебимая (ачала).
9. Степень безупречная (садхумати).
10. Степень облако учения (дхармамегха).

Шесть или десять совершенств (парамита):

1. Даяние (дана парамита).
2. Дисциплина (шила парамита).
3. Терпение (кшанти парамита).
4. (Радостное) усердие (вирья парамита).
5. Медитативное сосредоточение (дхьяна парамита).
6. Мудрость (праджня парамита).
7. Искусные методы (упая парамита).
8. Пожелания (пранидхана парамита).
9. Сила (бала парамита).
10. Изначальная мудрость (джняна парамита).

Путей к освобождению в буддизме великое множество, поскольку каждая из многочисленных буддийских традиций и школ предлагает свой вариант достижения поставленной цели. Далее нам хотелось бы обозначить основные спорные вопросы, связанные с концепцией буддийского Пути.

Идеальная личность в буддизме

Как мы уже говорили, концепция Пути в буддизме зиждется на представлении о том, что Будда и его последователи достигли Пробуждения благодаря собственным усилиям. Из обычных людей они превратились в неких идеальных личностей, качества которых самым тщательным образом анализируются в буддийской литературе. Описание пути – абстракция пережитого некогда индивидуально-опыта, карта для вступающих на путь.

Буддийский путь двуедин: с одной стороны, необходимо избавиться от негативных факторов сознания или нежелательных состояний ума, с другой – культивировать положительные качества. Омрачения или негативные состояния ума, равно как и противоядия для каждого из них, самым подробным образом

разобраны в буддийской литературе. Путь с этой точки зрения упрощается – целью его становится не некое трансцендентальное переживание, но совершенствование сознания.

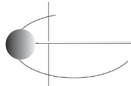
Очищение сознания и развитие мудрости. Постепенность пути и мгновенность результата

Ещё одним вопросом, который требуется рассмотреть при изучении буддийского пути, является соотношение знания, устраняющего непонимание истинной природы вещей (санскр. – *даршана*), и очищения с целью устранения загрязнения сознания. Первый подход связан с культивацией мудрости, рассеивающей ложные представления и заблуждения, второй – с культивацией этических ценностей, уничтожающих омрачения более грубого толка (алчность, враждебность и т. п.).

В буддизме существуют школы, выдвигающие на первый план очистительные практики (Тхеравада и Вайбхашика – традиции Абхидхармы), а также школы, отдающие предпочтение анализу и разумному постижению истины. Чтобы понять разницу между ними, рассмотрим, каким образом относятся к благодетели даяния в традициях Чань и Тхеравада. Легендарным основоположником традиции Чань был Бодхидхарма, прославившийся резкой критикой конвенционального пиетета. Король Ву из династии Лианг, современник Бодхидхармы, прославился своей неслышанной щедростью и почитался всеми как благодетельный правитель. Бодхидхарма же к всеобщему удивлению заявил, что отнюдь не считает его щедрость заслугой. В противоположность этой точке зрения сторонники традиции Абхидхарма считают, что даяние является основой пути, с оговоркой, однако, что значим не сам акт даяния, но «семена добродетели», зароненные в сознании.

Как бы то ни было, обе точки зрения опираются на известное изречение Будды – «Избегай любого зла / Твори добро / Очищай сознание / В этом учение Будды».

Ещё один вопрос, вызывающий разногласия: необходимо ли для постижения истины постепенно накапливать заслуги в течение длительного времени, либо истина открывается нам в мгновение ока. Насколько необходима и важна для этого последнего «момента истины» предварительная работа, постепенное культивирование мудрости или накопление положительной энергии. Классическим примером здесь является видимое противоречие между Ваджраяной в тибетском буддизме, согласно которой правильное выпол-

нение тантрических практик может привести к достижению состояния Будды кратчайшие сроки, и Парамитаяной, требующей неустанной работы над собой в течение невероятно долгого времени, исчисляемого в зонах.

Схоластика и вера

Великое множество и разнообразие положительных качеств, которые следует культивировать, и негативных качеств, о которых следует избавиться, привели к тому, что буддийские экзегетики решили заняться их упорядочиванием и систематизацией. Так возникли знаменитые «Висуддхимагга» Буддагхоши и «Йогачарабхумишастра» Асанги. Буддисты взялись за эту задачу с методическим рвением; описания всё увеличивались в объёмах, этапы разбивались на подэтапы и т. д. Традиция ХуаЕн, возникшая в средневековом Китае, говорит о 52 или 53 ступенях пути бодхисаттвы, первые 50 из которых организованы в 5 групп по 10 ступеней. Конечно, духовная эволюция является предметом обсуждения в той же христианской традиции, однако в последней не говорится о том, что для единения с Богом необходимо пройти определённые этапы пути, скорее, Бог сам является тому, кто его ищет. Томизм, в частности, говорит о том, что если бы мы полагались только на себя, мы никогда бы не узнали, что есть Бог; самое лучшее, на что мы можем надеяться, – это обнаружить, чем Бог не является [7, с. 53].

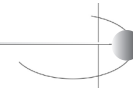
Однако и буддистов, и христиан интересовало, каким образом соотносятся на пути духовной эволюции интеллектуальное понимание и вера. В средневековой христианской теологии для выяснения места веры на духовном пути широко использовались логика и метафизика классической греческой философии. В буддизме же речь идёт о соотношении непосредственного медитативного опыта и логического анализа, используемого в индийской философской экзегетике. Буддийские схоластические традиции (индийская Вайбхашика, тибетская Гелукпа, китайская ХуаЕн) в вопросах духовных реализаций придерживались жёстких стандартов интеллектуальной доказуемости, ранжируя различные виды духовного опыта.

Средневековая христианская схоластика никогда не осмеливалась утверждать, что человеческий разум способен познать всё. Христиане никогда не забывали о мистицизме веры или божественного откровения. Точно так же буддисты никогда не говорили о том, что составление карты пути и подробное

описание его этапов само по себе способно привести к Пробуждению, только медитация и духовные переживания способны на это. Как бы не были идеально продуманы схемы и карты пути, допускалось, что они, возможно, имеют мало что общего с медитативными переживаниями в действительности.

Кроме того, не следует забывать о том, что буддийские трактаты по этапам пути зачастую использовались соперничающими школами для сведения счётов между собой. Как правило, первоначальные этапы пути обычно милостиво оставлялись конкурирующим традициям, однако для дальнейшего развития на пути необходимо было принять доктрину школы, представителями которой был написан тот или иной текст. Ярким примером тому является описание десяти этапов реализации Кукаи (774–835), основоположником секты Сингон в Японии. Согласно этому описанию в начале пути человек не придерживается никаких моральных принципов и ведом лишь низменными желаниями, постепенно задумываясь о природе существования, на четвёртом уровне он достигает уровня практика Хинаяны, осознавшего «отсутствие я». На шестом уровне Кукаи говорит о Йогачаринах, породивших сострадание ко всем живым существам, на последующих уровнях речь идёт о последователях взглядов Мадхьямики, Тэндай и ХуаЕн. Высшего же этапа развития способен достичь только последователь эзотерической школы Сингон, основанной самим Кукаи. Таких примеров много. В тибетском буддизме очень популярна теория о трёх видах религиозных личностей, впервые эта классификация была привнесена в Тибет индийским учителем Атишей (982–1054) в его «Светоче на пути к Пробуждению». Несмотря на устремление всех буддистов избавиться от страдания всех живых существ без исключения, последователям других религий в этой системе места не нашлось.

В некоторых буддийских традициях, в первую очередь Чань и Дзен, считается, что постижение истины отнюдь не является результатом какой-либо последовательной практики. Если нирвана, согласно общепринятой точке зрения, не подлечит никакому описанию и не подчинена никаким условиям, как можно её достичь с помощью условной практики? Может ли упорядоченный путь привести к мистическому переживанию, не подлежащему никакой структуризации? В школе гелукпа тибетского буддизма медитация, объединяющая *шаматху* (медитативное сосредоточение) и *випашьяну* (проникновение),

призвана отбросить условное и обусловливаемое, чтобы напрямую постичь конечную истину. Традиции дзогчен и ньингма, опираясь на такие понятия, как *татхагатагарбха* (природа Будды), *читта пракрити ваималья дхату* (изначальная чистота ума), говорят о том, что концептуализация и интеллектуализация являются лишь препятствиями на пути постижения абсолюта.

Возможно, здесь нам стоит задуматься о том, что религиозная цель на самом деле является не результатом, но составной частью пути, они взаимно обуславливают друг друга – без пути нет цели, точно также как без цели нет пути. Согласно традиции Махаяны в нирване «не пребывают», нирвана – освобождение от заточения в плену своих омрачений, и процесс трансформации, вероятно, непрерывен. Возможно, именно это имел в виду Нагарджуна, заявив, что «предел нирваны – это предел сансары, между ними нет ни малейшей разницы» [6, с. 20, 25, 215].

Зачастую школы, отрицающие необходимость пути, противоречат сами себе, последовательно описывая душевные состояния, предшествующие кульминационному моменту. В буддизме Чистой Земли благодати Чистой Земли коррелируются с этапами традиционного пути. Сукхавативьюха-сутра (обет 34) говорит о том, что перерождение в Чистых Землях Ами табхи приравнивается к достижению бодхисаттвой совершенства «проявления терпения к невозникновению дхарм» (*анупаттикадхармакшанти*) – термин, используемый в буддизме Махаяны для обозначения нирваны.

***

В основе любой религиозной традиции лежат некие парадоксы, не подлежащие рациональному разрешению, именно благодаря им и поддерживается жизнеспособность традиции, её непрерывное развитие. В буддизме таким фундаментальным противоречием является следующее: с одной стороны, буддизм утверждает, что в реальности вещи, явления и личности лишены сущности, пустотны; с другой – говорится о том, что для постижения этой истины необходимо придерживаться определённой дисциплины, неких образцов поведения, прикладывать усилия и выполнять конвенциональные практики, пустотные по своей сущности.

В буддийских текстах мы встретим упоминания о том, что результат практики одновременно является необходимой причиной её возникновения, практика и её цель практи-

чески неотделимы друг от друга, мгновенная реализация является плодом постепенной практики и наоборот [3, с. 279–320]; а также мнение о том, что горделивая уверенность в собственных силах, необходимая при выполнении «трудных» практик, должна смениться скромностью в «лёгких» практиках, признающих вмешательство трансцендентного.

Несмотря на спорные моменты, рассмотренные нами выше, буддисты сходятся на мнении о том, что признание пустотной природы вещей отнюдь не повод для отрицания сознательного буддийского пути, конвенциональные практики совершенно необходимы для прогресса на пути.

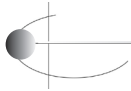
Неспособность увидеть буддизм в его целостности привела к тому, что представители других религий нередко обвиняли буддистов в нигилизме. Конфуцианцы, к примеру, считали учение Будды, говорящее об иллюзорности условной реальности, угрозой порядку и стабильности социальной и политической жизни.

Однако буддизм отнюдь не самоустраняется от повседневных человеческих проблем и забот, именно в предписаниях к пути, целью которого является положительное развитие личности, адресуются такие вопросы, как правила мирской и монашеской жизни, искусство и науки, ценности и нормы межличностных отношений, институты власти и т. д. Концепция Пути и концепция Шуньяты не опровергают, но взаимодополняют друг друга, подтверждением чему служат слова самого Нагарджуны: «Абсолютная истина познаётся только на основании условного учения» [6, с. 20, 24, 199].

Концепция Пути даёт нам возможность интерпретировать буддийское учение с холистической точки зрения: все элементы традиции становятся составными частями единого целого, практики – выражением как в явном, так и неявном виде доктрин и систем ценностей, простодушная вера в «благословение Будды» перестаёт противопоставляться интеллектуальным диспутам о тонкостях доктрины,

Подход, согласно которому ценность любой практики рассматривается с точки зрения её прагматического значения, объединяет буддистов различного толка в единую *сангху* (общину). Самые утончённые религиозные теории выражаются в терминах, релевантных в повседневной жизни, вдохновляя последователей вступить на путь духовного самосовершенствования.

Список литературы

1. Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
2. Сидоров С. Буддизм: история, каноны, культура. М.: Дизайн. Информация. Картография: Астрель: АСТ, 2005. 487 с.
3. Gregory Peter N. Sudden Enlightenment Followed by Gradual Cultivation: Tsung-mi's Analysis of Mind // Sudden and Gradual: Approaches to Enlightenment in Chinese Thought, Studies in East Asian Buddhism. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 430 p.
4. Hopkins Jeffrey. A Tibetan Perspective on the Nature of Spiritual Experience // Paths to Liberation: the Marga and its transformations in Buddhist thought, Studies in East Asian Buddhism. Honolulu: University of Hawaii Press, 1988. 525 p.
5. Khenchen Konchog Gyaltshe. Complete Guide to the Buddhist Path. Snow Lion Publications, 2010. 496 p.
6. Mark Siderits, Shoryu Katsura. Nagarjuna's Middle Way: the Mulamadhyamakakarika. Wisdom Publications, 2013. 305 p.
7. Pieper Joseph. Scholasticism: Personalities & Problems of Medieval Philosophy. St. Augustine's Press, 2001. 192 p.

References

1. Androsov V. P. Indo-tibetskii buddizm. M.: Orientaliya, 2011. 448 s.
2. Sidorov S. Buddizm: istoriya, kanony, kul'tura. M.: Dizain. Informatsiya. Kartografiya: Astrel': AST, 2005. 487 s.
3. Gregory Peter N. Sudden Enlightenment Followed by Gradual Cultivation: Tsung-mi's Analysis of Mind // Sudden and Gradual: Approaches to Enlightenment in Chinese Thought, Studies in East Asian Buddhism. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 430 p.
4. Hopkins Jeffrey. A Tibetan Perspective on the Nature of Spiritual Experience // Paths to Liberation: the Marga and its transformations in Buddhist thought, Studies in East Asian Buddhism. Honolulu: University of Hawaii Press, 1988. 525 p.
5. Khenchen Konchog Gyaltshe. Complete Guide to the Buddhist Path. Snow Lion Publications, 2010. 496 p.
6. Mark Siderits, Shoryu Katsura. Nagarjuna's Middle Way: the Mulamadhyamakakarika. Wisdom Publications, 2013. 305 p.
7. Pieper Joseph. Scholasticism: Personalities & Problems of Medieval Philosophy. St. Augustine's Press, 2001. 192 p.

Статья поступила в редакцию 10.08.2015

Ирина Александровна Ламожалова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Фонологическая типология исконных личных имён в монгольских языках

В статье выявляется фонологическая типология исконных простых первичных личных имён в бурятском, монгольском, калмыцком языках. Приводятся некоторые структурные признаки личного имени с точки зрения границ имени как знака. Анализируются особенности финалей личных имён, соответствия и варианты монгольских антропонимов в связи с их фонологическими признаками. Для определения типологии имён материал отбирается по семантике их основ, другими словами, приводятся соответствия имён с тождественной семантикой. Сравнительный анализ позволил автору сделать следующие выводы: финали бурятских антропонимов сохранили фонологические, анатомо-физиологические характеристики и наглядно фиксируются в орфографии, монгольские антропонимы данные финали утратили как в плане произношения, так и на письме, скорее всего, под влиянием внутреннего закона экономии энергии. Калмыцкие же личные имена развили конечную огласовку в двух вариантах: во-первых, до неясного звука, который на письме не отражается, а только в справочной литературе, в словарях (в транскрипции), во-вторых, до долгого монофтонга, который на письме, по правилам орфографии в позиции непервого слога, отражается одной гласной буквой. Итак, либо финаль редуцируется, либо наоборот, усиливается.

Ключевые слова: монгольские языки, антропоним, исконное простое первичное имя, фонологическая структура, типология, соответствия, варианты.

Irina Aleksandrovna Lamožhapova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: Lamira76@mail.ru

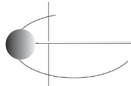
Phonologic Typology of Primordial Personal Names in the Mongolian Languages

The article deals with the phonologic typology of primordial simple primary personal names in the Buryat, Mongolian, Kalmyk languages. Some structural signs of a personal name are given from the point of view of the name borders as a sign. Features of final sounds of personal names, compliances and options of the Mongolian anthroponyms on phonologic signs are analyzed. For definition of typology of names the material is selected according to semantics of their bases, in other words, compliances of names with identical semantics are given. The comparative analysis allowed the author to draw conclusions. So, the finals of the Buryat anthroponyms have kept phonologic, anatomic-physiological characteristics and are visually fixed in spelling, the Mongolian anthroponyms have lost the final sounds both in respect of pronunciation, and writing, most likely due to the influence of the internal law of energy economy. The Kalmyk personal names developed a final sound in two options: firstly, unclear sound which isn't reflected in the letter but only in reference books, in dictionaries (in a transcription), secondly, long monophthong which is on the letter, by rules of spelling in a position of a non-first syllable, is reflected by one vowel. So, the final sound is reduced or, on the contrary, amplifies. In some names the final sound is reduced, or, on the contrary, it is strengthened.

Keywords: Mongolian languages, anthroponym, primordial simple primary name, phonologic structure, typology, compliances, options.

Безусловно, имена собственные, прежде всего, являются словами. Дефиниции слова в российской лингвистике весьма разнообразны. Слово – базисная единица языка. Это обусловливается тем, что и корневые морфемы, и формальные функционируют в лексемах.

Формальные морфемы устанавливают связь слов в предложении, с помощью чего осуществляется главная коммуникативная функция языка. «...Слово может выполнить любую функцию, только словесный знак может одновременно охватить весь объём языковых функций... В зависимости от характера

своей семантики... слово может выполнять различные внутривидовые функции...». Оно может стать морфемой (при словосложении и словообразовании), ...чисто коммуникативной единицей, т. е. высказыванием [3, с. 403–404].

Вместе с тем выявление границ слова может быть затруднительным не только от языка к языку, но и в одном и том же языке. Относительно границ слова в языках монгольской группы мы придерживаемся следующих положений, в частности, на материале аpellативной лексики: «...значение слова играет существенную роль при определении границ слова. Сингармонизм... может служить подобным критерием, но только не главным... Этот закон не соблюдается в отдельных говорах и диалектах монгольских языков... он не выдерживается в сложных словах не только говоров, но даже общеразговорного бурятского языка» [1, с. 84–85]. Также монголоведа правильно пишет, что ударение и оглушение конечных согласных не могут быть особым критерием для определения границ слова, целостность монгольского слова выявляется его морфологической структурой, слово максимально четко определяется как структурно целое, когда оно выступает в сочетании с другими словесными единицами.

Личное имя – вторичное образование. Искусственно образованных имён обычно в языках единицы. Так, бурятское (далее – бур.) личное имя *Адьямаан* создано по структурной модели антропонимов, образованных от обычных слов. Здесь определяются антропонимомант *-маан* [4, с. 177] и *адь-*, последнее является основой имени и, возможно, восходит к *адья* в бичурском, джидинском говоре бурятского языка ‘старшая сестра’. Ср. калмыцкое (далее – калм.) *Адьян – уст.* ‘солнце’, монгольское (далее – монг.) имя *Адьяа*.

Имена собственные, в частности, антропонимы по своему происхождению тесно связаны с обычными словами, но не находят соответствия в структурном и семантическом отношениях. Структурные признаки личного имени определяются с точки зрения границ имени как знака. Например, *Сагаанхүбүүн* ‘белый мальчик’. Это имя как номинация не разложимо, в синтаксической единице – предложении – выполняет функцию подлежащего и отвечает на вопрос имени существительного *хэн? кто?* Личное имя *Хүбүүлхэ* ‘родит сына’ также не разложимо. В обычной лексике к нему можно привести синонимичное словосочетание *хүбүү гаргаха*, значение его

такое же. Однако каждый элемент этого словосочетания является членом предложения – прямым дополнением и сказуемым.

Историческая форма общемонгольского периода *Мүнхэ болху* ‘станет вечным’ – личное имя, отвечает на вопрос имени существительного *кто?* Это имя не разложимо. А сочетание слов *мүнхэболху* можно разложить на прилагательное *мүнхэ* ‘вечный’ и на глагольное слово *болху* ‘будет, станет’. Другими словами, то, что в обычной лексике выступает словосочетанием, в онимической лексике является номинативным, неразложимым комплексом морфемных единиц.

В именах, подобных *Мүнхэболху*, свободно теряется в структурном плане последний элемент, однако его значение выражается не структурно, а имплицитно. Или компоненты сочетаний, бывшие самостоятельными членами словосочетания, в антропонимии переходят в разряд морфемных единиц. Также если в обычной лексике сокращение слов строго подвергается упорядочению, нормированию и помечается в специальных пунктах словарей, то в онимической лексике сокращение имеет стихийный характер, в то же время возможно определить какую-либо типологию сокращений.

Например, среди монголов часто встречаются сокращения имён: *Пунцаг* сокращается в форму *Пун, Санжаа* → *Сан, Лувсан* → *Луу*. Многочисленны примеры калькирования, т. е. из-за табуирования имени могут быть переведены на родной язык. Так, тибетское имя *Балдан* может быть переведено на монгольский как *Цогт* ‘пламенный; перен. жизнерадостный с огоньком’ [9, с. 64].

Подобные явления встречаются у многих народов, например, у тюркских: В казахском антропонимиконе *Мамбет* может замениться *Самбетом, Али – Сали* [2, с. 102]. У калмыков вместо *Хёрны* ‘двадцати’ может использоваться *Хойрарвен* ‘два десятка’, *Зурган* ‘шесть’ – *Тавнасулю* ‘больше пяти’ [5, с. 66]. У бурят: *Гомбо – Омбо, Ёмбо*.

В ранних коленах часто встречались случаи называния жены по имени мужа, реже – мужа по имени жены, родителей называли по именам детей. Такие замены неосуществимы в обычной лексике из-за связи слова с понятием и классом предметов. Антропонимические основы детерминированы религиозными воззрениями и пожеланием родителей ребёнка внешних признаков, внутренних нравственных качеств.

Антропоним, как и любое слово, является языковым знаком и имеет двусторонние

признаки. В общем и целом типология плана выражения имени и обычного слова не имеет существенной разницы, но наблюдается большое отличие в их семантической составляющей, фактической наполняемости.

Безусловно, внешние структурные признаки составляют типологию плана выражения антропонимов в монгольских языках. Структура имён собственных, по А. В. Суперанской [7, с. 19], – это звуковой состав, чередование гласных и согласных, открытые или закрытые слоги, однословность или многословность имён (это, в свою очередь, способствует их узнаванию), Простые, т. е. корневые формы, – формантные, составные образования, системный комплекс простых основ и простых, т. е. первичных личных имён. Простые, т. е. корневые антропонимы, рассматриваем с позиции их фонологической протяжённости и признаков финалей. Слова – различные части речи – имена существительные, прилагательные, числительные, глагол, местоимение – могут быть в структуре составных образований. При этом данные основы имён сами могут быть вторичными, т. е. производными, а существительное может иметь отрицательную частицу.

Кстати, своеобразным эталоном для сравнительного анализа монгольских личных имён мы выбрали бурятский антропонимикон, поскольку система личных имён у бурят, особенно у западных бурят, исконные личные имена представлены в большем количестве при спорадическом сдерживании их у монголов и бурят Монголии, Внутренней Монголии, у восточных бурят и в некоторой степени у калмыков. В связи с этим материал подаётся за бурятским.

В данном сообщении анализируются особенности финалей личных имён, соответствия и варианты антропонимов в связи с их фонологическими признаками. Для определения типологии простых финалей (первичных личных имён) в бурятском, монгольском, калмыцком языках материал отбирается по семантике их основ, т. е. приводятся соответствия имён с тождественной семантикой: бур. *Адууша*, монг. *Адууч*, калм. *Адууч* [адуучъ] ‘табунщик, коневод’; *Боро*, *Бор*, *Бор* [боръ] ‘сильный (о масти), серый, перен. выносливый’; *Хара*, *Хар*, *Хар* [харъ] ‘чёрный’. Ср. *Хонхо*, *Хонх*, *Хоңха* ‘колокольчик’; *Соли* (жен.), *Соль*, *Солю* – ср. монг. *соль* ‘сменись (пол детей)’; *Буянта*, *Буянт*, *Буйнта* (жен.) ‘добродетельный’ (гласный//ноль звука//слабый гласный или долгий гласный).

Далее *Далай*, *Далай*, *Дала* ‘море, океан’; бур. *Сэнхэй* – (R) – радикалоид, калм. *Сенкэ* – (R) – радикалоид, потенциальный корень (бур., монг. *ай*, бур. *эй*, калм. долгий монофтонг – а/э). Финали представленных антропонимов в некоторой степени разнятся. Финали бурятских антропонимов сохранили фонологические, анатомо-физиологические характеристики и наглядно фиксируются в орфографии, монгольские антропонимы данные финали утратили как в плане произношения, так и на письме, а калмыцкие личные имена развили конечную огласовку в двух вариантах: во-первых, до неясного звука, который на письме не отражается, а только в справочной литературе, в словарях (в транскрипции), во-вторых, до долгого монофтонга, который на письме, по правилам орфографии в позиции непервого слога, отражается одной гласной буквой. Итак, либо финаль редуцируется, либо наоборот – усиливается.

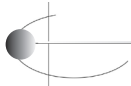
Представленные антропонимические материалы ещё раз подтверждают положение, высказанное В. И. Рассадным, о том, что «...калмыцкий язык, единственный из современных монгольских языков, довёл до логического конца развитие всех дифтонгов в долгие монофтонги» [6, с. 65]. Ср. историческую старописьменномонгольскую форму *лоqaj* и современное калмыцкое личное имя *Нохэ*. Данная монофтонгизация – это результат нисходящего характера артикуляции дифтонгов общемонгольского периода. Данное явление встречается и в диалектах бурятского языка [6, с. 59–65].

В качугском говоре бурятского языка *харгуй* ‘дорога’, при изменении формы слова (винительный падеж, возвратное притяжание) дифтонг распадается: *харгу-яа* ‘дорогу свою’. А в эхиритском говоре – *харгии*, в литературном бурятском – *харгы*, здесь произошла монофтонгизация, это говорит о том, что второй компонент дифтонга был более напряжённым, т. е. дифтонг был восходящим. Отсюда следует, что монофтонгизация в калмыцких антропонимах реализовалась при нисходящем напряжении второго элемента дифтонга.

Относительно простых имён в бурятском, монгольском, калмыцком антропонимиконах с конечными согласными фонемами следует отметить, что их соответствия тождественны, т. е. типология в этом плане едина: *Шэмэг*, *Чимэг*, *Чимиг* (жен.) ‘украшение, убранство, наряд’.

Таким образом, на основе вышеприведённых примеров возможно вывести формулу фонологической протяжённости простых,

первичных личных имён в бурятском, монгольском, калмыцком языках: $n // n-1 // 1 (n) \rightarrow$ или $1 (n) \rightarrow 0$. Другими словами, в бурятском имени n – определённое количество слогов, в монгольском – минус один слог из общего количества слогов, а в калмыцком – один из общего количества слогов либо удлиняется, либо стремится к нулю (Зула, Зул, Зул [зуль] ‘лампадка’; Сүхэ, Сүх, Сүкд ‘топор’).

Далее раскроем фонологическую структуру простых антропонимов бурятского языка в связи с диалектными различиями.

В российской ономастике имеется теоретический труд А. В. Суперанской «Структура имени собственного: фонология и морфология», посвящённый и проблеме фонологической структуры онимической лексики, в частности, заимствованных онимов. Автор выдвигает справедливое положение по теме нашего исследования: «Подобно тому, как фонемный состав собственных имён индивидуален в каждом языке, а международно их звучание, морфология собственных имён индивидуальна в каждом языке, а международна их структура... Эта единая система... вписывается в морфологическую систему каждого языка своим особым индивидуальным образом» [7, с. 19]. «Поскольку знаковый

характер языка вообще и собственных имён в частности способствует стиранию лексического значения их компонентов, специфика и последовательность фонем, составляющих имена, приобретает чрезвычайно большое значение для их узнавания» [8, с. 247].

Исследуемые нами материалы способствуют в некоторой степени другому объяснению фонологических структур личных имён на основе диалектных и языковых классификаций.

На наш взгляд, целесообразно фонологические признаки, основанные на диалектных различиях, назвать определяющими варианты имён, а фонологические признаки, основанные на языковых различиях, – определяющими соответствия имён. Так как фонологические системы в исследуемых языках не имеют полного совпадения между собой. Разграничение на варианты и соответствия имён для темы исследования принципиально, поскольку это способствует сведению антропонимов к тождественным семантическим единицам. Следовательно, это должно содействовать более масштабному описанию семантической системы антропонимикона, в частности, простых первичных однокорневых образований (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

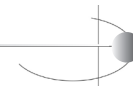
Варианты гласных фонем в бурятских именах

А: Шагай (жен.)	И: Шигай		Лодыжка, щиколотка
А: Абгалдай	Уу: Абуулдай		Шаманский идол
Ы: Бишыхан	Ай: Бишайхай (жен.)		Маленький
О, о: Бультрог	У, и: в ольхонском говоре Бультриг		В западнобурятском диалекте – глиняный горшок (для варки пищи)
О: восточнобурятское Болод	У: универсальное Булад	#: Болд	Сталь
Уу: Бульжамуур	А: Бульжамар		Жаворонок
У: Убгэн	Э: Эбэгэн	Ө: в качугском говоре Өбгөн	Старый, престарелый, почтенный
У: Ухин	О: Охин		Девушка, девица
Уу: в баргузинском говоре Бүүбэй, в агинском, эхирит-булагатском говорах Үүбэй	Өө: в аларском говоре Өөбэй	Оо: в качугском говоре Обой	Ребёнок, в тункинском говоре – люлька, колыбель. Последние два имени – табу к Үүбэй
#: Мэлхэй	Ээ: Мэлээхэй. Имя не имеет диалектной привязки		Черепашка
Символ # означает ноль звука.			

Таблица 2

Варианты согласных фонем в бурятских антропонимах

Б: Бабана	Т: Табана – табу	Козёл
Ж: в восточнобурятском диалекте Жа-рантай	Й (j): в качугском говоре Ёрной (жен.)	Возможно, ‘имеющий 60 лет (об отце новорождённого)’; ‘принадлежащий 60-летнему отцу’

Й (j): в восточнобурятском диалекте <i>Ямаан</i> (муж., жен.)		Н: в качугском говоре <i>Нимаан</i>		Коза	
Н: <i>Эшэгэн</i> , <i>Халюун</i> (муж., жен.)		#: <i>Эшэгэ</i> (жен.), <i>Халюу</i>		Козлёнок, выдра	
#: <i>Таар</i>		Г: в хоринском говоре <i>Тагар</i>		Волосная дерюга; дерюжный мешок для процеживания кислого молока, сыворотки; половик. В имени <i>Тагар</i> сохраняется интервокальный согласный. Ср. <i>Тагар</i> – с тибетского языка 'белый тигр'. Имя божества нагов 'плохой'	
Муу		<i>Магуун Доржо</i>			
#: в качугском говоре <i>Онгор</i>		Х: <i>Хонгор</i>		Соловый (о масти лошади)	
Х: <i>Даахи</i>		С: в баргузинском говоре <i>Дааси</i>		Линька, шерсть (вылезаящая весной).	
Ухин		Усин		Девушка, девица	
Х: <i>Таяя</i>		Т: В усть-удинском говоре <i>Татяа</i> (жен.)		Курица	
Х: <i>Халтар</i>		Н: в качугском говоре <i>һалтар</i>		Светло-гнедой (о масти лошади)	
Г: <i>Занги</i> (в баргузинском, эхиритском, хоринском говорах), <i>Заньгя</i> (в эхиритском, хоринском говорах)		Д: <i>Зандей</i> , <i>Зандя</i>		Й (j): <i>Заньяа</i>	
				<i>Занги</i> 'предводитель рода, <i>занги</i> (низшее должностное лицо)'. → <i>Зангеев</i> , <i>Зандеев</i>	
Г: <i>Нагаслай</i>		Х: <i>Нахслай</i>		С: <i>Нагаслай</i>	
				Т: <i>Нагатлай</i>	
				<i>Нагаса</i> 'отец, дядя по матери'	
С: <i>Саадаг</i> <i>Сайдаг</i>		Н: <i>һаадаг</i>		З: <i>Зайдаг</i>	
				Н: <i>Няа</i> , <i>Няаха</i> (жен.)	
				Яа (ja): <i>Яа</i> , <i>Яатай</i>	
				Колчан для стрел	
Символ # означает ноль звука.					

Представленные материалы свидетельствуют о том, что бурятская антропонимия отражает развитие фонологической системы бурятского языка в результате перелома гласного *i и ослабления артикуляции, что детально проанализировано в исторической фонетике В. И. Расадиным [6]. Сюда можно привести варианты *Шагай* – *Шигай*, *Убгэн* – *Эбгэн*. Одно и то же имя в диалектах бурятского языка может иметь от двух до пяти вариантов, в некоторых случаях варианты могут быть обусловлены этнографическим явлением табу, что существенно пополняет список в именнике бурятского языка.

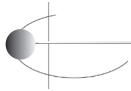
Теперь попытаемся вывести типологию соответствий фонем в бурятских, монголь-

ских, калмыцких именах. Предварительному определению типологии фонологических соответствий предшествует узнавание однокоренных личных имён родственных монгольских языков. В основе выявления типологии, безусловно, принцип соотношения антропонимов к соответствующим апеллятивным основам. Данный принцип реализуется с опорой на предшествующие труды по этимологии антропонимов, а также на труды по фонологии монгольских языков. Антропонимы с обобщённой типологической фонологией возможно назвать межъязыковыми соотносительными именами, или, как говорилось выше, соответствиями имён (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Соответствие гласных фонем

Бур.	Монг.	Калм.
А / о – <i>Жарантай</i> / диалектной <i>Ёрной</i>	А – <i>Жарантай</i>	И – <i>Жирнт</i> 'шестидесятилетний'
А – <i>Ангир</i> (жен.)		Ө – <i>Өңер</i> (жен.) 'турпан'
Ай – <i>Айдархан</i>		Өэ – <i>Өвдрхн</i> 'миленький'
Оо – <i>Дольёон</i>	Оо – <i>Долгион</i>	А – <i>Дольган</i> (жен.) 'вал, волна'
У/ө – <i>Түмэр</i> / <i>Төмөр</i>	Ө – <i>Төмөр</i>	Ө – <i>Төмр</i> 'железо, металл'
У – <i>Ухин</i>	О – <i>Охин</i>	О – <i>Окн</i> 'девушка, девица'
У – <i>Шубуун</i>	У – <i>Шувуу</i>	О – <i>Шовун</i> 'птица'

Соответствие согласных фонем

Бур.	Монг.	Калм.
Б – Хаба	В – Хаав	В – Хаав 'тюлень'
Ј – Дольёон	Г – Долгион	Г – Дольган (жен.) 'вал, волна'
Ж/ј – Жарантай / Ёрной	Ж – Жарантай	Ж – Жирнт
Х: Мунхэ	Х – Мөнх	К – Мөңк 'вечный'
Н – Наһата	С – Наста	С – Наста 'имеющий какой-либо возраст'
С – Сагаан	Ц – Цагаан	Ц – Цаһан 'белый'

В представленных соотносительных именах отражаются такие фонологические процессы, как отсутствие перелома гласного, изменение позиции *а* и *ай*, т. е. их переход в переднерядные, явление оканья, сохранение исторического гласного *а* в конечных слогах в аппелятивных основах имён калмыцкого языка; контаминация гласных *у*, *ө* в восточнобурятском диалекте, их функционирование как самостоятельных фонем в западнобурятском диалекте, монгольском, калмыцком языках.

Приведённые материалы свидетельствуют о следующем фонологическом развитии. Губно-губной слабый общемонгольский исторический *b* развился в современных монгольском, калмыцком языках, а губно-зубной *в* в бурятском языке имеет тенденцию сохране-

ния первоначальных физиолого-акустических характеристик. Калмыцкие фонемы *к*, *с*, *ц*, *ж* не теряют своё древнее состояние. Монгольские аффрикаты не претерпевают спирантизации, что имело место в бурятском языке. Бурятский антропонимикон отражает развитие общемонгольского *с* в фарингальный *h*. Рассматриваемый класс имён образован без изменения структуры изначальных аппелятивных основ.

Таким образом, представленные выше соответствия фонем как вокализма, так и консонантизма в именах при диалектных условиях и в самостоятельных языках монгольского мира, а также типология финалей антропонимов исследуемых языков. Материалы отражают особенности фонологического развития каждого говора, языка.

Список литературы

1. Бертагаев Т. А. О границах слова (на материале монгольских языков) // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 84–89.
2. Жанузаков Т. Обычаи и традиции в казахской антропонимии // Этнография имён. М.: Наука, 1971. С. 100–103.
3. Кубрякова Е. С. Лексика // Общее языкознание: внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 394–455.
4. Митрошкина А. Г. Личные имена бурят. Иркутск: ИГУ, 1995. 377 с.
5. Монраев М. У. Некоторые вопросы калмыцкой антропонимии // Ономастика Поволжья. Горький: ИЯ АН СССР, 1971. Вып. 2. С. 63–69.
6. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.
7. Суперанская А. В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
9. Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай // Монголын судлалын зарим асуудал (StudiaMongolika. Т. IY. F.14). Улаанбаатар: МУШУА, 1964. Н. 27–134.

References

1. Bertagaev T. A. O granitsakh slova (na materiale mongol'skikh yazykov) // Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 84–89.
2. Zhanuzakov T. Obychai i traditsii v kazakhskoi antroponomimii // Etnografiya imen. M.: Nauka, 1971. S. 100–103.
3. Kubryakova E. S. Leksika // Obshchee yazykoznanie: vnutrennyaya struktura yazyka. M.: Nauka, 1972. S. 394–455.
4. Mitroshkina A. G. Lichnye imena buryat. Irkutsk: IGU, 1995. 377 s.
5. Monraev M. U. Nekotorye voprosy kalmytskoi antroponomimii // Onomastika Povolzh'ya. Gor'kii: IYa AN SSSR, 1971. Vyp. 2. S. 63–69.
6. Rassadin V. I. Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka. M.: Nauka, 1982. 198 s.
7. Superanskaya A. V. Struktura imeni sobstvennogo: fonologiya i morfologiya. M.: Nauka, 1969. 207 s.
8. Superanskaya A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M.: Nauka, 1973. 366 s.
9. Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай // Монголын судлалын зарим асуудал (StudiaMongolika. Т. IY. F.14). Улаанбаатар: МУШУА, 1964. Н. 27–134.

Статья поступила в редакцию 30.08.2015

Алексей Вячеславович Лощенков,
лаборант-исследователь,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: loshchenkov@mail.ru

Введение в философско-религиоведческий анализ текста «Быстрый путь» («Myur-lam») тибетской традиции Ламрим

В данной статье рассмотрены характеристики тибетской буддийской традиции Ламрим и её специфика на примере тибетского текста «Быстрый путь» («Myur-lam»). Автором текста является Панчен-лама Лосанг Еше. Автор статьи исследовал философские и религиозные основы постепенного пути к Просветлению и методы «ускорения» на постепенном пути. Хотя непосредственным источником текстов поэтапного пути послужил труд Атиши «Светильник», составленный для тибетцев по прибытии его в Тибет, истоки тибетской традиции постепенного пути восходят к Будде Шакьямуни. Приглашение Атиши в Тибет было вызвано исторической необходимостью устранения неполноты, искажений целостной системы Учения Будды, но также и непонимания непротиворечивости учений и практик сутраяны и ваджраяны. Сам «Светильник» – это краткий текст, в котором представлена в сжатом виде Дхарма Будды как последовательная система махаянской практики, состоящая из трёх этапов. Для обоснования подлинности и целостности линии учений Атиши были рассмотрены линии передачи, которые были получены и объединены им. Далее перечисляются восемь великих текстов Ламрим, написанных в Тибете, и виды комментариев к ним. Характеризуемый в данной статье текст «Быстрый путь» содержит инструкции, относящиеся к «обнажённому комментарию». Он вообрал в себя как лучшие положения предыдущих Ламримов, так и существенные наставления, передаваемые в устной традиции. Кроме того, он демонстрирует интеграцию практик сутр и тантр, раскрывая способ применения всех учений Будды для продвижения одной и той же практикующей личностью по духовному пути.

Ключевые слова: Ламрим, поэтапный путь, быстрый путь, медитация, сутраяна, ваджраяна.

Aleksey Vyacheslavovich Loschenkov,
Assistant Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047)
e-mail: loshchenkov@mail.ru

Introduction to Philosophical and Religious Studies of the Tibetan Lamrim Text “Easy Path (Myur-lam)”

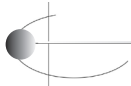
This article describes the characteristics of the Tibetan Buddhist tradition Lamrim and its specificity using an example of the Tibetan text “Easy Path” (“Myur-lam”). The author of the text is Panchen Lama Losang Yeshe. The author of the article has studied philosophical and religious foundations of the gradual path to Enlightenment and methods of “acceleration” in the gradual way. Although the direct source of the texts of the gradual path was “Lamp” by Atisha, which was compiled for Tibetans after his arrival in Tibet, the origin of the Tibetan tradition of the gradual path is Buddha Shakyamuni. Atisha’s invitation to Tibet was caused by the need to address the historical incompleteness distortions of an integrated system of the Buddha’s teachings, as well as by misunderstanding in consistency teachings and practices of Sutrayana and Vajrayana. His “Lamp” is a short text, in which Buddha Dharma is summarized as a coherent system of Mahayana practice consisting of three stages. To substantiate the authenticity and integrity of Atisha’s teachings, transmission lines received and combined by him have been considered. Next, the Eight Great Lamrim texts written in Tibet and the comments are enumerated. The text of “Easy Path” that is characterized in the article contains some instructions relating to the “naked commentary”. It incorporates both the best previous positions of Lamrim, and essential instructions transmitted by oral tradition. In addition, it demonstrates the integration of Sutrayana and Vajrayana, revealing how to use all the Buddha’s teachings to promote the same person practicing the spiritual path.

Keywords: Lamrim, gradual path, Easy path, meditation, Sutrayana, Vajrayana.

Тибетский текст «Быстрый путь» (myur-lam) является сочинением Панчен-ламы Лосанга Еше (Blo-bzang Ye-she, 1663–1737) –

второго из высших иерархов тибетского буддизма – и относится по своему духовному жанру к классу буддийских текстов *Ламрим*

(Этапы пути), излагающих этапы постепенного пути просветления. Тексты *Ламрим* появились в Тибете в качестве комментариев к «Светильнику» (byang chub lam gyi sgron ma) великого индийского пандиты Дипамкара Шриджняна Атиши (982–1054). В Индии не было текстов *Ламрим* как особой категории буддийских сочинений, но было бы ошибкой полагать, что учение *Ламрим* появилось в Тибете. Название «Ламрим» [lam rim] в переводе с тибетского обозначает «постепенный путь [к Просветлению]», или «этапы пути». Традиция учений Ламрим восходит к самому Будде Шакьямуни, тибетские тексты и устные наставления, передающиеся по линии тибетских мастеров, являются аутентичным продолжением индийских линий преемственности Учения Будды. Признание данного факта является принципиальным как для самих тибетских буддистов¹, так и для академических исследований буддизма, направленных на понимание системы тибетской махаяны и характера её преемственности с индийским буддизмом [6; 7].

Для того чтобы понять место и значение текста «Быстрый путь» в традиции Ламрим и в системе тибетского буддизма, необходимо знать истоки и значение данной традиции для Тибета и тибетской махаяны, а для этого – учитывать, какова была историческая ситуация появления Атиши в Тибете и последующего появления учений Ламрим.

Как известно, ранний этап распространения буддизма в Тибете (snga dar), связанный с именами царя Сронцена Гампо, мастера тантры Падмасамбхавы и философа-монаха Шантаракшиты, закончился в 842 г. из-за гонений Ландармы [1; 4; 9]. Хотя после его устранения буддизм получил возможность возрождения в Тибете и к началу XI в. здесь распространились различные формы практики Учения Будды, большинство тибетских буддистов того времени не имели представления о полной системе буддийской философии и практики. Как повествует устная традиция Чже Цонкапы, дошедшая до наших дней, практикующие делали упор на каком-то одном аспекте Учения, пренебрегая други-

¹ То, что учение Ламрим восходит к Будде Шакьямуни и великим индийским мастерам, давшим классические комментарии к Слову Будды, было подробно объяснено Его Святейшеством Далай-ламой XIV во время больших учений по Ламриму, посвящённых передаче и комментарию 18 текстов Ламрим, которые проходят ежегодно на юге Индии, начиная с 2012 г. См.: jangchuplamrim.com. На этот момент, важный для понимания тибетской традиции буддизма, также обращает внимание в своих лекциях по Ламриму известный в России тибетский мастер Геше Джампа Тинлей [5].

ми. Одни отвергали тантру и делали акцент лишь на монашеской этике. Другие увлекались тантрическими практиками, не имея необходимых для этого философских знаний и нравственной базы. Под видом буддизма распространились весьма причудливые формы практики, не являющиеся на самом деле буддийскими [3]. У них не было не только знания целостной системы Учения Будды, но также и понимания непротиворечивости учений и практик сутр и тантр, а также того, что все они были даны Буддой для продвижения одной и той же практикующей личности по духовному пути. Иначе говоря, у тибетских практиков отсутствовало представление о наличии универсального пути, который должен пройти всякий, кто стремится к просветлению. Тибетские учителя Дхармы имели большие расхождения в способах анализа доктрины пустоты и в понимании махаяны. Поэтому дхармараджа тибетского княжества Нгари Джанчуб О, обращаясь к Атише, говорил: «Здесь, в Тибете, у многих Учителей свои собственные доводы в анализе Глубинного Воззрения и Обширных деяний и много разногласий» [13, с. 18]. В этой сложной духовной ситуации его дядя дхармараджа Еше О пожертвовал своей жизнью ради приезда в Тибет Атиши, который был в то время в Индии одним из главных носителей полного и чистого Учения Будды, а Джанчуб О сделал всё, чтобы Атиша, наконец, прибыл – это произошло в 1042 г., – передал его тибетцам и научил их практиковать в правильной системе [3, с. 48–57].

«Светильник», этот краткий текст, написанный для тибетцев Атишей по просьбе Джанчуба О, представил в сжатом виде Дхарму Будды как последовательную систему махаянской практики, состоящую из трёх этапов. То, что в тибетских текстах категории Ламрим при характеристике величия автора, составляющей обязательный элемент традиционной структуры буддийских текстов, в качестве автора учения Ламрим фигурирует Атиша, говорит о том, что Атиша сыграл принципиальную роль в распространении *постепенного пути* махаяны в Тибете. Но в устных наставлениях по Ламриму тибетские мастера также разъясняют, что подлинным истоком учения Ламрим является Будда Шакьямуни, ибо Ламрим есть не что иное, как квинтэссенция всего Слова Будды [3; 5]². Здесь следует сказать, что когда Будда передавал учения, то в разное время и в разных местах его окру-

² В научной литературе разъяснение тибетского тезиса о том, что первоисток учения Ламрим является Будда Шакьямуни [6, с. 33–344].

жали ученики с различным уровнем сознания и склонностями. В зависимости от этого тема и глубина изложения учения сильно отличались. В дальнейшем эти учения были записаны на пали и санскрите и вошли в Трипитаку. Тибетский свод канонических текстов, относящихся к Слову Будды – Кангьюр (bka'-'gyur), представляет собой наиболее полный и, как установлено специалистами, самый точный перевод Слова Будды. Тибетцы придают большое значение классическим индийским шастрам, составляющим второй тибетский канонический свод Тенгьюр. Почему? Они служат ключом к пониманию Кангьюра, ибо без комментариев великих индийских учёных полностью постигнуть смысл, содержащийся в сутрах, крайне сложно. Поэтому важнейшую роль для понимания Учения Будды сыграли учёные-пандиты индийского монастыря Наланда, которые систематизировали и объяснили Слово Будды в его внутренней непротиворечивой системе как учение, предназначенное для последовательной практики. В их трудах было дано объяснение философской основы поэтапного пути. Особое место среди них занимают тексты 17 пандит. В них дана ясная экспликация учений Будды, передававшихся по двум основным линиям преемственности – *глубинного воззрения*, или линии Манджушри/Нагарджуны, и *обширных деяний*, или линии Майтреи/Асанги. Атиша объединил обе линии передачи, которые до него существовали раздельно: учения Праджняпарамиты (линия Мудрости) и учения об отречении и бодхичитте (линия Метода), – передававшиеся параллельно, были объяснены им в их единстве и взаимосвязи. Полное учение, касающееся линии обширных деяний, Атиша получил от своего Наставника Серлингпы. От своего Наставника Видьякокилы Младшего Атиша получил учения, связанные с линией глубинного воззрения. Эти две линии учения, подобно водным потокам, слились в одну реку объединённых линий метода и мудрости. В «Светильнике» Атиша объяснил, как интегрировать обширную сферу буддийских учений в собственную последовательную практику пути, основанную на глубокой философии, и каким образом личность прогрессирует, развивая три уровня мотивации духовной практики.

Среди многих трудов категории *Ламрим*, написанных в Тибете, только в традиции Геллук их насчитывают 18, существует восемь великих текстов Ламримов, которые считаются особенно важными. Это обширный, средний и краткий тексты Ламрим Дже Цон-

капы, «Путь к блаженству» (bde-lam) и «Быстрый Путь» (myur-lam), написанные Первым и Вторым Панчен-ламами¹, «Сущность очищенного золота» (lam-rim gser-zhun-ma) Третьего Далай-ламы, «Собственные слова Манджушри» (lam-rim 'jam-dpal zhal-lung) Пятого Далай-ламы и «Сущность превосходных речений» (lam-rim legs-gsung nyin-khu) Дакпо Ринпоче Нгаванг Дракпы. Эти труды написаны не для простого интеллектуального исследования или опровержения оппонентов в философских дебатах. Созданные в определённой хронологической последовательности, они были написаны с целью устранения недопонимания предыдущих текстов в качестве сущностных наставлений для практики, а также предназначались для существ с разной степенью остроты умственных способностей. Например, Ламрим «Сущность очищенного золота» является комментарием на «Краткий Ламрим» Дже Цонкапы, а Ламрим «Путь к блаженству» – к Ламриму «Собственные слова Манджушри».

Эти же тексты можно классифицировать по типу содержащихся в них устных комментариев – инструкций для практики. В тибетской устной традиции существуют четыре типа устных комментариев [3, с. 35; 5, с. 9]:

1. «Объясняющий комментарий» (bshad khrid). Большой и средний Ламримы Дже Цонкапы относятся к этому виду.

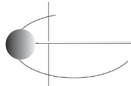
2. «Обнажённый комментарий» (dmar khrid). К нему относятся Ламрим «Путь блаженства» и «Быстрый путь».

3. «Комментарий, основанный на переживании» (nyams khrid). Это «Краткий Ламрим» Дже Цонкапы и Ламримы, написанный Третьим и Пятым Далай-ламами.

4. «Комментарий, предназначенный для опыта» (nyong khrid).

Характеризуемый в данной статье текст «Быстрый путь» содержит инструкции, относящиеся к «обнажённому комментарию». Комментарии этого типа представляют собой наставления по практике, изложенные без обильного цитирования источников [3, с. 35].

¹ В Тибете существует две традиции присвоения порядковых номеров для Панчен-лам. Та, что следует линии Ганден Пходран, считает Панчен Лосанг Чогьена Первым Панчен-ламой. Следовательно, Панчен Лосанг Еше является Вторым. В традиции Сокровищницы Жизней монастыря Таши Лхунпо Панчен Лосанг Чогьена считают Четвёртым Панчен-ламой, поскольку учитывают их предыдущие перерождения – Кхедрубдже Гелек Пелсанг (mkhas grub rje dge legs dpal bzang, 1385–1438), Сонам Чоки Ланпо (bsod nams phyogs kyi glang po, 1439–1505), и Энсапа Лосанг Дондруп (dben sa pa blo bzang don grub, 1505–1566) как Первого, Второго и Третьего Панчен-лам соответственно.

Это сравнимо с тем, как профессиональный доктор препарирует свежее тело, ясно показывая всю структуру, ничего не утаивая. До появления текста «Путь блаженства» Панчен-ламы Лосанг Чокьи Гьялцена такой тип комментариев вовсе не записывался, а передавался лишь в устной форме и сохранялся благодаря совершенной памяти мастеров. Из сострадания, а также опасения, что «обнажённые комментарии» могут быть потеряны, Панчен-лама Лосанг Чокьи Гьялцен записал их, составив труд под тибетским названием “bde lam”. Этот текст бережно и точно раскрывает многие положения из уникальной устной традиции, пришедшей от Ламы Цонкапы (1357–1419), далее через Гьялва Энсапу¹ (1505–1566) и Панчен-ламу Лосанг Чокьи Гьялцена (1570–1662). «Быстрый путь» (Муиг-лам), написанный Панчен-ламой Лосангом Еше, является комментарием на «Путь блаженства» и тоже относится к «обнажённым комментариям».

Когда кто-то уже имел опыт чтения или изучения текстов Ламрим, составленных предыдущими мастерами, он может поспешно сделать вывод о том, что уже знает положения, которые объясняются в очередном тексте Ламрим, и ничего нового из него не узнает. Конечно, во всех текстах Ламрим освещаются одни и те же темы. Учение Ламрим имеет вполне определённую базовую структуру, и любой текст, который излагает этапы пути, должен строиться в соответствии с данной структурой. Но в содержательном отношении разные тексты различаются – как по типу инструкций для практики, так и по тому акценту, который ставится в каждом из текстов, а также и в деталях структуры. Так, если вчитаться внимательно в текст Ламрима «Быстрый путь», то откроются глубины, не обнаруживаемые в других текстах. Среди восьми великих комментариев на *Ламрим* только «Делам» и «Нюрлам» непосредственно связаны с практикой ваджраяны, остальные указывают путь согласно сутраяне. Причём «Путь блаженства» представлен в виде сжатых медитативных положений. А «Быстрый путь», являясь комментарием к этому труду, не только раскрывает его содержание, но и структурирует его особым образом. В этом проявляется то, что, медитируя на каком-то одном положении Ламрима, практик вовлекает во взаимосвязь с ним многие другие положения Учения. Это, как говорится в тибетской пословице, «если потянешь за один угол подушки, то всю её приведёшь в движение». Немаловажно и то,

что «Быстрый путь» включает содержательную суть предыдущих текстов Ламрима, поскольку является последним по времени написания в ряду великих Ламримов², считаясь при этом структурным руководством для медитации по темам Ламрима.

Вообще говоря, у каждого великого текста Ламрим есть характеристики, описываемые как «четыре величия» и «три уникальных свойства» учения Ламрим, отличающие его от других классических учений [3, с. 64]. Четыре величия учения Ламрим – это:

1) величие понимания всех учений Будды как не противоречащих друг другу;

2) величие разъяснения того, что всё без остатка Слово Будды является прямым руководством для собственной практики;

3) величие, заключающееся в том, что Ламрим облегчает постижение сущностного воззрения Будды;

4) величие, заключающееся в том, что благодаря Ламриму сами собой прекращаются большие негативные деяния.

Ламрим имеет следующие уникальные свойства:

1) является синтезом всех тем сутраяны и ваджраяны;

2) отмечен простотой практической реализации;

3) имеет особую ценность в сравнении с другими учениями, поскольку украшен сущностными наставлениями двух линий, Асанги и Нагарджуны [8. Т. 1, с.19–31; 3, с. 65–76].

В тексте объясняется непротиворечивость практик сутр и тантр, а также излагается учение, являющееся их синтезом. Если сравнить его с текстами Большого и Среднего Ламримов Дже Цонкапы, то в них есть места, указывающие на необходимость синтеза сутраяны и ваджраяны на постепенном пути просветления. Так, в разделе «Опора на Духовного наставника» приводятся цитаты из тантрических текстов и связанных с ними трудов: «Тантра посвящений Ваджрапани», «Пятьдесят строф почитания Учителя», «Толкование трудных мест Чёрного Ямы» [8. Т. 1, с. 68]. Можно расценивать это как привнесение некоторых положений ваджраяны на постепенный путь. Иначе говоря, практики тантр охватываются традицией постепенного пути. Введение в сущность этапов этих практик приводится в завершении «Большого Ламрима», в разделе «Особая практика Ваджраяны». Здесь говорится о безусловной

¹ Гьялва Энсапа (dben sa pa blo bzang don grub).

² За исключением последнего из восьми великих Ламримов – текста «Сущность превосходных речений», написанного Нгавангом Драпкой.

необходимости вступления в практику тантр, поскольку этот «путь несравненно редкостней других учений, и на нем быстро завершаются два вида накоплений, заслуг и мудрости» [8. Т. 2, с. 1282]. Введение в ваджраяну даётся в «Большом Ламриме», после того как объяснена поэтапная практика трёх уровней личности с упором на развитие Трёх основ Пути (отречения, бодхичитты и мудрости постижения пустоты). Ваджраяна предстаёт в Большом Ламриме как *продолжение постепенного пути*. Это – фундаментальное теоретическое и практическое положение Ламрима. Уникальной особенностью Ламрима «Быстрый путь» является то, что излагаемая в этом тексте система практики основана на предварительном вхождении в учения тантр. Поэтому каждая медитация, выполняемая в соответствии с базовой структурой Ламрима, происходит на основе союза учений сутраяны и ваджраяны, на базе тантрической практики Гуру-йоги.

Даже в самом названии текста «Быстрый путь», присутствует слово «быстрый», смысл которого в контексте *пути* связан с тантрическими методами, позволяющими быстро достигать прогресса на пути к достижению Просветления. Как и в Гуру-йоге «Лама чопа» (bla-ma mchod-pa), текст которой был составлен Панчен-ламой Лосанг Чокьи Гялценом и тоже содержит практику, основанную на союзе сутраяны и ваджраяны, в тексте «Быстрый путь» содержится строфа: «Я должен во что бы то ни стало быстро-быстро достичь драгоценного состояния полностью совершенного Будды ради блага всех матерей-живых существ. Для этого я вхожу в созерцание руководства по этапам пути к Пробуждению посредством глубинного пути йоги Гуру-божества» [10, с. 375]. Здесь говорится о зарождении того, что называется *особой бодхичиттой*, – очень сильной и мощной её формы, которую не могут практиковать начинающие, обладающие малым мужеством. Те, кто практикуют данный Ламрим, при развитии в себе такой бодхичитты ощущают острую необходимость достижения состояния полного просветления за короткий период времени – за одно воплощение. Гьюме Кенсур Ринпоче Лосанг Джампа, экс-настоятель тибетского тантрического колледжа Гьюме, в своём комментарии на текст «Быстрый путь» даёт такую интерпретацию этой строфы: первое «быстро» относится к практике трёх низших классов тантры, а второе «быстро» – к высшей йога-тантре [11]. Также существует иная, уникальная интерпретация смысла выраже-

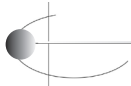
ния «быстро-быстро», относящаяся к устной традиции линии Гьялва Энсапы¹. В ней первое «быстро» относится к практике стадий полного просветления, а второе – к принятию практики Гуру-йоги в качестве жизненной силы самой практики [3, с. 131–132].

Анализ данного текста открывает возможность понять, как на основе Гуру-йоги, признаваемой во всех тибетских школах жизненной сущностью самой практики, интегрируются визуализации высшей йога-тантры и инструкции устной традиции для медитаций на каждом этапе пути. В частности, даже такая предварительная практика Ламрима, как зарождение бодхичитты, выполняется согласно «Быстрому пути» в соединении с тантрической практикой Гуру-йоги.

Поскольку способ практикования Ламрима, излагаемый в тексте «Быстрый путь», основан на Гуру-йоге, то в этом тексте объясняется связанный с нею один особый способ визуализации, отсутствующий в текстах Ламрим, излагающих постепенный путь согласно сутраяне. Это визуализация нектара, нисходящего от центральной фигуры Поля Заслуг (tshogs zhing). В тантрах говорится о трёх его видах: нектар мудрости, устраняющий омрачения – клеши (nyong mongs), нектар бессмертия и исцеляющий нектар. Здесь представляют нектар, нисходящий от Духовного Учителя и растворяющийся в духовной практике. Такой способ мы не находим в учениях, базирующихся на одной лишь сутраяне, где рекомендуется только визуализация лучей света, эмануруемых Буддами и Бодхисаттвами. Если практик «Быстрого пути» способен ясно визуализировать лучи света и нектар пяти цветов в контексте Гуру-йоги, то, как указывается в тексте, это оставляет глубокие отпечатки в сознании, которые впоследствии смогут созреть как просветлённые качества. Следует сказать, что сами визуализации нектара и света не являются лишь игрой воображения, но, как указывает Его Святейшество Далай-лама XIV в своём комментарии к Гуру-йоге «Лама чопа», они имеют онтологическое обоснование в буддийской философии, т. е., с точки зрения буддийских учёных, имеют под собой достоверную основу. Поэтому их регулярное выполнение подготавливает ум «к действительному осуществлению» [2]. Не вдаваясь в глубины учений ваджраяны, укажем лишь, что визуализация нектара оставляет отпечатки для реализации «иллюзорного тела» на этапе *Завершения* (rdzogs rim)

¹ Устная традиция линии Энсапы объясняется в лекциях досточтимого Геше Джампа Тинлея.

махаанутара йога-тантры. А визуализация лучей света – для реализации *Ясного Света* стадии *Завершения*. Пять цветов, в которые окрашены нектар и свет, олицетворяют собою пять видов мудрости, связанных с пятью семействами будд. Поскольку данный текст Ламрим содержит элементы тантрической практики, излагаемые в нём методы позволяют обрести реализации гораздо быстрее и легче, чем практики, выполняемые только *Колесницей Совершенств* (Парамитаяной). Без вступления на тантрический путь, опираясь лишь на практики сутр, достижение Просветления потребует множество зонов, – объясняется в тибетской традиции. Опираясь на классические учения индийских мастеров, с помощью практики высшей йога-тантры есть возможность достичь Просветления в течение одной этой человеческой жизни. Конечно же, это потребует огромных усилий. А необходимым условием для самой практики высшей йога-тантры служат посвящение в мандалу Идама и соблюдение обетов и обязательств.

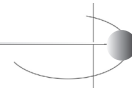
Ещё одним ценным качеством учения, изложенного в «Быстром пути», является то, что оно тесно связано с линией устных наставлений традиции Кадам, называемой *мэнгакпа* (man ngag pa) – «последователи сущностных наставлений». *Мэнгакпа* – это одна из трёх кадампинских традиций, сформировавшихся после Дромтонпы (brom stong pa, 1005–1064), великого ученика Атишы. Это были три ответвления единой традиции постепенного пути, возглавляемые «тремя братьями Кадам». Геше Потова (po to ba rin chen gsal, 1027–1105) считается основоположником линии «последователей классических трактатов» (gzhung pa ba), Геше Ченгава (sryan snga ba tshul khri ms 'bar, 1033–1103) – линии последователей Ламрима (lam rim pa), Геше Пучунгва (phu chung ba gzhon nu rgyal mtshan, 1031–1106) – линии «последователей сущностных наставлений». Все они представляют традицию Ламрим, но «последователи великих трактатов» изучают этапы пути (*Ламрим*) по таким текстам, как «Сутраламкара» и «Бодхисатвабхуми», «Бодхичарьяаватара», «Шикшасаммучая», «Джатаки», «Уданаварга». «Последователи Ламрима» практикуют на основе Большого и Среднего Ламрима Дже Цонкапы. В сравнении с ними линия «последователей сущностных наставлений» является наиболее лёгкой для практики. Она вобрала в себя сущностные наставления, переданные Атишей. И эти учения также были включены в «Быстрый путь». Как

указано в колофоне этого труда, «составлено совершенно ясно, путём добавления к тексту «Делам» цитат и логических доводов и украшения сущностными положениями из устной традиции» [10, с. 486].

Таким образом, те практики, которые не имеют достаточно времени, острых способностей и удачливости для обширного обучения, могут найти инструкции, содержащиеся в «Быстром пути», крайне полезными для себя, поскольку они специально были расположены в структуру, предназначенную для наиболее эффективной медитации.

Способ изложения материала в Ламрима «Быстрый путь» оказал влияние на последующие тексты по *Ламриму*. Так, Пабонка Ринпоче (1878–1941) в своём труде по *Ламриму* «Освобождение в наших руках» (Lam rim nam grol lag bcangs) в первых трех коренных разделах использует структуру изложения материала согласно «Большому ламриму» Дже Цонкапы. Но что касается четвертого раздела – «Последовательности, в которой следует вести учеников» – здесь он излагает темы согласно способу «обнажённых комментариев», так выглядит Ламрима «Быстрый путь». Таким образом, Пабонка Ринпоче делает упор на структуре, позволяющей в наилучшей форме служить целям быстрого постижения объектов медитации и скорейшей реализации высшей цели. Учитывая, что Ламрим Пабонка Ринпоче наряду с текстами Ламрим Дже Цонкапы оказал огромное влияние на развитие тибетской традиции буддизма в современную эпоху, можно сказать, что учение «Быстрого пути» повлияло на развитие традиции махаяны в Тибете. Будучи тантрической практикой бодхисаттв, предназначенной для личностей, развивших особую бодхичитту и высшее духовное мужество, Ламрим Пабонка Ринпоче воздействовал на тибетцев и последователей тибетской традиции буддизма во всём мире.

В заключение следует подчеркнуть, что тибетская традиция Ламрим является прямой наследницей традиции поэтапного Пути, пришедшей в Тибет из Индии, где она была освещена в комментариях мастеров монастырского университета Наланды. Причём поэтапный Путь Ламрим имеет базовое значение для всей буддийской традиции Тибета. Тибетская традиция, являясь союзом Сутры и Тантры, вобрала в себя полную систему философских положений, необходимых для реализации Пути.

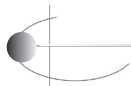
Список литературы

1. Будон Ринчендуб. История буддизма / пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера; пер. с англ. А. М. Донца. Изд. 2-е, доп. СПб.: Евразия, 1999. 436 с.
2. Далай лама Тензин Гьяцо. Союз блаженства и пустоты: комментарий на практику Гуру-йоги / пер. А. Щербакова. СПб.: Нартанг, 2001. 264 с.
3. Пабонгка Ринпоче. Ламрим: Освобождение в наших руках (Lam rim rnam grol lag bcangs) / изд. тиб. Триджанг Ринпоче; пер. с тиб., вступ. ст. и коммент. И. С. Урбанаевой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. Т. 1. Кн. 1. 278 с.
4. Пагсам Джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тиб., предисл. и коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991. 265 с.
5. Тинлей Геше Джампа. Комментарий к «Ламриму»: байкальские лекции-2007. Улан-Удэ: Изд-во Дзе Цонкапа, 2010. 200 с.
6. Урбанаева И. С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. 376 с.
7. Урбанаева И. С., Петонова Д. О. «Великие дебаты в Самье» и вклад Атиши и Цонкапы в утверждение индо-тибетской традиции Ламрим как основы буддийской цивилизации Тибета // Вестн. БНЦ СО РАН. 2013. № 1 (9). С. 136–150.
8. Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения / пер. с тиб. А. Кугявичуса; под общ. ред. А. Терентьева. СПб.: Изд-во А. Терентьева, 2012. Т. 1, 2. 2384 с.
9. Шоннупэл Гай-лоцава. Синяя леппись. Deb-ther sNgon-po. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / пер. с тиб. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедила и О. Ю. Харьковской. СПб.: Евразия, 2001. 621 с.
10. Byang chub lam-gyi rim-pa'i dmar-khrid myur-lam. In: Byang-chub lam-gyi rim-pa'i khrid-yig: glegs-bam gsum-pa. (Commentaries on the Stages of the Path to Enlightenment). India, Manipal: Yongzin Lingsang Labrang, 2012. Vol. 3. P. 355–486.
11. Khensur Lobsang Jampa. The Easy Path : Illuminating the First Panchen Lama's secret instructions. Boston: Wisdom Publications, 2013. 328 p.
12. Khetsun Sangpo. Biographical Dictionary of Tibet and Tibetan Buddhism. India, Dharamsala: LTWA, 1973. Vol. 5. 494 p.
13. Richard Sherburne S. J. A Lamp fo the Path and Commentary. London: George Allen & Unwin Ltd, 1983. 226 p.
14. The Easy Path to Travel to Omniscience: A Practical Exposition of the Stages of the Path // The Pearl Garland: An Anthology of Lamrims / trans. from the Tibetan under Venerable Dagpo Rinpoche's guidance by Rosemary Patton. Editions Guepele (France), 2012.
15. Yongs- 'dzin ye-shes rgyal-mtshan. N. d. Rje-btsun blo- bzang ye- shes dpal- bzang-po'i nram-thar. In: Lam-rim bla-ma brgyud-pa'i nram-thar. Barkham. Rnga khul bod yig rtsom sgyur cus. P. 165–222.

References

1. Budon Rinchenchub. Istoriya buddizma / per. s tib. E. E. Obermillera; per. s angl. A. M. Dontsa. Izd. 2-e, dop. SPb.: Evraziya, 1999. 436 s.
2. Dalai lama Tenzin G'yatso. Soyuz blazhenstva i pustoty: komentarii na praktiku Guru-iogi / per. A. Shcherbakova. SPb.: Nartang, 2001. 264 s.
3. Pabongka Rinpoche. Lamrim: Osvobozhenie v nashikh rukakh (Lam rim rnam grol lag bcangs) / izd. tib. Tridzhang Rinpoche; per. s tib., vstup. st. i komment. I. S. Urbanaevoi. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2008. T. 1. Kn. 1. 278 s.
4. Pagsam Dzhonsan: istoriya i khronologiya Tibeta / per. s tib., predisl. i komment. R. E. Pubaeva. Novosibirsk: Nauka, 1991. 265 s.
5. Tinlei Geshe Dzhampa. Kommentarii k «Lamrimu»: baikal'skie leksii-2007. Ulan-Ude: Izd-vo Dzhe Tsonkapa, 2010. 200 s.
6. Urbanaeva I. S. Buddiiskaya filosofiya i meditatsiya v komparativistskom kontekste (na osnove indo-tibetskikh tekstov i zhivoi traditsii tibetskogo buddizma). Ulan-Ude: IMBT SO RAN, 2014. 376 s.
7. Urbanaeva I. S., Petonova D. O. «Velikie debaty v Sam'e» i vklad Atishi i Tsonkapy v utverzhenie indo-tibetskoi traditsii Lamrim kak osnovy buddiiskoi tsivilizatsii Tibeta // Vestn. BNTs SO RAN. 2013. № 1 (9). S. 136–150.
8. Tsonkapa. Bol'shoe rukovodstvo k etapam Puti Probuzhdeniya / per. s tib. A. Kugyavichusa; pod obshch. red. A. Terent'eva. SPb.: Izd-vo A. Terent'eva, 2012. T. 1, 2. 2384 s.
9. Shonnupelel Gai-lotsava. Sinyaya letpis'. Deb-ther sNgon-po. Istoriya buddizma v Tibete, VI–XV vv. / per. s tib. Yu. N. Rerikha; per. s angl. O. V. Al'bedilya i O. Yu. Khar'kovoi. SPb.: Evraziya, 2001. 621 s.
10. Byang chub lam-gyi rim-pa'i dmar-khrid myur-lam. In: Byang-chub lam-gyi rim-pa'i khrid-yig: glegs-bam gsum-pa. (Commentaries on the Stages of the Path to Enlightenment). India, Manipal: Yongzin Lingsang Labrang, 2012. Vol. 3. P. 355–486.
11. Khensur Lobsang Jampa. The Easy Path : Illuminating the First Panchen Lama's secret instructions. Boston: Wisdom Publications, 2013. 328 p.
12. Khetsun Sangpo. Biographical Dictionary of Tibet and Tibetan Buddhism. India, Dharamsala: LTWA, 1973. Vol. 5. 494 p.
13. Richard Sherburne S. J. A Lamp fo the Path and Commentary. London: George Allen & Unwin Ltd, 1983. 226 p.
14. The Easy Path to Travel to Omniscience: A Practical Exposition of the Stages of the Path // The Pearl Garland: An Anthology of Lamrims / trans. from the Tibetan under Venerable Dagpo Rinpoche's guidance by Rosemary Patton. Editions Guepele (France), 2012.
15. Yongs- 'dzin ye-shes rgyal-mtshan. N. d. Rje-btsun blo- bzang ye- shes dpal- bzang-po'i nram-thar. In: Lam-rim bla-ma brgyud-pa'i nram-thar. Barkham. Rnga khul bod yig rtsom sgyur cus. P. 165–222.

Статья поступила в редакцию 13.07.2015

УДК 571.54
ББК 87+86

Ирина Сафроновна Урбанаева,
доктор философских наук, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: urbanaeva@imbt.ru

Особенности формирования буддийского Канона в Тибете и Китае: сравнительный анализ¹

В статье даётся сравнительный анализ некоторых важнейших аспектов исторического формирования двух махаянских буддийских канонов – тибетского и китайского с учётом историко-культурных особенностей восприятия буддизма китайцами и тибетцами. Автор развивает гипотезу о том, что буддийский канон в Тибете формировался на основе сознательной государственной и научной стратегии распространения в Тибете аутентичного буддизма, нацеленной на получение из Индии чистой трансмиссии Учения Будды. В соответствии с этой стратегией в Тибете был создан специальный язык тибето-буддийской традиции, разработаны принципы отбора и интерпретации санскритских текстов, создан разветвлённый категориальный аппарат. Под патронажем короля, при сотрудничестве тибетских лоцав и индийских пандит, были созданы два свода – Кангьюр и Тенгьюр. Эти канонические тексты не были лишь Священным писанием вроде Библии или памятником древней книжной учёности, как китайский канон *Да цзан цзи*, а служили текстуальной базой для устной трансмиссии Дхармы и воспринимались в целом как система руководств, предназначенных для личной духовной практики любого, кто стремится к просветлению. В Китае же не было собственно буддийской стратегии формирования канонического корпуса текстов и критериев аутентичности. В силу специфики китайской цивилизации буддийский канон формировался здесь как феномен книжной культуры, как способ каталогизации обширного многообразия текстов и, в отличие от тибетского, использовался лишь частично в процессе буддийской практики. Автор приводит 8 характеристик тибетской стратегии, которые отличали процесс формирования буддийского канона в Тибете от аналогичного процесса в Китае.

Ключевые слова: буддийский канон, Кангьюр, Тенгьюр, Да цзан цзин, лоцава, пандита, Тибет, Китай, Индия, аутентичная традиция, Будон Ринчендуб, Каба Палцер, переводческая стратегия.

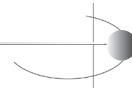
Irina Safronovna Urbanaeva,
Doctor of Philosophy, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of SB RAS
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: urbanaeva@imbt.ru

Features of Formation of the Buddhist Canon in Tibet and China: a Comparative Analysis²

The article presents a comparative analysis of some important aspects of the formation of two Mahayana Buddhist canons (Tibetan Kangyur and Tengyur and Chinese canon and Tibet). The author develops the hypothesis that the Buddhist canon in Tibet was formed based on conscious public and scientific strategy of dissemination of authentic Buddhism in Tibet, which was aimed at obtaining pure oral transmission of the Dharma from India. According to this strategy, a special language of Tibetan Buddhist tradition was created in Tibet, principles of selection and interpretation of Sanskrit texts were developed, and an extensive system of Buddhist categories was created. Under the patronage of kings, in cooperation of Tibetan translators and Indian panditas two collections of texts, bKa'-gyur and bsTan-gyur, were created. These canonical texts were not only Scripture like the Bible or an ancient monument of literary culture like canon Dazangjing for the Chinese. They served as the textual basis for oral transmission of the Dharma and were perceived on the whole as a system of spiritual practice for anyone who aspired to Enlightenment. In China, there was no proper strategy for the formation of Buddhist canonical corpus and authenticity cri-

¹ Работа выполнена по проекту РНФ № 14-18-00444. «Буддизм в социально-политических и культурных процессах России, Внутренней и Восточной Азии: трансформации и перспективы».

² The work was supported by the RNF project "Buddhism in social-political and cultural processes of Russia, Inner and East Asia: transformations and perspectives" (No. 14-18-00444).

teria. Due to the specific of the Chinese civilization, Buddhist canon was formed here as a way of cataloging the vast diversity of texts, and, in contrast to the Tibetan one, was used only partly in the Buddhist practice. The author lists eight characteristics of Tibetan strategy that distinguished the formation of the Buddhist canon in Tibet from the similar process in China.

Keywords: Buddhist Canon, Kangyur, Tengyur, Dazangjing, lotsawa, pandita, Tibet, China, India, authentic tradition, Buton Rinchen Drub, Kaba Palrseg, translation strategy.

Свод канонических буддийских текстов был записан на Первом Буддийском Соборе и стал известен под названием *Трипитака* (на пали – *Типитака*). В него вошли три вида текстов, которые образовали *Виная-питаку*, *Сутра-питаку* и *Абхидхарма-питаку*. При распространении буддийских текстов за пределами Индии были составлены два основных переводных свода текстов махаяны – это китайский канон Сань цзан (Да цзан цзин) и тибетский канон, состоящий из Слова Будды – Кангюра (*bka'-gyur*) и классических индийских комментариев к нему – Тенгюра (*bstan-gyur*). Китайский канон сформировался раньше, чем тибетский, – к VII в. Формирование тибетского канона, начавшееся в эпоху раннего распространения буддизма (*snga dar*) при короле Трисон Децене, которое длилось почти 200 лет до тех пор, пока не было прервано из-за гонений Ландармы, возобновилось в X в. и продолжалось в общей сложности 900 лет, пройдя, согласно периодизации тибетских учёных, через три этапа королевского патронажа, начиная с правления Трисон Децена. Если сравнивать эти два канона в содержательном плане, то китайский канон является более объёмным собранием буддийских текстов. Но в том, что касается смысловой точности переводов, китайский канон уступает тибетскому, который является наиболее полным и аутентичным вариантом Слова Будды. В основу Кангюра была положена *Трипитака*, а также в него включены сутры праджняпарамиты и тексты тантр [15, с. 7]. Лишь небольшое число сутр было переведено с китайского, хотанского и некоторых других языков. Тенгюр, канонизированный свод индийских комментариев к отдельным текстам Кангюра и экзегетических сочинений индийских авторов, также имеет два главных раздела – сутр и тантр, но в нём есть и другие подразделы, в том числе нерелигиозной канонической литературы.

Почему тибетцы не ограничились переводом *Трипитаки* и не воспользовались готовым китайским каноном – ведь это был махаянский канон? Дело в том, что у тибетцев уже в ранний период распространения буддизма была своя стратегия трансляции буддизма, основанная на их понимании системы Уче-

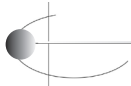
ния Будды, что было почерпнуто из традиции учёных монастыря Наланда. Они определились с этой стратегией после того, как сделали свой исторический выбор, важной вехой которого стали знаменитые дебаты в Самье, и приняли в качестве своей государственной религии ту традицию буддизма, которая представлена индийскими первоисточниками и линиями устной трансмиссии. Поэтому тибетская стратегия была ориентирована на аутентичную трансляцию махаяны в том виде, в каком она была систематизирована учёными монастырского университета Наланда, и для *лоцав* было делом принципа – переводить буддийские первоисточники с языка оригинала, добиваясь при этом наиболее точной смысловой интерпретации санскритских текстов.

Для тибетского канона характерно, что, в отличие от китайского, в его состав не были включены комментаторские труды тибетских авторов¹, они числились в монастырских и придворных библиотеках в категории *сумбум* (*gsung 'bum*). Это тоже было частью тибетской стратегии «импорта» буддизма – уважение и почитание индийского буддизма как своего «материнского» начала. Китайцы, несмотря на «благоговейное» отношение к индийскому буддизму, сочли возможным и нужным включать в свой канон китайские сочинения.

Особенностью тибетского канона, соответствовавшей стратегии открытости и аутентичности, является то, что, в отличие от других канонов, он никогда не был закрытым: его состав всегда подвергался критическому анализу, в каждой новой редакции в него добавлялись новые тексты или удалялись включённые ранее. Тибетский канон не был лишь Священным писанием наподобие Библии. Скорее, это было «собрание великих книг», аутентичность которых признавалась абсолютным большинством тибетских учёных, однако детали этого собрания были предметом постоянных дебатов с тех пор, как собрание было составлено [31, с. 11]. Принципиальная

¹ В состав Тенгюра входили справочно-библиографические труды и словари. Правда, гарчаки, каталоги, не были библиографическими указателями в современном смысле, а представляли собой исторические сочинения, которые по содержанию и композиции относятся к жанру тибетской исторической литературы.

открытость тибетского канона, являющаяся характерной чертой тибетской переводческой стратегии, объясняет появление множества его редакций. Не только старые переводы подвергались ревизии и редактированию, но и появлялись новые переводы канонических текстов. Что касается китайского канона, то его исследователь Л. Ланкастер тоже пишет об открытости применительно к нему, но это была «странная ситуация “открытости” канона для китайцев» [23, с. 227]. Речь идёт о неразборчивости китайцев в восприятии буддизма в условиях его диверсификации и беспорядочной трансмиссии не только из Индии, но и, главным образом, из Центральной Азии и других регионов. Если тибетская каноническая открытость заключалась, прежде всего, в открытости канонических текстов для ревизии и редактирования с целью достижения аутентичной трансмиссии Учения Будды, то китайский канон является «открытым» в том смысле, что он открыт для обнаружения и включения в него неизвестных ранее текстов. Если у индийских и тибетских буддистов были классификационные схемы и теории аутентичности канонических текстов, то у китайских буддистов не было никаких заимствованных схем идентификации канонических текстов. Индийские школы имели установленную категорию *агам*, китайцы же, хотя перевели четыре агама, но получили их из разных школ, и в этой важной категории текстов ни одна из индийских школ не могла быть идентифицирована в качестве важнейшего источника для китайцев. И не было у них никакого списка, ориентируясь на который, можно было бы организовать сутры в структуре китайского буддийского канона. Столь же неопределённой для китайцев была *виная*: различные тексты *винаи* пришли из школ сарвастивадинов, дхармагуптаков, махасамгиков, махисасаков и муласарвастивадинов, так что китайские переводы содержали пять разных традиций *винаи* [16; 23; 36; 37]. К тому же учение *винаи* для китайцев не имело столь большого значения, как, например, для тхеравадинов, а позже – для тибетцев. Для китайцев *виная* была, по данным Л. Ланкастера, не столько сводом правил, практически регулирующих поведение, сколько предметом монастырского учёности. Но если говорить о включении в канон, то все различные тексты '*Виная*' сохранились в китайском каноне и имеют одинаковый статус. В этом, по наблюдению Л. Ланкастера, проявилась черта, характеризующая китайский подход к формированию канона: его создание имело дело в меньшей

степени с селекцией и исключением текстов, нежели с их включением [23, с. 230]. Очевидно, эта особенность китайской стратегии формирования канона обусловлена традиционным почитанием авторитетов прошлого. С точки зрения китайцев, все альтернативные тексты '*Виная*' были достоверными, ибо являлись в равной степени *древними*. Дело было лишь в том, чтобы объяснить различие между ними. И, применив традиционный принцип *переинтерпретации*, китайские буддисты предположили, что должен быть некий исходный вариант *пра-Виная*, соответствующий трансмиссии, которую Будда сделал своему ученику Упагупте, и что пять текстуальных вариантов '*Винаи*' несут в себе суть исходной трансмиссии.

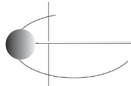
Л. Ланкастер пишет, что абхидхарма также была проблемой для создателей китайского канона. Китайцы обнаружили, что не все индийские буддисты её непреложно принимали – одни, например саутрантики, отвергали её вообще, другие, махасамгики, использовали лишь частично. «Тем не менее, когда великие мастера, такие как Кумараджива, Гунабхадра, Парамартха и Сюаньцзан, сделали переводы *абхидхармы*, её место в каноне было гарантировано» [23, с. 231]. Большая проблема при формировании канона была связана с противопоставлением в китайской традиции махаяны хинаяне. Но она была разрешена тяньтайским мастером Чжи (538–596), который объявил, что поскольку Будда давал учение на протяжении пятидесяти лет для разной аудитории, то все его учения должны быть сохранены на китайском языке. Он предложил упорядочить материал в хронологическом порядке. В итоге все сутры были включены, но ранжированы так, что махаяна заняла привилегированную позицию, по сравнению с сохранёнными хинаянскими текстами. Итак, характерной чертой конструирования китайского буддийского канона было включение в него всех буддийских учений [13, с. 305–310; 23, с. 230]. Так что, получив тексты из всех линий буддизма, китайцы приняли их и создали канон *Да цзан цзин*, который можно назвать уникальным по его впечатляющему объёму. Этот буддийский канон отличается от индийской *Трипитаки* и от тибетского канона.

Прежде всего, отличие заключается в отсутствии у китайцев специально продуманной, собственно буддийской стратегии формирования канонического корпуса текстов, критериев аутентичности и принципов отбора текстов за исключением признака

древности. *Да цзан цзин* отличается также функцией канонических текстов и их ролью для живой буддийской традиции: он не воспринимался в полном объёме как фундамент духовной практики, как это было с Кангьюром и Тенгьюром в тибетской традиции. Тибетцы формировали свой канон значительно позже китайцев, имея адекватное представление о системе Учения Будды, пользуясь собственной стратегией переводов и теорией канонизации текстов, и затем стали рассматривать все Слово Будды как внутренне непротиворечивое, единое Учение, предназначенное для личной практики [6]. Китайцы же, создав самый обширный свод канонических текстов, не смогли справиться с фактом его внутренней противоречивости. Они пользовались лишь частью канонического материала, а не всем полностью. С самого начала у китайцев не было никакого плана и системы переводов. Каждый монах переводил то, чем он располагал, а если кого-то эти переводы не устраивали, то они отправлялись на поиски оригинальных текстов. Как пишет Е. А. Торчинов, «на основании этих фрагментарных и эпизодических переводов и компиляций первые китайские буддисты были вынуждены формировать своё представление о буддизме как целом» [7, с. 177]. Не так обстояло дело с распространением буддизма и формированием канона в Тибете, где с самого начала эти процессы были инициированы королями и развивались при государственной поддержке. Синологи признают, что ранняя буддийская традиция в Китае очень сильно отличалась от «нормативного индийского буддизма» [Там же, с. 178]. Несмотря на реформаторские усилия Дао Аня, а затем Сюаньцзана по приведению китайского буддизма в соответствии с индийской традицией, китайский канон сформировался в основном под влиянием Кумарадживы и его последователей. Российские и зарубежные синологи видят особую заслугу Дао Аня в том, что он установил типичные искажения, имевшие место в китайских переводах. В своём *предисловии к 'Маха-праджняпарамита-шастре'* Дао Ань говорит о пяти видах ущерба, причинённого китайцами подлинной буддийской доктрине, когда они попытались перевести её на китайский язык [34, с. 14]. Один из ущербов причинили те, кто перестроил оригинальный текст, который содержал обозначения для устного исполнения в сопровождении музыкальных инструментов и многократного повторения. Будучи побуждаемым всё тем же стремлением к сближению китайской традиции с ин-

дийским буддизмом и понимая, что искажённая транскрипция лишает буддийские тексты их силы, Дао Ань поднял вопрос о корректной транскрипции санскритских буддийских терминов и о правильных названиях в китайских переводах. Он же был первым, кто составил, исходя из этого своего критерия, список сомнительных сутр [Ibid.]. Дао Ань был первым, кто составил каталог буддийской литературы на китайском языке (*'Цзунли чжунцзин мулу'*), сопроводив его анализом приводимых текстов. И хотя этот каталог не сохранился впоследствии, он сыграл большую роль в процессе канонизации буддийских текстов в Китае. Что касается Сюаньцзана, то, по словам Е. А. Торчинова, он совершил «переводческий подвиг», но этот подвиг, «равно как и его стремление "исправить" китайский буддизм по индийским образцам, в значительной степени пропал втуне, не будучи востребован китайской буддийской традицией» [7, с. 179]. А ведь Сюаньцзан после почти двадцатилетнего пребывания в Индии, в знаменитом монастыре Наланда, чью систему презентации и практики Учения Будды восприняли тибетцы, предложил китайским буддистам наиболее совершенную систему перевода, которая обеспечивала бы аутентичную передачу смысла. Характерной чертой китайской канонизации буддийских текстов было то, что главным признаком аутентичности текста и, следовательно, его включения в состав *цзин* (*признанный текст*) считалось его признание в качестве *древнего* текста. Из категории *цзин* исключались только те тексты, древность которых не удавалось установить. Они не подлежали включению в официальный процесс переписывания и тиражирования [23, с. 234–235].

Проверка китайских переводов на предмет их идентичности текстам индийской *Трипитаки* не представлялась тогда возможной, если учесть обстоятельства появления китайских переводов сутр с разных языков (санскрит, пракрит, хотанский и др.), а также тот факт, что китайские переводы нередко не были, строго говоря, переводами оригинальных текстов индийского канона [16; 17; 25; 26; 37]. Часто это были китайские переводы устных учений или китайские записи устных переводов или даже сочинения, самостоятельно написанные китайскими авторами [24, р. 155–156; 34]. Т. Сторч, специалист по каталогу *'Чу санцзан цзи цзи'* и другим раннекитайским буддийским каталогам, разъясняет, что даже когда авторы этих каталогов пишут, что китайский текст переведён с источ-

ника категории *фан* («брахманический») или *ху* («индо-иранский», т. е. центральноазиатский), это вовсе не означает, что перевод был сделан с оригинального источника. Она указывает, что чаще всего оригинальные тексты, с которых, как писали китайские библиографы, были сделаны переводы, отсутствовали. И причина была в том, что китайцы получали учения сутр преимущественно в устной форме от миссионеров, далеко не всегда располагавших оригинальными текстами.

То, что китайцы на раннем этапе воспринимали Учение преимущественно в устной передаче, не доказывает, что для них, как и для тибетцев, подлинная устная трансмиссия была залогом аутентичности. Скорее, дело было в том, что в индийской традиции делался акцент на том, чтобы запоминать и транслировать учения сутр в устной форме. Поэтому при переводе буддийского канона на китайский язык под влиянием миссионеров устная трансмиссия стала играть в Китае довольно большую роль, причём настолько большую, что можно говорить о наличии двух разных подходов к переводам буддийского канона, отражённых авторами ранних буддийских каталогов. В одном случае переводы сутр были сделаны на основе чисто устной трансмиссии учений, во втором – на основе устной трансмиссии учений, имеющих соответствующее текстуальное выражение на языке оригинала [34, с. 4]. Вышесказанное объясняет наличие иногда довольно значительных расхождений с санскритскими оригиналами и тибетскими переводами. О существовании таких расхождений говорят, в частности, Шен Вайронг и Генри Шиу, редакторы монографической серии *Sino-Tibetan Buddhist Studies* [39]. Для китайцев с их приоритетом книжной учёности то обстоятельство, что процесс распространения буддизма происходил в форме устной трансмиссии, служило предметом сильного разочарования. Поэтому они в целях легитимации буддизма в рамках китайской цивилизации очень быстро постарались создать буддийский канон – свод *признанных текстов* (*цзин*) [34], чтобы придать буддизму законный статус в глазах китайцев с их почитанием древних мудрецов и канонов. Китайцам было хорошо известно, что Будда преподавал своё учение устно, и что *Трипитака* формировалась и сохранялась в устной форме, и что в других странах распространения буддизма *Трипитака* транслировалась в основном в устной форме. Но «когда буддизм пришёл на их территорию, они предприняли все возможные усилия, чтобы представить свою свя-

щенную доктрину как существующую исключительно в письменной форме – феномен, который можно объяснить только влиянием китайской традиционной идеи канона...», – пишет Таня Сторч [Ibid., с. 15]. Китайцы, не имея готовых схем категоризации буддийских текстов и никакого руководства со стороны иностранных монахов, нашли модель их канонизации в рамках собственной культуры. Речь идёт о китайском методе создания и определения некоторого числа аутентичных сочинений, считающихся классикой – *цзин* [23, с. 232]. Тексты, вошедшие в официальный список *цзин*, подлежали официальному тиражированию и распространению в Китае. Буддисты переняли эту государственную модель канонизации текстов для создания китайского буддийского канона. Целью создания канона в Китае было распространение и сохранение буддийской книжной учёности. Другой важной частью канонического процесса было наименование отдельных групп текстов как определённой целостности. К концу V в. численность китайских переводов стала уже столь значительной, что требовалось их собрание как-то назвать и упорядочить. Первым названием канона стало '*И це цзин*' ('*Все сутры*'). Ссылка именно на этот свод содержится в дуньхуанском манускрипте 479 г. [23, с. 234]. Традиционно термин *цзин* относился к сочинениям китайских мудрецов прошлого и никогда – к современным сочинениям. Буддисты применили этот термин, чтобы охватить все учения Древней Индии, включая Учение Будды. Тексты под авторством Нагарджуны и других мастеров тоже относились к *цзин*. Ланкастер подчёркивает, что по смыслу термин *цзин* не идентичен термину *сутра*, относящемуся только к проповедям Будды. *Цзин* – это был китайский способ канонизации текстов древности и их сохранения в столетиях, который использовали не только буддисты, но и конфуцианцы и даосы, а также китайские христиане и манихеи [Ibid., с. 235]. В этой ситуации, когда не было другой возможности публикации, появилось много сочинений, якобы переведённых с санскрита на китайский язык.

Первый канон китайской буддийской литературы был составлен Сенчжоу (Sengyou, 445–518) в его '*Чу санцзан цзи цзи*' ('*Собрание записей китайских переводов Трипитаки*'), написанном между 505 и 515 гг. Сенчжоу считается основателем грандиозной традиции буддийской библиографии Китая [24, с. 150]. В названии его канона термин *цзин* не встречается, а используется термин *санцзанг* – *трипитака* [23, с. 235]. После Сен-

чжоу появляются другие каталоги. Позднее в качестве названия буддийского канона стало использоваться выражение 'Дацанг цзин', буквально означающее «великое собрание цзинов». Эта терминология используется сегодня для обозначения китайского собрания канонических буддийских текстов. Л. Ланкастер подчеркивает, что это выражение не означает «великое собрание сутр». Он связывает формирование китайского буддийского канона с политикой создания при дворе буддийских библиотек. И, по его предположению, это название канона можно перевести как «цзины, принадлежащие великой библиотеке» [23, с. 236]. Эту гипотезу Ланкастера о появлении китайского буддийского канона, скорее, как феномена китайской книжной учёности – буддийской библиотеки, нежели перевода Слова Будды, подкрепляют и данные других синологов. Иными словами, как только буддийские тексты пересекли границы Китая и появились во множестве в китайских переводах, так сразу же они обрели китайский вид. Роль библиотек, каталогов и связанных с этим библиографических практик была в Китае велика ещё до проникновения буддизма. Теперь этот китайский опыт был применён к буддийскому канону – так, что три категории санскритской классификации буддийского канона не охватывают все китайские канонические тексты буддизма. Словом, китайский буддийский канон является не *Трипитакой*, а сводом, по содержанию более разнородным. Этот вывод Ланкастера согласуется с исследованиями других синологов, которые, в частности, указывают на то, что в разделе сутр китайского канона содержится ряд сутр, не имеющих аналога среди палийских канонических сутр. Ещё более серьёзные разночтения обнаруживаются при сопоставительном анализе палийской и китайской версий конкретных текстов. Во многих случаях в китайских переводах содержатся фрагменты, отсутствующие в палийских версиях, приводятся новые или иные по содержанию, по сравнению с ними, детали, предлагается смысловая интерпретация эпизодов, также отсутствующая в палийских версиях. Это даёт основание предполагать, что китайские переводы были сделаны по спискам сутр, отличающимся от тех палийских, что лежали в основе записи Слова Будды на Шри-Ланке. Или возможна иная версия объяснения, если учесть те особенности выполнения китайских переводов, о которых упоминалось выше.

Что касается тибетского буддийского канона, то первый рукописный свод Слова Буд-

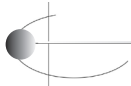
ды – Кангьюр и Тенгьюр, составленный при содействии императора Юаньской династии, появился в 1312 г., хранился в монастыре Нартанг и известен как Нартангское издание [33, с. 23]. Впоследствии было создано более 20 редакций Кангьюра и Тенгьюра в разных местах и разными учёными – в Дерге, Пекине, Чоне, Лхасе, Урге, Пхударке, Таванге и других местах. Несколько вариантов канонических текстов было найдено в Табо и Дуньхуане [1; 11; 15; 31, с. 14 и др.]. В настоящее время исследователи располагают 12 версиями Кангьюра. Первый ксилографический Кангьюр был издан в Пекине в 1410 г. при патронаже императора. Самое новое издание Кангьюра и Тенгьюра было сделано в 1980 г. Dharma Publishing: это тираж редакции Дерге, содержит 1115 текстов в Кангьюре и 3387 текстов в Тенгьюре [35, с. 53]¹. Разные издания тибетского канона принято именовать в классической буддологии по месту издания. Они отличаются друг от друга количеством томов, порядком распределения текстов по разделам и даже наличием или отсутствием тех или иных разделов². Большинство сохранившихся версий Кангьюра происходят от так называемого старого нартангского Кангьюра [15].

Уже в ранний период распространения буддизма в Тибете задача аутентичного перевода буддийских текстов была делом государственной важности, и лично король контролировал этот большой проект. Тибетские лоцавы не были обычными людьми. Вообще говоря, тибетцы в своём понимании характера трансмиссии буддизма из Индии в Тибет и процесса создания буддийского канона придавали очень большое значение таким «тонким» причинам, как наличие кармической связи между индийским и тибетским буддизмом в виде существования ряда реинкарнаций индийских мастеров в Тибете. С их точки зрения, тибетские лоцавы отнюдь не с нуля начали трансляцию Слова Будды на тибетский язык. В их лице реализованные индийские мастера продолжали в Тибете дело распространения Учения. Этим объясняется, что без особых затруднений тибетским

¹ Копии нартангского, дергеского, пекинского и лхасского изданий имеются в Библиотеке тибетских трудов и архивов в Дхарамсале. Копии нартангского издания хранятся также во многих местах мира.

² В пекинском издании – 11 разделов, в сиккимском издании и издании Раджа – 13 разделов, в других изданиях – по 12 разделов. В рукописном Кангьюре, который хранится в тибетском монастыре в Лумбини, – 11 разделов. В дергеском издании – 100 томов, нартанском – 101, пекинском – 105, литанском и чонэйском – по 108 томов. Рукописный серебряный Ганджур, хранящийся в Музее истории Бурятии им. Хангалова, имеет 109 томов.

учёным удалось создать уже во времена Тисрон Децена и адекватный язык трансляции, и стандартизованную систему терминов, которая до сих пор сохраняет своё значение. Тибетскими лоцавами был изобретён метод взаимно однозначного морфолого-семантического соответствия и с его помощью сконструирован письменный язык тибето-буддийской традиции. Буддийская терминология, созданная Каба Палцегом, содержит восемь тематических разделов [21, с. 6]: категории физического и психического строения реальности, личности и теории сознания¹; категории, выражающие связи личности с её миром и вытекающие из них последствия – доктрина зависимого возникновения; категории, связанные с теорией пустоты и категории, описывающие путь, ведущий к состоянию Будды, с двух точек зрения: через 37 практик просветления и через пять путей махаяны. Были разработаны также термины, описывающие тела и характеристики Будды; представлена также категоризация различных аспектов путей шраваков и пратьекабудд, терминология, описывающая различные качества существ, ещё не свободных от циклического существования, и объясняющая практику стабильной медитации, общую с небуддийскими традициями [Ibid.].

Тщательно разработанная структура системы категорий свидетельствует о том, что тибетские лоцавы VIII в. не были лишь блистательными переводчиками. Они были учёными, авторами самостоятельных трудов по буддийской философии и науке буддийских переводов. Более того, они были подлинными мастерами Дхармы, владевшими полной системой учения Будды в её внутренней непротиворечивости. В этом они отличались от своих коллег в Китае, среди которых тоже были выдающиеся переводчики, авторы самостоятельных сочинений, такие как, например, Кумараджива, сыгравшие большую роль в трансмиссии буддийских учений. Но, в отличие от китайских буддистов, тибетцы научились понимать внутреннее единство и непротиворечивость всех учений Будды. Они восприняли от индийцев критерии аутентичности буддийских учений и текстов и методы их исследования [8, с. 284–293]. Тибетские ученые настолько совершенно переводили санскритские тексты, что сегодня стало возможным реконструировать утерянные санскритские

оригиналы с тибетского. Эти проекты осуществляются в Центральном университете высшей тибетологии в Сарнатхе (Индия).

Терминология была, как мы можем убедиться на примере руководства Каба Палцега, стандартизирована уже в ранний период. Она достигла высшего развития в публикации санскритско-тибетского словаря '*Махавьютпатти*' ('*Bye-brag-tu rtoqs-par byed-pa chen-po*' – '*Большой словарь сущностной терминологии*')². Он не датирован точно, но обычно его связывают с правлением Тисрон Децена [28, с. 151], хотя имеется точка зрения, что он появился при короле Ти Ралпачене (815–841) [4]. Будучи фактически первым двуязычным словарём, самым известным и наиболее широко используемым в индо-тибетской филологии, он до сих пор находится в обращении у специалистов в качестве справочного лексикографического труда. Это был, как говорится в колофоне текста '*Махавьютпатти*' в Тенгьюре, плод коллективной работы большой команды пандит и лоцев. Была сделана огромная работа по сверке ранее сделанных тибетских переводов, выработанная система перевода, позволявшая избежать жёсткого буквализма, а также официальная индо-тибетская буддийская терминология, гарантом которой стал сам король [Там же].

'*Махавьютпатти*' содержит около 10 тысяч словарных единиц, распределённых в 283 семантические рубрики [18]. Он разбит на три тома – хинаяны, махаяны и том индексов. Было сделано три издания, которые хранились в монастырских библиотеках Подранг Денкар, Пантанг и Чимпу. Сегодня он доступен в трёх изданиях [18; 29; 30], сделанных по тибетским и монгольским источникам [см.: 28, с. 151]. Монгольским продолжением словаря '*Махавьютпатти*' считается тибетско-монгольский словарь XIII в. '*Источник мудрецов*' (*Dag yig mkhas-pa'i 'byung gnas*) – основное лексикографическое пособие, использовавшееся при переводе Кангьюра и Тенгьюра на монгольский язык.

Наиболее общим методом терминологической стратегии, применявшейся тибетцами, было, скорее, создание новых тибетских терминов, нежели использование заимствованных санскритских слов, например, тибетского термина "chos" для санскритского слова *Дхарма*, обозначающего Учение Будды³. Хотя тибетцы очень неохотно заимствовали санс-

¹ Способ категоризации «дхарм» в этой части сходен с системой Арья Асанги в тексте '*Абхидхармасамуччая*' (V в.), который лёг в основу школы йогачара.

² Он вошёл в состав Тенгьюра (Toh. 4346), известен тибетцам также под названием '*sgra-sbyor bam-po gnis-pa*'.

³ О всех других значениях слова «дхарма» см.: Будон, 1999. – С. 34.

критские слова, им приходилось использовать некоторые из них в транслитерированном и натурализованном виде, но всё же, по замечанию М. Капстейна, предпочтение отдавалось изобретению новых тибетских терминов [22]. Помимо *'Махавьютпатти'* тибетцы пользовались другим билингвовым лексиконом – тибетской версией *'Амаракоши'*, трактата по метрике индийского автора Аварасимхи. Существовали также лексиконы, составленные самими тибетцами. Н. Д. Болсохоева в качестве примера таковых называет *'Абхидханава-чанакошу'*, автором которой является учёный из Сакья Маньчжугоша, и энциклопедический свод *'Сакья-камбум'* – собрание сочинений пяти сакьяских лам [1, с. 111]¹. В дополнение к *'Махавьютпатти'* при Ти Ралпачене и по его заданию были созданы также два других словаря. Во-первых, двухтомный словарь *'Мадхьявьютпатти'* ('sGra sbyor bam po gnyis pa'i bye brag tu rtogs byed 'bring po') при участии нескольких пандита и лоцав, в особенности Джинамитры, Данашилы и Еше Дэ, в котором были установлены правила перевода, создания неологизмов. Во-вторых, словарь *'Свалпавьютпатти'* ('Bye brag tu rtog byed chung ngu'), впоследствии утерянный, но находившийся в обращении во времена Будона [28, с. 152].

Учёные-переводчики, *лоцавы*, такие как Каба Палцег (sKa-ba dral-brtsegs), Чокьи Ньинбо (Cho-kyi sning-po), Пэлкьи Лхунбо (dPal-kyi lhun-po), Лоцава Дебендхара, Лу Вангпо (kLu-dbang-po) и др., провели тщательную проверку библиотеки монастыря Пантан/Камед и составили на основе королевской канонической коллекции библиографический указатель – гарчак Пантанма, который положил начало Кангьюру как единому своду Слова Будды. Каба Палцег вместе с Луи Вангбо и другими лоцавами составил описание книг царского дворца Дэнкарма (Тонгтан-Дэнкарма), включённое позже в состав Тенгьюра (Peking Tenjur. No. 5851). Эти учёные-переводчики заложили тибетскую традицию аутентичного перевода буддийских текстов.

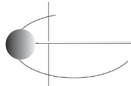
Работу по переводам и систематизации продолжили пандита Атиша Дипамкара Шри Джняна (Атиша, 982–1054) и великий лоцава Ринчен Сангпо (958–1055). Атиша сыграл принципиальную роль в восстановлении в Тибете аутентичной трансмиссии Учения Будды и установлении системы Ламрим как целостной презентации совокупного Учения Будды и пути просветления. Он был автором, перевод-

чиком, редактором и корректором сочинений Кангьюра, наставником выдающихся тибетских учёных и переводчиков, также трудившихся над буддийским каноном, – Дромтонпы (1004–1065), Джаяшилы (Нагцо), Вирьясимхи из Чжа. Что касается Ринчена Сангпо, то он был не только великим учёным-лоцавой, переводившим и редактировавшим много текстов, относящихся к философской части и четырём разделам тантр, и составившим обширные комментарии к текстам праджняпарамиты и тантр. Он провёл реформу переводов тантр, получившую название «Новые тантры» (gsang sngags gsar ma) [12, с. 340–341]. Нагцо Цултим Гьялва, известный как лоцава Нагцо, уроженец Гунтанга, обучался в Индии, в том числе в Викрамашиле [6; 10]. В состав Тенгьюра входят 125 сочинений, переведённых Нагцо. До Будона в Тибете также жил и работал Чомден Ригпей Ралди (XIII в.). Он с помощью своих учеников (Чим Джамбеанга и др.) собрал и каталогизировал собрание текстов монастыря Нартанг в Центральном Тибете. Собрание нартангских рукописей редактировал Цалпа Ситу Гевей Лодой. Взяв за основу гарчаг Чомден Ригпей Ралди, он составил гарчаг Цалпа [5].

Одним из наиболее известных учёных, посвятивших большую часть своей жизни выполнению новых переводов, ревизии и изданию переведённых трудов, составлению канонических собраний, был Будон Ринчен-дуб (1290–1364), автор знаменитой *'Истории буддизма'*. Он считается создателем тибетского канона и образцом книжной учёности Тибета. Будон не только создал кодификацию буддийского канона в виде Кангьюра и Тенгьюра, он систематизировал раздел тантр (в составе Кангьюра), подразделив тантры на четыре класса. Эта классификация сохраняет силу и сегодня. Он включил в канон только те тексты, чьи санскритские оригиналы сохранились (к тому времени), выделил отдел «старые тантры» с переводами, сделанными в период «раннего распространения». Его биограф и ученик Дра Цепа Ринчен Намгьял писал: «Своими переводами и редакторским трудом он взрастил величественное древо жизни, основу буддийских учений» [Цит. по: 32, с. 266].

Переводческая, редакторская, издательская работа над буддийской канонической литературой имела статус проекта государственного значения. Не только к переводам, но и к созданию самостоятельных сочинений тибетцы относились так же серьёзно, как индийские буддисты. Пабонгпа Ринпоче в своём труде *'Lam rim rnam grol lag bcangs'* упоми-

¹ Подробно о *'Сакья-камбум'* см.: [3, с. 184–185].

нает о существовавшей в Древней Индии традиции подвергать каждое новое сочинение коллективной научной экспертизе. Новый труд мог стать фактом буддийской учёности и подлежал публикации только в том случае, если получал одобрение членов экспертного совета. В противном случае «рукопись привязывали к хвосту собаки и так долго водили по улицам города, позоря автора». Король издавал указ, запрещающий распространение данной *шастры* [6, с. 56].

Учитывая то значение, которое придавалось аутентичности переводов и качеству текстов в индийской традиции, которой следовал Будон, можно понять, почему Будон оставил специальное послание «Письмо к редакторам буддийского канона (Yig mkhan gnams la gdams pa)», содержащее точные и детальные наставления для тех, кто в будущем станет заниматься этой ответственной работой [32]. Несмотря на то, что канон был составлен и работа над ним, казалось бы, завершена, Будон обращается к будущим продолжателям своего дела так, как будто она не имеет завершения. Так и было. Не только канонические тексты, но и собственные труды тибетских авторов подвергались многократному редактированию¹. В этом они следовали индийским учёным. И дело было не только в исправлении грамматических, орфографических, пунктуационных, стилистических ошибок или некорректностей, хотя и в этом тибетцы стремились к совершенству. Гораздо более важным было стремление к адекватному выражению смысла при опоре на слова. Поэтому Будон за три года до смерти призвал Дра Цепу и поручил ему ревизию и редактирование своих собственных трудов по грамматике и тантре в заботе о том, чтобы труд, которому он посвятил себя, живя в монастыре Ша-лу, был продолжен [32, с. 266].

Содержание инструкций даёт отчётливое представление о том, что непрерывная ревизионная и редакторская работа над буддийскими текстами в Тибете была не просто технической или вспомогательной составляющей буддийской учености, а её важнейшей духовной частью, обеспечивающей чистоту трансмиссии Слова Будды и учений *шастр*, а также тибетских мастеров. Любой перевод – это всегда в той или иной степени интерпретация. В тибетской традиции принято строго следить за тем, чтобы при трансляции учения

тот, через кого идёт передача, не примешил к передаче своё нечистое понимание. Ибо тибетцы всерьёз относились и продолжают относиться к высказыванию Майтреи из '*Уттарапантры*':

Так как нет в этом мире того,
Кто превосходит Победителя в мудрости,
И нет никого иного, кто знает
Высшую реальность, как она есть,
И всё, без остатка [вещи],
То следует оставить Раздел Сутр таким,
Как его установил сам Мудрец,
Не добавляя к нему ничего и ничего
не переделывая,
Ибо это разрушит систему Будды
И навредит святой Дхарме

[Цит. по: 6, с. 68].

Поскольку ни один великий переводчик или мастер Учения не мог дать гарантию, что абсолютно точно воспроизвёл «систему Будды». Необходимость точного воспроизведения совокупного смысла Дхармы объясняет непрерывную ревизию и редактирование текстов тибетскими учёными. В целях обеспечения аутентичного выражения Учения Будды над буддийским канонам трудились под контролем тибетских королей целые коллективы учёных, переводчиков, редакторов, корректоров, переписчиков. Существовала широкая специализация в работе над канонами [1, с. 111–112].

Можно выделить следующие характерные черты тибетской стратегии обеспечения аутентичности буддийских канонических текстов, отличавшей процесс формирования тибетского буддийского канона от того, каким образом формировался китайский буддийский канон:

- 1) государственный заказ и непосредственное руководство со стороны тибетского короля коллективной работой по созданию канона;
- 2) создание тибетской письменности, предназначенной для аутентичного выражения Учения Будды, – *языка Дхармы*;
- 3) стремление к исключению влияния специфических тибетских мировоззренческих паттернов при выражении буддийских философских учений, проявлявшееся в отказе от использования традиционной тибетской понятийности и терминологии и в создании новых тибетских терминов для передачи санскритских понятий;
- 4) принципиальное сотрудничество тибетских учёных при создании буддийского канона с индийскими пандитами и ачарьями – носителями аутентичной линии передачи буддийских учений;
- 5) заимствование индийской традиции общественной и государственной экспертизы буддийских текстов;
- 6) принципиальная открытость тибетского канона для ревизии и

¹ Известный в России тибетский лама Геше Джампа Тинлей в своих лекциях упоминает о тибетской традиции девятикратного редактирования каждого текста.

редактирования с целью обеспечения содержательной аутентичности; 7) каноническая литература и устная трансмиссия Учения Будды служили опорой друг для друга, хотя первичную роль играла устная трансмиссия; 8) тексты Тенгьюра, в особенности сочинения 17 учёных Наланды, служили тибетцам опорой интерпретации текстов Кангьюра.

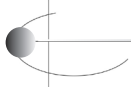
В заключение подчеркнём, что хотя в Кангьюре и Тенгьюре встречаются случаи ложной атрибуции текстов [см.: 38], тибетский буддийский канон, в соответствии со страте-

гией, разработанной Будоном и другими великими тибетскими учёными, формировался, в отличие от китайского канона, на гораздо более достоверной основе и обеспечил тибетским буддистам преемственность полной и аутентичной системы Дхармы Будды. Тем не менее, дальнейшая ревизия существующих канонов и сравнительные исследования канонической буддийской литературы являются чрезвычайно актуальными, особенно в плане исследования смысловой аутентичности переводов.

Список литературы

1. Болсохоева Н. Д. Ганчжур Сиккимского издания // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 108–119.
2. Будон Ринчендуб. История буддизма. СПб.: Евразия, 1999. 336 с.
3. Востриков А. И. Тибетская историческая литература (Bibliotheca Buddhica XXXII). М.: Вост. лит., 1962. 428 с.
4. Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И. История Тибета с древнейших времён до наших дней. М.: Вост. лит. РАН, 2005. 233 с.
5. Маланова Т. М. Тибетский канон Ганчжур и Данчжур как движущаяся система текстов // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 251–259.
6. Пабонгка Ринпоче. Ламрим: Освобождение в наших руках (Lam rim nam grol lag bcangs). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. Т. 1. Кн. 1. 192 с.
7. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: С-Петербург. филос. о-во, 2000. 304 с.
8. Урбанаева И. С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. 376 с.
9. Чебунин А. В. История проникновения и становления буддизма в Китае. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2009. 278 с.
10. Шоннупэл Гой-лоцава. Синяя летопись. Deb-ther sNgon-po. История буддизма в Тибете. VI–XV вв. СПб.: Евразия, 2001. 623 с.
11. Badaraev V.-D. *Note on a list of the various Editions of the Kanjur* // Acta Orientalia Hungarica. 1968. T. 21. F. 3. P. 345–346.
12. Chattopadhyaya A. *Atīśa and Tibet*. Repr. Delhi; Varanasi [etc.]. M. Banarsiddas, 1996. 593 p.
13. Chen Kenneth K. S. *Buddhism in China: Historical Survey*. Princeton: Princeton University Press, 1972. 576 p.
14. Eimer H. Some Results of Resent Kanjur Research // Archiv für Zentralasiatischen Geschichtsforschung. Heft 1–6, 1983. P. 3–21.
15. Eimer H. & Germano D. & Blezer H. W. A. (eds.). *The Many Canons of Tibetan Buddhism*. Leiden: Brill, 2002. P. 357.
16. Hairman A. *Vinaya: from India to China* // The Spread of Buddhism. Brill: Leiden; Boston, 2012. P. 167–202.
17. Heirman A. and Bumbacher S. P. (eds.). *The Spread of Buddhism*. Brill: Leiden; Boston, 2012. P. 474.
18. Ishikawa Yumiko & Fukuda Yoichi (eds.). *A New Critical Edition of the Mahāvīyūtpatti*. Sanscrit-Tibetan Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology. Tokyo // Studia Tibetica 16, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries. 1989. Vol. 1.
19. Kaba Paltseg. *Chos kyi rnam grangs kyi brjed byang* // Peking Tenjur. № 5849.
20. Kaba Paltseg. *Chos kyi rnam grangs* // Peking Tenjur. № 5850.
21. Kaba Paltseg. *A Manual of Key Buddhist Terms: A Categorization of Buddhist Terminology with Commentary*. Dharamsala: LTWA, 1992. P. 69.
22. Kapstein M. T. *Reason's Traces. Identity and Interpretation in Indian and Tibetan Buddhist Thought*. Boston: Wisdom Publications, 2001. 473 p.
23. Lancaster L. *The Movement of Buddhist Texts from India to China and the Construction of the Chinese Buddhist Canon* // Buddhism Across Boundaries, Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 226–260.
24. Mair V. H. *The Khotanese Antecedents of the Sutra of the Wise and the Foolish (Xianyu jing)* // Buddhism Across Boundaries, Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 150–178.
25. McRae John R. and Nattier Jan (eds.). *Buddhism Across Boundaries – Chinese Buddhism and the Western Regions: Collection of Essays 1993*. First Published in 1999 Foguang Cultural Enterprise Co., LTD, Taiwan. 1–59.
26. McRae, John R. and Nattier, Jan (eds.). *No Buddhism across boundaries: The Interplay of Indian, Chinese and Central Asian Source Materials* // Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 260.

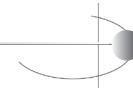

27. Raine R. Translating the Tibetan Buddhist Canon: Past Strategies, Future Prospects [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/3987419/Translating_the_Tibetan_Buddhist_canon_Past_strategies_future_prospects (дата обращения: 04.08.2015).
28. Pagel Ulrich. The Dhārāāis of Mahāvvyutpatti #748: Origin and Formation // *Buddhist Studies Review*. 2007. № 24(2). P. 151–191.
29. Sakaki R. Mahāvvyutpatti /Honyaku meigi daishū. Bonzō Kanwa. Chibetto yaku-taikō, 2 vols. Kyōto: Suzuli Research Foundation. Originally published Tokyo: Shingonshū Kyōto Daigaku, 1925; Sanskrit index compiled by Kyōo Nishio, 1936, 1962.
30. Sárközi A. (ed.). A Buddhist Terminological Dictionary: The Mongolian Mahāvvyutpatti. Asiatische Forschungen 130. Wiesbaden: Harrasowitz, 1995. P. 836.
31. Schaeffer K. R. & van der Kuijp L. W. J. An Early Tibetan Survey of Buddhist Literature. Boston: Harvard University Press, 2009. 276 p.
32. Schaeffer Kurtis R. A Letter to the Editors of the Buddhist Canon in Fourteenth-Century Tibet: The Yig mkhan rnam la gdams pa of Bu ston Rin chen grub // *Journal of American Oriental Society*. 2004. № 124.2. P. 265–281.
33. Shastri L. The Transmission of Buddhist Canonical Literature in Tibet // *Tibet Journal*. 2007. № 32. P. 23–47.
34. Storch T. Chinese Buddhist Historiography and Orality // *Sino-Platonic Papers*. 1993. № 37. P. 1–16.
35. Tsepag Ngawang. Tibetan literature survey and trends. Hamburg, 2005.
36. Zürcher E. The Buddhist Conquest of China: The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Third Edition. Leiden: Brill, 2007. P. 472.
37. Zürcher E. Buddhism Across Boundaries: The Foreign Input // *Sino-Platonic Papers*. March, 2012. № 222. P. 1–25.
38. Wedemeyer, C. K. Pseudepigrapha in the Tibetan Buddhist 'Canonical Collections': The Case of the Caryāmelāpakapradīpa Commentary Attributed to Śākyamitra // *Journal of the International Association of Tibetan Studies*. December, 2009. № 5. P. 1–31.
39. Weirong S. and Shiu H. Editor's Preface // Raymond E. Robertson. A study of the Dharmadharmavibhanga: The root text and its scriptural source (the Avikalpaprapadesadharani), with excerpts from Kamalasila's Avikalpaprapadesadharanitika. Monograph series in Sino-Tibetan Buddhist studies. Beijing: China Tibetology publishing house, 2007. Vol. 1. P. 1–8.

References

1. Bolsokhoeva N. D. Ganchzhur Sikkimskogo izdaniya // *Srednevekovaya kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1995. S. 108–119.
2. Budon Rinchendub. *Istoriya buddizma*. SPb.: Evraziya, 1999. 336 s.
3. Vostrikov A. I. *Tibetskaya istoricheskaya literatura* (Bibliotheca Buddhica XXXII). M.: Vost. lit., 1962. 428 s.
4. Kychanov E. I., Mel'nichenko B. I. *Istoriya Tibeta s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. M.: Vost. lit. RAN, 2005. 233 s.
5. Malanova T. M. *Tibetskii kanon Ganchzhur i Danchzhur kak dvizhushchayasya sistema tekstov* // *Istochnikovedenie i tekstologiya pamyatnikov srednevekovykh nauk v stranakh Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk, 1989. S. 251–259.
6. Pabongka Rinpoche. *Lamrim: Osvobozhdenie v nashikh rukakh* (Lam rim nam grol lag bcangs). Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2008. T. 1. Kn. 1. 192 s.
7. Torchinov E. A. *Vvedenie v buddologiyu: kurs lektcii*. SPb.: S-Peterb. filos. o-vo, 2000. 304 s.
8. Urbanaeva I. S. *Buddiiskaya filosofiya i meditatsiya v komparativistskom kontekste* (na osnove indotibetskikh tekstov i zhivoi traditsii tibetskogo buddizma). Ulan-Ude: IMBT SO RAN, 2014. 376 s.
9. Chebunin A. V. *Istoriya proniknoveniya i stanovleniya buddizma v Kitae*. Ulan-Ude: VSGAKI, 2009. 278 s.
10. Shonnupel Goi-lotsava. *Sinyaya letopis'*. Deb-ther sNgon-po. *Istoriya buddizma v Tibete. VI–XV vv.* SPb.: Evraziya, 2001. 623 s.
11. Badaraev B.-D. *Note on a list of the various Editions of the Kanjur* // *Acta Orientalia Hungarica*. 1968. T. 21.F. 3. P. 345–346.
12. Chattopadhyaya A. *Atīśa and Tibet*. Repr. Delhi; Varanasi [etc.]. M. Banarsiddas, 1996. 593 p.
13. Chen Kenneth K. S. *Buddhism in China: Historical Survey*. Princeton: Princeton University Press, 1972. 576 p.
14. Eimer H. Some Results of Resent Kanjur Research // *Archiv für Zentralasiatischen Geschichtsforschung*. Heft 1–6, 1983. P. 3–21.
15. Eimer H. & Germano D. & Blezer H. W. A. (eds.). *The Many Canons of Tibetan Buddhism*. Leiden: Brill, 2002. P. 357.
16. Hairman A. *Vinaya: from India to China* // *The Spread of Buddhism*. Brill: Leiden; Boston, 2012. P. 167–202.
17. Heirman A. and Bumbacher S. P. (eds.). *The Spread of Buddhism*. Brill: Leiden; Boston, 2012. P. 474.
18. Ishikawa Yumiko & Fukuda Yoichi (eds.). *A New Critical Edition of the Mahāvvyutpatti*. Sanscrit-Tibetan Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology. Tokyo // *Studia Tibetica* 16, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries. 1989. Vol. 1.
19. Kaba Paltseg. *Chos kyi nam grangs kyi brjed byang* // *Peking Tenjur*. № 5849.

20. Kaba Paltseg. Chos kyi rnam grangs // Peking Tenjur. № 5850.
21. Kaba Paltseg. A Manual of Key Buddhist Terms: A Categorization of Buddhist Terminology with Commentary. Dharamsala: LTWA, 1992. P. 69.
22. Kapstein M. T. Reason's Traces. Identity and Interpretation in Indian and Tibetan Buddhist Thought. Boston: Wisdom Publications, 2001. 473 p.
23. Lancaster L. The Movement of Buddhist Texts from India to China and the Construction of the Chinese Buddhist Canon // Buddhism Across Boundaries, Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 226–260.
24. Mair V. H. The Khotanese Antecedents of the Sutra of the Wise and the Foolish (Xianyu jing) // Buddhism Across Boundaries, Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 150–178.
25. McRae John R. and Nattier Jan (eds.). Buddhism Across Boundaries – Chinese Buddhism and the Western Regions: Collection of Essays 1993. First Published in 1999 Foguang Cultural Enterprise Co., LTD, Taiwan. 1–59.
26. McRae, John R. and Nattier, Jan (eds.). No Buddhism across boundaries: The Interplay of Indian, Chinese and Central Asian Source Materials // Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 260.
27. Raine R. Translating the Tibetan Buddhist Canon: Past Strategies, Future Prospects [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.academia.edu/3987419/Translating_the_Tibetan_Buddhist_canon_Past_strategies_future_prospects (дата обращения: 04.08.2015).
28. Pagel Ulrich. The Dhāraāis of Mahāvvyutpatti #748: Origin and Formation // Buddhist Studies Review. 2007. № 24(2). P. 151–191.
29. Sakaki R. Mahāvvyutpatti /Honyaku meigi daishū. Bonzō Kanwa. Chibetto yaku-taikō, 2 vols. Kyōto: Suzuli Research Foundation. Originally published Tokyo: Shingonshū Kyōto Daigaku, 1925; Sanskrit index compiled by Kyōo Nishio, 1936, 1962.
30. Sárközi A. (ed.). A Buddhist Terminological Dictionary: The Mongolian Mahāvvyutpatti. Asiatische Forschungen 130. Wiesbaden: Harrasowitz, 1995. P. 836.
31. Schaeffer K. R. & van der Kuijp L. W. J. An Early Tibetan Survey of Buddhist Literature. Boston: Harvard University Press, 2009. 276 p.
32. Schaeffer Kurtis R. A Letter to the Editors of the Buddhist Canon in Fourteenth-Century Tibet: The Yig mkhan mams la gdams pa of Bu ston Rin chen grub // Journal of American Oriental Society. 2004. № 124.2. P. 265–281.
33. Shastri L. The Transmission of Buddhist Canonical Literature in Tibet // Tibet Journal. 2007. № 32. P. 23–47.
34. Storch T. Chinese Buddhist Historiography and Orality // Sino-Platonic Papers. 1993. № 37. P. 1–16.
35. Tsepag Ngawang. Tibetan literature survey and trends. Hamburg, 2005.
36. Zürcher E. The Buddhist Conquest of China: The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. Third Edition. Leiden: Brill, 2007. P. 472.
37. Zürcher E. Buddhism Across Boundaries: The Foreign Input // Sino-Platonic Papers. March, 2012. № 222. P. 1–25.
38. Wedemeyer, C. K. Pseudepigrapha in the Tibetan Buddhist 'Canonical Collections': The Case of the Caryāmelāpakapradīpa Commentary Attributed to Śākyamitra // Journal of the International Association of Tibetan Studies. December, 2009. № 5. P. 1–31.
39. Weirong S. and Shiu H. Editor's Preface // Raymond E. Robertson. A study of the Dharmadharmavibhanga: The root text and its scriptural source (the Avikalpaprapvesadharani), with excerpts from Kamalasila's Avikalpaprapvesadharanitika. Monograph series in Sino-Tibetan Buddhist studies. Beijing: China Tibetology publishing house, 2007. Vol. 1. P. 1–8.

Статья поступила в редакцию 27.08.2015

ЧИТА – КНИЖНАЯ СТОЛИЦА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Указом Президента России 2015 год объявлен Годом литературы, основные цели и задачи которого – привлечение внимания общественности к отечественной литературе, возрождение в обществе ценности хорошей книги, повышение качества литературы. Среди основных мероприятий по проведению Года литературы вузовские издатели особо выделили Всероссийский конкурс научных и учебных изданий для высших учебных заведений «Университетская книга». В рамках подготовки к VII Общероссийскому конкурсу вузовских изданий «Университетская книга» на базе ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита) с 1 апреля по 30 июня прошёл VI Сибирский межрегиональный конкурс изданий высших учебных заведений «Университетская книга-2015». Информационную поддержку конкурсу оказал журнал «Университетская книга».

Целью конкурса явилось определение лучшей вузовской книги, поддержка авторов и авторских коллективов; активизация научно-исследовательской и учебно-методической работы; поощрение издательских проектов вузов;

Ректор ЗабГУ С. А. Иванов на открытии конкурса

повышение уровня редакционно-издательской подготовки, полиграфического исполнения, художественного оформления вузовских изданий; привлечение внимания широкой общественности к вузовскому книгоизданию и повышение читательского интереса к качественным книгам.

Конкурс вышел далеко за рамки своего региона. В нём приняли участие вузовские издатели не только из городов Сибири и Урала, но и Астрахани, Брянска, Казани, Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Пятигорска, Твери, Владивостока, Якутска, Тюмени. Кроме вузовских издательств в конкурсе участвовали коммерческие книжные издательства, выпускающие учебную и научную книгу для вузов и отличающиеся высоким уровнем полиграфического исполнения.

Проведение конкурса в столице Забайкальского края, граничащего с Сибирью и Дальним Востоком, предоставило возможность широкой общественности больше узнать об учебных, научных изданиях и выпускающих их издательствах. Не зря выбор пал и на Забайкальский государственный университет. Это крупнейший вуз края, образовательно-научный потенциал которого отвечает современным требованиям, а для получения качественного образования, развития профессиональных, научных, творческих способностей каждого студента здесь созданы все условия. Одним из основных структурных подразделений университета является издательский комплекс, обеспечивающий научно-образовательный процесс высококачественной издательско-полиграфической продукцией и взявший на себя основную нагрузку по организации и проведению конкурса.

В состав оргкомитета конкурса вошли представители вузов г. Читы, министерств культуры и образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края. Председателем оргкомитета стал ректор Забайкальского государственного университета доктор технических наук, профессор Сергей Анатольевич Иванов.

По представлению членов оргкомитета был сформирован межвузовский экспертный совет конкурса, в который вошли представители профессорско-преподавательского состава Забайкальского государственного уни-

верситета, Читинской государственной медицинской академии, Забайкальского аграрного института. Экспертный совет возглавила проректор по научной и инновационной работе ЗабГУ, доктор технических наук, профессор Алиса Николаевна Хатькова.

В качестве экспертов было привлечено более 200 учёных по различным отраслям знаний из читинских вузов, а также специалисты узкого профиля по естественным и точным наукам. Состав экспертной комиссии по завершении конкурса опубликован на сайте ЗабГУ. Подробная информация о конкурсе и книгах, присланных на конкурс, также размещена на сайте университета в рубрике «Издательский комплекс».

В конкурсе приняли участие более 500 учебных и научных изданий, заявленных по 25 номинациям. Каждую книгу оценивало 2 эксперта. Оргкомитетом была подготовлена «Памятка для эксперта» и разработаны единые для всех критерии оценки. Оценивалось 13 качественных параметров издания, основными из которых были: актуальность издания, степень новизны и востребованности, аннотация к изданию и библиографическое описание, аппарат издания, его редакционно-издательская подготовка, дизайн и технико-полиграфическое исполнение. Показатели экспертизы суммировались, и в финал конкурса вышло 50 % от поступивших изданий.

Участниками конкурса стали периодические издания: сборники трудов, материалы конференций, вузовские газеты, журналы. При формировании нового списка рецензируемых журналов, входящих в Перечень ВАК Министерства образования и науки, научным журналам уделялось особое внимание. Эксперты отметили, что ещё встречаются журналы, в которых нет информации об учёной степени и учёном звании членов редакционного совета и редколлегии, содержатся неполные сведения об авторах, не имеют необходимого объёма аннотации.

Замечания по оформлению библиографического описания, подписей к рисункам и таблицам, сокращению слов и написанию единиц измерения, не соответствующих издательским стандартам, можно отнести не только к периодике, это, наряду с отсутствием единообразия в оформлении справочного аппарата, списков и структурных элементов, было недоработкой и других изданий. Имело место и оформление книги по ГОСТам учебной текстовой документации, значительно отличающимся от издательских.

К недостаткам эксперты отнесли и всё ещё встречающиеся издания в авторской редакции. Очевидно, этим объясняется наличие в книгах ошибок разного характера, как

грамматических, речевых, так и относящихся к аппарату издания. Среди них самые распространённые: содержание книги не полностью соответствует заявленному названию, или оно слишком общее; материал частично устарел; много заимствований без указания источников; наличие ссылок на несуществующие пункты, несоответствие страниц указанным в содержании; отсутствие предметного и именного указателей, глоссария (при изобилии сложной терминологии), предисловия; непереработанность введения (размещён диссертационный вариант); путаница содержания с оглавлением; пособия, предназначенные для широкого круга читателей, не снабжены иллюстративным материалом, статистическими данными, терминологическими словарями. Эти же ошибки отмечались и в изданиях, прошедших полную допечатную обработку, а это уже недоработка редакторов.

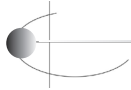
Были замечания и к технико-полиграфическому исполнению, которое могло быть на более высоком уровне. Одним из недостатков, по мнению экспертов, является мягкий переплёт книг большого объёма, что затрудняет открывание книги на полный разворот, а также приводит к тому, что при дальнейшей эксплуатации возможно «расшивание» блока. Встречались и книги с нечёткой печатью некоторых рисунков, бледной печатью текста.

Не вызывали конкурсного интереса издания, рассчитанные для использования в конкретном вузе, которые не могут быть рекомендованы для широкого пользователя, а также пособия, традиционные по содержанию и по структуре, имеющие практические аналоги по своей тематике в других вузах. Среди конкурсных книг присутствовали и такие, которые не соответствовали заявленной номинации или не относились вообще ни к одной номинации из указанного оргкомитетом перечня.

Координатор проекта Л. К. Яковлева, эксперт конкурса И. С. Сковородина, председатель межвузовского экспертного совета А. Н. Хатькова

Тем не менее, замечания экспертов не умаляют актуальности и ценности изданий, которые в большинстве своём написаны на высоком научно-методическом уровне. Хочется обратить особое внимание на ярко выраженную практическую направленность многих конкурсных изданий, представляющих большую научную ценность, являющихся чрезвычайно нужными и востребованными. По итогам конкурса в некоторые издательства отправлены пожелания экспертов об увеличении тиража при переиздании.

В ходе работы эксперты воспользовались своим правом устанавливать специальные номинации и увеличили их количество до 38. Отдельные номинации предусмотрены для книг по экономике АПК, машиностроению, архитектуре и строительству, военно-инженерным специальностям, профессионально-педагогическому образованию, основам здорового образа жизни, истории образования и науки в Сибири и к 70-летию Победы.

Была введена специальная номинация: «Высокая культура издания книг» (дипломы получили ООО Издательский дом «Практическая медицина», г. Москва; ЗАО «Издательский дом МЭИ», г. Москва; ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт МВД России»). Особой грамотой «За большой вклад в развитие вузовского книгоиздания и активное участие в VI Сибирском межрегиональном конкурсе изданий высших учебных заведений «Университетская книга-2015» награждены вузы-участники, приславшие на конкурс свыше 30 книг достойного качества (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»; НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики»; ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»). Ряд изданий дополнительно был отмечен специальными дипломами компании «РУКОНТ», грамотами от Министерства культуры и Министерства образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края.

Большинство книг, присланных на конкурс, получили высокую оценку, 125 из них отмечены дипломами. Издания с незначительными недочётами и недоработками награждены грамотами.

25 июня в научной библиотеке Забайкальского государственного университета, где находилась постоянно пополняющаяся выставка конкурсных изданий, прошла церемония награждения победителей конкурса. Один экземпляр всех изданий, присланных на конкурс, после окончания выставки будет передан в научную библиотеку

ЗабГУ. Остальные книги пополнят фонды библиотек читинских вузов. Проведение конкурса, открытие выставки, церемония награждения широко освещались в СМИ Забайкальского края.

По числу участников и городов VI Сибирский межрегиональный конкурс превзошёл все ожидания организаторов конкурса (60 издательских организаций из 33 городов). Мы считали, что представительство будет скромным. По мере поступления книг стало ясно, насколько важным, интересным и нужным делом является это мероприятие. Чита поистине стала книжной столицей Сибири на несколько дней.

Читинские вузовские издательства впервые объединились. При подведении итогов конкурса они отметили, что у всех нас есть общие проблемы, такие как отсутствие оборудования для твёрдого переплёта, которое значительно бы продлило срок службы учебной литературы; трудности в реализации своих изданий. И всё-таки приятно осознавать, что вузовское книгоиздание, несмотря на недостаточное финансирование, живёт и развивается.

Успеху VI Сибирского межрегионального конкурса во многом способствовало содействие со стороны администрации Забайкальского государственного университета, который с честью справился со всеми трудностями по проведению конкурса. На заключительном заседании оргкомитета конкурса много добрых слов было сказано в адрес ректора университета С. А. Иванова, проректора по научной и инновационной работе А. Н. Хатьковой. Ведущая рубрики «Вузовские издательства» журнала «Университетская книга» Ирина Сергеевна Сковородина (канд. ист. наук, директор департамента агрегации научно-образовательного контента группы компаний «Контекстум») отметила, что региональные конкурсы вузовских изданий, как правило, проводятся теми высшими учебными заведениями, руководители которых уделяют книге особое внимание.

В сентябре подведены итоги VII Общероссийского конкурса вузовских изданий «Университетская книга». Книги, изданные в стенах Забайкальского государственного университета, стали лауреатами и дипломантами конкурса. И это ещё раз подтверждает, что будущее малотиражной литературы принадлежит регионам. Чем выше уровень высшего образования в вузе, тем больше внимания его администрация уделяет своему издательскому подразделению и как закономерность – улучшается качество публикуемых вузом книг.

Л. К. Яковлева,
начальник издательского комплекса ЗабГУ

ПАМЯТИ УЧЁНОГО И УЧИТЕЛЯ – ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА ЛЕВАШОВА

4 октября 2015 года на 77-м году жизни после тяжёлой болезни скончался прекрасный человек, замечательный педагог, выдающийся учёный-фольклорист, Учитель и наставник Виктор Степанович Левашов.

Более 50 лет жизнь и деятельность Виктора Степановича были неразрывно связаны с кафедрой литературы Забайкальского государственного университета. Подвижническим трудом Виктора Степановича подготовлены тысячи учителей-словесников, работающих в школах Забайкалья и за его пределами и продолжающих служение делу просветительства и воспитания у подрастающего поколения любви к родному краю, его культуре и языку. За многолетний творческий труд В. С. Левашов награждён знаком «Отличник просвещения Российской Федерации».

Виктор Степанович удивительно сочетал в себе качества настоящего Учителя и глубокого учёного. Исследование фольклора с юности стало для выпускника историко-филологического факультета Левашова делом всей жизни, и он не только сам преданно служил ему, но и умел повести за собой других.

Учёный занимался исследованием фольклора народов Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, побывал с экспедициями в большинстве районов Забайкальского края, откуда привёз много ценных наблюдений. Автор учебно-методического комплекса «Региональные особенности фольклора Забайкалья», монографий «Былина в Забайкалье», «Забайкальская казачья свадьба», «Пушкин и народная мифология», он опубликовал более 60 статей, тезисов в издательствах Читы, Улан-Удэ, Новосибирска, Иркутска. Профессор В. С. Левашов – один из авторов много-

томного труда «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока». Даже в период тяжёлой болезни он продолжал активно работать над научным материалом: подготовил главу для опубликованной в Польше монографии «Миф – фольклор – литература: постановка вопроса в современном научном пространстве» (Вроцлав, 2015), принял участие в краевых мероприятиях, приуроченных к Году литературы, стал одним из самых интересных и увлечённых собеседников в цикле радиопе-

редач о фольклоре и литературных памятниках Забайкалья. Превозмогая болезнь, он до последних дней работал над вторым, дополненным изданием книги, которую считал своим главным научным трудом – монографией «Особенности композиции русских народных лирических песен».

В. С. Левашов воплощал лучшие качества русской интеллигенции: фундаментальная образованность и стремление к постоянному поиску, научная принципиальность, врождённое чувство такта и уважение к оппоненту, незыблемость нравственных позиций и терпимость к человеческим слабостям. Это сделало Виктора Степановича самым надёжным, мудрым, незаменимым для нас, его коллег. В общении с ним мы находили защиту и совет, поддержку и необходимое учительское наставление, жизненный опыт и радость беседы.

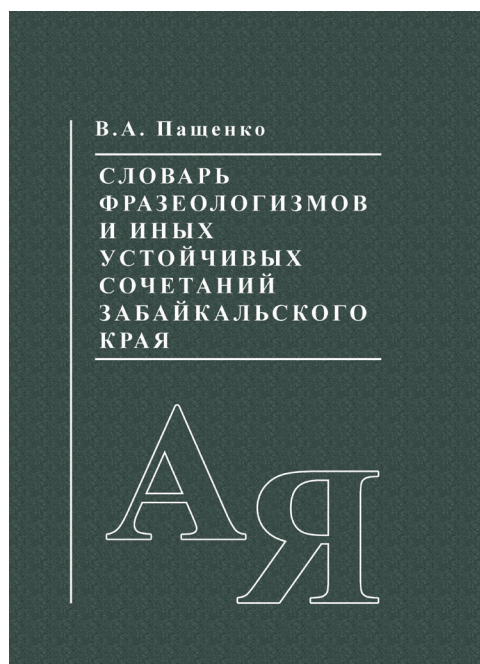
С уходом Виктора Степановича из жизни многие почувствовали себя осиротевшими. Но каждый из нас сохранит в душе и понесёт дальше по жизни свет и мудрость, которыми он успел поделиться с нами.

*Преподаватели кафедры литературы
факультета филологии
и массовых коммуникаций ЗабГУ*

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

NEW BOOKS

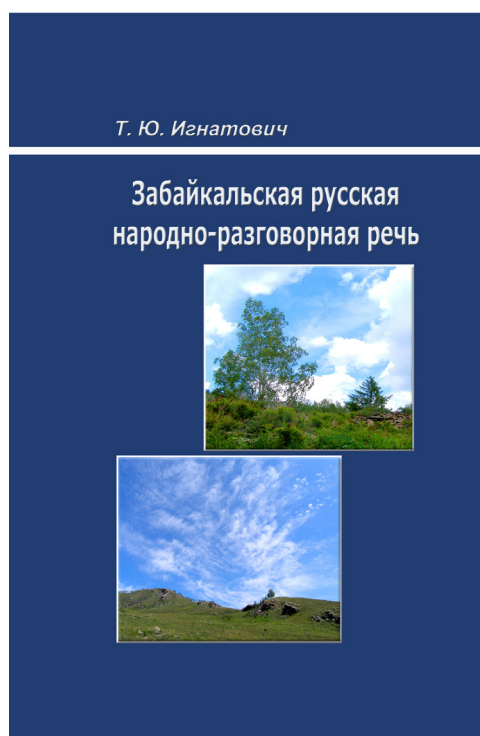

Пашенко, Вера Александровна

Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / В. А. Пашенко ; под науч. ред. Т. Ю. Игнатович ; Забайкал. гос. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 484 с. – ISBN 978-5-9293-1391-2

В Словарь включены фразеологизмы, пословицы, поговорки и иные устойчивые сочетания (около 3000 единиц), собранные автором и участниками студенческих экспедиций в течение 1977–2009 гг. в 122 населённых пунктах 29 районов Забайкальского края. В самих фразеологических единицах, а также в иллюстративном материале представлена диалектная лексика.

Словарь предназначен для филологов, этнографов, культурологов, историков, журналистов и широкого круга читателей, интересующихся языковой культурой русского этноса.

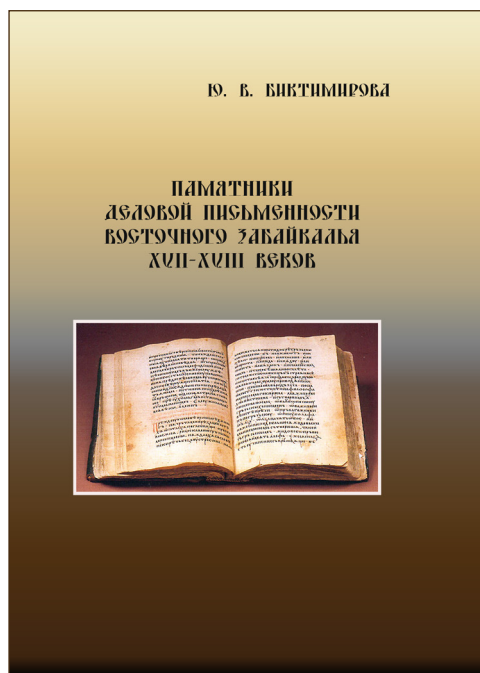
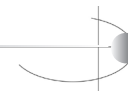

Игнатович, Татьяна Юрьевна

Забайкальская русская народно-разговорная речь : учеб. пособие / Т. Ю. Игнатович ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 176 с. – ISBN 978-5-9293-1438-4

Учебное пособие посвящено рассмотрению забайкальской русской народно-разговорной речи как объекта научного лингвистического описания. Пособие предназначено для учебно-методического обеспечения дисциплины «Исследование региональной народно-разговорной речи», изучаемой в рамках магистерской программы «Русский язык в различных сферах коммуникации» направления подготовки 45.04.01 (032700.68) *Филология*, также может использоваться при изучении вузовского курса «Русская диалектология», элективного курса «Лингвистическое краеведение» и других дисциплин лингвистического регионоведения.

Учебное издание предназначено для магистрантов, аспирантов и студентов филологических факультетов высших учебных заведений, преподавателей вузов, сузов и учителей-словесников.

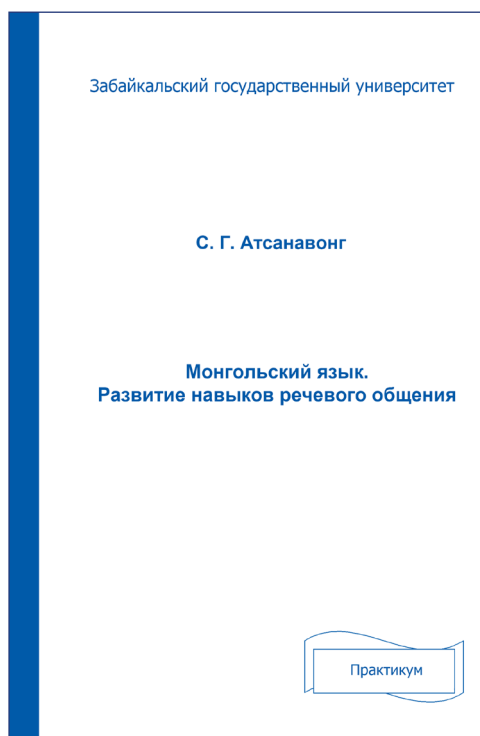
Биктимирова, Юлия Викторовна

Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков: учеб. пособие / Ю. В. Биктимирова; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 155 с. – ISBN 978-5-9293-1442-1

Учебное пособие является вспомогательным материалом к дисциплине «Лингвистическое краеведение и региональные памятники письменности», изучаемой в рамках магистерской программы «Русский язык в различных сферах коммуникации» направления подготовки 45.04.01 (032700.68) *Филология*, к обязательным дисциплинам филологического образования (бакалавриат), изучающим историю и развитие русского языка, таким как «Историческая грамматика», «Древнерусский язык», «История русского литературного языка», а также к дисциплинам по выбору – «Лингвистическое краеведение», «Палеографические особенности памятников Нерчинского делопроизводства XVII – первой половины XVIII в.», «Документоведение», «Деловой

русский язык» для студентов по направлению 44.03.05 *Педагогическое образование*, профиль «Русский язык и литература».

Материалы пособия могут быть использованы учителями-словесниками на уроках лингвистического краеведения и при подготовке учеников к филологическим олимпиадам и конференциям. Публикуемые памятники будут интересны краеведам и историкам, интересующимся историей Восточного Забайкалья.

Атсанавонг, Саяна Григорьевна

Монгольский язык. Развитие навыков речевого общения : практикум / С. Г. Атсанавонг ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2015. – 148 с. – ISBN 978-5-9293-1337-0

Практикум предназначен для студентов, обучающихся по направлению 45.03.02 *Лингвистика. Теория и практика межкультурной коммуникации*.

Представленные в практикуме задания ориентированы на освоение общеупотребительной лексики, развитие навыков устной и письменной речи, активное использование лексики в ситуациях межличностного общения.

Учебное издание адресовано студентам, для которых монгольский язык является основной специальностью, а также для лиц, углублённо изучающих данный язык самостоятельно.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
Статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указывается фамилия автора и название статьи.
2. Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.
3. Рецензия на статью, заверенная печатью и подписью.
4. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.
5. Личная карточка автора – сведения об авторе/авторах.

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/ основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада основного автора (1 предложение).

Город, страна (на русском и английском языках)

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес

Источники финансирования статьи (при их наличии) приводятся на русском и английском языках.

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники. В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 7 источников. Если в список входит литература на иностранном языке, она следует за литературой на русском языке.

Правила оформления статьи

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Arial, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи, предоставить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. На последней странице указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника. **Публицистика, архивы, справочные и законодательные материалы указываются после «Списка литературы» в разделе «Источники»**, нумерация продолжается (сквозная), либо выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация постраничная.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Объем цитирования в статье должен быть не более **30 %** от общего объема статьи.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать четкое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки представляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), даются со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по e-mail: zab-nauka@mail.ru. Заверенные печатью и подписью рецензия и отзыв научного руководителя (для аспирантов) отправляются по адресу:
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
Забайкальский государственный университет,
Редакция научных журналов (каб. 126).

Редактор О. Ю. Гапченко
Редактор перевода
В. М. Ерёмина
Дизайн обложки: А. А. Михалев
Вёрстка: М. Р. Коптелова

Managing editor O. Yu. Gapchenko
Editor of the English Translation:
V. M. Eremina
Cover design: A. A. Mikhalev
Make-up: M. R. Koptelova

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial».
Подписано в печать 30.11.2015.
Усл. печ. л. 21,2. Уч-изд. л. 18,9.
Заказ № 20815. Тираж 1000 экз.

Format 60×84 1/8. Offset paper
Headset «Arial».
Signed to print 30.11.2015.
Conv. quires 21,2. Ed.-print quires 18,9.
Order № 20815. Circulation 1000 copies.

ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

FSBEI HPE
“Transbaikal State University”
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.